

Г. ЭМАР

Г. ЭМАР

Scan Kreyder - 13.12.2017 - STERLITAMAK

Γ.ΘΜΑΡ

Г. ЭМАР

собрание сочинений
в двадцати пяти томах

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1994

Г. ЭМАР

собрание сочинений
в двадцати пяти томах

том шестнадцатый

Сакраменты

Гамбусино

МОСКВА
«ТЕРРА» - «TERRA»
1994

ББК 84.4Вл
Э54

Оформление художника
В. Чемякиной

Оригинал-макет подготовлен
Гуманитарным центром «ЭПРОР»

Эмар Г.
Э54   Собрание сочинений: В 25 т. Т. 16: Сакрамент;
Гамбусино: Романы / Пер. с фр. — М.: ТЕРРА,
1994. — 416 с.

ISBN 5-85255-400-6 (т. 16)
ISBN 5-85255-092-2

В настоящий том Собрания сочинений известного французско-го писателя Гюстава Эмара (1818—1883) вошли романы «Сакра-мента» и «Гамбусино».

Э $\frac{4703010100 - 246}{A30(03) - 94}$ Подписное

ББК 84.4Вл

ISBN 5-85255-400-6 (т. 16)
ISBN 5-85255-092-2

© Издательский центр
«ТЕРРА», 1994

Сакрамента

ГЛАВА I

Недоразумение

Путешественник европеец, который после продолжительной стоянки у острова Куба попадает, наконец, на рейд Веракрус — порта на побережье Мексиканского залива, испытывает чувство невыразимой тоски при виде невзрачного, совершенно лишенного зелени города, выросшего на песке среди болотистых лагун.

Когда же его взору предстают неказистые, мрачные, кое-как наспех сколоченные дома, всем своим видом отвергающие хоть какое-то подобие вкуса или причастность архитектора; узкие и кривые улицы, заваленные всевозможными отбросами, и эти отвратительные черные коршуны, на которых, видно, самой природой возложена забота о санитарном состоянии города, с пронзительным криком вырывающие друг у друга добычу буквально под ногами прохожих, то становятся понятными те ужасные опустошения, которые причиняет в этом несчастном городе черная оспа.

Поэтому иностранец даже с некоторым страхом, впрочем скорее инстинктивным, решается, наконец, ступить ногой в эту своего рода мрачную Иосафатову долину.

Выйдя из города и пройдя под жгучими лучами полуденного солнца около пяти миль по болотистой почве, покрытой низкорослым кустарником, достигаешь, наконец, истинно тропического рая с его величественными лесами. Здесь, под сенью густых деревьев, словно зябкая птица, притаилась деревушка Медельен, обязанная своим основанием дону Гонсало де Сандовалю, одному из соратников Кортеса. Во время эпидемий черной оспы, регулярно обрушивающихся на Веракрус, в Меде-

льене находят убежище и знатные граждане Тьерра-Калиенте.

Медельен — прелестный оазис среди унылой пустыни, окружающей Веракрус. Здесь все предусмотрено для желающих отдохнуть и повеселиться, а великолепный деревенский воздух возвращает здоровье больным, расстроенное слишком продолжительным пребыванием в злополучном городе Веракрус.

В одну из пятниц второй половины июня 1860 года между двумя и тремя часами пополудни, два типа весьма подозрительной наружности сидели друг против друга в одной из харчевен Медельена и, покуривая тонкие маисовые сигаретки, не спеша пили ананасовое вино. Эти подозрительные типы шепотом о чем-то разговаривали, то и дело воровато озираясь по сторонам, хотя в харчевне не было ни души и, следовательно, никто не мог их услышать.

Было время сиесты.

Медельен спал, изнемогая от полуденного зноя.

С неба изливался яркий свет, устилая землю солнечными бликами; раскаленный воздух застыл в неподвижности; все двери домов, за исключением харчевни, были закрыты. В тени деревьев и тут и здесь спали бродяги.

Царившую в деревне тишину нарушали лишь две лошади, привязанные к кольцу, вделанному в стену харчевни, они обмахивались хвостами и нетерпеливо перебирали ногами, отгоняя донимавших их слепней и moskitov.

Сидевший за конторкой хозяин харчевни тщетно боролся со сном; его голова раскачивалась из стороны в сторону, словно маятник.

Два типа, продолжавших все так же увлеченно о чем-то шептаться, были молоды; старшему из них нельзя было дать больше двадцати восьми-тридцати лет. Бронзовая кожа, угловатые черты лица, хитрые, пронзительные глаза позволяли принять их за чистокровных индейцев.

Они были одеты в костюмы, которые носят испокон веков коренные жители Кампани и прибрежных районов Веракрус. Одежда эта не только красива, но еще и удивительно живописна.

Соломенные шляпы с широкими полями, загнутыми вверх на затылке, и платком, ниспадающим на плечи и служащим для защиты от солнца; полотняные рубашки с жабо, стянутые на шее золотой застежкой и украшенные

множеством изящных пуговиц, шаровары из зеленого бу-
мажного бархата, открытые на коленях и ниспадающие
до половины икры, с широким поясом из красного шелка,
заменившим ремень. На железном кольце, через которое
пропущен пояс, висел мачете без ножен. На ногах ни у
одного, ни у другого обуви никакой не было. Рядом с ни-
ми, прямо на столе лежали свернутые плащи яркой рас-
цветки. Что же касается огнестрельного оружия, то у
каждого из них было по карабину, которые они держали
зажатыми между ног.

В то время, к которому относятся описываемые нами
события, Хуарес еще не был президентом Мексики. Его
власть ограничивалась Веракрус и окрестными городами,
постоянно подвергавшимися опустошительным набегам
шаек грабителей и мародеров под предводительством Ка-
равалья, Куэльяра и других начальников крупных отря-
дов, вызывавших жгучую ненависть местного населения.
Как ни странно, но бандитов и их подручных боялись да-
же приверженцы Хуареса, потому что они грабили всех
без разбора — не только врагов, но даже и союзников,
лишь бы представился удобный случай.

Войско Хуареса состояло главным образом из разбой-
ников с большой дороги — о каких-либо политических
убеждениях этих людей и говорить не приходится, их
прежде всего интересовал грабеж и возможность пожи-
виться за чужой счет.

Впрочем, Хуарес и сам прекрасно отдавал себе отчет в
нравственных качествах своего войска и поэтому запре-
щал им даже входить в Веракрус, который они, не колеб-
лясь, разграбили бы до основания. Вместо этого он
предоставил им полную свободу в Кампани, где бандиты
промышляли главным образом тем, что грабили путеше-
ственников, нападая на их караваны, а иногда, если ус-
пех сулил большую поживу, совершали набеги и на
гасиенды, отстоявшие на десять, а то и двадцать миль от
их лагеря.

Единственным законом была сила, бандиты чувстви-
ли себя полноправными хозяевами в этой части Америки
и без зазрения совести чинили разбой и жестокость.

Одинокое сидевшие сейчас в харчевне типы, при всей
экстравагантности их костюмов, видимо, принадлежали
к какой-нибудь банде, обретающейся в окрестностях Ве-
ракрус.

Между тем близился рассвет, шел четвертый час, и тут и там распахивались двери домов, на улицах появились первые прохожие — в Медельене постепенно пробуждалась жизнь.

— Черт побери и это свидание, и типа, который здесь его назначил! — воскликнул один из незнакомцев, стукнув так сильно прикладом своего карабина оземь, что хозяин харчевни вдруг очнулся ото сна и испуганно огляделся по сторонам.

— Потерпите немного, дружище, — примирительно сказал его спутник, — этого кабальера, по всей вероятности, что-нибудь задержало.

— Удивляюсь, как вы можете так равнодушно относиться к этому, Карнеро, — произнес первый, пожимая плечами. — Черт возьми, меня это просто бесит! И только поэтому я готов немедленно уйти отсюда!

— Это было бы чистым безумием, сеньор Педрозо, и, позвольте вам заметить, к тому же весьма неосмотрительно с точки зрения элементарной предосторожности.

— Я терпеть не могу сидеть вот так сложа руки. Ну если бы хоть можно было заняться каким-нибудь делом!

— Но чем здесь можно заняться? Партию в монте и то не сыграешь, — продолжал Карнеро улыбаясь. — Неинтересно, потому что мы оба блестящие игроки.

— Вы правы, — согласился дон Педрозо и продолжал: — От этого тепаче* меня уже тошнит, а пить мескаль** или рефино*** нельзя. Мы обязаны сохранять хладнокровие на тот случай, если...

— Тс! — перебил его Карнеро, поднося палец к губам. — Здесь и у стен есть уши.

— Это верно, дружище. Ну, тогда... придумайте что-нибудь.

— Я честно признаюсь в своей неспособности придумать что-нибудь... Я никогда не отличался изобретательностью... А, подождите, я придумал, чем нам можно заняться.

— Чем, дорогой друг? Говорите скорей!

— Если не имеет смысла играть нам с вами вдвоем, кто же мешает нам пригласить в свою компанию хозяина

---

* Тепаче — контрабандные спиртные напитки.

** Мескаль — крепкий алкогольный напиток из агавы.

*** Рефино — водка высшего качества.

харчевни? Он, по-видимому, скучает не меньше, если не больше, чем мы с вами... Он даже спит, бедняга, от скуки, ну а монте сразу прогонит сон прочь.

— Ну, что ж? — отозвался Педрозо с насмешливой улыбкой. — Совсем неплохая мысль... Но на что мы будем играть? Надо, чтобы игра представляла известный интерес.

— Давайте сначала поставим на карту стоимость того, что мы выпили, а потом... ну, да там видно будет.

Педрозо сделал движение, чтобы подняться.

— Подождите, — сказал Карнеро, удерживая его за руку. — Вон, кажется, идет еще один партнер.

Перед харчевней остановился всадник. После недолгого раздумья он спрыгнул на землю, привязал лошадь к кольцу в специально отведенном для этого месте и вошел в харчевню.

Незнакомец направился в ту сторону, где сидели наши друзья, небрежно кивнул им и занял место на противоположной стороне стола. Не теряя ни минуты, он принялся стучать кулаком по столу, желая таким образом привлечь внимание спящего хозяина.

Тот проснулся и, нехотя покинув свое место за стойкой, с недовольным видом подошел к незнакомцу.

— Ананасового вина! — не слишком любезно приказал незнакомец, — да поскорей, я спешу.

— На все нужно время, — проворчал хозяин, тем не менее отправился выполнять заказ. Поставив перед незнакомцем заказанное им ананасовое вино, он поспешил к стойке с очевидным намерением снова погрузиться в сон.

Между тем незнакомец, сделав вид, что не замечает нелюбезного обращения хозяина харчевни, залпом, как человек, страдающий жаждой, выпил один за другим два стакана вина. Затем он скрутил сигаретку, достал из кармана кремень в золотой, изящной работы оправе, высек огонь, закурил сигаретку и вскоре утонул в облаке голубоватого ароматного дыма.

Пока незнакомец пил вино и покуривал с видом человека, презирающего всех и вся, наши друзья украдкой тщательно следили за каждым его движением.

Незнакомцу было не более тридцати лет. Высокий, стройный, движения быстры и изящны. Высокий красивый лоб, нос прямой, живые черные глаза, тонкие нафаб-

ренные и тщательно завитые усы, словом, красивое, мужественное лицо свидетельствовало о решительном и безупречно честном характере.

На нем был изящный костюм, свидетельствовавший о том, что он житель или выходец из северных провинций: куртка и панталоны из синего сукна. Под курткой, отороченной золотым галуном и не застегнутой, виднелась тонкая вышитая батистовая рубашка и желтый шелковый галстук, концы которого были продеты в кольцо, украшенное крупным бриллиантом; панталоны на бедрах стягивал крепдешиновый пояс, украшенный золотой бахромой и двойным рядом искусно вычеканенных пуговиц; на ногах красовались так называемые ковбойские сапоги, стянутые под коленом затканной серебром подвязкой. К каблукам были прикреплены огромные мексиканские шпоры. Изукрашенная золотым пшуром манга* была небрежно накинута на плечи, а на голове красовалась щегольская соломенная шляпа. Длинная шпага с золотым, чеканной работы эфесом висела на правом боку, за поясом виднелись два шестиствольных револьвера, а из голенища правого сапога выглядывала рукоятка ножа.

С таким вооружением незнакомец мог вступить в битву с несколькими противниками одновременно и, оказавшись он захваченным врасплох, победа над ним недешево обошлась бы его врагам.

На его лошади была надета сбруя, украшенная серебром; с одной стороны седла было привязано лассо, с другой — карабин с золотой насечкой.

— Мне кажется, — прошептал дон Педрозо своему товарищу, — это чужестранец.

— Я думаю, он из центральных провинций, а не с побережья, как мы с вами, — отвечал последний тоже шепотом.

— Наверное, какой-нибудь богатый гасиендер из внутренних провинций, приехавший на медельенские празднества.

— А не выяснить ли нам это?

— Каким образом?

— Да просто-напросто спросить его.

Педрозо метнул взгляд в сторону чужестранца. Последний, по-видимому, не обращал на своих соседей ни малейшего внимания.

---

* Манга — плащ, похожий на чилийский пончо.

— Конечно, спросить бы его самого было превосходно, — продолжал Педрозо, но сам не знаю, почему этот чертов иностранец не внушает мне особого доверия.

— В каком смысле?

— Боюсь, что он не поймет чистоты наших намерений и рассердится.

— Это замечание, признаюсь вам, совершенно справедливо, дружище... дело и в самом деле очень щекотливое. Нас слишком мало, надо подождать.

— Да, подождем, — согласился Педрозо. — Впрочем, должен же он когда-нибудь покинуть харчевню, тогда посмотрим, как нам поступать. Вы не можете себе представить, как мне нравится его куртка!

— А мне-то как она нравится, если б вы только знали!.. Впрочем... вот что, дорогой друг. Я готов поклясться, что этот человек из числа партизан предателя Мирамона, а следовательно, враг отечества, и, значит, мы обязаны его арестовать.

— Да, но только не сейчас. Хотя вам и мне нельзя отказать в храбрости, но в настоящую минуту партия была бы слишком неравна.

Пока друзья рассуждали таким вот образом, незнакомец, по всей видимости, не обращал на них ни малейшего внимания, да и слышать того, о чем они говорят, тоже не мог: он откинулся назад и, прислонившись спиной к стене, опустил голову на грудь, закрыл глаза и, казалось, заснул.

Друзья умолкли и стали внимательно его разглядывать.

Через некоторое время дон Педрозо тихонько встал со своего места, прошел крадучись в противоположный конец зала и, сделав угрожающий знак хозяину харчевни, вероятно, означавший, что тот обязан соблюдать строжайший нейтралитет в предстоящей драме, на цыпочках приблизился к спящему незнакомцу.

Едва Педрозо поднялся со своего места, как Карнеро тотчас же последовал его примеру, но почему-то не пошел за своим товарищем, а направился к двери.

Негодяи понимали друг друга с одного взгляда. Надеясь на хорошую поживу, они быстро распределили обязанности.

Один должен был ограбить человека, другой — украсть его лошадь.

Эта смелая операция была великолепно ими спланирована.

Хозяин харчевни, этот молчаливый соучастник ограбления, с любопытством следил за действиями бандитов.

Карнеро уже достиг двери и взялся за повод, собираясь его обрезать. Тем временем Педрозо, склонившись над незнакомцем, осторожно нащупывал левой рукой карман его куртки, в то время как правая его рука с зажатым в ней длинным ножом была занесена над головой его жертвы, готовая в случае необходимости обрушиться на нее.

Ловкие пальцы Педрозо вскоре нащупали шелковый шнур туго набитого кошелька, и он стал осторожно тянуть его к себе.

И тут последовал поистине театральный трюк. Педрозо полуживой покатился на пол, а у самого уха Карнеро просвистела пуля, заставившая его броситься от страха на землю.

Чужестранец грозно стоял посреди залы с револьвером в каждой руке.

При таком неожиданном повороте событий, когда действующим лицам пришлось поменяться ролями, хозяин харчевни не мог сдержать охватившего его восторга.

— Отлично сыграно! — приветствовал он победителя, хлопая в ладоши.

Между тем Педрозо приподнялся с пола.

— Черт побери, кабальеро! — сказал он, видимо ничуть не смущенный происшедшим. — Вы, случаем, не припадочный? Ну, подумайте сами, возможно ли так обращаться с настоящим кабальеро.

— По всей вероятности, это произошло потому, — пришел Карнеро на помощь своему приятелю, — что вы видели дурной сон, дорогой сеньор. Но, так или иначе, полагается предупреждать, когда возникает желание отколоть подобный номер. Еще чуть-чуть, и я был бы мертв.

— А я, — жалобно проговорил Педрозо, — старался как можно осторожнее разбудить вас, чтобы не испугать.

— Вот и оказывай после этого людям услуги! — проговорили негодяи в один голос, картинно воздев руки и глаза к небу.

Незнакомец насмешливо улыбнулся.

— Значит, между нами произошло недоразумение, сеньоры? — спросил он.

— Самое настоящее, сеньор. Вы, наверное, и сами согласны с нами, — ответил за себя и за своего друга Педросо. — Вы сейчас узнаете, кабальеро, насколько вы ошиблись относительно наших намерений.

— Вашего слова мне вполне достаточно, сеньоры, — отвечал незнакомец с чрезвычайной вежливостью.

— Нет, нет, дайте мне все объяснить, — настаивал Педросо.

— В этом нет необходимости. Я сознаю, что поступил несправедливо, сеньоры, и прошу извинить меня, тем более, что, слава Богу! — с вами не случилось ничего дурного.

— Гм! — поспешил возразить один. — Вы так сильно сдавили мне горло, что я и сейчас с трудом дышу.

— Если бы вы выпустили пулю чуть ниже, я был бы мертв, — добавил другой.

— Я в отчаянии, сеньоры, что так непростительно ошибся на ваш счет, — продолжал незнакомец все тем же насмешливым тоном. — Но вы, надеюсь, перестанете сердиться на меня, когда узнаете, что я обычно живу на индейской границе, именно это и сделало меня не только осторожным сверх меры, но даже и подозрительным.

— Мы убедились в этом на собственном опыте, сеньор, — отвечал Педросо. — Но мы вполне удовлетворены вашим объяснением и считаем вопрос закрытым.

— Благодарю вас, кабальерос, а теперь, после того как мы пришли к согласию, позвольте мне предложить вам распить со мной бутылку каталинской водки, которую хозяин нам сейчас и подаст.

— Мы с радостью принимаем ваше любезное приглашение, кабальеро, — отвечал Педросо, — но вовсе не потому, что нам очень хочется выпить, а исключительно затем, чтобы доказать вам, что всякая неприязнь в наших сердцах погасла.

С этими словами друзья снова уселись перед незнакомцем, который, выслушав этот довольно-таки сомнительный комплимент, ограничился иронической улыбкой и велел хозяину харчевни подать бутылку водки, что последний, теперь уже окончательно проснувшийся, поспешил тотчас же исполнить.

Со стороны эта весело чокающаяся стаканами и дру-

желюбно беседующая троица производила странное впечатление, особенно, если учесть, что всего несколько минут назад двое из них предприняли попытку ограбить третьего.

Что же побуждало незнакомца делать вид, будто он принимает за чистую монету льстивые заверения двух негодяев?

Ответ на этот вопрос читатель получит в ходе дальнейшего чтения.

Договор

После того, как бутылка обошла компанию три или четыре раза по кругу, алкоголь не замедлил оказать свое действие, языки развязались и потекла беседа.

Но, как почти всегда бывает в подобных случаях, вместо того, чтобы выведать интересующие друзей сведения у незнакомца, они принялись рассказывать о себе. Незнакомец как бы ненароком подбрасывал им вопросы, делая при этом вид, что слушает их вполуха, а те не успели и заметить, как выболтали все свои тайны, но ничего не сумели проведать о человеке, которого так неудачно пытались ограбить. Короче говоря, вскоре незнакомец уже прекрасно знал, как ему следует относиться к этим субъектам.

Тут, между прочим, мы должны заметить, что в биографиях обоих друзей, к сожалению, не содержалось ничего достойного внимания.

Родом из индейского поселения племени ярохосов, они вынуждены были покинуть родные места, поскольку слишком часто пускали в ход ножи, и жить, как они говорили, разными средствами, то есть промышлять разбоем на больших дорогах. Они, конечно, не могли рассчитывать, что им удастся жить так вечно. Они понимали, что рано или поздно их ждет либо петля, либо пуля. Но, к счастью для них, между Мираном и Хуаресом вспыхнула война.

Друзья тотчас же почуяли легкую поживу и пристроились к отряду, грабившему караваны, а иногда даже и дилижансы, курсировавшие между Мексикой и Веракрус. Богатый предшествующий опыт в подобных делах сослужил им хорошую службу. Карваяль ценил их высокий

профессионализм, и они успешно продолжали свою плодотворную деятельность на поприще грабежей, но уже, так сказать, на законном основании: теперь они грабили будто бы врагов своей партии.

Вот, собственно, и вся биография достопочтенных сеньоров Педрозо и Карнеро. Незнакомец выслушал их рассказ внимательно и даже с некоторым интересом, и это, по-видимому, весьма польстило самолюбию бандитов.

Сеньор Педрозо пустил в ход все свое ораторское искусство и с присущим мексиканцам красноречием разворачивал перед незнакомцем картины их жизни, полной самых невероятных приключений.

Тут уместно отметить еще один любопытный факт, а именно: в Мексике все люди, к какому бы классу они ни принадлежали, изыскиваются изысканным, изящным языком. А поскольку по одежде тоже весьма трудно судить о принадлежности к тому или иному классу, то путешественнику европейцу бывает довольно трудно, если вообще возможно, узнать, какое положение в обществе занимают люди, с которыми ему приходится сталкиваться: будут ли это бродяги, торговцы, бандиты, генералы или ученые. Речь их одинаково изысканна, а манеры благородны. Вот почему превратности судьбы, столь привычные в Мексике, когда вчерашний корабельный маклер преобразается в полковника, а бедняк-пеон в миллионера-рудокопа, новоявленный любимец фортуны не испытывает ни малейшей неловкости или неудобства. Он мгновенно свыкается с новым положением и никогда не совершит ни одной из тех чудовищных оплошностей, которые с головой выдают наших европейских нуворишей.

Наполнив снова стаканы, незнакомец первый прервал молчание, наступившее было после исповеди друзей.

— Черт побери, сеньоры! — заговорил он добродушным тоном. — Если жизнь ваша и была полна трудностей, согласитесь, вам, по крайней мере, есть что вспомнить, и если теперь вы вынуждены отказаться от некоторых привычных занятий, то утешением вам должно служить почетное положение в обществе.

— Да, да, конечно, — поддакивал Карнеро, — к тому же положение весьма недурственное.

— За свое будущее мы можем быть покойны, — добавил Педрозо напыщенным тоном, залпом осушив содержимое стакана.

— Но как часто,— продолжал незнакомец, — счастливый поворот судьбы несет с собой огорчения.

— Огорчения?

— Бог мой, ну да. Теперь, когда вы имеете честь состоять на службе у его превосходительства дона Бенито Хуареса, лежащие на вас ответственные обязанности, наверное, поглощают все ваше время, и вы, конечно, уже не располагаете возможностью заниматься какими-либо другими делами, как это бывало прежде.

— Ваше замечание в высшей степени справедливо, кабальеро, — отвечал Педрозо чванливо, тем более, что мы пользуемся полным доверием у нашего знаменитого начальника полковника Карваяля.

— Это великий человек, — заметил незнакомец.

— Да, он отлично владеет партизанским ремеслом, — продолжал Педрозо. — Однако мы не настолько поглощены служебными обязанностями, чтобы вовсе не иметь свободного времени для своих личных дел.

— Хотя мы прежде всего блюдем интересы родины, — живо подхватил Карнеро, — мы отнюдь не склонны пренебрегать личными интересами.

— Истинная правда, сеньоры!— радостно воскликнул незнакомец.

— Клянемся честью, кабальеро,— продолжал Педрозо,— и в доказательство своих слов можем сообщить, что как раз сейчас мы ждем...

— Молчите, дорогой друг, — прервал его Карнеро. — Это не представляет интереса для кабальеро. И, кроме того, ему вполне достаточно того, что мы сказали.

— Совершенно верно, сеньор, можете в этом не сомневаться.

Трое мужчин приподнялись со своих мест и церемонно раскланялись.

Незнакомец заказал еще бутылку водки.

Когда стаканы были наполнены снова, незнакомец перегнулся через стол и, бросив подозрительный взгляд по сторонам, сказал:

— Ну, а теперь потолкуем.

— Что ж, потолкуем, — отвечали друзья.

— Беседа изощряет ум, — многозначительно изрек Педрозо.

Незнакомец улыбнулся.

— Вы любите деньги?

— Мы предпочитаем чистое золото, — ответили друзья как по команде.

— В таком случае мы сможем столкнуться.

Друзья обменялись взглядом.

— Весьма вероятно.

— Если бы вам представился случай без особых трудов заработать много золота и к тому же за короткий срок, вы согласились бы?

— Разумеется... — поспешно ответил Карнеро.

— Простите, что я вас перебиваю, — вмешался Педрозо, — но давайте во избежание недоразумений сначала как следует уясним, что вы понимаете под словами «много золота»?

— Кругленькую сумму.

— Какую именно? Десять пиастров, сто пиастров, пятьсот пиастров — какую сумму вы имеете в виду? Вам следовало бы назвать точную сумму.

— Мне нравится ваш деловой подход, кабальеро!

— Мы всегда безукоризненно выполняем принятые на себя обязанности, кабальеро. А поэтому желаем выяснить суть вашего предложения во всех подробностях.

— Мне доставляет удовольствие иметь дело с такими обстоятельными людьми, сеньоры. Итак, я буду выражаться по возможности точнее, чтобы удовлетворить ваше вполне справедливое любопытство. Под кругленькой суммой я имею в виду тысячу унций золотом, или семнадцать тысяч пиастров.

— О! О! — вскричали они, видимо удивленные столь значительной суммой. — Тысячу унций на двоих!

— Никак нет, по тысяче унций на каждого.

У друзей закружилась голова от радости, они недоверчиво посмотрели на незнакомца, но тот только улыбнулся.

— Ну, тогда, — сказал Педрозо, проводя рукой по вспотевшему лбу, — надо точно договориться. Ведь вы это серьезно сказали, не правда ли?

— Я говорю совершенно серьезно.

— Вы в самом деле обещаете дать каждому из нас по тысяче унций золотом?

— Да, именно так, по тысяче унций.

— Ну, в таком случае будем играть в открытую, кабальеро.

— Я, со своей стороны, ничего лучшего и не желаю.

— Я первый подам вам пример откровенности.

— Прошу вас.

— Вы конечно же прекрасно поняли, что мы намеревались вас обокрасть?

— Разумеется, сеньор, и добавлю, если это способно доставить вам удовольствие, что я был просто в восторге от того, как ловко вы все это придумали.

— Вы меня смущаете, кабальеро,— скромно заметил Педрозо, — но, пожалуйста, вернемся к нашему делу.

— Хорошо. Потрудитесь продолжать, я вас слушаю.

— Итак, благодаря только что упомянутому обстоятельству и по нашим рассказам о себе, у вас должно сложиться ясное представление о том, что мы собой представляем.

— Да.

— Итак, вы знаете, что мы готовы срезать^{*} первого встречного за сто пиастров, а в случае надобности даже и за меньшую сумму.

— Я в этом убежден, сеньоры.

— Чем же объяснить, скажите, пожалуйста, что, зная всю нашу подноготную, вы предлагаете нам такую баснословную сумму?

— Это моя тайна, сеньоры. Считайте, если вам угодно, что, назначая вам такую высокую плату, я обеспечиваю себе право распоряжаться вами по своему усмотрению, без опасения встретить с вашей стороны какие-либо нарекания или непослушание. Итак, теперь осталось только подтверждение вашего согласия на мои условия.

— Об этом и говорить нечего, мы согласны на все ваши условия. Но нас смущает одна вещь.

— А именно? Говорите, в чем дело?

— Каким образом будет выплачена установленная вами сумма, кабальеро? Пожалуйста, не подумайте ничего дурного, но мы не имеем чести быть знакомыми с вами, мы не знаем, кто вы такой... дело есть дело... Для того чтобы выбросить вот так две тысячи унций ради каприза или из желания кому-то отомстить, надо быть безмерно богатым... В наше время деньги ценятся очень дорого. Мы встретились с вами совершенно случайно, и коль скоро вступаем в деловые отношения, которые, может быть, не замедлят перерасти в довольно интимные, признаюсь, кабальеро, нам было бы желательно узнать и все детали

---

^{*} Срезать — на местном жаргоне означает убить.

этого дела, то есть быть уверенными, что мы будем вознаграждены сполна.

— Сеньор Педрозо, вы рассуждаете очень логично, я не могу возразить ни против единого вашего слова, могу только добавить, что уверенность, которую вы желали бы иметь, вы получите немедленно, но прежде позвольте изложить вам мои условия... Само собою разумеется, что вы вправе отклонить их, если они придутся вам не по нраву.

— Говорите, кабальеро, мы вас слушаем.

— Условия эти следующие: вы должны беспрекословно выполнять все мои приказания, каковы бы они ни были; эти приказания будут передаваться вам на словах моим доверенным человеком, которого вы узнаете по кольцу на его галстук. Если нам с вами случится где-нибудь встретиться, вы не должны ни вступать со мной в разговор, ни даже кланяться, если я сам не сделаю этого. Каждый раз, когда мне понадобятся ваши услуги, вы будете получать по двадцать пять унций. Обещанные две тысячи будут выплачены вам, когда я перестану в вас нуждаться. Теперь отвечайте, согласны вы или нет?..

— Мы согласны, кабальеро, — отвечали друзья. — Постарайтесь показать нам кольцо.

— Вот оно, — сказал незнакомец, указывая на кольцо, стягивавшее его галстук.

— Хорошо, — продолжал Педрозо, — мы его узнаем, будьте покойны, сеньор.

Незнакомец пошарил в кармане куртки и вытащил тот самый кошелек, который Педрозо пытался у него украсть, и выбросил на стол несколько унций.

Друзья следили за его действиями алчными глазами.

Разложив золото на две кучки, незнакомец сказал:

— Берите, здесь по двадцать пять унций на каждого. Это задаток.

Друзья схватили золото и спрятали его с быстротою и ловкостью, заставившие незнакомца улыбнуться.

— Теперь, — добавил он, вынимая из мешочка, висевшего у него на шее на стальной цепочке, половину французской золотой монеты, — вот эту монету вы отнесете в Веракрус и отдадите богатому английскому банкиру Лизарди.

— О, мы его очень хорошо знаем! — вскричал Педрозо.

— Тем лучше. Вы попросите позволения переговорить

с ним и вручите ему эту монету. При этом банкир скажет, что отсчитает вам условленную сумму, как только доставите ему другую половину. Этой гарантии вам достаточно?

— Конечно, кабальеро, — отвечали друзья, вежливо кланяясь.

— Как видите, вторую половину монеты я оставлю у себя. Но, сеньоры, со мной можно вести только честную игру. Если вам вздумается совершить предательство, вас настигнет моя пуля.

— О! Как вам могла прийти на ум такая мысль, сеньор! Зачем вам понадобилось грозить нам? Разве мы не согласились на все ваши условия?

— Это не угроза, а простое предупреждение. Я уже доказал вам свою силу и ловкость. Не забывайте этого!

— Карай! Мы вам этого никогда не забудем.

— Извините, сеньор, — сказал Карнеро, — еще одно слово, прошу вас.

— Я слушаю.

— Есть один пункт, который вы, кажется, забыли.

— Какой?

— Ваша милость, вы не потребовали от нас никаких гарантий.

Незнакомец засмеялся и, презрительно пожав плечами, сказал:

— Я верю вам на слово. Разве вы не кабальерос? Впрочем, откровенность за откровенность. Меня привел сюда вовсе не случай, я приехал специально, зная наперед, что встречу вас здесь... Хотя вы и не знаете, кто я такой, зато я давно уже вас знаю. И если я заставил вас рассказать вашу биографию, так только затем, чтобы увидеть, станете вы меня обманывать или нет... Мне приятно засвидетельствовать, что вам это даже и в голову не пришло. А теперь хорошенько запомните следующее: если я пожелаю от вас отделаться, то как бы надежно вы ни укрылись, даже если окажетесь в окружении двадцатитысячной толпы, вам ни при каких обстоятельствах не удастся избежать моего возмездия.

Затем незнакомец подозвал хозяина харчевни и дал ему несколько пиастров.

— Сеньоры, — добавил он, — настало время нам расстаться, не забывайте же нашего договора и рассчитывайте на меня, как я рассчитываю на вас. Прощайте.

И, поднеся руку к шляпе, незнакомец покинул харчевню.

Друзья разинув рот смотрели ему вслед.

Незнакомец между тем отвязал лошадь, вскочил в седло и умчался галопом.

В ту минуту, когда он достиг угла квартала, навстречу ему выехал всадник, летевший во весь опор.

Незнакомец поспешно нахлобучил на глаза шляпу и, вонзив шпоры в бока своей лошади, прошептал:

— Черт возьми! Я чуть было не попался!

Друзья-разбойники снова заняли места за столом, за которым только что беседовали с незнакомцем.

— Ну, компадре, — спросил Канеро у своего приятеля, — что вы думаете обо всем этом?

— Я ровно тут ничего не понимаю, дружище, — жалобно процедил Педрозо. — Если этот человек не сам черт, то, должно быть, приходится ему ближайшим родственником. Боюсь, что он слишком хорошо нас знает.

— Узнать человека как следует очень и очень трудно, дорогой друг, и доказательством этому может служить то, что мы заключили сейчас выгодную сделку исключительно благодаря нашей дурной репутации.

— Да, все так, но признаюсь, что эта сделка, хотя и блестящая, сильно меня беспокоит... Не иначе, как этот тип преследует какую-то темную цель...

— Это ясно как божий день, так что к колдуну обращаться нет никакой необходимости... Ну, а нам-то какое до этого дело?! Мы ведь всего-навсего исполнители, поэтому, что бы ни случилось, честь наша останется незапятнанной, а совесть совершенно спокойной.

— Это большое утешение для нас, дорогой друг... Ну, а теперь потолкуем о другом... Как вы думаете, надо нам говорить об этом дону Ремиго?

— Боже сохрани! Ни под каким видом! Неужели вы уже успели забыть, что он сказал нам на прощание? Боже милостивый, да за такую болтливость можно поплатиться жизнью!..

Педрозо печально покачал головой и опорожнил очередную стакан.

— Подумать только, двадцать пять унций у меня в кармане! — сказал он, ставя пустой стакан на стол. — А что будет дальше, посмотрим!

В эту минуту перед харчевней остановился всадник.

— Вот и дон Ремиго! — воскликнул Карнеро.

— Наконец-то! — сказал Педрозо, вставая.

Всадник, не сходя на землю, крикнул:

— Эй! Педрозо! Карнеро!

— Мы здесь, ваша милость! — дружно ответили друзья.

— Садитесь скорее на лошадей, время не терпит!

Бандиты поспешно покинули харчевню, забыв расплатиться с хозяином.

Но тот не посмел даже и заикнуться о плате: он слишком хорошо знал, кто такие были эти два типа, удостоившие своим посещением его харчевню.

— Счастливого пути, и пусть черт свернет вам шею! — сказал он, когда гости не могли уже его слышать. — Хорошо еще, что первый заплатил за всех, добавил он в виде утешения самому себе. — Ну, а если бы и не заплатил, я все равно не стал бы затевать ссоры с этими негодями.

И он ворча удалился опять за свою конторку.

Дядя и племянник

Незнакомец, глубоко задумавшись, медленно удалялся от харчевни. Случайная встреча со всадником, которого разбойники называли доном Ремиго, по-видимому, произвела на него неприятное впечатление.

А между тем в наружности дона Ремиго — таково было настоящее имя этого субъекта — не было ничего такого, чем можно было бы до некоторой степени объяснить неприязненную реакцию незнакомца. Это был молодой человек лет двадцати шести, изящного сложения; строгие черты, черные глаза и гордо закрученные вверх усы придавали его лицу выражение решительности и доброжелательства; его костюм, полувойенный, полуштатский, тоже, казалось бы, не должен вызывать чувства антипатии к его обладателю, особенно, если учесть, что в ту пору в Мексике свирепствовала междоусобная война.

Судя по тому, каким взглядом незнакомец окинул встретившегося ему всадника, можно было с уверенностью сказать, что эти двое молодых мужчин питают один к другому глубокую ненависть — явление, впрочем, широко распространенное в этих странах, где солнце раскаляет кровь и стремительно гонит ее по жилам.

Со временем мы узнаем кое-какие подробности, объясняющие причину их враждебности, сейчас же ограничимся замечанием, что до встречи с доном Ремиго по лицу незнакомца блуждала насмешливая улыбка.

Не замечая любопытных взглядов, которыми провожали его попадавшие навстречу бродяги и прочий люд, незнакомец спокойно продолжал свой путь и, достигнув леса, углубился по узкой тропинке в самую чащу.

Тропинка пролежала вдоль извилистого берега реки, шагах в ста от воды. Чем дальше он ехал, тем медленнее становилась поступь его лошади, и, наконец, она пошла вообще размеренным шагом.

Не доезжая приблизительно с четверть мили до Медельена, всадник заметил между деревьями прелестный домик, укрытый в благоухающей рощице в окружении живой изгороди тропических кактусов.

Подъехав почти вплотную к этой изгороди, всадник остановился и с любопытством потянулся вперед, желая заглянуть через нее, но тотчас поспешно отпрянул назад и вместо того, чтобы продолжать свой путь, остановился, завороженный нежными голосами двух молодых девушек, певших старинный испанский романс, аккомпанируя себе на ярабэ:

Что это значит мой щегленок?
Ты опять летаешь к моим окнам!
А я уже думала, что ты
Соединился со своей возлюбленной!

Когда голоса девушек смолкли, одна из них весело расхохоталась.

— Чему это ты смеешься, Жезюита? — спросила ее подруга, перестав играть на ярабэ.

— А вот чему, дорогая моя Сакрамент, — отвечала насмешливая Жезюита, указывая рукой в ту сторону, где стоял всадник, который с наивностью влюбленных всех времен и народов воображал, что его присутствия никто не замечает. — Вон щегленок твоего романса, который не летает перед твоими окнами, но зато вздыхает за изгородью твоего дома.

Сакрамент покраснела и быстро повернула голову. А всадник, присутствие которого обнаружилось так неожиданно для него, изобразил такую жалобную гримасу, что девушек снова обуял безудержный хохот.

— Девушки! — донесся из дома мужской голос. — Скажите мне, пожалуйста, чему это вы так весело смеетесь? Дайте и мне возможность посмеяться вместе с вами.

Веселый смех в ту же минуту застыл на устах девушек.

Дона Сакрамент приложила палец к губам, тем самым прося незнакомца не выдать себя неосторожно произнесенным словом, а дона Жезюита полушепотом сказала:

— Уходите скорее, дон Мигуэль, сюда идет наш отец.

Всадник исчез за изгородью, а минуту спустя уже снова послышался лошадиный топот; пеон поспешил отворить ворота, и дон Мигуэль въехал во двор с противоположной стороны.

— О, — проговорил пеон, — дон Мигуэль де Сетина! Как будет рад мой господин. Он как раз вспоминал о вас всего лишь два дня тому назад... Мой племянник, должно быть никогда не приедет! — говорил он в дурном расположении духа сеньоритам, своим дочкам.

— Ну, а я как раз и приехал, Жозе!.. Доложи обо мне дяде, пока я отведу лошадь в загон. Надеюсь, дон Гутьерре здоров?

— Совершенно здоров, ваша милость. О! Он будет очень доволен вашему приезду.

— В таком случае надо поскорее обрадовать его, поди и доложи ему обо мне.

— Бегу, ваша милость, бегу.

С этими словами пеон быстро удалился.

Дон Мигуэль де Сетина — мы теперь смело можем открыть имя незнакомца, коль скоро пеон так назвал его, — занялся расседлыванием своей лошади и устройством ее в загоне. Однако делал он это так медленно и как бы нехотя, так что всякому становилось очевидным: молодой человек по каким-то непонятным причинам старался, насколько возможно, оттянуть момент появления перед юными девушками, которые так весело потешались над ним всего несколько минут тому назад.

Молодой человек уже добрую четверть часа не столько занимался лошадью, сколько предавался размышлениям, когда заметил пеона, шедшего впереди своего господина.

Дон Гутьерре был человек лет около пятидесяти, прекрасно сохранившийся, хотя волосы его и начали уже седеть на висках. Черты его лица были довольно красивы, хотя и несколько строги; его глаза испытующе глядели на собеседника, словно стараясь проникнуть в его душу, в то время как на губах блуждала усмешка. Держался он с достоинством, говорил отрывисто, а иногда даже слегка грубовато. В общем же, это был человек добрый и достаточно любезный, верный дружбе и, что заслуживает особого упоминания, безупречно честный.

Дон Гутьерре де Леон и Планиллас (таков был его полный титул) принадлежал к старинному галльскому роду.

Он покинул Испанию, будучи совсем молодым, и поселился в Мексике, где в продолжение долгих лет занимался разработкой рудников. Дон Мигуэль де Сетина приходился ему племянником. Он был сыном его старшей сестры, которая переехала в Америку со своим мужем почти одновременно с доном Гутьерре.

Старик, едва завидев племянника, уже издали начал кричать на него:

— Какого черта вы делаете здесь во дворе, дон Мигуэль? Почему вы не зашли в дом? Уж не воображаете ли вы, что у меня нет прислуги и некому заняться вашей лошастью?.. Или, может быть, вы успели заделаться конюхом, после того как я имел удовольствие в последний раз видиться с вами?

Дон Мигуэль, как читатель имел уже возможность убедиться, был человеком не робкого десятка, и запугать его было нелегко, а между тем, как только он въехал во двор дядюшкиной усадьбы, его словно подменили: он бледнел, краснел, бормотал какую-то несусразицу и вообще казался человеком, не умеющим себя держать.

— Извините меня, дядюшка, — сказал он наконец, — но я только что проделал огромный путь на Негро, а поскольку я очень дорожу этой лошастью, я не рискнул доверить кому-либо другому обтереть ее соломой... Ну вот, теперь все в порядке. Жозе, можете пустить Негро в загон.

— Ну, это еще ничего, — продолжал дон Гутьерре, пожимая плечами, а затем, обращаясь к пеону, сказал: — А ты, ротозей, смотри, не вздумай, Боже тебя сохрани, давать Негро мокрую люцерну... Помни, что другой такой лошади не сыскать.

После этого строгого наставления пеону дон Гутьерре опять обратился к дону Мигуэлю.

— Когда вы вернулись?

— Я только сегодня вернулся, дядюшка.

— И вы явились прямо сюда? Это очень мило с вашей стороны, племянник.

— Извините, дядюшка, но я не знал, что вы уже в Медельене, я думал, что вы все еще в Веракрус, и сначала отправился туда.

— Все что ни делается, все к лучшему, вы пробудете здесь несколько дней. Это решено.

— Но дядюшка...

— Я не допускаю никаких возражений, дон Мигуэль, я

ваш дядя, и вы должны повиноваться мне. Кроме того, нам надо будет заняться еще кое-какими делами... затем предстоят праздники, словом, вы остаетесь.

— Хорошо, я останусь, дядюшка, раз вы этого желаете.

— Вот таким я вас люблю. Ах да, кстати, не говорите о делах при детях, это не должно их касаться... ну, а теперь идите поздоровайтесь с вашими кузинами, вы их не видели почти целый год.

Дон Гутьерре на правах старшего взял племянника под руку и вошел с ним в сад.

Никакая кисть не способна передать очарование мексиканского сада. Там сами по себе под открытым небом растут деревья, которые у нас выращиваются в оранжереях и, несмотря на самый тщательный уход, чахнут, вырождаясь в низкорослые кустарники и деревца. Мексиканские сады это сплошные заросли ликвидамбра, стираксов, бананов, лимонных и померанцевых деревьев, кактусов всех видов, усыпанных цветами и плодами и образующих на высоте десяти-пятнадцати метров непроницаемые для жгучих солнечных лучей зеленые своды, служащие убежищем тысячам птиц разнообразных цветов и оттенков, с веселым щебетанием порхающих с дерева на дерево.

Под сенью густой беседки из померанцев, гуавы и олеандров две восхитительные девушки лет пятнадцати-шестнадцати занимались вышиванием с таким сосредоточенным видом, нарочитость которого не могла укрыться от взгляда стороннего наблюдателя.

Эти молодые особы были дочери дона Гутьерре, старшая дона Сакраменты и младшая дона Жезюита.

Делая вид, что они поглощены работой, девушки тем не менее внимательно следили за направлявшимися к ним доном Мигуэлем и их отцом и шепотом переговаривались, обмениваясь при этом насмешливыми улыбками.

Дона Сакраменты, высокая и стройная брюнетка, отличалась строгой, величественной грацией. Дона Жезюита, наоборот, была белокура, миниатюрна и вся — само движение, порыв. По странной случайности, что, впрочем, их только украшало, у брюнетки Сакраменты глаза были голубые, как лазурь, а у белокурой Жезюиты — матовые черные.

Только тогда, когда дон Гутьерре и его племянник подошли почти к самой беседке, девушки сделали вид, что

их заметили. Они вдруг вскочили с места и поспешили навстречу мужчинам с возгласами удивления.

— Девочки, — сказал дон Гутьерре, — я привел к вам вашего кузена, дона Мигуэля... он проведет с нами несколько дней... я передаю его в ваши руки, чтобы вы хорошенько его побрали за то, что он так долго не был у нас.

— Мы с удовольствием сделаем это, отец, — сказала Сакрамента и сразу же обратилась к молодому человеку: — Фи, сеньор, как нехорошо с вашей стороны забывать своих близких родственников.

— Бедный молодой человек, — томно заметила Жезюзита, — может быть, его удерживали какие-нибудь дела, и он не так уж виноват.

— Сеньориты, — отвечал дон Мигуэль, почтительно кланяясь, — я готов безропотно покориться вашему приговору, но смею надеяться, что вы не осудите меня, не выслушав моих объяснений.

— Ну нет. Этого-то вы ему ни в коем случае не позволяйте, — смеясь, сказал дон Гутьерре. — Если вы позволите ему объясниться, то он наговорит вам такого, что вам волей-неволей придется его простить.

— Вы жестоки ко мне, дядюшка, — улыбаясь, отвечал молодой человек, — но я уповаю на беспристрастную справедливость моих прелестных кузин и совершенно спокойно отдаю свою судьбу в их руки.

— Не рассчитывайте на это, кузен, все ваши комплименты и хитроумные уловки вам не помогут. Предупреждаю, мы будем судить строго, — сказала Сакрамента, грозя ему пальчиком.

— Я буду защищать вас, кузен, — вмешалась Жезюзита.

— Ах! Сестра! Как же так?.. Ты меня покидаешь!.. Что же я могу сделать одна?

— Вы должны простить меня, даже если я и виноват, кузина, потому что, как бы ни была велика моя вина, ее превосходит мое почтение и восторг перед вами.

— Ну вот, — проговорила она улыбаясь, — вот я и обезоружена с самого начала? Молчите, сеньор, я не хочу вас слушать, я страшно зла на вас.

— Не помогите ли вы мне, дядюшка? Не сжалитесь ли вы над моим бедственным положением?

— Нет, нет, разбирайтесь сами, как знаете, это меня не касается, я не стану вмешиваться ни за что на свете.

— Ну, кузен, тогда я вас не покину, — сказала Жезю-зита, — я буду защищать вас перед сестрой, тем более, что она сгорает от желания вас простить.

— Неужели это правда? — вскричал молодой человек, невольно обнаруживая охватившую его радость.

Девушка бросила на него загадочный взгляд и, опустив голову и краснея, дрожащим голосом проговорила:

— Все это была лишь шутка. Вы знаете, кузен, что мы не просто рады, мы счастливы видеть вас.

— О! Благодарю вас, кузина, — сказал молодой человек с волнением.

— Вы не можете себе представить, как мне приятно слышать эти слова из ваших уст.

— Ну, ну, — проговорил дон Гутьерре, — раз мир восстановлен, нам теперь здесь нечего делать... Пускай сеньориты продолжают заниматься вышиванием, а мы пойдем немного потолкуем о наших делах. Потом будет еще время для болтовни.

Молодежь, по всей вероятности, предпочла бы не расставаться и поболтать еще немного, но им пришлось повиноваться. Девушки снова взялись за вышивание, а дон Мигуэль, почтительно поклонившись им, последовал за доном Гутьерре.

Дон Гутьерре повел своего племянника в кабинет, выходящий в сад, плотно прикрыв за собою дверь, дон Гутьерре уселся в кресло-качалку, пригласив дону Мигуэля располагаться в таком же кресле напротив него и предложил освежиться лимонадом или вином, стоявшим на столе посреди комнаты.

Затем дон Гутьерре уже совсем другим тоном заговорил о делах.

— Ну, какие вы привезли новости? Что вам удалось сделать? Вы ведь знаете, племянник, как необходимо нам, наконец, что-нибудь предпринять... Ну, говорите же скорее, умоляю вас!

— Как я и говорил вам раньше, дорогой дядюшка, — отвечал молодой человек, взяв со стола сигарету и закуривая ее, — я приехал только сегодня утром и поэтому был не в состоянии и выяснить, что тут у нас делается...

— Дела идут все хуже и хуже, племянник, — перебил его дон Гутьерре. — Теперь никто уже больше не может считать себя в безопасности... Мы все во власти бандитов, которые требуют с нас деньги по всякому поводу, а то и

вовсе без повода, просто потому, что им так нравится... Честь наших семейств, даже сама наша жизнь для них ничто... Всем нам грозит опасность... Что же касается нас, испанцев, выходцев из Европы, то наше положение хуже всех остальных... Все мы, за редким исключением, трудолюбивы и работающи, а следовательно, и богаты. Негодяи, стоящие у власти в Веракрус, всячески пытаются возбудить против нас население страны... Они вооружаются для борьбы против нас всех... Бандиты — самая невинная кличка из тех, которыми они нас награждают. Им мало того, что они постоянно нас грабят и разоряют, нет, они еще убивают нас даже среди бела дня, на глазах восторженной толпы... Мои склады и магазины в Веракрус разрушены и разграблены, моя гасиенда в Керро-Прието сожжена дотла... Я пребываю в постоянном страхе, того и гляди, меня арестуют и расстреляют без всякого к тому повода и даже без суда. Вот какое мы теперь переживаем время, племянник! Как это вам нравится?

— Увы! Дядюшка, картина, которую вы мне нарисовали, ужасна.

— Я рассказал вам еще далеко не все, поверьте.

— К несчастью, дядюшка, в центральных провинциях положение не лучше. Только на Тихоокеанском побережье, достаточно далеко отстоящем от театра военных действий, царит относительное спокойствие... Под гнетом междоусобных неурядиц стонут Орисаба, Пуэбла и даже Мехико, несмотря на пребывание там Мирамона и все предпринимаемые этим достойным генералом усилия обуздать анархию. Подонки общества, как пена, всплыли на поверхность. Это война дикарей, борьба варваров с цивилизацией, борьба, в которой, если она продолжится, померкнет луч света, озарявшего эту несчастную страну. Везде только и разговоров про грабежи да убийства, и никто этому не удивляется, все считают это чуть ли не вполне заурядным явлением... Представители иностранных государств не в состоянии защитить проживающих в Мехико своих подданных от насилия, а испанский посланник, лишь несколько дней назад прибывший в нашу страну, уже успел прийти в полное отчаяние...

— Значит, повсюду, на всей территории государства, царит та же анархия?

— Да, дядюшка, везде.

— Теперь скажите мне, что вы думаете делать?

— Как вы знаете, дядюшка, большая часть поместий моего отца находится на территории Колима и в штате Монора. Поэтому мой отец поручил мне предложить вам от его имени следующее. Вам нечего и помышлять о том, чтобы сесть на корабль на побережье Атлантического океана. Это вам не удастся ни при каких обстоятельствах: слишком много глаз следят за вами.

— Я и сам это знаю... Но могу ли я рискнуть пройти через всю территорию республики со слабыми и беззащитными юными девушками, когда на каждом шагу нам будет грозить опасность нападения какой-нибудь разбойничьей банды.

— А между тем, дядюшка, только тут еще и можно надеяться на спасение... Впрочем, если и может грозить вам опасность, то только на отрезке пути от Медельена до Мехико, который преодолеть благополучно действительно трудно... Тут будет приблизительно восемьдесят миль с небольшим, и вам потребуется самое большее десять дней.. В Мехико вас встретят человек двадцать надежных пеонов моего отца, которые должны сопровождать вас до Гермозильо, а оттуда в Гваямас, где специально нанятое отцом французское судно ждет вашего прибытия, чтобы доставить вас к нам... Все состояние моего отца и переданные ему ваши деньги уже находятся в безопасности на этом корабле.

— Но подумайте только, племянник, восемьдесят миль, которые нам предстоит преодолеть, — не шутка, и если мужчина, хотя и с трудом, способен совершить такое, то для двух юных девушек оно практически невозможно.

— Дорогой дядюшка, не забывайте, что речь как раз идет не о вашем спасении, но о спасении ваших дочерей... Каждый потерянный час, даже минута, приближает вас к ужасной катастрофе! Мы с отцом долго обсуждали ваше положение и ничего лучшего придумать не могли... Вы, разумеется, тоже понимали, что рано или поздно вам придется искать спасения в бегстве и, надеюсь, приняли соответствующие меры на этот счет?

— Конечно, я запасся мулами, лошадьми, оружием и, кроме того, нанял человек десять, на которых, как мне кажется, я могу положиться и которые ждут только моего решения.

— Хорошо. Я со своей стороны тоже принял некоторые

меры и, кроме того, у меня есть надежный проводник, француз, который вот уже целых двадцать лет живет в Америке и исходил ее вдоль и поперек. Он заверил меня, что проведет нас по таким тропинкам, которые известны только ему одному.

— Восемьдесят миль... — прошептал дон Гутьерре.

— Обдумайте все как следует, принимайте решение, дядюшка, я буду ждать ваших приказаний, чтобы начать действовать. Но только, прошу вас, не мешкайте слишком долго в интересах ваших очаровательных дочек. Знает ли кто-нибудь, что вы перебрались сюда?

— Деголладо, которому я не раз оказывал солидные услуги, посоветовал мне поселиться в Медельене, обещая предупредить меня, как только мне будет грозить какая-нибудь опасность.

— Деголладо! — досадливо покачал головой молодой человек. — Он душою и телом предан Хуаресу.

— Это действительно так, но, мне кажется, я смело могу на него положиться.

— Дай Бог, чтобы вам не пришлось раскаиваться в этом, дядюшка.

В эту минуту раздался стук в дверь.

— Кто там? — спросил дон Гутьерре.

— Гость, ваша милость, — отвечал один из пеонов.

— Гость! — с беспокойством воскликнул дон Гутьерре. — Племянник, пока ни слова обо всем этом, я хочу, чтобы до последней минуты мои дочери ничего не знали... Скоро вы получите мой ответ... побудьте в саду, пока я буду принимать визитера и отделяваться от него, если только это возможно.

Дон Ремиго Диас

Как только дон Мигуэль вышел из кабинета, дон Гутьерре велел пеону проводить к нему посетителя.

Тот не замедлил появиться.

Дон Гутьерре сделал несколько шагов к нему навстречу и, обменявшись с ним церемонным поклоном, спросил:

— С кем имею честь говорить?

— Я — капитан кавалерии, — отвечал незнакомец, — и состою на службе его превосходительства Бенито Хуареса, президента республики, а зовут меня дон Ремиго Диас.

— Весьма рад познакомиться с вами, сеньор дон Ремиго Диас, — отвечал дон Гутьерре с некоторым волнением. — Вы и представить себе не можете, какое удовольствие доставляет мне принимать вас в моем скромном жилище... Вот сигары, сигареты, вот прохладительные напитки... Садитесь, пожалуйста, в это кресло, и позвольте мне обращаться с вами, как со старинным другом.

— Вы необычайно любезны, сеньор дон Гутьерре, — вежливо ответил молодой человек. Затем закурил сигару и сел.

Последовало довольно продолжительное молчание. Испанец ждал, чтобы незнакомец объяснил ему цель своего посещения, а последний, в свою очередь, ждал, чтобы его стали расспрашивать. Наконец, видя, что хозяин не торопится это делать, гость решился заговорить первым.

— Позвольте мне прежде всего, кабальеро, — сказал он, — заявить вам, что мое посещение никоим образом не должно беспокоить вас.

— Оно меня и не беспокоит, кабальеро, — отвечал дон

Гутьерре. — Слава богу, мне нечего бояться, я человек мирный, иностранец, и не занимаюсь политикой. У президента нет никаких оснований подозревать меня в чем-либо.

— Вы совершенно правы, сеньор, но, к несчастью, у каждого из нас есть враги на этом свете, и вследствие этого очень часто и на самых порядочных людей поступают доносы, тем более страшные, что они анонимны.

— Неужели и на меня поступил подобного рода донос? — спросил дон Гутьерре, внутренне содрогаясь.

— Я этого не говорю, — спокойно продолжал капитан, — но лица, находящиеся у власти, не в состоянии за всем следить и во всем разбираться сами, поэтому бывают случаи, когда их доверием злоупотребляют люди непорядочные, а честные и абсолютно невинные оказываются впутанными в нехорошие дела.

— Неужели я без моего ведома оказался впутанным в одно из таких дел?

— Разве я это сказал? — невозмутимо продолжал капитан. — Бог мой, кабальеро, мы живем в тяжелое время. Великий человек, ставший во главе нашей прекрасной страны, задался целью преобразовать ее, но его противники всячески препятствуют этому. Вот почему, защищая себя и свое дело, он часто вынужден прибегать к жестоким мерам в отношении лиц, которые тем или иным тайным способом, вольно или невольно, способствуют его врагам, хотя речь идет о весьма достойных и почтенных гражданах.

— Так что же, меня считают одним из таких людей? — вскричал дон Гутьерре, все более и более волнуясь.

— Мне кажется, что я даже и не намекал на это, кабальеро, — отвечал капитан все тем же невозмутимым тоном. — Однако у республики множество врагов и среди них иностранцы, в особенности же европейцы, самые опасные. Испанское правительство до сих пор не может смириться с утратой великолепных американских колоний, виной чему исключительно его собственная беспечность, и все еще лелеет надежду их вернуть. По этой причине испанское правительство наводнило страну своими агентами и шпионами, которым поручено срочно доносить обо всем, что здесь происходит, и оно только ждет удобного момента. Национальное правительство обязано строго следить за этими агентами и шпионами.

— Неужели вы имеете намерение, сеньор, — вскричал дон Гутьерре, вспыхнув от негодования, — внушить мне, что я один из тех негодяев, о которых вы говорите?

— Я не имею никакого намерения, сеньор, — отвечал капитан с нарочитой холодностью, — но...

— Виноват, — поспешно перебил его дон Гутьерре, — позвольте мне, сеньор капитан, заметить, что мы толкуем уже около получаса и пока я не услышал ничего, что дало бы мне возможность понять истинную цель вашего визита.

— Разве я не изложил ее вам, кабальеро? — произнес капитан с превосходно разыгранным удивлением.

— Это единственное, что вы забыли сделать, сеньор.

— Это странно, — отвечал капитан. — Я слишком увлекся некоторыми соображениями, которые...

— Очень возможно, — перебил его дон Гутьерре, — но, простите, чем больше я на вас смотрю, сеньор, тем больше мне кажется, что я вас где-то встречал.

— В этом нет ничего удивительного, кабальеро.

— Вы сказали, вас зовут дон Ремиго Диас?

— Совершенно точно.

— Э! Теперь я вас вспомнил. Вы — сын дона Эстевана Диаса, портного, вы — то прелестное дитя, которое я так часто видел в его магазине, которого я при каждом посещении непременно одаривал песетами.

— Это действительно я, кабальеро, — отвечал молодой человек, изящно кланяясь.

— Я в восторге, что вижу вас, сеньор! Но позвольте мне, пожалуйста, задать вам один вопрос.

— Задавайте, сенор, и, если я только смогу, поверьте, я буду счастлив дать вам удовлетворительный ответ.

— Ведь вы, если я не ошибаюсь, занимались торговлей вместе с вашим отцом, достойным доном Эстефаном? Кстати, он по-прежнему здоров?

— Вполне, благодарю вас, кабальеро. Я действительно занимался торговлей вместе с отцом.

— Тогда каким же образом вы очутились на военной службе и успели дослужиться до капитанского чина? Ведь это очень высокий чин.

— Да, довольно высокий. Но я надеюсь на повышение.

— Буду рад за вас.

— Благодарю вас. Теперь позвольте мне, сеньор, рассказать вам, каким образом я оказался на военной службе. Это произошло очень просто, как вы сами сейчас

сможете убедиться... Вы знаете, что наш дом работает главным образом на военных?

— Да, я это помню.

— Ну так вот, занимаясь постоянно пошивом мундиров, мне однажды пришло в голову примерить один из них... Я вспомнил, что генерал Комонфор, сделавшийся впоследствии президентом республики, тоже начинал с портняжничества, но только, вместо того чтобы надеть, как это сделал Комонфор, мундир полковника, я проявил скромность и примерил оказавшийся под рукой мундир капитана, который, на мой взгляд, был мне весьма к лицу... Тогда я отправился представиться полковнику Карваялю, который, между нами будь сказано, задолжал моему отцу довольно крупную сумму. Я попросил полковника присвоить мне чин капитана и зачислить меня в его отряд, погасив тем самым висевший на нем долг. Он с радостью согласился, а я таким образом очутился моей же собственной властью произведенным в капитаны.

— Я искренне вас поздравляю, сеньор, с принятым вами решением. Теперь вы можете рассчитывать занять со временем и очень высокое положение.

Капитан поклонился с сознанием собственного достоинства.

— Ах! — воскликнул дон Гутьерре. — Ваш рассказ пробудил в моей памяти одно воспоминание.

— Какое, сеньор?

— Боже мой, а я ведь тоже ваш должник.

Капитан оживился.

— В самом деле, кабальеро?

— Я в этом совершенно уверен и в доказательство могу вам даже назвать сумму долга — сто унций.

— Так много! — вскричал радостно капитан.

— Бог мой, да!.. Вы, надеюсь, извините меня, что я до сих пор не уплатил по этому счету, кабальеро, но у меня в последнее время была такая масса дел, что я совсем забыл об этом.

— О сеньор дон Гутьерре, благодаря Богу, ваша репутация вне всяких подозрений... Я знаю, вы честный человек и за вами ничего не может пропасть.

— Благодарю вас за добрые слова, сеньор, но раз случай привел вас ко мне, я воспользуюсь им, чтобы уплатить долг.

— Скажу вам по совести, кабальеро, — отвечал капи-

тан с ничем не сравнимою наглостью, — ваше решение доставляет мне большую радость... В настоящую минуту я крайне нуждаюсь в деньгах, я, собственно, и приехал за этим, но я, право, не знал, как подступить к такой щекотливой теме.

— Я достаточно хорошо знаю, насколько вы деликатны в денежных вопросах, и поэтому хотел избавить вас от объяснений, которые вам были бы неприятны. Потрудитесь подождать всего одну минуту.

— Пожалуйста, сеньор, прошу вас.

Дон Гутьерре вышел.

Оставшись один, капитан встал, осмотрелся по сторонам и, уверенный, что за ним не следят, вытащил из кармана мундира кусок воска и снял отпечатки дверных замков с ловкостью и быстротою, свидетельствовавшими о большом навыке.

— Вот и готово, — сказал он про себя, пряча воск и садясь на прежнее место, — теперь у меня есть слепки от всех замков в доме. Никогда не следует ничего упускать из виду — при случае и это может понадобиться... Очень приятно иметь дело с людьми, которые понимают тебя с полуслова... Дон Гутьерре премилый человек, а сто унций, которые он собирает мне дать, как нельзя кстати... Я совсем на мели... Как жаль, что человек этот — враг моей родины! — добавил он с иронической улыбкой.

— Прошу вас, кабальеро, — сказал испанец, вернувшись в кабинет. — Вот задолженные мною сто унций... извините, пожалуйста, что я заставил вас так долго ждать.

— О! Кабальеро! — отвечал капитан, дрожащими пальцами опуская в карман золотые монеты. — Вы шутите. Напротив, это я вам обязан.

Капитан встал. Он достиг цели, которую преследовал, и больше ему уже нечего было здесь делать. Он вежливо простился и удалился.

Дон Гутьерре пожелал проводить его до самой двери, возможно, затем, чтобы убедиться, что он действительно уезжает.

— Где мой племянник? — спросил испанец у пеона. — По всей вероятности, в гостиной? Попросите его прийти ко мне в кабинет.

— Дон Мигуэль ушел, ваша милость, — отвечал пеон.

— Как ушел? В такой час?

— Да, ваша милость... Взглянув случайно через забор,

он заметил двух человек, которые, по-видимому, рассматривали наш дом, и пошел с ними поговорить. Затем, вместо того чтобы вернуться, он крикнул мне, что скоро вернется, и ушел.

— Очень странно, — прошептал дон Гутьерре, направляясь в кабинет.

Пеон сказал правду. Дон Мигуэль действительно заметил двух человек, показавшихся ему подозрительными. Вглядевшись в них повнимательнее, он узнал своих новых знакомых Педросо и Карнеро. Тогда, не колеблясь долее, он вышел к ним и, потолковав с ними несколько минут, на прощание дал им денег, о чем пеон не мог сказать своему хозяину, потому что он этого не видел.

Между тем дон Ремиго, веселый и счастливый, легкой походкой вышел из дому.

— Ну вот, — пробормотал он, оглядываясь по сторонам, — ни моей лошади, ни солдат моих нет... Куда это они запропастились?

Он сделал несколько шагов вперед, по всей вероятности, в надежде найти их. Но тут на голову ему внезапно набросили плащ и, прежде чем он успел опомниться и оказать хотя бы малейшее сопротивление, он оказался на земле, связанный по рукам и ногам, так что не мог даже пошевелиться.

Впрочем, он и не пытался этого делать. Оказавшись в западне, он вел себя тихо и не произносил ни единого слова.

Тот или те, которые так внезапно на него напали, вывернули и опустошили все его каманы, в том числе прихватили и только что полученные сто унций, а затем спокойно удалились, бросив его на произвол судьбы.

Его обидчики ретировались так умело, что капитан, как ни прислушивался, не мог предположить даже, в каком направлении они могли исчезнуть.

Прошло несколько минут, в продолжение которых капитан предавался грустным, безрадостным размышлениям, не переставая чутко прислушиваться к малейшему звуку. Но вокруг стояла мертвая тишина. Он тщетно пытался разорвать узы и сбросить с головы плащ, чтобы окончательно не задохнуться, но связали его, судя по всему, люди, хорошо знающие свое дело, и все усилия доблестного капитана остались втуне.

Наконец послышался быстрый галоп нескольких лоша-

дей, приближавшихся к тому месту, где он лежал. Лошади остановились, и хорошо знакомый капитану голос Педрозо прозвучал почти у самого уха:

— Карай! Да ведь это капитан!.. Его убили!

— Э! Нет! Бездельник! — взревел дон Ремиго. — Я не умер, по крайней мере я так не считаю, хотя весь разбит! Освободите же меня ради самого черта!

Педрозо и друг его Карнеро бросились освобождать своего капитана от связывавших его пут.

Капитан глубоко вздохнул несколько раз с видимым удовольствием.

— Вам надо бы явиться немного раньше, негодяи... Кстати, куда это вы запропалились? Я не мог вас найти, выйдя из дому.

— Мы гонялись за лошадью, капитан, — нагло лгал Канеро.

— Что? Вы ловили мою лошадь?

— Да. Едва вы вошли в дом, как из кустарников выскочил неизвестный человек, завладел лошадью, обрезал у нее повод и умчался на ней... Мы были недостаточно близко, чтобы остановить негодяя, поэтому мы пустились за ним вдогонку, но он, по-видимому, не имел намерения украсть лошадь, потому что после получасовой бешеной скачки, в продолжение которой мы так и не смогли его нагнать, он остановился и, бросив лошадь среди дороги, исчез в чаще, куда нам уже нельзя было за ним гнаться... Волей-неволей пришлось отказаться от поимки негодяя. Мы взяли лошадь и вернулись назад.

— Что это за сказку рассказываете вы мне, негодяи? — вскричал капитан гневно.

— Это не сказка, а вполне правдивая история, капитан, — невозмутимо отвечал Педрозо. — Теперь мне ясно поведение этого человека, которое поначалу казалось очень странным.

— Ну, говорите, что вам ясно?

— Карай! Все очень просто. Этот человек хотел заставить нас удалиться затем, чтобы дать своим сообщникам, по всей вероятности, скрывшимся в этой чаще, возможность напасть на вас при выходе из дома, где вы были в гостях.

Капитана, видимо, заставил призадуматься рассказ его сообщников, вовсе не такой уж неправдоподобный. В последние дни ему не раз и самому приходилось слы-

шать о подобных случаях. В конце концов он поверил рассказу Педрозо, тем более, что его слова с готовностью подтвердил Карнеро, и подозрение, мелькнувшее было в голове капитана относительно дона Гутьерре, совершенно развеялось. Кроме того, он отлично понимал, что богатый гасиендер, не ожидавший его визита, не мог вдруг, экспромтом, подготовить ему ловушку.

— А если вам доведется когда-нибудь встретить этого человека, узнаете вы его или нет? — спросил капитан у Педрозо.

— Вполне, капитан. Мы успели рассмотреть его как следует.

— Тогда, значит, еще не все потеряно.

— Только вот беда, мы не видели его лица, — добродушно заметил Карнеро.

— Как это так, негодяй, не видели?

— Капитан, это значит, что он все время показывал нам только спину.

— Убирайтесь к черту! Вы оба болваны.

Разбойники обменялись насмешливыми взглядами и стали усердно помогать капитану, основательно деморализованному в результате случившегося, сесть на лошадь.

— Черт побери всю эту дурацкую историю! — пробормотал дон Ремиго.

— Мне удалось так ловко заполучить сто унций... Будь прокляты эти мошенники, сумевшие отнять у меня золото!

И, окинув долгим тоскливым взглядом дом дона Гутьерре, капитан с грустью повернул лошадь на дорогу.

Не удивительно, что дон Ремиго был так грустен, у него были на то серьезные причины. Зато солдаты его, наоборот, были веселы, как никогда. Они так громко смеялись и разговаривали между собой, что незадачливый капитан буквально выходил из себя, однако не смел заставить их вести себя деликатнее.

Наконец, когда трое всадников подъехали к деревне, дон Ремиго повернулся к Педрозо.

— Вы что-то слишком веселы сегодня.

— А что! — нагло отвечал негодяй. — Нам пока, слава богу, не о чем грустить.

— Конечно, — отвечал капитан, вздыхая. — У вас никто не украл сто унций.

— Да неужели, капитан, у вас была при себе такая крупная сумма! Это очень неосторожно с вашей стороны.

— Я только что получил ее, — грустно проговорил капитан.

— Тогда другое дело, капитан... А я, например, никогда не ношу с собой больше четырех унций из опасения какого-нибудь несчастного случая.

Дон Ремиго насторожился.

— Четыре унции!.. Это очень недурно. А эти деньги в настоящую минуту при вас?

— Конечно, капитан.

— И вы, Карнеро, имеете при себе столько же?

— О! Я еще богаче, капитан, у меня целых шесть унций.

— Вот оно что, — опять совздохом проговорил капитан. — Теперь я понимаю, почему вы так веселы. Послушайте, Карнеро и Педрозо, — добавил он через минуту, — вы должны оказать мне услугу.

— Э! — неопределенно воскликнул Карнеро.

— Гм! — задумчиво хмыкнул Педрозо.

— Вы не желаете, друзья мои? — с упреком спросил капитан.

— О! Нет, — поспешно возразил Карнеро.

— Мы отказываемся, — отрубил обычно более сговорчивый Педрозо.

— Что? Вы отказываетесь?

— Да, капитан. Но, если вы не будете иметь ничего против, мы можем предложить вам маленькую сделку.

— Согласен, это избавит меня от благодарности.

— Благодарность — это теперь устаревшее дело, капитан, — сказал Педрозо, презрительно сморщив губы.

— Ну, и какую же вы мне предлагаете сделку?

— Вы предоставите нам отпуск на месяц, чтобы мы могли повеселиться, где нам заблагорассудится.

— Вы подрядились на какое-нибудь дело, негодяи!

— Я не говорю «нет».

— Ну и как, стоящее это дело?

— Неплохое, капитан.

— А мне разве нельзя будет поучаствовать в этом деле?

— Нет, тут как раз в аккурат на двоих, третий съест всю пользу.

— Тогда не будем больше об этом и говорить... Итак, значит, вы хотите получить отпуск на месяц?

— Да, капитан.

— А что вы мне за это дадите?

— Сто пиастров, — торжественно объявил Педрозо.

— Этого слишком мало... вы хорошие солдаты, и я оцениваю ваши услуги по четыре пиастра в день.

— О! Мы столько не стоим, капитан.

— Вы слишком скромны... Сто двадцать пиастров, или вы не получите отпуска... Таким образом, всего-то придется по шестидесяти пиастров на каждого, можно сказать, даром... Кто знает, сколько вы получите за ваше «дело»? Ну, как? Согласны?

— Идет, сто двадцать пиастров, капитан.

— Гм! Мне следовало бы потребовать с вас больше! Ну, да ладно, я слишком добр. Давайте деньги!

— Извините, капитан, а наш отпуск?

— Я подпишу его в одну минуту.

— Ну, знаете, капитан, мы вам даем деньги, а вы нам — товар. Так, по крайней мере, будет справедливо.

Дон Ремиго понимающе улыбнулся и десять минут спустя уже подписывал отпуск и весело клал в карман полученные им от солдат семь унций...

Вечером у дона Мигуэля и его дяди состоялся разговор, затянувшийся далеко за полночь.

Когда все легли спать и в доме погасли огни, молодой человек в сопровождении дона Гутьерре направился к загону, оседлал свою лошадь и тихо выехал со двора, а дядя сам затворил за ним ворота.

Затем дон Гутьерре закутался в плащ, поскольку ночь была довольно прохладная, лег на землю возле забора и стал терпеливо ждать.

Незадолго до восхода солнца, то есть часов около трех утра, послышался приближающийся стук копыт. Вскоре шаги лошади замерли у ворот и кто-то тихо постучал в них.

Дон Гутьерре поднялся и поспешил к воротам — это возвратился дон Мигуэль.

Молодой человек спрыгнул на землю и повел свою взмыленную лошадь в загон, где расседлал ее и тщательно вытер соломой. Затем дядя и племянник направились к дому.

За все это время не было произнесено ни единого слова, и только когда они оказались в кабинете дона Гутьерре, последний заговорил, наконец, со своим племянником.

— Ну, как?

— Все в порядке, — отвечал дон Мигуэль полушепотом.

— Вы видели этого человека?

— Да, я его видел, и мы с ним окончательно обо всем договорились.

Он вполне согласен со мною: раз там известно о вашем переезде в Медельен, вы должны непременно показываться на людях, иначе создастся впечатление, что вы почему-то считаете нужным прятаться... Если вас сегодня увидят на балу и на празднике, никому и в голову не придет в чем-либо подозревать вас... Кроме того, дон Луи Морэн думает, что ему будет удобнее поговорить с вами на виду у всей толпы, нежели специально приезжать сюда и тем самым вызывать ненужные подозрения.

— И это тоже должно произойти непременно сегодня?

— Да, он сам объяснит вам, почему считает, что надо все обставить именно так.

— Хорошо, племянник, пусть так, ну, а потом?

Дон Мигуэль раскрыл свой портфель и вынул оттуда целую пачку бумаг, которые и вручил дону Гутьерре.

— Я видел самого сеньора Лизарди, который, несмотря на поздний час, продолжал работать в своем кабинете. Он вручил мне, как вы с ним договорились, векселя на миллион пятьсот тысяч пиастров, выписанные на лучшие банкирские дома Испании, Англии и Франции. Таким образом, что бы ни случилось, большая часть вашего состояния спасена... Сеньор Лизарди, кроме того, сказал, что он должен вам еще семьсот тысяч пиастров, которые будут выплачены вам или вашему доверенному лицу по первому вашему требованию, где и как вы пожелаете... Вот, кажется, и все поручения, которые вы мне давали, дорогой дядюшка.

— Да, племянник, я благодарю вас за успешное и быстрое исполнение моих поручений... Теперь ступайте в вашу комнату... До рассвета осталось всего ничего, никто в доме не должен даже и подумать о том, что вы отлучались сегодня ночью со двора... Кроме того, вам необходимо сегодня отдохнуть... Покойной ночи, племянник...

— А вы что будете делать, дядюшка?

— Я так же, как и вы, постараюсь поспать несколько часов... Я хочу выглядеть на празднике свежим и бодрым, — добавил он улыбаясь.

— Конечно, конечно!

Сеньор дон Гутьерре протянул на прощание ему руку. Дон Мигуэль между тем, продолжал в задумчивости стоять.

— Что с вами? — спросил его с беспокойством дядя.

Молодой человек вздрогнул и быстро поднял голову.

— Ничего такого, что касалось бы меня лично, — ответил он с ударением на последних словах, — почему-то этот праздник ужасно меня тревожит.

— Может быть, вы боитесь какой-нибудь западни?

— В такой толпе? Нет, это невозможно... хотя ваши враги очень хитры, и кто знает...

— Послушайте, — нетерпеливо перебил его дон Гутьерре, — мы — мужчины... Зачем нам трепетать в ожидании каких-то мнимых опасностей... Или, может быть, вы воображаете, что мы отправляемся на этот праздник затем, чтобы получить удовольствие? Вовсе нет, и вы это знаете лучше меня... Мы едем на свидание... вот и все... Там и только там, как вы сами только что говорили, мы сможем повидаться с доном Луи Морэном и поговорить о делах. Ну, что же, прав я?

— Я, кажется, начинаю с ума сходить, извините меня дядюшка, — проговорил молодой человек, стараясь казаться успокоенным. — Нам необходимо во что бы то ни стало ехать на этот праздник, чем бы эта поездка для нас ни обернулась.

— Послушайте, дон Мигуэль, скажите мне, чего вы опасаетесь? — снова спросил дон Гутьерре.

— Ничего, дядюшка, но меня гнетет предчувствие, что с нами может случиться несчастье... Скажите, пожалуйста, вы могли бы немедленно уехать отсюда, если бы этого потребовали обстоятельства?

— Конечно. Да разве я вам этого не говорил? Все уже давным-давно подготовлено для этого.

— Ну, будь, что будет. До свидания, дядюшка.

— Покойной ночи, дон Мигуэль.

Они расстались, еще раз пожав друг другу руки.

Несколько минут спустя дядя и племянник спали, как говорят испанцы, без задних ног.

Праздник в Медельене

Медельенские праздники пользуются заслуженной славой во всей Жаркой Земле и собирают многочисленные толпы народа из всех частей Веракрус.

С самого утра окрестности оглашает колокольный звон и слышится треск ракет и петард.

В старинных испанских колониях ни один большой праздник не обходится без стрельбы из пушек или ружей, при этом расходуется невероятное количество пороха.

В связи с этим на ум приходит один анекдот, связанный с именем испанского короля Фердинанда VII.

Во время мексикано-испанской войны, в результате которой испанцы были окончательно изгнаны из Мексики, король Фердинанд VII однажды спросил некоего благородного мексиканца, оставшегося верным Испании и состоявшего на службе при дворе:

— Сеньор дон Кристобаль де Казерес, как вы думаете, что делают в настоящую минуту ваши соотечественники?

— Государь, — серьезно отвечал дон Кристобаль, кланяясь королю, — они пускают ракеты.

— А! — кивнул король и отошел от мексиканца.

Часа в два пополудни, в тот же день, король снова спросил мексиканца:

— А теперь чем они занимаются?

— Государь, — отвечал мексиканец столь же серьезно, как и в первый раз, — они продолжают пускать ракеты.

Король улыбнулся, но ничего не сказал.

Наконец, вечером, заметив дона Кристобаля де Казереса в числе придворных, собравшихся вокруг него, король в третий раз задал ему все тот же вопрос.

— Не в гнев будет сказано вашему величеству, государь, — отвечал дон Кристобаль с присущей ему серьезностью, — они все еще продолжают пускать ракеты.

На этот раз король не в силах уже был сдержаться и разразился безумным хохотом. Последнее тем более примечательно, что король Фердинанд VII никогда не отличался веселым характером.

Пускать ракеты и вообще жечь порох — высшее наслаждение для американских испанцев.

Все мексиканские празднества вкратце можно описать следующим образом: ракеты, игра в монте, петушинные бои и, конечно, танцы. Танцуют все и везде: в домах, во дворах, на улицах и на площадях, под пронзительный аккомпанемент вихуэлы и ярабэ, на которых неистово пиликают основательно подвыпившие индейцы, сопровождая игру весьма своеобразным пением, скорее похожим на завывание. Кстати сказать, эти импровизации индейцев пользуются огромным успехом у публики, которая им бурно аплодирует и буквально визжит от восторга.

С восходом солнца Медельен принял необычайный вид. В домах все двери были распахнуты настежь, их обитатели выходили на улицу в самой лучшей праздничной одежде. На площадях воздвигали специальные помосты для танцовщиц, потому что на таких праздниках танцуют только женщины. И тут и там переносные лавочки торговали крепкими напитками, многочисленные лотки со свежей водой и лимонадом перемежались со столиками для игры в монте, на которых уже звенело золото, а парусиновые палатки не могли вместить всех любителей петушинных боев.

Яркая толпа, смеющаяся, поющая и танцующая, растекалась по улицам, а тем временем прибывали все новые и новые группы. Всадники торопливо привязывали своих взмысленных лошадей где попало и, не заботясь более об их сохранности, сливались с веселой толпой гуляющих, спеша сполна насладиться праздником.

Однако своего апогея празднество достигает с наступлением сумерек, когда заходит немилосердно палящее солнце и на смену ему приходит прохлада и свежесть, которую дарует морской ветер.

Утром за завтраком дон Гутьерре объявил дочерям, что намерен взять их с собой вечером на праздник.

Сестры пришли в неописуемый восторг, ведь Сакра-мента и Жезюзита по справедливости считались самыми лучшими танцовщицами в штате Веракрус.

После обеда девушки закрылись у себя в комнате и с энтузиазмом занялись своими туалетами. Это приятное занятие поглотило все их время до вечера.

Дон Мигуэль, знавший из ночного разговора с дядей о его намерении взять на праздник дочерей, был счастлив услышать об этом во время завтрака. Он надеялся воспользоваться праздничной атмосферой и попытаться счастья в том, что, по его мнению, должно было решить его судьбу. Девушки появились за ужином во всем своем великолепии и блеске.

Дон Мигуэль не мог при этом сдержать возгласа восторга. — настолько обе они были обворожительно прелестны.

А между тем обе сестры, в сущности, были одеты очень просто: как на старшей, так и на младшей были широкие юбки из тонкой кисеи, туго стянутые на талии голубым шелковым поясом. Поверх батистовых блуз, широкие рукава которых были вышиты и отделаны кружевами, были накинута косынки, которые, прикрывая, не скрывали полностью их белых плеч. Длинные косы, уложенные на затылке, были заколоты черепаховым гребнем, изящно изукрашенным золотом, и, кроме того, их головки украшал веночек: у Сакраменты из цветов сухиль, а у Жезюзиты — из флорипондио. На ногах у них были ажурные шелковые чулки с золотыми стрелками и голубые атласные башмаки, расшитые серебром и золотом.

Но что придавало особую прелесть туалету сестер, так это обилие кукуйбос*, которыми были усыпаны их венки. Их голубоватое сияние создавало у них вокруг головы божественный ореол. Кукуйбос были нашиты также вокруг подола юбок, образуя как бы магический круг, придававший девушкам таинственный и даже фантастический вид.

Улыбающиеся и торжественные, они двигались навстречу дону Мигуэлю, который при виде их благоговейно сложил руки и шептал голосом, прерывающимся от волнения:

— Господи, как они прекрасны!

---

* Кукуйбос — светящиеся мухи — украшение, считавшееся модным в ту пору в Мексике.

Но если восторг молодого человека в равной степени относился к обеим сестрам, то взор его был прикован исключительно к Сакраменте. Женщины каким-то особым, присущим только им одним чутьем безошибочно разгадывают, какое впечатление они произвели на своих поклонников.

Обожание дона Мигуэля переполнило сердца сестер радостью.

— Как вы меня находите, кузен? — спросила дона Сакраamenta, кокетливо наклоняясь к нему.

— Слишком красивой, — прошептал молодой человек.

— Женщина никогда не бывает слишком красивой для того, кто ее любит, — лукаво возразила она. — Вы не очень-то любезны сегодня, кузен.

— Это оттого, что я боюсь, — продолжал он грустно.

— Бойтесь? — улыбаясь, спросила она. — А чего именно, скажите, пожалуйста?

— Вашей красоты, которая сожжет все сердца, кузина. Она слегка пожала плечами.

— Боже мой, как все вы в центральных провинциях скучны и нелюбезны, — с презрением сказала она.

— Здешние молодые люди гораздо любезнее нас, не так ли, Сакраamenta?

— Что это значит, позвольте вас спросить, дон Мигуэль? — возразила она высокомерно.

— Ничего иного, кроме того, что я сказал, кузина, — грустно отвечал молодой человек.

В разговор вмешалась молчавшая до сих пор Жезюзита.

— Зачем ты его так мучаешь? Ты доведешь его до сумасшествия своими выходками.

— Я не знаю, что с ним такое сегодня, он просто невыносим, — проговорила Сакраamenta раздраженным тоном.

Молодой человек побледнел и быстро поднес руку к сердцу, словно почувствовав внезапную боль.

— Вы жестоки, Сакраamenta! — вскричал он. — Хорошо, я не стану докучать вам своим присутствием, отправляйтесь на праздник без меня, там у вас не будет недостатка в кавалерах... Что же касается меня, то я отказываюсь от надежды заслужить ваше расположение.

— Как вам угодно, кузен, — парировала она улыбаясь. — Тем более, по вашим словам, у нас не будет недостатка в кавалерах, и я надеюсь, что эти кавалеры будут, по крайней мере, вежливее вас.

— Да, да, — с гневом перебил ее дон Мигуэль, — охотников найдется немало, а в числе их, наверное, будет и дон Ремиго Диас, которому и будет, конечно, отдано предпочтение.

— А если бы даже и так, — не унималась Сакраменты, — неужели вы считаете себя вправе препятствовать этому?

— Этому я не стану препятствовать, Сакраменты, — ответил он совсем непривычным для него грубым тоном. — Я его убью.

— Вы его убьете!

— Да, я его убью за то, что вы его любите, и за то, что ваше дьявольское кокетство сводит меня с ума!

Сакраменты побледнела при этих словах.

— О, — прошептала она, — неблагодарный безумец... Какие же у вас имеются основания, чтобы обвинить меня в этом?

— Их более, чем достаточно... Вы жестоко издеваетесь надо мной... Заблагорассудится вам развлечься, и вы делаете вид, будто не совсем ко мне равнодушны. Но стоит в моем сердце затеплиться надежде...

— Ну? — насторожилась она.

— ...вы вдруг резко изменяете свое обращение со мной и находите какое-то садистское удовольствие в том, чтобы беспощадно разрушать мои надежды и превращать в меня несчастнейшего из людей... Нет, нет, — добавил он, грустно покачав головой. — Я долго и тщетно тешил себя надеждой, но пелена, застилавшая мне глаза, наконец спала, и теперь я отчетливо сознаю свою ошибку.

Сакраменты слушала его, задумчиво опустив голову и машинально играя цветком сухиль, который держала в руке.

— Вы правы, — прошептала она, — я вас обманула, Мигуэль, хотя до сегодняшнего дня я и не поощряла ваших ухаживаний за мной... Я, как это лучше сказать... Я словно бы и не замечала этого...

— Наконец-то вы откровенно высказались! Значит, вы подтверждаете, Сакраменты, что я вам противен! Я уверен, что если бы я спросил у вас на память цветок, который вы сейчас теревите пальцами, вы, наверное, отказались бы выполнить мою просьбу... Не правда ли?

Сакраменты повернула голову в сторону и, устремив взгляд на молодого человека, с ангельской улыбкой промолвила:

— Да, я отказалась бы выполнить вашу просьбу, Мигуэль.

В ту же минуту цветок сухиль, вырвавшись из ее рук, полетел к ногам молодого человека. И когда молодой человек наклонялся, чтобы поднять цветок, девушки, словно испугнутые голубки, мгновенно исчезли, смеясь при этом, как безумные.

— Ах, — вскричал он с выражением лучезарной радости, осыпая цветок поцелуями, — она меня любит! Боже мой! Она меня любит! Сухиль — это цветок-талисман, — добавил он, — подарить его или даже позволить взять — значит, признаться, что любишь! О, как я тебе благодарен, скромный дикий цветочек!.. Ты внушаешь мне надежду и тем самым возвращаешь к жизни!..

Поцеловав цветок еще несколько раз, молодой человек поспешно спрятал его на груди, так как в эту минуту слышался легкий шум приближающихся шагов. Один из дядиных слуг явился сообщить, что кушанье подано.

Дон Мигуэль направился в столовую, где все были уже в сборе.

Ужин прошел очень весело. Дон Мигуэль был в ударе и без конца сыпал шутками и остротами; радость, наполнявшая его сердце, переливалась через край.

Сакрамента и ее сестра по временам украдкой поглядывали на него, хитро пересмеиваясь между собою. Что же касается дона Гутьерре, то он, видимо, был очень удивлен и не мог понять, чему следует приписать радостное настроение племянника, обычно такого собранного и серьезного.

Когда все встали из-за стола, было уже совершенно темно.

— Мы едем на праздник, девочки, — сказал дон Гутьерре, — развлекайтесь, танцуйте, словом, постарайтесь извлечь максимум удовольствия. Надо уметь радоваться и веселиться, когда представляется случай... Кто знает, что нас ждет впереди и даже уже завтра, — добавил он, — многозначительно взглянув на дона Мигуэля, которому только и был понятен смысл его слов.

Ла петенера

Оседланные лошади давно уже стояли наготове во дворе.

Пока девушки усаживались на лошадей, дон Гутьерре отвел в сторону старого преданного слугу Жозе, пользовавшегося полным его доверием, и шепотом давал ему какие-то наставления, после чего направился к своей лошади с юношеской легкостью вскочил в седло.

Весь отряд состоял из десяти всадников: четырех господ и шести провожатых в лице слуг, давно уже состоявших при доне Гутьерре, преданность которых не вызывала ни малейших сомнений.

Выехав за ворота, кавалькада направилась по дороге на Медельен. По приезде туда господа спешили, поручив лошадей слугам. Те не стали их оставлять у привязи, а отвели в сторону и остались сторожить их, не выпуская поводья из рук.

Праздник был в полном разгаре.

Оживленная толпа заполнила улицы Медельена, повсюду звучали оживленные голоса и смех. Вихуэлы и ярабэ захлебывались от восторга, созывая танцовщиц.

Дон Гутьерре в сопровождении дочерей и племянника достиг, наконец, главной площади, где был воздвигнут помост для танцев.

В ту минуту, когда они подходили к эстраде, там уже танцевали несколько девушек, очаровывая зрителей красотой и грацией. На голове у каждой был стакан, полный воды. Искусство танцовщиц, помимо прочего, состояло в том, чтобы не расплескать воду.

Собравшиеся вокруг помоста зрители аплодировали,

подзадоривая все новых и новых танцовщиц выйти на помост. Настала очередь весьма своеобразного танца — бомба, особенность которого заключается в том, что танцовщицы с необыкновенной легкостью, не прибегая к помощи рук, развязывают шелковые пояса, замысловато намотанные вокруг их ног.

Веселье все нарастало, восторженные возгласы звучали все громче; и тут и там слышались залпы петард и хлопушек; предприимчивые торговцы сновали в толпе, предлагая всевозможные напитки.

А между тем только чужестранец, не знакомый с обычаями страны, не знал, что эти танцы — всего лишь своеобразный пролог, после которого последуют другие танцы, более интересные для зрителей.

Музыка на минуту смолкла, а затем снова зазвенела гитара, но теперь полилась совсем иная мелодия.

Заслышав дорогие сердцу каждого испанца звуки, толпа разразилась громкими криками:

— Ла петенере! Ла петенере!*

Ла петенера — любимейший танец Центральной Америки и прибрежных районов Мексики.

Сакрамента и ее юная сестра считались непревзойденными исполнительницами этого танца ла петенера.

На всем побережье штата Веракрус, не говоря уже о Мананциале и Медельене, им не было равных. Любое празднество утрачивало свою привлекательность, если вокруг становилось известно, что очаровательные сестры не примут в нем участия. Поэтому сегодняшнее появление девушек на площадке, отведенной для танцев, было встречено громкими возгласами «ура!» и «браво!».

В Мексике, где не существует никакого различия между низшими и высшими классами общества по той простой причине, что бедняк завтра может стать богачом, только женщина пользуется привилегированным положением, однако для этого она должна быть и красива, и безусловно нравственна. В Мексике любой мужчина, независимо от занимаемого им положения в обществе, имеет право открыто ухаживать за любой девушкой, и никто не усмотрит в этом ничего предосудительного, потому что ухаживание это выражается в рыцарском поклонении, и кавалер, ухаживание которого девушка благосклонно

---

* Ла петенера — андалузская народная мелодия.

принимает, непременно найдет благосклонное отношение в ее семье. Свободные нравы, составляющие позор нашей старой Европы, совершенно чужды испанской Америке. При всей неограниченной свободе, которой пользуются там девушки, какими бы кокетками они ни были, они никогда не позволят себе поставить под удар их безупречную репутацию.

Когда музыканты заиграли ла петенера, взоры всех присутствующих обратились к двум юным сестрам, но они продолжали стоять с таким видом, словно вовсе и не думали принимать участие в танцах. Так прошло несколько минут, пока дон Гутьерре о чем-то шепотом разговаривал со своими дочерьми. Он советовал им не упускать приятной возможности и веселиться от души.

Сакрамента взглянула на дону Мигуэля.

Тем временем из толпы вышел некий элегантный кавалер и, подойдя к дону Гутьерре, приветствовал его изящным поклоном.

Молодому человеку было на вид двадцать пять — двадцать восемь. Черты его лица были благородны и красивы, а выражение — высокомерное и слегка презрительное; черные глаза горели мрачным огнем, и он с презрением взирал на окружавшую его толпу, не сводившую сейчас с него глаз.

— Сеньор дон Гутьерре де Леон, — сказал он мелодичным голосом, стараясь соблюсти при этом установленные правила вежливости, — неужели мы не удостоимся счастья лицедреть в числе танцующих сеньорит ваших дочерей?

— Сеньор дон Рамон Аремеро, — отвечал столь же вежливым тоном дон Гутьерре, — все мои просьбы не привели ни к чему, но, может быть, у вас это получится лучше.

— Слышите, что говорит ваш батюшка, сеньориты? — продолжал молодой человек, обращаясь к девушкам и снова кланяясь. — Неужели празднества Малибрана и Мананциалья затмят Медельен! Не забывайте, сеньориты, что только вы одни и можете принести нам победу.

Дон Мигуэль вздрогнул, увидев дону Рамона, и нахмурил брови. Взгляды мужчин скрестились и красноречиво выразили взаимную неприязнь молодых людей.

---

* Малибран и Мананциале — селения в окрестностях Веракрус.

Дон Рамон с презрительной улыбкой отвернулся; дон Мигуэль опустил глаза, чтобы скрыть сверкавший в них гнев.

— В самом деле, почему вы не желаете исполнить такую естественную просьбу? — с горечью проговорил он. — Смилуйтесь же, сеньориты, и станцуйте, раз вас об этом просят.

Сакрамента слегка побледнела и взглянула на дону Мигуэля с выражением горестного упрека, а затем, пошептавшись с сестрой, сказала:

— Хорошо, я буду танцевать. Вашу руку, дон Мигуэль.

— А вы, сеньорита? — спросил дон Рамон Жезюиту, предлагая ей руку.

— Я буду смотреть, — сухо отвечала она.

Молодой человек с досадой закусил губу и, почтительно поклонившись, удалился.

Дон Мигуэль взял руку Сакраменты, слегка дрожащую в его руке, и проводил ее под громкие, восторженные возгласы и рукоплескания толпы, устремившейся вслед за танцовщицей.

Вихуэлы и ярабэ гремели со все возрастающей силой, приглашая танцоров не медлить.

Как только Сакрамента вышла на середину площадки, по обе стороны ее, как по команде, образовались две группы зрителей: во главе первой был дон Рамон, а во главе второй — дон Мигуэль.

Испанские танцы существенно отличаются от наших в том смысле, что, подобно танцам древних, они носят символический характер, который сохранила, по-видимому, единственно иберийская раса; он недоступен пониманию непосвященных, и только люди сведущие способны их истолковать.

Сакрамента танцевала уже в течение нескольких минут, когда дон Рамон снял шляпу и, почтительно поклонившись девушке, подал ее ей.

Сакрамента улыбаясь взяла шляпу и, держа ее в руке, продолжала танцевать.

Почти тотчас же из толпы выступил дон Ремиго и тоже протянул шляпу девушке. Та точно так же взяла ее и продолжала танцевать, теперь уже держа по шляпе в каждой руке.

Аплодисменты удвоились.

Тогда дон Мигуэль сделал шаг вперед, снял шляпу и,

улучив удобный момент, осторожно надел ее на голову кузины.

Дон Рамон вызывающе глядел на соперника и, отстегнув свой шелковый пояс, накинул его на плечо девушки, неумоимо продолжавшей танцевать.

Дон Мигуэль ответил презрительной улыбкой, отстегнув портупею своей шпаги, он как бы скрестил на плече Сакраменты свое оружие с поясом дона Рамона.

Странное зрелище представляла собой Сакрамента, танцевавшая, не выпуская из рук врученных ей вещей.

Вдруг дон Рамон крикнул пронзительным голосом:

— Бомба!

Музыканты мгновенно смолкли. И тогда запел дон Рамон.

Однако это был не хорошо всем известный романс, а импровизация на его мелодию, восхвалявшая красоту очаровательной танцовщицы.

Когда он умолк, его место занял дон Мигуэль.

— Леттра! — крикнул он и запел.

Таким образом в течение нескольких минут молодые люди вели эту песенную дуэль.

Наконец, уставшая от столь продолжительного танца, Сакраменты, с трудом сдерживая внутреннюю дрожь, направилась к отцу, следившему с живейшим интересом за всеми перипетиями этой сцены.

Мгновенно воцарилась тишина. Теперь должен был последовать выкуп залогов, которые были вручены танцовщице.

По традиции за каждый залог следовало уплатить по одному медио.

Молодые люди поспешили к Сакраменте и выкупили у нее свои вещи.

— Боже милостивый! Сеньордон Мигуэль, — с иронией сказал дон Рамон, — какая у вас великолепная шпага! Я был бы в восторге обменять ее на свою.

— Сеньор кабальеро, отвечал дон Мигуэль с любезнейшей улыбкой, — нет ничего легче заполучить ее. Стоит всего лишь отнять ее у меня.

— Виноват, сеньор, — вмешался в разговор человек, внимательно наблюдавший за происходящим, — позвольте мне, пожалуйста, уладить дело. Вы чужестранец, тогда как я вот уже два года живу в Медельене и — видит Бог! — я хочу, чтобы празднество завершилось благополучно.

С этими словами незнакомец обнажил мачете и воткнул его в землю между молодыми людьми.

— Ура дону Луису Морэну! Да здравствуют французы! — грянула толпа с нескрываемой радостью.

Дон Луис Морэн, или, правильнее сказать, Луи Морэн, знаменитый лесной бродяга, внезапно появившийся на празднестве, был высокий сухопарый человек лет сорока с мужественной и одновременно добродушной физиономией.

Он, по-видимому, был хорошо здесь известен и пользовался всеобщей симпатией.

— Извините меня, сеньоры, — продолжал лесной бродяга, — что я так бесцеремонно вмешиваюсь в ваш разговор, но я позволю себе сослаться на мнение всех присутствующих; я убежден, что они тоже признают за мной исключительное право положить конец вашей ссоре.

Толпа, так неожиданно призванная в свидетели, отвечала оглушительными криками и неистовыми аплодисментами.

Дон Рамон вежливо поклонился французу.

— Хотя вы и иностранец, сеньор, — вежливо сказал он, — но, как постоянный житель Медельена, вы имеете преимущественное право со мною драться, и я от всего сердца принимаю ваш вызов.

И с этими словами воткнул свой мачете в землю рядом с мачете дона Луиса.

Дон Мигуэль хотел было воспротивиться этому решению, но, несмотря на все его желание помириться с доном Рамоном, зрители не желали на это согласиться, и ему поневоле пришлось уступить.

— Сеньор дон Мигуэль, — с нарочитым упорством продолжал француз, — ведь вам хорошо известно, как диктует обычай завершать празднество, дабы выразить танцовщицам вполне заслуженное признание. Я выступаю от имени жителей Медельена, которых, естественно, не могло не оскорбить грубое поведение этого кабальера, поэтому позвольте мне преподать ему вполне заслуженный урок. У вас будет возможность встретиться с ним позже, я обещаю, что сам сведу вас.

Слушая слова француза, дон Рамон краснел, досадливо кусал губы и всеми силами старался не обнаружить обуравшего его гнева.

— Приступим поскорее к делу, сеньор, — вскричал

он, — и смотрите, как бы вам самому не пришлось получить урок, который вы так самоуверенно обещаете преподать мне!

— Я сомневаюсь в этом, сеньор, — спокойно возразил француз. — Вы слишком возбуждены и даете волю гневу там, где полагается соблюдать вежливость. Я весьма сожалею, но вы будете побеждены... Кстати, каковы условия поединка?

— До первой крови! — единодушно взревела толпа.

— До первой крови, идет! Будьте повнимательнее, дон Рамон, — насмешливо продолжал француз, — потому что, если вы будете ранены, ваш мачете перейдет ко мне.

— Покамест вы еще не стали его обладателем! — с досадой возразил испанец.

— Это дело всего двух или трех минут, сеньор, — улыбаясь, отвечал француз.

Дон Гутьерре с дочерьми, повинувшись обычаю, не мог покинуть празднества.

Дон Луис и дон Рамон стали в позицию, предварительно обменявшись церемонными поклонами.

Дуэль на мачете отнюдь не шуточна. В отличие от шпаги, мачете не имеет эфеса, защищающего руку, поэтому стоит замешкаться и хорошо рассчитанным ударом противник может отсечь все пальцы.

К счастью, мексиканцы при всей своей удивительной храбрости имеют весьма поверхностное представление о фехтовании, и во время дуэлей, впрочем, довольно редких, уповают главным образом на свою ловкость, нежели на познания в фехтовании.

Тут, кстати, необходимо заметить, что во внутренних провинциях Мексики дуэлянты наказываются очень строго по закону, и если порой возникает ссора, то противники дерутся на ножах, что, благодаря их ловкости и общепринятым мерам предосторожности, как правило, не ведет к трагическому исходу.

Как обещал дон Луис, поединок продолжался недолго. В считанные секунды дон Рамон был ранен, и весьма существенно, в руку.

Аплодисменты зрителей возвестили окончание поединка.

— Вот мой нож, сеньор, — сказал дон Рамон, мертвенно бледный не столько от полученной им совсем неопасной раны, сколько от бессильной ярости, — можете им

похвалиться. Но, клянусь Богом! Клянусь Гваделупской Богоматерью, что вы недолго будете упиваться победой, я скоро верну его себе.

— Я к вашим услугам в любое время, сеньор, — смеясь сказал француз. — Я готов вручить его вам, острым концом, разумеется.

— Именно таким путем я и намерен взять его у вас обратно, — сказал молодой человек. Эти его слова в устах любого другого человека были бы всеми восприняты как хвастовство. Но мексиканец на ветер слов не бросает. Повернувшись к сестрам, он церемонно поклонился и сказал:

— Я побежден, сеньориты, но фортуна изменчива, и если сегодня она от меня отвернулась, то в другой раз, надеюсь, будет ко мне благосклонна.

Дон Гутьерре молча поклонился, дочери его поступили точно так же.

— Я готов дать вам сатисфакцию, когда вы этого пожелаете, кабальеро, — сказал дон Мигуэль.

— Я не забуду вашего обещания, сеньор. Можете быть уверены, что в один прекрасный день я напому вам об этом, — отвечал он улыбаясь. И, уже собираясь уходить, обратился к дону Луису: — На одно слово, прошу вас, дорогой сеньор.

— Хоть на два, если это может доставить вам удовольствие, я к вашим услугам.

Танцы возобновились с новым энтузиазмом.

Когда дон Луис и дон Рамон выбрались из толпы, последний остановился.

— Дон Луи, — сказал он, — я хочу играть с вами в открытую.

— Хорошо, хотя я и не вижу, к чему вы ведете. Слушаю вас, сеньор.

Молодой человек улыбнулся.

— Не зная вполне ваших намерений, — продолжал он, — я знаю, однако, достаточно для того, чтобы в случае необходимости вас найти. Я люблю дону Сакраменту, но она меня ненавидит. Однако это меня нисколько не смущает. Я поклялся жениться на ней и исполню свою клятву, какие бы препятствия мне не потребовалось преодолеть для этого. Как видите, я говорю с вами вполне доверительно. Я богат, а перед золотом отступают все препятствия. Слушайте же меня хорошенько, дон Луи.

Сейчас десять часов вечера, я даю вам время подумать до завтрашнего вечера. Используйте же эти сутки отсрочки, чтобы все взвесить. И не забывайте моего совета, потому что, если нам придется встретиться еще раз, то мы встретимся уже врагами.

— Меня это весьма огорчает, сеньор. Но поверьте, мне способно доставить удовольствие только продолжение дружеских отношений, завязавшихся при таких благоприятных обстоятельствах, — ответил тот с язвительной усмешкой.

— Прощайте, — сказал дон Рамон, резко поворачиваясь. Он ощутил пробуждающийся в нем новый прилив гнева.

— До приятного свидания, — отвечал дон Луис, отвешивая низкий поклон.

Француз с минуту постоял в задумчивости, а потом присоединился к дону Гутьерре и дону Мигуэлю, которые прогуливались вместе с Сакраментой и Жезюзитой.

— Следуйте за мной, — сказал он дону Гутьерре вполголоса, поравнявшись с ним, — но только старайтесь делать это незаметно, за нами следят.

И он спокойно продолжал пробираться сквозь толпу, делая вид, что невероятно увлечен всем происходящим вокруг, пока не очутился там, где слуги дона Гутьерре ждали его возвращения.

Лошадь дона Луиса была привязана поблизости, он вскочил в седло и поехал крупной рысью.

Дон Гутьерре и дон Мигуэль не замедлили последовать дружескому совету француза и вскоре уже скакали по дороге к гасиенде.

Когда огни Медельена померкли вдаль, всадники прищипорили лошадей и понеслись в галоп.

И только теперь дон Гутьерре счел возможным и нужным посвятить своих дочерей в ту часть своих планов, которая касалась непосредственно их.

Новость эта была должным образом воспринята девушками. Сакрамента и Жезюзита, несмотря на свой юный возраст, были истинными мексиканками, с детства привыкшими к всевозможным опасностям, сопряженным с междоусобными войнами. Поэтому перспектива долгого и трудного путешествия их вовсе не испугала, тем более, что с ними будут не только отец и кузен, но также и верные слуги.

На повороте одной из тропинок их поджидал всадник. Это был дон Луис.

— Свежие лошади дожидаются нас в двадцати милях отсюда, — объявил он. — Эти двадцать миль должны быть преодолены до восхода солнца, если даже придется загнать всех ваших лошадей до смерти!.. Надеюсь, вы понимаете, как важно нам не терять ни минуты!.. Вперед!..

Эти слова были произнесены тоном, не допускающим возражений.

Дон Гутьерре и его племянник понимали, какая им грозит опасность, поэтому, не говоря ни слова, они теперь скакали шеренгой, с девушками посередине, стараясь не отставать от француза, летевшего впереди подобно птице.

Путешествие

В Мексику ведут две более или менее удобные дороги, одна на Ялану, другая на Орисабу.

Само собой разумеется, что путешественники выбирают всегда именно эти дороги.

Контрабандисты же и подобные им субъекты, которые по причинам, известным им одним, сторонятся или вообще избегают общества честных людей, проторили еще одну дорогу, но она настолько трудна, что считается практически непроходимой.

А между тем именно по этой дороге и утекает большая часть богатства Мексики.

Спустя два дня после событий, описанных нами в предыдущей главе, часов около четырех утра, маленький отряд, состоящий из пятнадцати человек, остановился на отдых на холме, считавшемся самой высокой точкой этой контрабандистской дороги.

У подножия этого холма, составлявшего всего метров двести по периметру и частично поросшего лесом, и пролегала тропинка, по которой ехали наши всадники.

Лучшее место для устройства лагеря просто невозможно себе представить. С вершины холма открывался широкий обзор, так что внезапное нападение со стороны кого-либо становилось практически невозможным.

Немного позади находилось ранчо, нечто вроде полуразвалившегося навеса, который, казалось, должен был рухнуть при первом же порыве ветра.

Здесь-то и разбили свой лагерь путешественники.

Наваленные один на другой тюки образовали ограду, к которой были привязаны у коновязей лошади и мулы,

спокойно жевавшие клевер. Тут же, всего в нескольких шагах от животных, возле трех наполовину потухших сторожевых огней, спали путешественники, вытянув ноги к огню и завернувшись в плащи. И только один часовой, облокотясь на карабин, охранял общую безопасность.

Начинало светать; густой пар, подобный беловатому дыму, постепенно поднимался со дна долины; солнце еще не выплыло из-за горизонта, но небо уже начинало светлеть — все свидетельствовало о близком наступлении дня.

В эту минуту в кустах, окружающих лагерь, послышался легкий шум, и над грудой тюков показалась голова человека, беспокойно оглядывающего лагерь.

Часовой, вместо того чтобы поднять тревогу, перегнулся через ограду и протянул новоприбывшему руку, чтобы помочь ему перебраться через нагромождение тюков.

— Карай! — шепотом проговорил караульный, как только друг его очутился внутри лагеря. — Откуда это вы взялись, дружище, черт побери? Я уже начал приходить в отчаяние и решил, что вы не вернетесь.

— Гм! — отвечал тот. — Я совершил длинное путешествие, дорогой сеньор Карнеро, и по очень плохим дорогам.

— В этом я убежден, друг Педрозо, но теперь не время болтать: ложитесь скорей и сделайте вид, что спите, иначе, если этот проклятый француз проснется, он непременно заподозрит, что вы гуляли при лунном свете.

— Вы правы, дружище, — отвечал Педрозо, ложась на землю и закутываясь в плащ, — осторожность никогда не мешает.

— Ну, а что, все в порядке?

— Все идет как нельзя лучше.

— Вот это хорошо, — сказал Карнеро, потирая руки. — Мне сдается, мы с вами обделаем хорошее дельце... Но, однако, довольно разговаривать, дружище, вы и сами знаете, как вредно болтать больше, чем следует.

И с этими исполненными мудрости словами достойный сеньор Карнеро вернулся к обязанностям часового.

Почти в ту же минуту поднялся один из спящих и, встряхнувшись, направился прямо к часовому.

Это был дон Луис Морэн или Луи Морэн, в зависимости от того, как читатель предпочтет его назвать.

Карнеро, видимо, со страхом взирал на подходящего.

Однако француз казался совершенно спокойным и ничем не выдавал возникшего у него сомнения в верности этих двух типов.

— Ну Карнеро, — сказал он часовому, — как провели ночь?

— Я за всю ночь ни на секунду не сомкнул глаз, ваша милость.

— Все было спокойно?

— Да, ваша милость, все.

Дон Луи внимательно осмотрел окрестности лагеря, а затем погрузился в размышления и, по-видимому, не особенно радужные.

Беглецы, назовем их так, потому что название это как нельзя лучше подходит спутникам отважного француза, достигли первых ущелий лас Кумбрес, непрерывной цепи утесов, громоздящихся один на другой, у подножия которых пролегал довольно широкая дорога, проложенная в скалистой гряде еще первым потоком испанских переселенцев, а теперь совершенно заброшенная мексиканцами.

Французу хотелось как можно скорее миновать лас Кумбрес, место, наиболее благоприятное для нападения из засады, но, к сожалению, это было достаточно трудно, потому что тропинка, по которой он шел до сих пор, сливалась здесь с большой дорогой и снова свертывала с нее лишь почти на полдороге от Пуэблы. Вот в чем заключалась опасность, которая, как ему казалось, грозила его спутникам.

В Мексике наряду с двумя силами, ведущими непримиримую войну друг с другом, существует еще третья, которая живет за счет двух вышеупомянутых и ведет столь же непримиримую борьбу с обществом, добывая тем самым средства к жизни.

Эта довольно внушительная часть общества, рекрутируемая частично из отщепенцев общества, которых постоянная анархия выбрасывала на поверхность, а частично из разоренных войной, получила название сальтеадоры, или грабители с большой дороги.

Здесь сальтеадоров никоим образом нельзя смешивать с разбойниками, которые грабят на больших дорогах в Старом Свете.

В числе сальтеадоров оказывались представители всех классов общества, в том числе и аристократы с изящными манерами, называвшие друг друга не иначе, как кабалье-

ро. После очередной экспедиции сальтеадоры спокойно возвращаются домой и как ни в чем не бывало появляются в обществе, украшением которого они себя считают. Они ведут привычный образ жизни до той поры, пока не представляется случай принять участие в очередной экспедиции, дабы пополнить свои кошельки.

Среди них попадались офицеры различных чинов, служащие городских муниципалитетов, негоцианты и даже литераторы. При этом следует заметить, что эти люди уверены в полной своей безнаказанности, а потому действуют почти открыто, а если порой и надевают маски, то скорее в силу установившегося обычая, нежели необходимости.

Путешественники, со своей стороны, тоже не питают лютой вражды к этим рыцарям легкой наживы. Отлично понимая, что всякому человеку надо жить, они никогда не пускаются в путь без того, чтобы захватить с собой соответствующей суммы на долю рыцарей больших дорог.

Эта проблема решается, так сказать, полюбовно, без каких-нибудь споров и столкновений. Когда же сальтеадорам приходится иметь дело с иностранцами, по большей части не проявляющими подобной предусмотрительности и терпимости, они впадают в ярость и уже не только до нитки грабят путешественников, но даже и убивают их.

Некоторые путешественники, в надежде, что алчные бандиты удовлетворятся скромным откупом, брали с собой лишь небольшую сумму денег, однако сальтеадоры усматривали в этом покушение на их благосостояние и принимали соответственные меры для «восстановления справедливости». В один из дней в Мехико, Пуэбло и Веракрус было расклеено объявление, которое мы приводим полностью, не меняя ни одной буквы:

«Генерал сальтеадоров, обнаружив, что путешественники почему-то уклоняются брать с собой в дорогу более или менее приличную сумму денег, предупреждает, что те путешественники, у которых не окажется при себе двенадцати пиастров, будут подвергнуты телесному наказанию».

В заключение остается добавить, что объявление, как и полагается, было подписано псевдонимом, впрочем, все знали, кто за этим псевдонимом скрывается.

И, что самое удивительное, объявление это не только не вызвало всеобщего негодования, но, напротив, было воспринято, как совершенно естественное.

Вот в каких условиях приходилось путешествовать в Мексике, и вот почему опасения дона Луиса были вполне основательны. Нашим путешественникам нельзя было миновать местность, где сальтеадоры постоянно устраивали засаду.

Вот об этом и думал француз, когда дон Гутьерре вышел из ранчо, где он провел ночь, и направился к нему пожелать доброго утра.

— Вы уже на ногах, — улыбаясь, сказал дон Гутьерре, — вы первым встаете и последним засыпаете... Не знаю, право, как мне и благодарить вас.

— Не думайте, пожалуйста, об этом, сеньор, — весело отвечал француз. — Я уже говорил вам, что многим обязан дону Мигуэлю.

— Но я-то не дон Мигуэль.

— Не все ли равно, кабальеро! Ведь он ваш близкий родственник... Кроме того, любой человек на моем месте почел бы за счастье оказать услугу вашим прелестным дочкам, таким любезным и таким смелым.

— К сожалению, они страшно утомлены, и я боюсь, что они будут не в состоянии продолжить путь...

— Сегодня, а может быть, и завтра, мы будем двигаться очень медленно, — перебил проводник. — Хотя бы уже потому, что наши мулы ужасно устали.

— Это верно, я об этом совсем забыл... Ну, да тем лучше — мои бедняжки хоть немного отдохнут.

Тем временем проснулись пеоны. Одни из них принялись чистить лошадей, с аппетитом уничтожавших утреннюю порцию маиса, другие разожгли костры и занялись приготовлением завтрака.

Вскоре появились и дочери дона Гутьерре, уже не в прежних изящных туалетах, а в костюмах амазонок, более подходящих, а главное, более удобных для путешествия.

Пока пеоны седлали лошадей и грузили поклажу, дон Гутьерре приказал подавать завтрак.

— Сеньор, до Мехико еще очень далеко? — Сакрамен-та спросила дона Луиса.

— Нет, уже недалеко, сеньорита.

— А когда мы туда прибудем? — полюбопытствовала Жезюзита.

— Если не случится ничего непредвиденного, мы будем там через три дня, сеньорита.

— Так долго! Но скажите, пожалуйста, сеньор, неужели нам грозит какая-нибудь опасность?

— Ровно никакой, сеньорита, тем более, что нас-таки довольно много, — продолжал он улыбаясь.

— Ну, а сальтеадоры?! — не унималась Сакрамента, как бы предчувствуя грозящую им опасность.

— Сальтеадоры — весьма достойные люди, сеньорита, и я убежден, что они постараются не причинить нам ни малейшего зла.

— Вы в этом уверены сеньор? — уже в один голос спросили девушки.

— Даю вам честное слово... Кроме того, сальтеадоры совсем не такие уж страшные, какими их обычно изображают.

— Все равно, сеньор, — сказала Сакрамента, — я дрожу при одной мысли о возможности встретиться с ними.

— Положитесь на меня, сеньорита, и не бойтесь ничего... Если только они осмелятся на нас напасть, поверьте, я сумею их урезонить.

Успокоенные этими словами, девушки повеселели, разговор перешел на другой предмет, и завтрак продолжался.

Однако путешественники никогда не тратят лишнее время на завтрак. Вот и сейчас на него потребовалось не более десяти минут.

Стояло великолепное утро. Косые лучи солнца освещали поросшие лесами горы. Сквозь голубоватую дымку вдали, у горизонта, проглядывала снежная вершина Орисабы.

Отряд, ведомый доном Луйсом, ступил на узкую тропинку, пролежавшую глубоко между отвесных скал, откуда поднимался сероватый туман. Здесь начинались знаменитые ущелья лас Кумбрес.

За доном Луисом ехали дон Гутьерре и его племянник.

Девушек отделяли от них шагов тридцать, и они не могли слышать разговора мужчин.

Дон Луис подозрительно огляделся по сторонам, как бы желая убедиться, что никого из посторонних поблизости нет, заговорил тоном, свидетельствующим о серьезности предстоящего разговора.

— Вот лас Кумбрес, сеньоры. Через два, самое большее через три часа нам предстоит встреча с сальтеадорами.

— Ах! — с беспокойством воскликнул Гутьерре. — Что вы такое говорите, дон Луис!

— Я говорю правду, сеньор, и для доказательства моих слов взгляните вон в ту сторону, — ответил француз, протягивая руку в указанном направлении. — Видите вон тот выдающийся вперед мыс, покрытый лесом?

— Да, я отлично вижу его; мы находимся от него на расстоянии не более трех миль.

— Не совсем так, но для нас, по крайней мере сейчас, это не имеет особого значения... Я хотел сказать, что в данный момент в том лесу укрывается человек тридцать сальтеадоров, поджидающих нас.

— Проклятье! Неужели это правда?

— Я в этом убежден.

— Да, да, — проговорил дон Мигуэль, печально покачивая головой, — я узнаю это место, именно здесь они всегда и устраивают засады.

— Этот мыс или, лучше сказать, стрелка, — невозможно продолжал француз, — занимает довольно большую территорию, поросшую густым лесом, там-то и обретаются сальтеадоры.

— Но, — сказал дон Гутьерре, — нас тут пятнадцать смелых, отважных людей, и мне кажется, нам будет не трудно, если мы пожелаем проложить себе путь!

— Выслушайте теперь меня, сеньор. Нас действительно пятнадцать человек, но вовсе не смелых, из которых к тому же нужно вычесть предателей.

— Предателей! — вскричал Мигуэль.

— Я их знаю, — спокойно отвечал дон Луис.

— И вы ни одному из них не прострелили до сих пор голову?

— Нет, это никогда не поздно сделать, — спокойно ответил француз. — У меня свои соображения на этот счет, а теперь я продолжаю. Кроме предателей, нам нужно вычесть еще и трусов.

— О! — снова воскликнул дон Гутьерре.

— Простите, сеньор, — смеясь, сказал француз, — позвольте вам заметить, что вы меня просто удивляете своей наивностью... Вы берете с собой пятнадцать слуг и воображаете, что все они вам безусловно преданы и готовы за вас отдать жизнь... Как бы не так!.. Это было бы чересчур глупо с их стороны, и я считаю их совершенно неспособными на это... Преданность в этой стране, как и

езде, впрочем, есть не что иное, как капитал, отданный в рост за большие проценты... Какую же выгоду получают ваши пеоны, если их зарубят из-за вас? Никакой, не так ли? Поэтому и не рассчитывайте на них... Я надеюсь, что хотя бы шестеро из них не побегут от врага и исполнят свой долг... Хорошо! Шестеро их да нас трое, это будет всего девять... Неужели же вы серьезно рассчитываете вдвоем одолеть тридцать сальтеадоров. Потом, вы, наверное, совсем забыли, что с вами две женщины, которых надо во что бы то ни стало спасти в первую очередь... Вступать в битву при подобном раскладе сил было бы чистейшим безумием, а я считаю вас достаточно разумным для того, чтобы серьезно рассчитывать на это.

— В таком случае, что же нам делать, скажите мне ради самого Неба!

— Вот в этом-то и вопрос! Случай исключительный, положение крайне щекотливое... Клянусь Богом, я уже около трех часов ломаю голову, стараясь придумать какой-нибудь выход, но мне это не удастся... Не пройдет и получаса, как мы окажемся в волчьей пасти, и поэтому мы должны как можно скорее что-нибудь придумать...

— Что же нам делать? — с тревогой в голосе одновременно спросили француза оба спутника.

— Пока еще не знаю... Давайте хорошенько обсудим, но прежде скажите мне, угодно вам будет уполномочить меня действовать от вашего имени?

— Конечно, — поспешил заверить его дон Гутьерре.

— То есть, — продолжал француз, — вы представляете мне полную свободу действовать в общих интересах и заранее соглашаетесь со мной, что бы я ни сделал?

— Да.

— Это уже много значит... и вы подтвердите обязательства, если я их дам от вашего имени?

— Клянусь вам!

— Но только думайте сначала о том, что вы будете обещать, дон Луис, — сказал дон Мигуэль глухим голосом. — Вы должны избавить и защитить моих кузин от малейшего оскорбления.

— Постараюсь, хотя человек не имеет права обещать больше того, что он в состоянии исполнить... Я, со своей стороны, обещаю вам, дон Мигуэль, что прежде погибну, чем хоть один из сальтеадоров посмеет коснуться кончиком пальца мантильи ваших кузин.

— Благодарю вас, дорогой дон Луис, — взволнованно отвечал дон Мигуэль, пожимая ему руку. — Я знаю, какое у вас благородное сердце, и я верю вам.

— Вот что, по-моему, вы должны сделать, сеньоры. Вы постепенно замедлите движение каравана таким образом, чтобы между вами и мной было, по крайней мере, сто шагов, и держите ваше оружие наготове на случай, если придется вступить в бой, однако никак не проявляйте своего неприязненного отношения без моего сигнала, иначе мы погибнем... Если начнется битва, нас не спасет от гибели ничто. Решено, не так ли?

— Мы будем во всем вам повиноваться!

— Хорошо, а теперь положитесь на милость Божию! Не забывайте же того, что я вам сказал, и пустите меня прямо в мышеловку.

Вслед за тем он махнул рукой, раскурил сигару и, слегка прищиприв лошадь, помчался вперед, а дон Гутьерре и дон Мигуэль, наоборот, придержали своих лошадей, чтобы дать каравану подойти к ним.

Сальтеадоры

Дон Луис продолжал скакать вперед, с каждой минутой приближаясь к тому месту, где прятались сальтеадоры.

Глядя на его спокойное лицо, на то, с каким блаженством он курил сигару, никому и в голову не могло бы прийти, что этот человек прекрасно отдавал себе отчет в поджидавшей его опасности и даже мог бы указать место, где именно на него нападут.

Француз, надо сказать, был основательно вооружен: из седельных кобур выглядывали рукоятки двух шестиствольных револьверов и два таких же револьвера заткнуты за пояс. Кроме того, на боку у него была длинная шпага, за голенищем — нож, а двухствольный карабин с примкнутым штыком в виде сабли лежал перед ним поперек седла — словом, он почти мгновенно мог сделать двадцать шесть выстрелов. И это не считая холодного оружия.

Испанцы не сводили тревожного взора с француза, которого теперь отделяло от засады уже совсем незначительное расстояние.

В ту минуту, когда дон Луис достиг стрелки, перед ним немедленно появился на прекрасной вороной лошади элегантно одетый всадник.

Лицо всадника было прикрыто черной бархатной полумаской.

— Виноват, кабальеро, — вежливо проговорил незнакомец, — не будете ли вы любезны одолжить мне огня?

— С величайшим удовольствием, кабальеро, — ответил француз не смущаясь.

И, остановив лошадь, он протянул незнакомцу сигару. Последний взял ее, но закурил свою.

Тем временем дон Луис, как знаток, любовался лошадью незнакомца.

— Какая чудная у вас лошадь, кабальеро, — сказал он. — Позвольте мне искренне вас поздравить с таким приобретением.

— Да, она и в самом деле недурна, — отвечал незнакомец, возвращая сигару и кланяясь.

— Таковую именно лошадь, — продолжал дон Луис, — мечтал я всегда приобрести.

— Я вам верю кабальеро, но, простите, мне хотелось бы предложить вам один вопрос.

— Я к вашим услугам, кабальеро, — сказал француз, кланяясь.

— Вы, вероятно, входите в состав отряда путешественников, направляющихся сюда?

— Да, сеньор, я путешествую в их обществе.

— Я так и предполагал. Но тогда зачем же вы настолько опередили ваших друзей?

— На это существует много причин, кабальеро, — отвечал, улыбаясь, дон Луис.

— Не найдете ли вы возможным сообщить их мне, сеньор?

— Отчего же нет? — сказал француз, по-прежнему улыбаясь. — Во-первых, я желал повидаться и переговорить с вами, сеньор.

— Переговорить со мной?! — с удивлением воскликнул незнакомец. — Вы, верно, шутите?

— Нимало, уверяю вас.

— Неужели вы знали, что встретитесь со мной?

— Да, сеньор, — твердо проговорил француз, — и не только вас, но и сопровождающих вас всадников, которые, не знаю почему, упорно не желают появляться.

Незнакомец с минуту внимательно смотрел на него.

— Вы, очевидно, человек очень смелый, сеньор, — сказал он затем.

— Мне всегда это говорили, сеньор.

— Ну, а если вы знали наперед, что встретите меня здесь, и если желали со мной говорить, говорите, кабальеро, я вас слушаю.

Дон Луис поднял правую руку.

Путешественники остановились.

— Что означает этот ваш жест, сеньор? — спросил незнакомец.

— Я подаю знак моим друзьям остановиться, — отвечал он, — чтобы мы могли потолковать не спеша.

Незнакомец весело расхохотался.

— Ну, а если бы я приказал появиться моим спутникам? — спросил он затем.

— По всей вероятности, они исполнили бы ваше приказание, но к чему бы это повело? — беспечно проговорил дон Луис.

— Я жду, чтобы вы объяснились, — продолжал незнакомец.

— Извольте, сеньор. Но сначала позвольте мне предложить вам один вопрос. Не ошибаюсь ли я, принимая вас за начальника тех достойных кабальерос, которые скрываются в чаще?

— Предположим, что это так, — отвечал незнакомец.

— Простите, но мне хотелось бы знать это наверное.

— Извольте, я начальник этих кабальерос.

— Вас человек сорок, не так ли?

— Нас ровно двадцать пять человек... может быть, вам кажется, что это слишком мало?

— Может быть. Нас, правда, только пятнадцать, но мы все, как видите, отлично вооружены.

— Недурно.

— Не правда ли? А между тем, я желал бы, если только это возможно, избежать столкновения.

— Каждый как умеет, зарабатывает свой хлеб, сеньор. Времена сейчас трудные.

— Да, торговля идет плохо... Ну, так вот об этом-то я и хотел потолковать с вами, а заодно сделать вам предложение.

— Предложение?

— Клянусь честью, да. Надеюсь, вы ведь не считаете необходимым непременно вступить с нами в бой?

— Если этого можно избежать...

— Разумеется. Я изложу мое предложение в двух словах. Нас пятнадцать человек.

— Вы это уже говорили.

— Я уплачу вам по полторы унции за каждого пеона, что составит восемнадцать унций.

— А за господ?

— По пять унций за каждого.

— Всего, значит, двадцать восемь унций?

— Да. Это кругленькая сумма.

— Но этого мало.

Француз сделал удивленное лицо.

— Я сказал, что этого мало, — повторил незнакомец.

— Я отлично слышал ваши слова, но, признаюсь, не понимаю, как можно считать такую сумму недостаточной?

— Но вы же не считаете выкупа за дам.

— Верно, я про них совсем и забыл. Ну, хорошо, я добавлю вам еще двадцать унций за дам.

— Но и это еще не все.

— А именно?

— Навьюченные мулы.

— Гм! Вы, по-видимому, собрали подробные сведения.

— Исчерпывающие, сеньор.

— Это видно... Я готов прибавить еще восемь унций за мулов, и, таким образом, весь выкуп составит пятьдесят унций — это очень хорошая сумма.

— А все-таки этого недостаточно.

— Что?! Вы считаете недостаточно пятидесяти унций? — с удивлением проговорил француз.

— Я требую сто унций, — невозмутимо объявил незнакомец.

— Ну, знаете, что я вам скажу? Вы заламываете слишком большую цену!

— Вы так считаете?

— Да.

— Но вы забываете главное, я ведь могу, если пожелаю, завладеть всем вашим имуществом.

— Это ваше намерение кажется мне несколько рискованным, сеньор, — холодно отвечал француз. — Но поскольку я хочу доказать вам мое искреннее желание покончить дело миром, я согласен исполнить ваше требование: вы получите сто унций.

— Когда?

— Через десять минут. Или, может быть, вы находите этот срок слишком долгим?

— Нет, я согласен. Но прежде, чем окончательно принять ваше предложение, я должен посоветоваться с моими товарищами.

— Что ж, посоветуйтесь, сеньор.

— Вы не испугаетесь их?

— Я! — француз презрительно пожал плечами. — Вы забываете, сеньор, что в моем распоряжении двадцать шесть выстрелов, а вас только двадцать пять человек.

Это был маневр вполне в мексиканском духе, и незнакомец его оценил.

— Вы настоящий мужчина, — сказал он.

Дон Луис молча поклонился.

Незнакомец хлопнул два раза в ладоши, и почти в ту же минуту несколько человек, тоже в масках, вооруженных до зубов и на прекрасных лошадях, выскочили из леса и обступили начальника.

Француз отъехал немного в сторону, чтобы не мешать им совещаться.

Начальник сообщил им о предложении дона Луиса.

Насколько француз мог судить по выражению лиц и по жестам сальтеадоров, те отказались принять условия, предложенные доном Луисом.

Француз подумал, что не удастся избежать сражения с этой бандой, и на всякий случай убедился, что оружие его находится в полном порядке и может быть пущено в дело в любую минуту.

Между тем прения, видимо, принимали благоприятный оборот для путешественников, большинство сальтеадоров склонилось на сторону начальника, и только двое упорно продолжали стоять на своем.

Начальник вынудил их подчиниться, а затем подъехал к дону Луису.

— Мы согласны, — сказал он. — Где деньги?

— Сейчас привезу.

— Поезжайте и возвращайтесь поскорей, или я ни за что не ручаюсь.

— А я ручаюсь за все, — возразил француз насмешливым тоном.

И, повернув лошадь, он галопом помчался к отряду путешественников, с тревогой ожидавшего результата переговоров.

— Ну! До чего вы договорились? — спросили его дон Гутьерре и дон Мигуэль.

— Все в порядке, — отвечал француз, — но к сожалению, это обойдется вам дорого.

— Пустяки! — вскричал дон Гутьерре. — Лишь бы нам отделаться от них.

— Я тоже так думаю.

— Значит, они согласны взять выкуп? — спросил дон Мигуэль.

— Да. Но выкуп огромный, целых сто унций.

— Если бы потребовалось, я уплатил бы вчетверо больше, — весело сказал дон Мигуэль.

— Давайте скорей, они ждут с нетерпением.

Дон Мигуэль и дон Гутьерре пошарили в карманах и вручили обусловленную сумму дону Луису.

Отряд тронулся вперед.

Дон Луис ехал впереди.

Сальтеадоры выстроились на дороге полукругом с предводителем посередине.

— Вот назначенная вами сумма, — сказал француз, вручая набитый золотом кошелек начальнику сальтеадоров. — Потрудитесь, пожалуйста, пересчитать.

Незнакомец взял кошелек и стал считать деньги. Тем временем некоторые из его товарищей, пошептавшись между собой, внезапно бросились на путешественников с саблями и пистолетами.

— Измена! — вскричал дон Луис, стреляя в нападающих из револьверов.

Путешественники старались держаться твердо и готовились к защите.

Столкновение становилось неизбежным. Но тут, к счастью, вмешался начальник. Он смело преградил путь своим сообщникам и громко крикнул:

— Что это значит, кабальерос? Неужели вы хотите обесчестить себя, нарушив данное слово!.. Назад, говорю я вам! Я этого требую!.. Я убью как собаку того, кто осмелится послушаться меня!..

Бандиты отступили.

Один из нападающих упал, но ранен не был. Дон Луис специально выстрелил не в него, а в его лошадь. благородное животное увлекло за собой и своего всадника, и тот упал на землю к самым ногам лошади дон Луиса.

При этом — последнее, впрочем, было вполне естественно — тесемки от маски развязались или лопнули, обнажив лицо сальтеадора.

— Э! Э! Сеньор Рамон Ареморо, — сказал француз, насмешливо улыбаясь. — Мне доставляет огромное удовольствие лицезреть вас! Боже праведный! Я был почти уверен, что это именно вы. Однако вам не повезло, как и в первый раз... Согласны вы со мной?

Дон Рамон, а это действительно был он, приподнялся с земли и с яростным криком, словно тигр, бросился с ножом на дон Луиса.

Но последний, очевидно, знал, с кем имеет дело, и все это время держался настороже. Он мгновенно вытащил ногу из стремени и со всего размаху ударил негодяя сапогом в грудь, так что тот замертво рухнул на землю.

Тогда начальник сальтеадоров подошел к французу.

— Все точно, сеньор, — сказал он, — можете продолжать путешествие вместе с вашими спутниками, но послушайте меня и не совершайте новых нападений, это может слишком дорого вам обойтись.

— Сеньор, я не нападаю, а только защищался. Вы, в свою очередь, тоже послушайте меня и не пытайтесь мне угрожать, вам не удастся меня запугать.

В рядах сальтеадоров послышался ропот.

— Будь я один, — крикнул француз звенящим голосом, — я никогда не согласился бы платить вам выкуп. Клянусь Богом, я этого не сделал бы ни при каких обстоятельствах и проложил бы себе путь силой!..

— Перестаньте хвастаться, кабальеро. Проезжайте себе с Богом! — сухо проговорил начальник.

Дон Луис презрительно передернул плечами и ничего не ответил.

— Вперед! — крикнул он пеонам.

Последние погнались мулов.

Француз выждал, пока они продефилировали мимо него, затем, когда весь его отряд исчез за поворотом дороги, и он остался один на один с сальтеадорами, сгруппировавшимися в нескольких шагах от него, он выхватил револьверы:

— Ну! Дорогу мне, разбойники! Кто из вас осмелится меня остановить?

На его вызов никто не ответил.

По знаку своего начальника сальтеадоры повернули лошадей и галопом умчались в лес.

Дон Луис расхохотался.

— Как жаль, что с нами две женщины! А мне так хотелось бы преподать этим негодяям урок!

Затем он снова сунул револьверы в кобуру и удалился мелкой рысцой, время от времени оглядываясь, чтобы убедиться, что сальтеадоры окончательно отказались от попытки сразиться с ним.

Когда он, в свою очередь, исчез за поворотом дороги, из леса вышел человек и, настороженно озираясь по сторонам, подкрался к дону Рамону, которого сальтеадоры

не удосужились прихватить с собой и который по-прежнему лежал на земле. Он приподнял его, взвалил себе на плечи и, посадив у дерева, стал заботливо приводить его в чувство.

Человек этот был капитан дон Ремиго Диас.

Вскоре дон Рамон не замедлил открыть глаза.

— Ах, это вы, дон Ремиго? — сказал он слабым голосом. — Благодарю вас за заботу.

— Не стоит благодарности, сеньор. Дружба не позволила мне покинуть вас.

— А где же остальные ваши товарищи?

— Кто их знает? Разделив между собой полученный выкуп, они разбежались в разные стороны.

— И покинули меня здесь?

— Да, но я вспомнил про вас.

— Благодарю вас еще раз, дон Ремио. Я не забуду услуги, которую вы мне оказываете в эту минуту. А где проклятый француз?

— Удалился чуть ли не шагом, издевательски насмехавшись над нами.

— О, дьявол! Если мне даже придется преследовать его до самого ада, я все равно ему отомщу.

— Не забывайте, что это очень опасный противник, способный доставить немало хлопот.

— Да, да, он храбр, — отвечал дон Рамон со зловещей улыбкой. — Но вы же знаете, что маленькая коралловая змея способна убить царя зверей — ягуара. Я убью дон Луиса Морэна.

— Значит, мы не вернемся в Веракрус?

— Нет, нет и нет, по крайней мере не раньше, чем мы отомстим.

— Я хочу еще сообщить вам, что дон Луис сейчас держит путь в Мехико, а куда он отправится потом, неизвестно.

— Зато мне это известно. Но, надеюсь, ему не удастся уехать из Мехико.

— Да услышит вас Небо, дорогой сеньор. Я уступил бы, кажется, свое место в раю, которое, надеюсь, мне там уготовано, лишь бы добиться того, о чем вы говорите. Но вот о чем я еще подумал: мы очутимся в Мехико среди сторонников изменника Мирамона, и нам придется употребить всю нашу хитрость, чтобы не обнаружить себя.

— На этот счет будьте спокойны. Я богат, и у меня есть там друзья.

— Увы! — проговорил дон Ремиго со вздохом. — Я не могу похвастаться ни тем, ни другим.

Дон Рамон зло улыбнулся.

Капитан дон Ремиго продолжал:

— Как же нам быть? Мы ведь еще очень далеко от Пуэблы.

— Э! Стоит ли говорить об этом?.. Как-нибудь доберемся.

— Это верно, но ваша лошадь убита, а моя основательно загнана, так что мы не сможем быстро продвигаться вперед... А! Знаете, что мне пришло в голову?.. Вы ранены, и поэтому садитесь на мою лошадь.

— Благодарю, потому что и в самом деле чувствую себя неважно, этот негодяй нанес мне сильный удар в грудь.

Дон Ремиго поспешил в лес и вскоре вернулся, ведя свою лошадь.

Он помог своему другу, или, скорее, сообщнику, взобраться на лошадь, и они медленно двинулись в путь, направляясь к Пуэбле.

Мехико

С самого начала мексиканской войны, особенно же после взятия Пуэблы, Мехико оказывается в центре внимания журналистов, появляется множество описаний города.

К сожалению, то ли потому, что журналисты не имели возможности добыть точные сведения, то ли потому — это всего вероятнее, — что не потрудились как следует их поискать, все эти описания весьма поверхностны и содержат массу неточностей.

Вот что говорится в старинных хрониках об основании этого города.

В начале 1140 г., в то самое время, когда умер Гуэтсина, король Тескуко, мексиканцы проникли в эту страну и достигли того места, где теперь стоит Мехико. В те времена здесь находились владения Акульгуа, правителя Атэ-капутзалько.

Хотя мексиканцы появились в этих местах уже в 1140 г., но только в 1142 г., то есть два года спустя, *американская Венеция действительно начала выходить из лона вод.*

Мы намеренно подчеркнули последние слова. Дело в том, что большинство авторов безапелляционно утверждают, будто город Мехико был основан близ озера Тескуко, тогда как следовало бы сказать, посреди озера. Это далеко не одно и то же.

Подобно своей европейской сестре Венеции, поначалу Мехико представлял собой большую деревню с жалкими хижинами, служившими временным прибежищем для попавших в беду рыбаков.

Однако постоянные набеги дикарей заставили мекси-

канцев, селившихся на бесчисленных маленьких островах, осознать необходимость объединиться для отпора врагам. Благодаря невероятному упорству, им удалось построить дома на сваях, а потом и создать те самые чинампас, нечто вроде плавучих садов, где они выращивали овощи, индейский перец, маис, которые наряду с охотой на водяных птиц обеспечивали их едой.

Мы считаем необходимым исправить также ошибку одного современного писателя, который приписывает основание этого города ацтекам и называет его Теностиллан вместо Темикститлан, которое, собственно, и есть настоящее название города.

Город Мехико, почти полностью разрушенный во время жестоких сражений между мексиканцами и испанцами, через четыре года после окончательного завоевания его мексиканцами, был заново построен Фердинандом Кортесом. Хотя и был сохранен прежний план, новый город совсем не походил на прежний: большая часть каналов была засыпана, на их месте появились мощеные улицы, были воздвигнуты великолепные дворцы, построены монастыри, и город приобрел абсолютно испанский вид.

С тех пор уровень воды в озере становился все ниже и ниже, воды постепенно отступили, и только в самой низкой части города, на месте бывших каналов кое-где сохранились грязные лужи.

Мехико расположен на одинаковом расстоянии от обоих океанов, на высоте 2280 метров над уровнем моря, то есть на одной высоте с горой Сен-Бернар, поэтому ему присущ прелестный умеренный климат. По одну сторону от него возвышается гора Попокатепетль с дымящейся вершиной, а с другой — Истасигуальт, или Белая Женщина; седые вершины этих гор, покрытые вечным снегом, уходят высоко в облака.

Мавританская архитектура зданий, дома, выкрашенные в светлые тона, бесчисленные купола церквей и монастырей, как бы прикрывающие и тут и там столицу огромными желтыми, голубыми или красными зонтами в золотом блеске лучей заходящего солнца; теплый и благоуханный ветерок, пробегающий, словно играючи, по густой листве деревьев, — все это придает Мехико своеобразный характер, и поражающий, и восхищающий одновременно.

Мы говорили уже, что Мехико был заново выстроен по

изначально сложившемуся плану. Как и во времена Моктекусы, он разделен на четыре главных квартала; все улицы пересекаются под прямым углом и, как бы образуя пять главных артерий, выходят к Большой, или Главной, площади. Эти главные улицы: Такуба, Монтерилья, Сан-Доминго, Монеда и Сен-Франциско.

Все испанские города Нового Света скроены, так сказать, на один манер, и Главная площадь всюду выглядит одинаково.

В Мехико с одной стороны площади находится собор, с другой — Президентский дворец, в котором размещаются также канцелярии четырех министерств, казармы, тюрьма и т.д.; с третьей стороны находится муниципалитет и, наконец, с четвертой — рынок «Ворота цветов», который единственно уцелел от старых времен.

В этой части площадь украшена порталами или монастырскими переходами, где гнездятся уличные писцы да торговцы тамалес и прохладительных напитков.

По совету Луи Морэна путешественники обошли Пуэблу стороной, не заходя в нее, и продолжали путь прямо в Мехико.

Француз, в обязанности которого по-прежнему входило служить проводником маленького отряда, вывел его глухими тропинками к самому городу через три дня после встречи с сальтеадорами. Дорога прошла вполне благополучно при том, что путь отряда пролегал через знаменитый лес дель Пиналь, пользующийся вполне заслуженной дурной славой.

Путешественники достигли заставы акуба в тот момент, когда звон колоколов возвестил о начале вечерней молитвы.

В мексиканской столице запрещено ездить по улицам на лошадях от захода до восхода солнца.

Путешественники остановились в гостинице, где решили оставить на время своих вьючных животных и лошадей, а также сопровождающих их слуг.

Дело в том, что мексиканские гостиницы существенно отличаются от наших. Все заботы владельцев гостиниц о постояльцах ограничиваются обеспечением их водой и столовыми приборами. Все остальное предоставляется за-

---

* Тамалес — мексиканское национальное блюдо типа кукурузной лепешки со свиным мясом, а также жареная свинина.

ботам самих постояльцев. Если у них имеется при себе провизия — хорошо, если нет — придется обойтись без ужина. Как они проведут ночь, владельца гостиницы не интересует. Его обязанность — лишь предоставить кровать — раму с натянутой на нее бычьей шкурой.

Владельцы мексиканских гостиниц, как правило, народ вороватый и дерзкий: дерут цены, какие им вздумается, и дают приют только понравившимся им путешественникам.

По счастливой случайности, дон Луис был знаком с хозяином гостиницы, где поздний час заставил остановиться дона Гутьерре и его спутников. Дон Луис издавна поддерживал с ним добрые отношения и даже не раз оказывал ему кое-какие услуги.

Из расположения к своему французскому другу хозяин гостиницы выказал себя довольно сговорчивым и почти вежливым и даже снизошел до того, что, понятно, за деньги согласился доставить путешественникам все, в чем они нуждались.

Девушки изнемогали от усталости, и поэтому речи не могло быть о том, чтобы отправиться пешком на другой конец города, где на улице Монтерилья у дона Гутьерре был собственный дом.

Покончив со всеми необходимыми приготовлениями на ночь, дон Гутьерре приказал подать ужин, после чего девушки отправились спать, а трое мужчин, раскурив сигары, остались посидеть и поболтать.

— Вот мы, наконец, и в Мехико! — сказал дон Гутьерре, вздохнув с облегчением. — Слава богу!

— Вы, вероятно, не рассчитываете побыть здесь долго? — спросил его дон Луис.

— Я пробуду здесь как можно меньше, сеньор. Вы знаете, так же как и я, насколько для меня важно уехать отсюда прежде, чем разразится катастрофа. Отряды Хуареса стягиваются к городу, который они не замедлят обложить со всех сторон, и Мехико может оказаться в осаде. Мне же, признаюсь, вовсе не улыбается остаться в осажденном городе. Стоило ли бежать, подвергая себя ужасному риску, из Веракрус, чтобы дать изловить себя в Мехико?

— Видимо, вы пробудете здесь дней восемь.

— Самое большее. Но если будет хоть малейшая возможность, то и меньше.

— Прекрасно. В таком случае я считаю бессмысленным

тащить ваш багаж в город. Лучше всего было бы направить его уже завтра в Гвадалахару. Дорога туда пока еще совершенно свободна. Таким образом, ваши пеоны будут в полной безопасности, а когда, наконец, соберетесь ехать и вы сами, то сможете гораздо быстрее проделать свой путь, особенно если вам будет грозить какая-либо опасность или арест.

— Ваша мысль, дон Луис, прекрасна. Завтра же я отправлю моих пеонов в Гвадалахару. Они будут двигаться не спеша, а мы догоним их через несколько дней.

— Значит, решено! Да, вот что я хотел вам еще сказать... Я советую вам оставить при себе двоих из ваших людей, тех самых, кого нанял дон Мигуэль.

— Карнего и Педрозо? — живо спросил дон Мигуэль.

— Да, именно их.

— Признаюсь, я очень мало их знаю, но и то немного, что мне известно, характеризует их далеко не лучшим образом.

— Зато я их знаю достаточно хорошо. Эти негодяи, весьма полезные при случае, достойны виселицы и мешка и, по-моему, их следует держать постоянно при себе. Не отпускайте их ни на шаг, дон Гутьерре, послушайте меня.

— Будет сделано, как вы советуете, сеньор.

— Ну, а теперь, после того как мы обсудили все вопросы, позвольте нам, дон Гутьерре, пожелать вам покойной ночи, — продолжал француз, вставая. Дон Мигуэль тотчас же последовал его примеру.

— До завтра, сеньоры, — отвечал дон Гутьерре, провожая их до дверей. — Надеюсь завтра услышать от вас добрые вести.

— Постараемся, сеньор.

Дон Луи и дон Мигуэль простились с доном Гутьерре и покинули гостиницу.

Было около девяти часов; ночь выдалась великолепная, светлая и прозрачная, которая несвойственна этому климату. Темно-синее небо сияло мириадами ярких звезд, тростник на озере колыбался под легким дуновением ветра, таинственно нашептывая что-то.

Дон Луис и дон Мигуэль некоторое время шли рядом.

— Что с вами, дон Мигуэль? — спросил, наконец, француз. — Вы сегодня что-то особенно грустны.

— У меня и в самом деле тяжело на душе, дорогой дон Луис.

— Я не понимаю, чем можно объяснить такое мрачное настроение.

— А это потому, что вы ничего не знаете, — ответил молодой человек, стараясь подавить вздох.

— Но я буду знать, если вы мне скажете.

— Мне нет резона скрывать от вас то, что, может быть, через несколько минут вы узнали бы от другого.

— В чем же дело, скажите Бога ради, друг мой? Вы меня просто пугаете!

Они как раз подходили к Главной площади, сверкавшей огнями и запруженной толпой гуляющих, которые после душного дня, проведенного дома, наслаждались ночной прохладой.

— Знаете что — предложил дон Мигуэль. — Давайте зайдем вот в эту неверия, там удобнее беседовать, нежели на ходу, среди толпы.

— Как вам будет угодно.

Они вошли в лавку и сели за столик у двери. Дон Мигуэль приказал подать им тамариндовой настойки и, дождавшись, когда они останутся одни, сказал:

— Друг мой, настало время вам узнать, что меня так страшно мучает. Я солгал дяде.

— Вы солгали? Вы? — вскричал дон Луис. — Этого не может быть!

— Благодарю вас, — отвечал молодой человек улыбаясь. — К сожалению, это правда. Я солгал, но, — поспешил он добавить, — я в этом не виноват.

— Признаюсь, я совсем вас не понимаю, — сказал дон Луис. — И с большим нетерпением жду, чтобы вы объяснили понятнее.

— Моего отца нет в Мехико, и он сюда не приедет... Он просто не может приехать.

— Что вы говорите?! — вскричал француз с нескрываемым изумлением.

— Истину. Мой отец по распоряжению губернатора Соноры находится как бы под арестом у себя на гасиенде Аквас Фрескас. Поэтому он не только не в состоянии помочь моему дяде бежать, но, напротив, сам рассчитывает

---

* Неверия — лавка, где продаются прохладительные напитки и даже лед.

на его помощь... А теперь посоветуйте, что я должен делать.

— Гм! Случай серьезный, признаюсь вам, дон Мигуэль.

— Боже праведный! Это я и сам знаю! — горестно воскликнул молодой человек.

— Но, — продолжал француз, — при всем при том пока не от чего приходить в отчаяние. С Божьей помощью я выручу вас из положения, в котором вы очутились.

— О! Я буду благословлять вас всю жизнь, друг мой!

— В этом пока нет необходимости, — отвечал француз улыбаясь. — Вы ведь помогли мне в беде, дон Мигуэль, теперь настал мой черед, и, видит Бог, я сделаю для вас все, что от меня зависит... А теперь постараемся оценить обстановку... Если не ошибаюсь, гасиенда де Аквас Фрескас находится в окрестностях рио Гиля?

— Увы, да, друг мой! Так сказать, в самом логове команчей. Как вы, конечно, знаете, именно там находятся самые богатые золотые россыпи, которыми владеет мой отец.

— Какая странная мысль пришла в голову господину де Сетина избрать для себя именно это убежище!

— Ему не оставалось другого выбора. Путем различных ухищрений губернатор Соноры принудил его поспешно бежать из Петика. По городу пронесся слух, что отца хотят расстрелять.

— Да, да, — проговорил француз, гневно сверкнув глазами, — я хорошо знаю генерала Альвареса. Но чем же мотивировал он свои выходки?

— Ничем. Мой отец испанец — этого вполне достаточно.

— Да, этого действительно достаточно, хотя и с французами он поступает так же, как с кастильцами, — он не любит иностранцев... Я уверен, что он мог бы спокойно расстрелять вашего отца без каких-либо ссылок на закон, как он расстрелял, прикрываясь законом, моего бедного соотечественника Гастона де Руассе.

— Весьма возможно... Отец испугался и бежал. Одно только место сулило ему сравнительно надежное убежище, это — гасиенда Аквас Фрескас, поскольку она находится на индейской территории.

— Да, да, Альварес не рискнет сунуть туда нос! Но нам-то придется туда пробраться, а это задача не из легких. Не говоря уже о том, что для этого необходимо прой-

ти всю индейскую территорию вплоть до Гваямаса, да так, чтобы за нами не увязались шпионы Альвареса. Черт побери! Это трудная задача, клянусь спасением моей души!.. Не забудьте еще, что с нами две женщины.

— Нельзя ли нам оставить кузин в каком-нибудь пограничном городе?

— Ну и ну, хорошо вы придумали, дон Мигуэль, ничего не скажешь!.. Альварес захватит синьорит и будет держать их в качестве заложниц.

Молодой человек в отчаянии потупился.

— Что же делать? — прошептал он.

— Прежде всего не впадать в отчаяние, а потом хорошенько все обсудить, или вы забыли старую кастильскую пословицу: есть средство от всего, кроме смерти? Если я не ошибаюсь, пока мы все, кажется, живы и здоровы — значит, ничего еще не потеряно. А что, ваш дядя хорошо знает побережье Тихого океана?

— Он никогда не бывал дальше Мехико.

— И прекрасно. Дело упрощается: мы будем определять маршрут по своему усмотрению. Прежде всего нам надо нанять людей, привычных к путешествию по территориям индейцев и не способных отступить из страха лишиться скальпа.

— Где же можно найти таких людей?

— В Мехико, имея деньги, можно найти кого угодно.

— О, деньги у нас есть.

— Тогда найдутся и люди... Теперь около полуночи, как раз самое подходящее время. Если вы свободны, поедете со мной, и через несколько минут я приведу вас в такое место, где я буду иметь честь представить вам огромную коллекцию отъявленных мошенников... Нанятые вами разбойники сущие агнцы в сравнении с этими субъектами.

— Черт возьми! Вы, однако, не стесняетесь в выражениях, — улыбаясь, проговорил молодой человек.

— Идите за мной, и сами все увидите.

Велорио

Во всех столицах как Старого, так и Нового Света немало домов, обитатели которых как бы наперекор всему городу бодрствуют по ночам. Эти дома, где ночью играют, пляшут и поют, служат притонами для отщепенцев цивилизации, подонков общества, которые в пьяном угаре расшвыривают здесь золото, серебро и прочие ценности, добытые, по большей части, путем грабежа, а то и убийства.

В Европе такие дома находятся под пристальным надзором полиции. Именно в таких притонах ей чаще всего удастся выловить преступников, порой разыскиваемых несколько лет. Не будь этих мерзких притонов, быть может, они так никогда и не попали бы в руки закона.

В Мексике совсем иначе. Эти головорезы внушают таковой, впрочем, вполне понятный, ужас низшим чинам муниципальной полиции, что они не только не смеют сунуть нос в такие дома, но даже обходят стороной улицы, где эти дома расположены. Вот почему эти своеобразные «дворцы чудес» существуют вполне легально, а их посетители ничего не боятся, так как знают, что никто никогда не осмелится их потревожить.

Отличительной чертой мексиканских притонов является то, что здесь можно встретить представителей не только всех слоев и классов общества, но и различных политических группировок, которые поочередно завладевают властью.

Вот в один из таких притонов дон Луис и повел дон Мигуэля.

Городские улицы постепенно пустели, и лишь изредка

можно было встретить запоздалых прохожих, поспешно перебежавших на противоположную сторону улицы при виде двух молодых людей.

Пройдя около получаса по пустынному городу, молодые люди свернули в мрачный переулок, выходивший на один из каналов, и остановились перед домом более чем подозрительной наружности, над изъеденной червоточинной дверью которого горел фонарь.

— Здесь, — сказал дон Луис. — Ничему не удивляйтесь, но старайтесь незаметно для других постоянно держать одной рукой кошелек, в другой револьвер, чтобы в любую минуту быть готовым пустить его в дело.

— Куда же это вы меня привели?

— В главный притон столицы, незаменимое местечко для изучения местных нравов... Сейчас сами увидите, — добавил он улыбаясь.

Затем дон Луис как-то по-особому стукнул три раза в дверь дома рукояткой ножа.

На стук довольно долго не отвечали.

Потом, словно по волшебству, шум и веселье в доме внезапно смолкли и наступила полная тишина.

Послышались медленно приближающиеся тяжелые шаги, и дверь приотворилась с грохотом железа и звоном ключей, способными устыдить даже тюрьму.

Мы сказали, что дверь только приотворилась. Это потому, что в Мехико часты ночные грабежи, и горожане, дабы защититься от неожиданных визитеров снабжают двери цепочкой, не позволяющей широко распахнуть дверь.

Показалась обмотанная рваным, засаленным клетчатом платком голова, и пьяный голос грубо спросил:

— Кто вы такие, черт вас побери?

— Друзья, — тотчас же отвечал дон Луис.

— Какого дьявола вам не спится! Таскаются по ночам, беспокоят честных людей, которые мирно беседуют с приятелями. Ступайте к черту!

И он сделал движение, как бы желая закрыть дверь.

— Подожди, скотина! — вскричал дон Луис. — Экое животное! Ты что, не узнал Пантеру?

— А-а! — снова показалось испуганное лицо. — Кто здесь Пантера?

— Я, болван!.. Или ты так упился, что у тебя отшибло память?

Ни слова не говоря, человек взял фонарь и направил свет в лицо француза.

— Смотри, смотри, да хорошенько. Ну, надеюсь, теперь ты меня узнал?

— Карай! Конечно, теперь я вас узнал, ваша милость, — отвечал привратник, внезапно перейдя на почтительный тон. — Ах! Вот удивятся-то там наверху!

— Ну, отворяй, да хватит болтать! Ты думаешь, приятно разговаривать из-за двери?

— Сию минуту, ваша милость, сию минуту, потерпите немножко, пожалуйста... Вот и готово, — добавил он, широко распахивая дверь. — Милости просим!

— Этот кабальеро со мной, — сказал дон Луис, указывая на дона Мигуэля, которому он сделал знак следовать за собой.

— Милости просим и его к нам, ваша милость, точно так же, как и всех ваших друзей, — отвечал привратник, кланяясь, — прошу пожаловать, кабальерос.

Снова загремели железные засовы, дверь была прочно заперта.

Молодые люди оказались в прихожей, тускло освещенной догоравшей свечой, но это нисколько не смущало дона Луиса, который, по-видимому, хорошо знал этот дом и, взяв под руку дона Мигуэля, уверенно вел вперед.

Пройдя прихожую, француз и его спутник очутились во внутреннем дворе, где в углу находилась прислоненная к стене лестница, по которой предстояло подняться на верхний этаж. Засаленная веревка, закрепленная на вбитых в стену железных скобах, заменяла собою перила.

Большая лампада, или, лучше сказать, большой ночник под статуэткой Гваделупской Божьей матери, покровительницы Мехико, служила фонарем, который, по замыслу содержателя притона, должен был освещать и двор, и лестницу.

К счастью, ярко сиявшая луна — было как раз полнолуние — позволяла не только хорошо ориентироваться, но при этом еще и не рисковать сломать себе шею.

Дон Луис, желая, очевидно, показать дорогу другу, стал первым взбираться по лестнице, предусмотрительно держась за перила, потому что ступени лестницы заросли мохом и сделались скользкими, так что даже и завсегдатой рисковал порой не добраться доверху.

Взобравшись по лестнице, молодые люди остановились

перед наглухо запертой дверью, на которой висела табличка с весьма остроумной надписью: «Филантропическое общество друзей мира».

Дон Луис наклонился к своему спутнику и еще раз шепотом предупредил:

— Будьте внимательны и ничему не удивляйтесь!

— Не беспокойтесь за меня.

«Друзья мира» изошрялись в веселье. За дверью слышались проклятья вперемежку с залихватским пением, заглушавшим музыку.

Француз толкнул дверь и в сопровождении дона Мигуэля шагнул через порог. Их взору предстало поистине редкое зрелище.

В конце залы возвышалась эстрада, где человек десять музыкантов немилосердно терзали слух присутствующих игрой на самых разнообразных инструментах. В центре залы стоял огромный овальный стол, покрытый зеленым сукном, с шестью намертво привинченными к нему подсвечниками, в которых горели свечи. За этим столом шла азартная игра в монте. По обе стороны стола, вдоль стен, стояли еще столы, вокруг которых на скамьях сидели посетители, услаждая себя всевозможными напитками, начиная с местных пива и водки и кончая так называемым шампанским, изготовляемым в Нью-Йорке и уже только поэтому считавшимся самым что ни на есть настоящим.

Канделябры на стенах в известной степени усиливали скудное, в общем, освещение.

Потолка не было видно за густым облаком сероватого дыма, исходявшего от множества трубок, сигар и сигарет.

Справа и слева от этой залы были еще две залы, гораздо меньшие по размеру, предназначавшиеся для привилегированных посетителей: в одной из них играли в лото, в другой — читали газеты и беседовали о делах.

Неожиданное появление двух новых посетителей вызвало настоящий переполох в зале, где собрались «друзья мира». Все вдруг смолкли и замерли, наступила мертвая тишина.

— Надеюсь, наше присутствие не будет стеснять вас, сеньоры, — вежливо проговорил дон Луис, снимая шляпу и кланяясь на все стороны.

— Милости просим к нам, сеньор француз, — сказал высокий тип мрачной наружности с лихо закрученными

вверх густыми усами, одетый в рваный мундир с грозной рапирой на боку. — Не желаете ли сразиться в монте?

— Прошу извинить меня, дорогой капитан, — отвечал дон Луис, но я сегодня, к сожалению, не могу играть.

— Тем хуже, клянусь честью, — отвечал вояка, покручивая усы. — Я совсем на мели и рассчитывал на вашу дружбу, чтобы снова пуститься в плавание.

— За этим дело не станет, дорогой дон Блаз, — любезно сказал француз, — хотя я и не богат, но все-таки, к счастью, могу ссудить вам пиастр.

— Вы незаменимый товарищ, дон Луис, — проговорил капитан в восхищении, — и я с удовольствием принимаю.

Француз вручил ему пиастр, затем раздал еще несколько мелких монет направо и налево и, обмениваясь дружескими репликами то с одним, то с другим, незаметно пробрался через всю залу и достиг читальни, куда поспешил войти.

Шум, смолкший было на минуту, снова возобновился с новой силой.

В читальне было всего шесть человек. При виде их дон Луис сделал жест, долженствующий означать удовлетворение, и, нагнувшись к уху дона Мигуэля, шепнул:

— Наше дело в шляпе. Я знаю этих людей давно, это — охотники пустыни, сбившиеся с пути в цивилизованном обществе... Они храбры, как демоны, верны своему слову, тверды, как сталь, не уступают перед опасностью и знают все ухищрения индейцев... Нам не мешало бы с ними потолковать.

— Хорошо, друг мой, — отвечал дон Мигуэль.

Заметив молодых людей, шестеро охотников приветствовали их молчаливым поклоном, а затем снова углубились — нет, не в чтение, потому что читать, по всей видимости, никто из них не умел, а — в беседу.

Спустя некоторое время один из этой компании — могучий детина-канадец с умным и даже добродушным лицом — заговорил, обращаясь к дону Луису:

— Каким это ветром занесло вас сюда? Бог знает, с каких пор я не виделся с вами!

— Я путешествовал вдоль побережья, милейший мой Безрассудный, — отвечал дон Луис, протягивая ему руку.

— Какой вы счастливый, — проговорил канадец со вздохом.

— Разве вы скучаете?

— Я! — вскричал он. — То есть, если так будет продолжаться еще недели две, со мной наверняка случится несчастье... а всему виною этот скот Сент-Аманд!..

— Ну, хватит болтать, — сказал Сент-Аманд, делая шаг навстречу к дону Луису, — мы скоро уйдем отсюда.

Разговор этот происходил на французском языке, потому что оба канадца родились в Квебеке.

— О, да, — вступил в разговор еще один из шестерки, скроенный по той же мерке, что и первые двое, — мне до смерти надоели мексиканцы: они слишком глупы.

— Вот что, господа, — решительно заговорил дон Луис, — по-видимому, вам здесь изрядно надоело... Такая отважная троица — Сент-Аманд, Медвежонок и Безрасудный! Вместо того чтобы заниматься серьезным делом, вы, словно женщины, жалуетесь на судьбу. Что вынуждает вас попусту тратить время?

— Простите, деньги. Эти проклятые мексиканцы начисто ограбили нас... мы остались без лошадей и без оружия.

— Это никуда не годится, — сказал дон Луис, сочувственно покачивая головой. — Позвольте предложить вам французского вина... За вином и побеседуем. Как знать, быть может, я смогу вам что-нибудь посоветовать.

— Мы не смеем оскорбить вас отказом, господин Морэн, — отвечали, кланяясь, трое приятелей.

— Прежде всего, господа, — продолжал дон Луис, — позвольте представить вам моего лучшего друга, сеньора дона Мигуэля де Сетина.

Канадцы и дон Мигуэль обменялись церемонными поклонами. С этой минуты разговор продолжался на кастильском наречии.

Дон Луис подал знак одному из прислуживавших здесь типов, и тотчас же на столе появились четыре бутылки вина и стаканы.

Трое остальных из находившейся в этой комнате шестерки скромно отодвинулись на дальний край стола.

Опорожнив несколько стаканов, дон Луис возобновил беседу.

— Итак, сеньоры, — сказал он, — если я правильно вас понял, вы не прочь были бы покинуть Мехико.

— Правильнее сказать, сеньор, что мы сделали бы это с величайшей радостью, — отвечал Медвежонок.

— Конечно, затем, чтобы вернуться на родину?

— Наша родина — пустыня, и в пустыне нам всюду хорошо, — отвечал Сент-Аманд.

— Я предлагал Медвежонку, — совершенно серьезно сказал Безрассудный, — продать его одному техасскому купцу, который приезжал сюда покупать метисов. Мы с Сент-Амандом получили бы за него хорошую цену, запаслись провизией и отправились бы в пустыню к одному из тайников, где у нас хранится золото, а затем, конечно, выкупили бы его, но он не захотел.

— Это очень дурно с его стороны, — улыбнулся дон Луис.

— Не правда ли? Он почему-то вообразил, что если сделается невольником, то его хозяин потом уже ни за какие блага не согласится расстаться с ним... А по-моему, он просто набивал себе цену. Ведь он ленив, как аллигатор, и человек, вздумавший его купить, был бы рад любой ценой избавиться от него и, само собой, с удовольствием бы его продал нам.

Все весело рассмеялись, в том числе и Медвежонок, которому, по-видимому, весьма польстила шутка приятеля.

— Послушайте, — сказал Сент-Аманд, — по-моему, мы тратим время на пустую болтовню, вместо того чтобы перейти к серьезному разговору. Мы слишком давно уже все знаем друг друга, дон Луис, и потому нам незачем хитрить... Вы ведь совсем не тот человек, который ни с того ни с сего, не имея на то серьезных причин, может появиться в подобном месте... Правильно я говорю?..

— В ваших словах есть известная доля правды, милейший мой Сент-Аманд... но сначала я хотел бы узнать ваше мнение на этот счет, а потом уже сказать, что именно мне необходимо.

— Мое мнение я могу изложить в двух словах: вы нуждаетесь в наших услугах, а мы нуждаемся в вас, поэтому давайте-ка лучше договариваться, как подобает честным охотникам, не прибегая к разным индейским уловкам. Вы отлично знаете, кто мы такие и на что годимся, а мы так же хорошо знаем вас, поэтому, повторяю еще раз, давайте перейдем прямо к делу.

— Клянусь честью, вы говорите истинную правду, Сент-Аманд. К черту все эти предисловия! — весело проговорил дон Луис. — Я собираюсь отправиться в очень опасную экспедицию, и мне нужны смелые, решительные люди.

— Мы готовы хоть сейчас, — дружно отозвались все трое.

— Отлично!.. А теперь вот вам мои условия: двадцать пять унций выдается каждому на приобретение всего необходимого для путешествия, то есть на покупку лошадей, оружия, пороху и т.п. Затем еще по пятьдесят унций, из которых двадцать пять унций сейчас, а двадцать пять по окончании экспедиции... Словом, каждый получит за работу по пятьдесят унций... Вас устраивают эти условия?.. Вы видите, я ничего не скрываю от вас и говорю все, как вы того требовали.

— Условия нам подходят, — ответил Сент-Аманд и за себя лично, и за своих товарищей. — А дело предстоит трудное?

— Очень.

— Тем лучше, по крайней мере будет какое-то развлечение, а то я, признаться, совсем затосковал.

— На этот счет не беспокойтесь, скучать не придется, и я обещаю вам развлечений даже больше, чем вы думаете... так, вы согласны?

— Согласны.

— Значит, я могу считать, что мы договорились? Что же касается обещанной платы...

— Извините, сударь, — вмешался в разговор один из трех типов, которые отсели на дальний конец стола. — Я невольно слышал ваш разговор и хочу спросить, не требуется ли вам еще один человек? Я хотел бы предложить себя.

Дон Луис поспешно обернулся к говорившему и быстро оглядел его с ног до головы.

Это был человек лет тридцати с тонкими чертами лица и изящными манерами.

— Кто вы такой, сеньор? — спросил он незнакомца.

— Это наш знакомый, славный малый, — сказал Сент-Аманд, — мы уже много лет охотимся вместе. Он принадлежит к богатой семье в Квебеке, которую покинул ради полной приключений жизни охотника. Его зовут Марсо... Мы за него ручаемся.

— Если так и если наши условия для вас подходят, милости просим.

— Благодарю вас, сударь, — вежливо поклонился молодой человек и вернулся на свое место за столом.

— Итак, я говорил, господа, — продолжал дон Луис, — что обещанное вознаграждение...

— Это, собственно, касается меня, друг мой, — перебил его дон Мигуэль, — и, если позволите, я сам решу этот вопрос.

— Как вам угодно, тем более, что это действительно касается вас.

— Здесь не место продолжать наш разговор. Если эти господа окажут нам честь и проводят нас на улицу Монтерилья, где мы живем, там, на месте, мы и завершим все дела — я вручу каждому из них обусловленную сумму.

Канадцы охотно согласились, и все встали, собираясь уходить.

В эту минуту в соседней зале возник невероятный шум, а вслед за тем в читальню, как ураган, влетел в изорванной одежде и с окровавленным лицом какой-то человек, преследуемый разъяренной толпой.

Дон Луис узнал в беглеце капитана дона Блаза, которому незадолго до этого он так любезно предложил взаимности пиастр.

Француз сделал несколько шагов вперед с явным намерением защитить преследуемого капитана, но тот мгновенно подскочил к окну, распахнул его и выскочил на улицу с проворством, которому могла бы позавидовать даже обезьяна, повергнув в изумление преследователей, как выяснилось, дочиста обобранных во время игры в монте.

Когда охвативший всех шок прошел, один из пострадавших обратился к присутствующим с такими словами:

— Сеньоры, капитан дон Блаз — негодяй, недостойный бывать в обществе кабальерос, и потому я требую, чтобы отныне ему был закрыт сюда доступ.

Все дружно поддержали это предложение.

Дон Луис воспользовался возникшим переполохом, чтобы незаметно удалиться вместе с доном Мигуэлем и канадцами.

Встреча

Дом, принадлежавший дону Гутьерре, находился, как мы уже говорили, на улице Монтерилья, в той части, которая выходила на Главную площадь.

Дону Гутьерре несколько раз в год приходилось приезжать по делам в Мехико, поэтому он решил обзавестись здесь собственным домом. Дом был прекрасно обставлен, при нем постоянно находился управляющий и штат прислуги, готовые в любую минуту к встрече своего господина. На этот раз он послал из Пуэблы пеона известить управляющего о своем скором прибытии, так что тот имел возможность как следует подготовиться.

Дон Мигуэль нашел в доме все в полном порядке, и как для него, так и для дона Луиса были приготовлены особые апартаменты.

Он приказал слугам подать чего-нибудь выпить своим спутникам, а затем отпустил слуг и приступил к делу.

Несколько дней тому назад, по пути в Веракрус к дяде, дон Мигуэль сделал на несколько часов остановку в Мехико, чтобы спрятать в надежное место довольно значительную сумму, предназначавшуюся в случае необходимости на расходы, связанные с переездом дона Гутьерре и его семьи. Поэтому ему не составило труда выполнить обязательство, взятое на себя от его имени доном Луисом. Он вручил обусловленную сумму каждому из четырех канадцев.

Последние с видимым удовольствием принимали деньги, о получении которых они и не мечтали какой-нибудь час назад и которые, по их словам, буквально упали с неба.

— Теперь, господа, — сказал дон Луис, — давайте хо-

рошенько все обсудим. Завтра же, — поверьте, я недаром прошу вас об этом, — вы завершите все свои личные дела и запасетесь всем необходимым для экспедиции... Вы сами все знаете, и мне нет необходимости вам объяснять, что политическая обстановка обостряется с каждым днем и что катастрофа неизбежна... Вполне возможно, что не пройдет и месяца, как войска Хуареса подойдут к Мехико и возьмут его в осаду. Со дня на день появятся лазутчики неприятельской армии и перекроют все дороги.

— Да, — заметил Безрассудный, — положение крайне серьезное.

— Итак, вы должны незамедлительно заняться делами, — продолжал дон Луис. — На мой взгляд, вам будет вполне достаточно на подготовку двух дней.

— Это даже больше, чем требуется, — отвечал Сент-Аманд.

— Все равно, будем считать два дня. Могут возникнуть какие-то непредвиденные обстоятельства... На третий день с восходом солнца вы незаметно покинете город. При этом имейте в виду, что нет никакой необходимости в том, чтобы в городе все знали о вашем отъезде, — добавил он, делая особое ударение на последних словах.

— Хорошо, хорошо, мы все это отлично и сами понимаем, — сказал Медвежонок. — Мы не пророним ни одного лишнего словечка.

— Именно этого я и желаю. Вы поедете быстрым темпом по дороге на Гвадалахару и там нас будете ждать, только не в самом городе, а в ранчо де ла Крус.

— Которое находится по дороге в Питик? Я его знаю, — перебил Сент-Аманд.

— Да, — отвечал дон Луис. — Там так же, как и здесь, и даже еще больше, держите язык за зубами... Помните, что у меня есть серьезные причины настаивать на этом... В первую очередь позаботьтесь о надежных лошадях.

— Мы купим мустангов, это самые выносливые лошади, привычные к пустыне.

— Я кончил, сеьоры, — сказал дон Луис, вставая и тем самым давая понять охотникам, что им пора уходить. — Мне остается только пожелать вам спокойной ночи и поблагодарить вас за то, что вы любезно согласились оказать мне помощь в этом деле.

— Напротив. Это мы должны благодарить вас, господин Морэн, — отвечал Сент-Аманд от имени всех своих

товарищей, — за то, что вы оказываете нам большую услугу и даете возможность покончить с бездарным времяпрепровождением в этом проклятом городе... Поверьте, вам не придется раскаиваться в том, что вы для нас сделали.

— Я слишком хорошо вас знаю, сеньоры, чтобы в этом сомневаться, — любезностью на любезность ответил дон Луис. — Итак, до свидания, встречаемся в Гвадалахаре.

— До свидания... в Гвадалахаре, — отвечали канадцы.

— С этими четверьмя канадцами, — сказал дон Луис, когда, проводив охотников, он остался наедине с доном Мигуэлем, — я, не задумываясь, решил бы пуститься в путь через всю Америку от мыса Горн до Берингова пролива... Мы должны радоваться и благодарить Бога за то, что встретили их... Вы убедитесь в этом, когда увидите их в деле.

— Все так, дорогой друг, — сказал Дон Мигуэль, — но мы разыскали их в этом ужасном притоне. Согласитесь, пребывание там бросает на них определенную тень... По всей вероятности, их положение было таково, что больше некуда было деваться... Вполне возможно, что последние сутки они ничего не ели...

— Вы так думаете?

— Я готов в этом поклясться... Вы не можете даже представить, до какой нищеты могут дойти подобные люди, но при этом никогда не пойдут ни на какие сделки с совестью ради улучшения своего положения. Все-таки внешность у этих людей крайне подозрительная. Но они, по-видимому, хорошо вас знают.

— Да, внешность у них действительно неказистая, я согласен. Что же касается того, что они меня хорошо знают, то это именно так и есть. Мне довольно часто приходилось иметь с ними дело. Но и вы ведь тоже в какой-то степени им знакомы, если не всем, то кое-кому из этих людей точно.

— Ну, такое едва ли возможно, потому что сам я, уверяю вас, не знаю никого из них.

— А, между тем, вы видели их, и даже совсем недавно, — смеясь, перебил его дон Луис. — Имейте в виду, что большинство из тех, кто находился в притоне, из того самого отряда сальтеадоров, с которыми нам довелось повстречаться по дороге в Мехико.

— Вы шутите!

— Нет, нисколько, я говорю совершенно серьезно, и в доказательство могу даже сообщить вам, что капитан дон Блаз, тот самый, которому я дал пиастр и который так ловко высочил в окно... Вы помните его?

— Помню. И что же?

— Ну, так вот, он командовал тем самым отрядом.

— И вы можете относиться так дружелюбно к этому негодяю из негодяев!

— Почему бы и нет?! Дон Блаз, если отвлечься от того, что он ведет немного эксцентричный образ жизни, — с этим я согласен — пользуется в Мехико репутацией одного из самых достойных джентльменов. Более того, нам даже необходимо быть с ним в добрых отношениях, потому что нам, может быть, еще предстоит встретиться с ним на пути в Гваямас... Но довольно говорить об этом, уже очень поздно и, мне кажется, нам не мешало бы хоть немного поспать...

— Еще один вопрос...

— Только говорите короче, потому что я совсем сплю, уверяю вас.

— В котором часу мы поедем?

— Часов в семь или в восемь или, лучше сказать, когда вам будет угодно, мне все равно.

— Хорошо! Ну, а теперь идите спать, раз от вас все равно ничего больше нельзя добиться.

— Прощайте, друг мой.

— Прощайте.

С этими словами дон Луис, пожав руку дону Мигуэлю, отправился в отведенную ему спальню.

Оставшись один, дон Мигуэль, тоже изнемогавший от усталости, лег в постель и, несмотря на испытываемое им беспокойство, тотчас же заснул мертвецким сном.

Он с трудом очнулся от сна, когда почувствовал, как кто-то тянет его за руку.

— Э! Да вы до сих пор спите!.. — говорил дон Луис над самым его ухом. — А говорили, что вам совсем не хочется спать. Прекрасно, что вам удалось выспаться. Поздравляю!

— Извините меня, друг мой, — отвечал молодой человек, зевая так, что чуть было не вывихнул себе челюсть, — но я устал до такой степени...

— Помилуйте! Кому вы это рассказываете! — смеясь, перебил его дон Луис. — Мне пришлось сделать вид, что

я валюсь с ног, только для того, чтобы заставить вас прилечь.

— Благодарю вас!.. Я буду готов через минуту.

— Пока вы будете одеваться, я велю седлать лошадей для нас и закладывать карету для дона Гутьерре и его дочерей.

— А! Я удивлен, мой милый, вы забыли свою обычную осторожность... Вы намерены приказать закладывать карету, но ведь тогда весь город немедленно узнает, что мой дядя находится здесь.

— Вы правы, на этот раз я опростоволосился... Ну, да не беда, я сейчас пошлю слугу за наемной каретой.

— Вот это будет гораздо лучше.

— Ну, одевайтесь скорей. Я жду вас внизу.

Когда в половине седьмого дон Мигуэль спустился во двор, лошади были уже оседланы и наемная карета стояла перед домом.

Молодые люди вскочили на лошадей и, отдав соответствующие приказания кучеру кареты, галопом помчались к гостинице, где их ожидал дон Гутьерре с дочерьми.

Если не считать нескольких индейцев, не спеша направляющихся с товаром к рынку, улицы были совершенно пусты, и нашим путешественникам удалось проехать по городу из конца в конец никем не замеченными. Дон Гутьерре отнюдь не задавался целью скрываться, тем более, что у него не было и серьезных причин для этого, однако он предпочитал, чтобы о его пребывании в Мехико по возможности никто не знал. И не только потому, что опасался угроз дона Рамона Армеро, но еще и потому, что не хотел навлекать на себя подозрения со стороны агентов, будь то Мирамона или Хуареса. Исходя из этого он и племяннику советовал поступить как можно осмотрительнее.

Выехав из города, они умили бег своих лошадей и тогда дон Луис, повернувшись к дону Мигуэлю, с улыбкой заговорил:

— Послушайте, друг мой, вы хорошо отдохнули, и нам можно будет потолковать как следует.

— Да, признаюсь, дорогой дон Луис, мне тоже очень хотелось поговорить с вами без свидетелей... Я просто места себе не нахожу, не знаю, что мне делать и как мне быть!.. Волей-неволей, а придется во всем признаваться дядюшке...

— Вы совсем ребенок, — перебил его дон Луис. — Начать с того, что вам ни в коем случае ни в чем не следует признаваться вашему дядюшке.

— Как же быть тогда?

— Очень просто!.. Выслушайте только меня хорошенько. Вы, приехав в Мехико, получили письмо от вашего отца, который сообщает, что за ним установлена строгая слежка правительственных агентов, которые только ждут случая, чтобы ограбить его, а попытка к бегству — об этом они пока даже и не подозревают — послужит для них прекрасным предлогом. Поэтому пока ему ни в коем случае нельзя покинуть Аквас Фрескас, куда он вынужден бы удалиться, чтобы избавиться от бесчисленных оскорблений со стороны врагов... Ну, скажите по совести, разве не так обстоят дела на самом деле?

— Святая истина. Мне очень нравится ваша версия, и я непременно поступил бы так, как вы советуете, если бы не одно обстоятельство и весьма серьезное.

— Какое?

— Само письмо, черт возьми!

— При чем тут письмо, абсолютно не понимаю!.. Если же ваш дядя выразит желание прочесть письмо, вы сначала станете искать его в карманах, а в конце концов выскажете предположение, что забыли его в Мехико. К тому же могу вас заверить, друг мой, что как только ваш дядя приедет сюда, у него будет так много дел, что он и не вспомнит о письме. Поэтому не мучьте себя попусту разными грустными предположениями... Страхните с себя хандру, и будем весело продолжать путь... Сейчас вы увидите ваших прелестных кузин, которым едва ли доставит удовольствие смотреть на вашу кислую физиономию... Ну же! Будьте веселее!

Разговаривая таким образом, они достигли гостиницы.

Дон Гутьерре их уже ждал и первым делом спросил о брате.

Все произошло именно так, как предсказывал дон Луис Морэн. У дон Гутьерре не было никаких оснований заподозрить племянника во лжи и, приняв все, что ему рассказал дон Мигуэль за чистую монету, он безропотно согласился продолжать путешествие без брата.

Багаж, как и было решено, отправили вперед под охраной пеонов, а при себе дон Гутьерре оставил только двоих разбойников, что по-видимому, очень им не понравилось.

Дон Мигуэль и дон Луис горели желанием немедленно снова пуститься в путь, если не в тот же день, то, по крайней мере, на следующий, но, к сожалению, об этом нечего было и думать: длительное путешествие подорвало силы Сакраменты и ее сестры, и они нуждались, как минимум, в четырех- или пятидневном отдыхе. Их ждало длительное путешествие с множеством препятствий и опасностей.

Дон Гутьерре временно поселился с дочерьми в своем доме и старался по возможности не выходить на улицу, дабы не привлекать внимания шпионов.

Дон Мигуэль горячо желал поскорее увидеть своего дядю в полной безопасности, однако неизбежная задержка, вызванная усталостью Сакраменты и Жезюзиты, не только не огорчала его, но даже радовала. Он предоставил своему другу заниматься сборами и подготовкой к длительному путешествию, а сам все свободное время, которого у него теперь было предостаточно, проводил в обществе кузин. Он целиком отдался охватившему его чувству любви к Сакраменте и благодарил судьбу, давшую ему возможность сблизиться с этой чудесной девушкой, так как невольное заточение в четырех стенах давало ему возможность проводить с нею практически все время с утра до вечера. Он только теперь в полной мере оценил добрый нрав девушки, у него на глазах все более и более раскрывались драгоценные качества ее души, которые она старалась скрыть за нарочитой холодностью.

Жезюзита, постоянно находившаяся в обществе сестры и кузена, с грустью ловила их ласковые слова: слишком чистая и наивная, чтобы завидовать счастьем Сакраменты, она тем не менее испытывала, нет, не зависть, а, скорее, тайную грусть, когда сравнивала обращение кузена с ней и с ее сестрой. Она не могла понять, почему дон Мигуэль, только что весело смеявшийся и шутивший с нею, становится вдруг задумчивым и печальным, обращаясь к ее сестре.

Так прошло десять дней, в течение которых ничто не нарушало спокойствия, которым наслаждались действующие лица нашего повествования. Политический горизонт все более и более заволакивали черные тучи, и в такой обстановке каждый думал больше о себе и, так сказать, невольно забывал о соседях.

Между тем дон Гутьерре и дон Мигуэль отлично отда-

вали себе отчет в том, что чем дольше они пробудут в Мехико, тем больше возникнет затруднений во время предстоящего путешествия.

Мирамон проиграл битву при Силао, и, вследствие этого Гвадалахара, последний из крупных городов, служивших оплотом его армии, был принужден открыть ворота войскам Хуареса.

Теперь практически вся страна находилась во власти неприятеля. Арьергардные отряды Хуареса уже вели опустошительные набеги на плоскогорье Анагуак, и, несомненно, не замедлят окружить город со всех сторон и отрезать его таким образом от остального мира.

В Мехико царила полнейшая анархия. Солдаты Мирамона, в течение нескольких месяцев не получавшие жалованья, нападали на незащищенных граждан среди бела дня на улице и без зазрения совести грабили, не опасаясь возмездия со стороны правительства, утратившего всякую власть.

Остаться при таком положении в городе могла вынудить только необходимость. Люди имущие спешили покинуть город, которому к тому же грозила опасность вскоре очутиться в осаде.

Единственным спасением было бежать, и бежать как можно скорее.

Дон Луис несколько раз замечал подозрительных типов, бродивших вокруг дома дона Гутьерре, а однажды показалось даже, что среди них были дон Ремиго и дон Рамон, переодетые, конечно, чтобы их не так легко было узнать.

Как-то раз в одном притоне, куда дон Луис наведлся тоже переодетым, он увидел Педрозо и Карнеро. Они с озабоченными лицами увлеченно беседовали с двумя субъектами, в которых он опять же заподозрил дона Ремиго и дона Рамона.

Словом, положение все более усугублялось, и с каждым днем все большая и большая опасность нависала над доном Гутьерре.

Вот в это-то время Луису Морэну и предоставился случай убедиться, что его подозрения были вполне основательны.

Вот как это случилось.

Однажды француз возвращался домой после продолжительной прогулки по окрестностям Мехико, предпринятой

им с целью проверить, насколько достоверны циркулирующие в городе слухи, и составить некоторое представление относительно движения отрядов Хуареса. Погруженный в раздумье, француз возвращался в город, в высшей степени огорченный всем тем, что ему удалось узнать. Не успел он свернуть на пустынную тропинку, известную в определенных кругах как эль-Пассео-де-лас-Вигас, как его кто-то окликнул два раза.

Француз остановился. Человек, стоявший у двери жалкого ранчо, мимо которого он только что проехал, продолжал окликать его, подавая какие-то знаки рукой. Луис Морэн, удивленный тем, что человек, которого он не только не знает, но никогда и в глаза не видел, настойчиво зовет его к себе, стал думать, как ему поступить. Однако колебание его продолжалось недолго — он решил узнать, что нужно этому странному типу.

Увидев, что Луис Морэн откликнулся на его призыв, человек этот пошел ему навстречу, по-видимому, ему не терпелось заговорить с французом.

Мужчины вежливо раскланялись.

Незнакомцу на вид лет тридцать пять—сорок. Это был высокий, плотного сложения человек с угловатыми манерами и хитрой лисьей физиономией, с маленькими глазками.

Одежда незнакомца, внешний облик которого был весьма непривлекателен и не внушал доверия, представляла собой жалкие лохмотья. Однако так выглядело со стороны, сам же незнакомец как будто даже гордился своим костюмом.

— Простите, кабальеро, — вежливо сказал ему дон Луис, — но сколько я ни смотрю на вас, никак не могу вспомнить, где мы с вами встречались.

Незнакомец улыбнулся, лукаво подмигнув глазами.

— Помнить должен не тот, кто оказал услугу, — отвечал он, — а тот, кому эта услуга была оказана.

— Вы меня удивляете, кабальеро... Когда же это я имел счастье оказать вам услугу?

— О, и весьма существенную. Вы мне тогда спасли жизнь... Но, виноват, не находите ли вы, что это место не совсем подходит для серьезного разговора?

— Это, пожалуй, было бы справедливо, если бы нам предстоял какой-то серьезный разговор...

— Кабальеро, — перебил незнакомец, гордо выпрям-

ляясь, — я не из тех, кто способен тратить драгоценное время на пустую болтовню, можете быть в этом уверены... Сегодня утром мне шла прекрасная карта и чертовски везло в монте, когда я увидел, как вы проехали мимо дома, где я находился... Я бросил все и последовал за вами... Вот уже целых два часа я поджидаю вас здесь.

— Ого, кабальеро!.. Да каким же это образом могли вы узнать, что я буду возвращаться именно этой дорогой, если я сам этого не знал и поехал этой тропинкой прямо-таки случайно?

— Я был почти уверен, что вы будете возвращаться именно этой дорогой, судя по тому направлению, которое вы избрали, выехав из города, и, как видите, сеньор, я не ошибся. Ну, а теперь не угодно ли вам пожаловать в ранчо, где можно будет потолковать о деле, не опасаясь быть подслушанными?

— Хорошо, — отвечал дон Луис, невольно заинтересовавшись настойчивостью собеседника, желавшего, по-видимому, сообщить ему какую-то тайну. — Идите вперед, кабальеро, а я пойду следом за вами.

Луи Морэн слез с лошади, привязал ее к кольцу у дверей ранчо и вошел в залу ранчо, а в действительности захудалой харчевни, невзрачной и грязной, с огромными щелями в полупрогнивших стенах. Хозяин ранчо провел дона Луиса в залу, почерневшую от копоти, с двумя узкими окнами, затянутыми паутиной и как бы нехотя пропускавшими свет в эту жалкую лачужку.

Всю меблировку залы составляли несколько прислоненных к стене столов и колченогих скамеек, каким-то чудом умудрившихся стоять на земляном полу.

В глубине залы была стойка, где красовались несколько бутылок, большей частью пустых и частично наполненных каким-то подозрительным зельем. Тут же стояла небольшая гипсовая статуэтка Гваделупской Божьей Матери, покровительницы Мехико, с несколькими горящими, а вернее, коптящими свечами в железных подсвечниках.

Семь или восемь аляповатых картин, неизвестно как сюда попавших, украшали грязные стены харчевни.

Луис Морэн с первого взгляда безошибочно понял, куда он попал, и хотя лицо его оставалось непроницаемым, решил держаться настороже и быть готовым к любым случайностям.

По требованию француза какой-то индеец с физионо-

мией идиота подал два стакана тамариндовой настойки, а потом удалился и уже больше не появлялся. По-видимому, его нисколько не интересовали случайные посетители, с которых он к тому же не потребовал даже платы. Тогда дон Луис решительно обратился к незнакомцу:

— Ну-с, прежде всего потрудитесь, пожалуйста, сказать мне, с кем я имею честь беседовать в настоящую минуту? Если вы назовете свое имя, возможно, я и припомню, где и когда именно мы с вами встречались.

— Ничего не может быть проще, сеньор. Меня зовут дон Антонио Исквиердо...

— По прозвищу Гардуна? — перебил его француз. — Помилуйте, теперь я вас вспомнил и даже, если хотите, узнал... Да, мне и в самом деле посчастливилось однажды оказать вам услугу. Я тогда помог вам не только моей шпагой, но и кошельком.

— Ну так вот, кабальеро, именно об этом обстоятельстве или, лучше сказать, о вашей двойкой услуге, оказанной мне, — о чем, конечно, вы забыли, и это вполне естественно, — я и вспомнил сегодня, так как считал себя вашим должником. Вот причина, объясняющая, почему я последовал за вами утром и поджидал вас здесь.

— Подумать только, — смеясь, проговорил Луи Морэн, — мир, по-видимому, не так дурен, как я до сих пор думал, и меня это, конечно, только радует. Да неужели благодарность и впрямь существует на этом свете?

— Кабальеро, — с достоинством возразил сеньор Гардуна, — я буду иметь честь представить вам такое доказательство, если вы сочтете возможным уделить мне десять минут и выслушаете то, что я хочу вам сообщить.

— Карай! Да я и сам ничего иного не желаю, как убедиться в этом, хотя бы только ради курьеза.

— Итак, выслушайте меня, сеньор, и поверьте, у вас не останется и тени сомнения на этот счет.

Заговор

Дон Луис потягивал небольшими глотками тамариндовую настойку, не спуская глаз с собеседника. Затем он вдруг решительно поставил стакан на стол и, хлопнув сеньора Гардону по плечу, сказал:

— Ну, вот что, дружище! Шутка ваша удалась отлично, но только вы напрасно избрали такой длинный путь. Вы знаете, что у меня всегда имеется в запасе несколько пиастров для друзей. Не лучше ли было прямо попросить у меня займы несколько монет, чем ломать себе голову, изобретая какую-то замысловатую историю, и вынуждать меня слушать всю эту ерунду. Давайте же, пожалуйста, закончим поскорее этот вопрос, потому что я очень спешу. Теперь уже два часа, а мне нужно быть уже в Мехико самое позднее в пять часов.

— Да, да, — поспешно ответил Гардуна, покачивая головой, — вы ведь сегодня вечером везете сеньорит Гутьерре в итальянскую оперу.

— Вы знаете даже и это?! — удивился француз.

— Я знаю не только это, но еще и многое другое, но вы не хотите меня слушать, — с усмешкой проговорил он, делая вид, будто хочет встать, — и поэтому, я думаю, мне вовсе незачем заставляя вас терять драгоценное время... Поезжайте себе с Богом в Мехико.

— Ну, ну, — сказал француз, удерживая своего собеседника и заставляя его опять сесть, — экий вы обидчивый, черт возьми! Я сказал это вовсе не затем, чтобы вас обидеть... Я только не люблю терять время на пустуюболтовню, а если вы действительно хотите сообщить мне нечто важное, то говорите, пожалуйста, но только как можно скорее.

— Похищение с помощью вооруженных людей — дело довольно важное, так, по крайней мере, мне кажется.

— Карай! Я тоже так считаю. Уж не меня ли это кому-то пришло в голову похитить? — смеясь, спросил француз.

— Вас-то они, конечно, не станут похищать, а, наверное, тех, кого вы будете сопровождать.

— И только дружеские чувства ко мне побудили вас открыть мне эту тайну?

— Разумеется, сеньор! — проговорил авантюрист с легким замешательством. — Что же иное могло меня побуждать?

— В таком случае, — с чуть заметной иронией в голосе сказал француз, — ваш добрый поступок заслуживает вознаграждения, и я немедленно вручу вам пятьсот пиастров. Услуга за услугу. Впрочем, наши враги наверняка даже и не предлагали вам столько!

— О! Дон Ремиго Диас очень скуп и обещал мне всего лишь полтора пиастров.

— Вот как! Ну, это, по-моему, все равно, что даром.

— Кроме того, хотя он и уверяет, что действует от имени другого лица, но я опасаюсь, что нам и вовсе ничего не заплатят.

— Со мной вам нечего этого опасаться, дружище, а вот доказательство.

С этими словами француз достал из кармана плаща длинный шелковый кошелек, до отказа набитый унциями, высыпал на руку горсть золотых монет и торжественно вручил их сеньору Гардуне, маленькие серые глазки которого буквально запылали алчным огнем.

— Теперь говорите, дружище, — сказал француз. — Я весь внимание. Надеюсь, мне нет надобности предупреждать, что если вы вздумаете меня обмануть — вы ведь меня знаете, — это вам дорого обойдется.

— Хорошо, — отвечал бандит, торопливо пряча в карманы только что полученное им золото. — Можете быть спокойны, с вами я во всяком случае не стану хитрить.

— Ну-с, все предварительные переговоры закончены к обоюдному удовольствию, теперь расскажите подробно, в чем дело.

— Это займет немного времени, сеньор. Вчера вечером я по обыкновению был в «клубе» филармонического общества, которое вы, конечно, тоже знаете.

— Да, знаю, — отвечал, улыбаясь, дон Луис, — продолжайте.

— Мне вчера чертовски не везло, и к полуночи я проигрался в пух и прах... делать мне там было больше нечего, и я, убитый неудачей, собрался уходить домой, как вдруг кто-то хлопнул меня по плечу. Я обернулся и, к своему удивлению, увидел дона Ремиго Диаса. Расклавшись, как и подобает истинному кабальеро, я...

— Виноват, — перебил его француз, — вы очень хорошо рассказываете, дорогой сеньор, но если будете продолжать в том же темпе, то рассказ, чего доброго, займет гораздо больше времени, чем вы обещали, а я очень спешу, поэтому говорите короче, пожалуйста.

— Что ж, тем лучше. Я изложу все в нескольких словах. Дон Ремиго Диас взял подряд и действует по поручению другого лица.

— А вам не удалось узнать имени этого лица?

— К сожалению, нет.

— Продолжайте.

— Смысл операции сводится к тому, чтобы похитить, по возможности не причиняя никакого вреда, обеих дочерей дона Гутьерре, когда они будут возвращаться из итальянской оперы. Причем подобная операция ничем не грозит ее участникам, поскольку в городе царит полная анархия и о каком-либо преследовании похитителей не может быть и речи... Но это, конечно, предполагает соблюдение некоторых предосторожностей, тем более, что девушек, по всей вероятности, будут сопровождать двое храбрых кабальерос, которых вы, конечно же, знаете, — добавил бандит с насмешливой улыбкой.

— Да, я их знаю, — тоже улыбаясь, отвечал дон Луис. — Продолжайте.

— Дон Ремиго Диас явился в «клуб» специально для того, чтобы подыскать шестерых молодцов, готовых пойти на что угодно, и, конечно, сейчас же их нашел. Это сеньоры Эль-Ассустадо, Кучильеро, Эль-Торо, Эль-Нино, Самбуйо и ваш покорнейший слуга. Как видите, он подобрал довольно удачную компанию.

— Я с вами вполне согласен, у дона Ремиго Диаса прекрасное чутье на людей, тем более, что ему приходится это делать не в первый раз.

— После похищения, если оно пройдет удачно, девушек предполагается немедленно доставить в Шапульте-

пек, и только после этого каждый из нас получит пятьдесят пиастров и возможность идти на все четыре стороны.

— Итак, девушки должны быть похищены сегодня вечером, и в похищении их должны принять участие шестеро только что названных вами субъектов.

— Нет, всего будет занято восемь человек.

— Как же так? Вы мне назвали только шестерых.

— Это верно, но дон Ремиго Диас и его неизвестный друг тоже намерены принять участие в операции, если в этом возникнет необходимость.

— Черт возьми! Мне это совсем не нравится. Ну, да мы постараемся выпутаться из беды... А вы не можете мне сказать, в каком именно месте предполагается совершить нападение на экипаж?

— На площади, в том месте, где начинается Монтерилья.

— Место выбрано превосходно, потому что там как раз находится дом дона Гутьерре... Итак, решено, кабальеро, вы ни при каких обстоятельствах не примете участия в похищении девушек?..

— Карай! Разумеется. Дон Ремиго все только обещает заплатить, но до сих пор не дал мне ни гроша.

— Тогда как я уже заплатил вам.

— Кроме того, — патетически добавил бандит, — я у вас в долгу.

— Это само собой разумеется, — смеясь, отвечал дон Луис, бросая на стол пиастр в уплату за выпитое. — До свидания, сеньор Гардуна. Благодарю вас за сообщение, и да хранит вас Бог, — многозначительно добавил он, делая особое ударение на последнем слове, что прекрасно понял бандит.

Дон Морэн вышел из ранчо, вскочил на лошадь и в глубокой задумчивости направился в Мехико, который находился отсюда на расстоянии не более одного километра.

Да, ситуация была и в самом деле весьма серьезной, тем более, что, как остроумно заметил сеньор Гардуна, на какую бы то ни было помощь со стороны полиции рассчитывать не приходилось — она уже несколько дней пребывала в полном бездействии, и даже все ее агенты куда-то попрятались. Вести молодых девушек в театр при таких обстоятельствах было бы полнейшим безрассудством, потому что двое их кавалеров, как бы сильны и

храбры они ни были, конечно же не смогут справиться с восемью бандитами.

С другой стороны, отказать девушкам в удовольствии отправиться в театр, куда они собирались как на праздник, и неизбежное при этом объяснение причины такого отказа — задача неблагоприятная и чреватая некоторыми нежелательными последствиями.

Француз ломал себе голову, стараясь придумать, как с одной стороны, уберечь девушек, а с другой — наказать головорезов, замысливших это гнусное дело; но сколько он ни думал, придумать не мог ничего, а потому, чем ближе он подъезжал к городу, тем больше мрачнел, ощущая свое бессилие.

Вот в таком подавленном настроении он достиг Главной площади и вознамерился было пересечь ее, дабы выехать к улице Монтерилья, как вдруг дорогу ему преградила плотная толпа народа, и он вынужден был остановиться. Толпа, как оказалось, сопровождала священника, направлявшегося к умирающему. Дон Луис остановил лошадь, чтобы пропустить толпу, и, по мексиканскому обычаю, сняв шляпу, перекрестился.

Стоя на одном месте, он машинально оглядывался по сторонам. Вдруг он невольно вскрикнул от радости, потому что совершенно случайно заметил в толпе человека, который, по его представлениям, должен был бы находиться вдали от Мехико.

— Ах, черт возьми! — прошептал француз.

Он боялся, что случай, который как нельзя кстати помог ему отыскать в толпе нужного человека, с таким же успехом может и скрыть его. Поэтому, не раздумывая долго и не заботясь о последствиях, дон Луис тронул лошадь и поехал напрямик к человеку, которого он так неожиданно увидел.

Жители Мехико в одном отношении как две капли воды похожи на жителей всех городов света — они не любят, чтобы их давили, даже не позаботившись крикнуть при этом «берегись», особенно же, если скопление народа обусловлено какими-то особыми обстоятельствами. Поэтому на француза немедленно посыпались со всех сторон проклятья и угрозы, хотя он двигался очень медленно, с соблюдением всевозможной осторожности. Луи Морэн делал вид, будто проклятья и угрозы относятся не к нему, и с невозмутимым видом продолжал путь. И лишь когда

проклятия становились слишком громкими, а угрозы слишком серьезными, он бросал косой взгляд на крикунов и, мы считаем своим долгом подтвердить это, моментально их укрощал.

Однако нет худа без добра. Шум раздраженной толпы невольно привлек и внимание того, кого боялся потерять из виду француз. Он, подняв голову, стал искать глазами виновника людского недовольства и сразу же заметил сидевшего верхом на лошади Луи Морэна. Человек этот, по-видимому, тоже обрадовался непредвиденной встрече с французом, потому что стал энергично пробираться к нему. А так как это был человек высокого роста и, судя по его мускулам, обладал недюжинной силой, то ему ничего не стоило прокладывать себе дорогу, орудуя локтями направо и налево, и вскоре он уже подходил к Луи Морэну.

После этого они уже без особого труда объединенными усилиями выбрались из теснившей их со всех сторон толпы, которая особенно щедро осыпала их бранью, как это бывает в подобных случаях, вообразив, что эти двое уходят не добровольно, а спасаются бегством от гнева раздраженного народа.

Когда они оказались на соседней улице, где народу почти совсем не было, француз остановил лошадь и, протягивая руку незнакомцу, с нескрываемой радостью приветствовал его.

— Невероятно! Неужели это вы, дорогой Сент-Аманд!.. Если бы вы знали, как я обрадовался, увидев вас здесь в то время как, по моим расчетам, вы должны быть на бивуаке где-нибудь в окрестностях Гвадалахары.

Сент-Аманд смущенно понурил голову: надо же было такому случиться, чтобы не кого-нибудь, а именно его отыскал в толпе дон Луис.

— Вы, наверное, на меня сердитесь, господин Луи? Да?

— Напротив. Всего минуту назад я готов был заплатить сто пиастров только за то, чтобы узнать, где вас можно найти.

— Неужели это правда, господин Луи?

— Помилуйте, да разве вы замечали когда-нибудь, что я способен лгать?

— Никогда. Прияно это вашему собеседнику или нет, но вы всегда говорите то, что думаете. С вами потому и хорошо иметь дело, что, по крайней мере, всегда знаешь правду... Значит, я вам для чего-то нужен?

— Вполне возможно, что вы мне понадобится, но, прежде всего, скажите, вы здесь один или нет?

— Ну, я вижу, от вас ничего невозможно скрыть, и волей-неволей приходится сказать вам всю правду.

Француз улыбнулся:

— Да, я тоже думаю, что так будет лучше.

— Ну, тогда к черту все увертки!.. Слушайте! Я вам все расскажу, как есть. Мы отправились в тот же день, как вы приказали, и даже добрались до Гвадалахары... Но там такая скучища, что мы чуть не умерли с тоски, а так как мы наверняка знали, что разминуться с вами в пути мы не сможем, то, подумав, решили податься обратно в Мехико. И вот мы здесь.

— Что? Значит, вы все четверо здесь?

— Увы! Да, — жалобно отвечал Сент-Аманд. — Я как раз направлялся к вам, чтобы сообщить о нашем прибытии. Вы очень на меня сидите за это, господин Луи?

— Я? С какой стати? Наоборот, вы себе и представить не можете, как я рад... Теперь все решилось само собой.

— Ну, знаете, уж тут я ровно ничего не понимаю.

— Надеюсь, что это именно так, — отвечал француз со смехом. — Пока вполне достаточно того, что понимаю я, притом понимаю отлично.

— Это правильно.

— А вот вам и доказательство того, что я ни капельки не сержусь на вас за то, что вы явились сюда... Ступайте за вашими товарищами и приходите ко мне все четверо не позже чем через час.

— Зачем?

— Прежде всего затем, чтобы каждый из вас получил по двадцать пять пиастров вознаграждения.

— Вознаграждение за послушание?

— Может быть, и так, — отвечал француз, продолжая улыбаться.

— Хорошо! Это мне нравится! А что потом? — весело спросил канадец.

— А потом узнаете, зачем вы мне нужны.

— Теперь я, кажется, начинаю понимать, в чем тут дело... Значит, предстоит какое-нибудь горяченькое дельце?

— Как вам сказать? Вполне возможно, что-то подобное и случится.

— В добрый час! По крайней мере, мы хоть сгодимся

здесь на что-нибудь полезное и не будем скучать в этом проклятом городе. До свидания, господин Луи.

— До свидания, Сент-Аманд.

И они разошлись в разные стороны. Канадец отправился к своим товарищам, а француз рысью помчался к дому на улице Монтерилья.

Часы на башне Капапио пробили ровно четыре, когда Луи Морэн миновал Главную площадь.

— Гм! — пробормотал он, с довольным видом потирая руки. — Не иначе, как Небо помогает нам, и мне почему-то кажется, что сегодня будет в лицах разыграна известная испанская пословица, и бедняжка дон Рамон Аремеро, вместо того, чтобы завладеть шерстью, чего доброго, сам окажется остриженным.

Несколько минут спустя, поручив лошадь заботам слуги, дон Луис уже входил в свою комнату, где его дожидался дон Мигуэль, лежа на софе, распевавший томную сегидилью под аккомпанемент гитары.

Взглянув на молодого человека, француз не в силах был побороть овладевшего им желания и расхохотался прямо в лицо своему другу. Последний был до такой степени обескуражен такой бесцеремонностью дона Луиса, что быстро вскочил на ноги, уронив при этом гитару, которая с жалобным стоном упала на пол.

— Послушайте! Что могло вас так рассмешить? — вызывающе спросил дон Мигуэль. — Скажите, что именно так развеселило вас, и мы посмеемся вместе, если только это действительно смешно!

— Простите меня, пожалуйста, — отвечал француз, принимаясь хохотать еще сильнее, — но это, право, выше моих сил, и я не в состоянии удержаться от хохота... Меня смешит странное совпадение вашего сентиментального настроения с этой игрой на гитаре именно в ту минуту, когда, может быть, решается судьба вашего счастья.

— Что? — взволнованно вскричал дон Мигуэль. — Вы, конечно, шутите, дон Луис?

— Я? — отвечал француз с присущим ему хладнокровием. — Наоборот, я говорю совершенно серьезно.

— Что же такое случилось? Да говорите же ради самого Господа! — все больше волнуясь, вопрошал молодой человек.

— Пока, слава Богу, еще ничего не случилось, но, по всей вероятности, случится сегодня же вечером, ес-

ли только мы, со своей стороны, не примем никаких мер.

— Я решительно ничего не понимаю!.. Неужели правительство решило арестовать дядю?

— Нет, генерал Мирамон не тот человек, который способен действовать подобным образом. Кроме того, сейчас он озабочен куда более серьезными делами, нежели арест безвредного гражданина. Нет, я говорю не о нем.

— А о ком же в таком случае? Да скажите же, наконец, умоляю вас! Неужели это касается моих кузин?

— Да, дорогой дон Мигуэль, их собираются не арестовать, а похитить сегодня вечером по пути из театра.

— Собираются похитить моих кузин сегодня вечером?

— Ну да, и, по-моему, в этом нет ничего необыкновенного.

— Кто же это собирается их похитить?

— Боже мой! Прежде всего, дорогой дон Мигуэль, позвольте вам сказать, что ваша наивность приводит меня в неописуемый восторг. Вы же знаете, что у вас есть соперник, которого зовут дон Рамон Аремеро, знаете, что он в течение всего этого времени всячески стремился избавиться от вас и даже покушался на убийство, которое, впрочем, не удалось; после всего этого вы спрашиваете, кто хочет похитить ваших кузин... Конечно, он, кому же еще могло прийти в голову похищать особу, которую вы любите!.. Или вы, может быть, воображаете, что неудачный исход его попыток способен заставить его признать себя побежденным, и он откажется от намерения отомстить вам за испытанное им унижение? Вы, должно быть, считаете его дураком... Нет, нет, поверьте мне, он ни за что на свете не откажется от мести, и он надеется добиться своего сегодня вечером.

— Вы меня поражаете, дон Луис! Скажите, пожалуйста, кто же это сообщил вам все подробности этого ужасного замысла?

— Это, в сущности, уже неважно, друг мой, главное, что я знаю об этом... И знаю все, вплоть до мельчайших подробностей.

— Но не можете ли вы сообщить мне, по крайней мере, некоторые подробности? Скажите все, что вы находите возможным сообщить... все, что вы знаете... Не мучьте меня... Вы себе и представить не можете, что со мной де-

дается!.. Чего вы ждете?.. Почему не хотите мне ничего больше сказать?

— Я жду прибытия некоторых лиц, присутствие которых для этого необходимо.

В эту минуту дверь открылась, и вошел слуга.

— Что вам нужно? — сердито спросил дон Мигуэль.

— Кабальеро, — почтительно доложил пеон, — там пришли четверо канадских охотников, которые желают поговорить с доном Луисом Морэном. Они уверяют, что его милость сам назначил им здесь свидание.

— Да, это правда, — отвечал дон Луис. — Зовите их сюда.

Пеон поклонился и вышел.

— Что это значит?.. — спросил дон Мигуэль.

— Наберитесь терпения, милый друг. Нам эти люди необходимы, потому что только в их присутствии я и могу решиться рассказать вам все. Потерпите минуточку, и вы все узнаете.

Дверь отворилась, и вошли ведомые слугой наши старые знакомцы: Сент-Аманд, Безрассудный, Медвежонок и Марсо, неловко кланяясь направо и налево. Затем, когда по знаку дон Мигуэля слуга ушел, затворив за собой дверь, они сбились в кучу и молча стали ждать, пока с ними заговорят.

После представления «Нормы»

Испано-американские креолы — страстные любители музыки, особенно же они любят итальянскую оперу. Труппы формируются обычно в Гаване и состоят по большей части из отличных артистов, из которых многие с большим успехом могли бы выступать и на европейских сценах, как, впрочем, случалось уже не раз. Такие труппы время от времени отправляются из Гаваны в турне по побережью, давая несколько спектаклей во всех крупных городах американских республик, причем публика всегда встречает их с восторгом. После более или менее продолжительных гастролей труппа возвращается в Гавану и здесь делит барыши, порой весьма значительные.

По крайней мере так обстояли дела с итальянской оперой во времена, к которым относится наш рассказ. Сохранилось ли такое положение и по сей день, нам неизвестно.

Особой популярностью в бывших испанских колониях пользовались в то время две певицы, отличавшиеся и красотой, и талантом, — сеньора Патанелли и Тереза Росси. Самый большой успех имели «Семирамида» и «Норма» с их участием.

В последние дни владычества Мирамона эти певицы находились проездом в Мехико, где, по настоятельным просьбам высшего общества, согласились дать несколько спектаклей.

Несмотря на грозные тучи, нависшие над политическим горизонтом, и анархию, с которой не в силах было справиться правительство генерала Мирамона, публика

охотно посещала спектакли итальянской оперы, так что театр не мог вместить всех желающих.

Впрочем, в этом нет ничего удивительного. Американские испанцы живут как на вулкане, в постоянном ожидании очередных восстаний, революций, землетрясений и всяких иных напастей, ежечасно грозящих обрушиться на их головы, поэтому они так ценят любые удовольствия, и ничто не в силах помешать им наслаждаться ими.

В тот вечер, о котором пойдет рассказ, в театре давали «Норму». Сеньора Тереза Росси, хворавшая последние несколько дней, должна была исполнять партию Нормы, поэтому обладатели заблаговременно купленных билетов ни за какие сокровища не согласились бы уступить кому-нибудь свой билет.

В семь часов вечера зрители начали заполнять театр, сиявший яркими огнями. Вскоре не только ложи, но и галерка засверкала многоцветьем бриллиантов, которыми кокетливые сеньориты щедро украсили свои туалеты.

В одной из лож первого яруса сидели донна Жезюзита и донна Сакрамента. Обе они привлекали всеобщее внимание не только своей красотой, но также изящной прелестью туалетов. Позади них в глубине ложи стоял дон Гутьерре, а еще дальше, наполовину скрытые занавесями, дон Мигуэль и Луи Морэн.

Представление началось. Мы не станем говорить о нем подробно и ограничимся только замечанием, что оно прошло с огромным успехом. Сеньора Тереза Росси превзошла самое себя, аплодисменты не умолкали весь вечер, а по окончании спектакля поклонники певицы еще долго не расходились.

В Мехико театральные представления вообще оканчиваются довольно рано, а в такое тревожное время, когда неприятель находился практически у ворот города, представление и подавно не могло затянуться и должно было бы окончиться не позже половины одиннадцатого или одиннадцати часов. Но по вине самой публики, слишком затягивавшей антракты бесконечными вызовами любимой актрисы, представление затянулось до половины двенадцатого, что было весьма нежелательно, если принять во внимание царившую в городе анархию и полное отсутствие общественной безопасности, так как даже сама полиция нашла благоразумным отсиживаться в участке.

Наконец занавес опустился, и зрители осознали, что пора расходиться по домам.

Тут на несколько минут в зале возник, впрочем, весьма понятный беспорядок. Вскоре, однако, беспорядок сам собой исчез, и толпа мирно потекла по широким проходам в фойе, а потом на улицу. Публика отправилась домой, кто пешком, а кто верхом или в карете. В течение нескольких минут на площади, словно отдаленный гром, слышались отголоски речей и топот лошадиных подков, но постепенно звуки эти становились все тише и тише, пока окончательно не затихли вдали: венецианские фонари перед фасадом театра погасли, и на смену недавно царившему здесь оживлению пришли мрак и безмолвие.

Ночь выдалась темная. Луна была плотно укрыта густыми облаками. Одна из наемных карет, с грохотом катившая по каменной мостовой, пересекла Главную площадь, совершенно безлюдную в этот поздний час, и направилась к улице Монтерилья.

Если бы не было так темно и если бы поблизости оказался случайный прохожий, он, несомненно, заметил бы, что едва карета повернула в сторону улицы, как от стены дома, выходящего на площадь, отделился закутанный в плащ человек, прошел немного вперед и сразу же вернулся в свое укрытие, сообщив шепотом находившимся с ним людям, по всей вероятности, его сообщникам:

— Теперь не зевать, это они!

Последовал тихий лязг оружия, и сразу же снова все смолкло.

Между тем карета спокойно продвигалась вперед. Сидевшие в ней, по-видимому, и не подозревали, что на них готовится нападение. Запряженные в экипаж лошади тащились тем неспешным, размеренным шагом, который так характерен для всех извозчичьих лошадей во всех странах мира. Кучер, беспечно дремавший или, может быть, делавший вид, что ему дремлет, сидел потупившийся, словно безучастный ко всему происходящему вокруг, покачиваясь из стороны в сторону.

Карета поравнялась с домом, возле которого скрывался в засаде человек, как вдруг раздался резкий свист. И сразу же несколько человек бросились к карете и прежде всего стали тушить фонари. Кто-то уже схватился за дверцу кареты, другие пытались взбираться на козлы, чтобы сбросить кучера.

Но тут произошло нечто неожиданное. Кучер стремительно выпрямился и начал с удивительной силой и ловкостью хлестать бичом по лицам налетчиков, так что те, взыв от боли, отскочили в сторону.

Тем временем распахнулись дверцы кареты, и из нее выскочили пятеро отважных молодых людей с револьверами в руках и обрушились на разбойников.

Карета, с виду такая беззащитная, явила собой некое подобие легендарного троянского коня. Находившиеся в ней отважные молодые люди решили, если потребуется, пожертвовать жизнью, но не допустить попрания их человеческих прав.

Кучер, расправившись с двумя негодьями, пытавшими-ся сбросить его с козел, поспешно принялся зажигать факелы, которые, надо думать, оказались у него не случайно, укреплять их на крыше кареты, по всей вероятности, затем, чтобы осветить место битвы и лишить налетчиков возможности скрыться в темноте. Покончив с этим делом, он соскочил с козел, перерезал построжки у лошадей, которые, обрадовавшись такому редкому знаку внимания, тотчас же умчались, не дожидаясь окончания битвы. Затем он храбро стал рядом с пятерыми, защищавшими дверцы кареты.

Налетчики, рассчитывавшие захватить врасплох беззащитных девушек, были обескуражены таким поворотом событий и отступили на несколько шагов.

Но дон Луис и его спутники — читатель, по всей вероятности, уже узнал их — не дали им времени опомниться, смело бросились на них.

— Проклятие! — вскричал один из бандитов. — Нам изменили! Смелей, соратники!.. Бей этих негодяев!

— Разумеется, вам изменили, сеньор дон Рамон, — отвечал дон Луис насмешливым тоном, — и вы дорого заплатите за это дерзкое нападение, клянусь вам!

— Подлый авантюрист! — вскричал в бешенстве дон Рамон и ринулся на француза.

К несчастью для мексиканцев, им пришлось иметь дело с опасными и опытными бандитами, закаленными чуть ли не в ежедневных сражениях и мастерски владевшими оружием. У мексиканцев, прямо скажем, было мало шансов на победу.

И тем не менее трое налетчиков уже корчились в предсмертных судорогах на земле, другие получили более или

менее серьезные ранения, при том, что ни один их удар не достиг цели, Луи Морэн и его спутники казались неуязвимыми.

Между тем наши герои не щадили себя и, плотно примкнув друг к другу, шеренгой медленно шли на бандитов, пока, наконец, не взяли их в плотное кольцо.

Дон Рамон и его сообщники сражались отчаянно: они знали, что на пощаду им рассчитывать не приходится, а спастись бегством невозможно. Отчаяние удесят�еряло их силы, а бешенство, вызванное неожиданным срывом замысла, в удаче которого они не сомневались, удваивало их энергию. Они дрались как безумные.

Дон Мигуэль уже не раз выхватывал свои револьверы, чтобы в упор стрелять в налетчиков, но француз оставлял его и говорил с присущей ему свирепой усмешкой:

— Нет, нет, дон Мигуэль, мы имеем дело с самыми дерзкими животными... В койотов не стреляют, как в ягуаров. Пускайте им кровь! Пускайте им кровь!

И он собственным примером показывал, как надо пускать кровь, издавая громкий крик радости каждый раз, как его шпага вонзалась в человеческое тело.

Битва, или, лучше сказать, кровавое побоище, продолжалось уже довольно долго, а между тем, не отворилась ни одна дверь, ни одно окно. Обитатели ближайших домов со страхом прислушивались к доносившемуся с улицы шуму и были уверены, что долгожданная революция наконец-таки разразилась.

Из восьми бандитов, напавших на карету, только трое держались еще на ногах, остальные же были убиты или серьезно ранены, и потому не могли уже не только сражаться, но и подняться с земли — их безжалостно топтали сражающихся.

Гибель уцелевших бандитов была не более как вопросом времени для их неутомимых противников, из которых никто пока не был ранен. Вдруг дон Луис сделал шаг назад и опустил шпагу.

— Стой, — сказал он, — так не может больше продолжаться — мы убиваем, а не сражаемся... Сент-Аманд и вы, друзья, следите только за тем, чтобы никому из этих негодяев не удалось убежать, и предоставьте мне и дону Мигуэлю покончить с этим делом.

Канадцы покорно отступили на несколько шагов и ос-

становились, готовые в любую минуту прийти на помощь нашим храбрым рыцарям.

Трое бандитов, все еще продолжавших сражаться, были дон Рамон, дон Ремиго Диас и Гардуна. Они воспользовались предоставленной Луи Морэном передышкой, чтобы мобилизовать все силы для последнего жестокого и решительного боя, и тут сеньор Гардуна, вместо того чтобы стать в оборонительную позицию, бросил свой мачете на землю и, скрестив на груди руки, изрек патетическим тоном:

— Надеюсь, нас никто не может упрекнуть в том, что мы менее великодушны, чем наши противники.

— Как прикажете понимать ваши слова, дон Антонио? — гневно спросил дон Рамон.

— А мне кажется, что это понятно без всяких слов, сеньор, — невозмутимо отвечал бандит, — эти кабальерос не хотят злоупотреблять правом сильного и желают сражаться с нами по правилам дуэли, поэтому и мы обязаны последовать их примеру... равняем партию. Что же касается меня, то мне кажется, я с честью исполнял мою обязанность, а так как эта ссора касается меня лишь косвенно и не затрагивает впрямую моей части, я объявляю, что, побежденный деликатным обращением дона Луиса Морэна, добровольно отказываюсь от участия в поединке и бросаю оружие. Вот и все, теперь поступайте, как знаете, но только не рассчитывайте больше на меня.

Дон Рамон слушал эту длинную тираду с возрастающим гневом, а когда Гардуна наконец умолк, разразился яростными проклятиями:

— А, собака! Теперь я все понимаю!.. Это ты нам изменил, ты нас предал!.. Дорого же ты заплатишь за свой подлый поступок!

С этими словами он, как молния, бросился на бандита, и тот не успел опомниться, как его грудь дважды пронзил мачете дона Рамона.

— Умри, негодяй! — вскричал он, скрежеща зубами. — Пусть я погибну здесь, но, раньше чем умереть, я, по крайней мере, отомщу за себя!

Гардуна не успел даже вскрикнуть и замертво повалился на землю. В умении владеть мачете дон Рамон считался непревзойденным. Его удары были точны и искусны — удары профессионального убийцы.

Затем он обернулся и, как смертельно раненный тигр, бросился на дона Мигуэля, крича:

— Бей! Бей!

Бой завязался снова. В течение нескольких минут слышались только лязг стали да тяжелое, прерывистое дыхание сражающихся, жаждавших крови друг друга.

Эта борьба четверых, не ведающих страха молодых людей, была сосредоточена на том, чтобы перерезать горло своему противнику, эти трупы убитых, попираемые ногами сражавшихся, эти свидетели поединка, полудикие охотники с угрюмыми лицами, молча и спокойно взиравшие на то, как у них на глазах проливается человеческая кровь, наконец, эти факелы, отбрасывавшие фантастические тени на стены соседних домов, — все это, вместе взятое, являло собой ужасающее зрелище, возможное разве что только в Мексике.

Несмотря на равное число противников как с той, так и с другой стороны, дуэль не могла продолжаться долго. Дон Рамон и оставшийся в живых его сообщник, теснимые своими храбрыми противниками, все отступали назад, пока не уперлись спиной в стену. Теперь они уже не наступали, а только парировали удары, да и то вяло. Они были до такой степени утомлены, что роковая развязка становилась неизбежной. Холодный пот выступил у них на висках, пересохшее горло судорожно сжималось, а в глазах была уже не дерзкая отвага, но, скорее, страх, страх смерти. Они все еще по инерции продолжали сражаться, хотя все их усилия могли отдалить смерть лишь на какие-нибудь несколько минут, а, может быть, даже и секунд.

Вдруг дон Рамон упал на одно колено. В ту же минуту дон Мигуэль ловким ударом выбил у него шпагу из рук, а затем бросился на него и силой заставил стать на оба колена.

— Сдавайтесь!

— Нет! — отвечал дон Рамон. — Убивай меня, коль по воле судьбы я оказался в твоих руках.

Затем, собрав все свои силы, вскочил на ноги и кинулся на своего противника. Все это произошло так быстро и так неожиданно, что дон Мигуэль невольно отскочил назад, при этом споткнувшись о труп убитого бандита и упав навзничь.

— А! — вскричал дон Рамон с сатанинским хохотом. — Выходит, что не ты меня убьешь, а я тебя!

И, схватив валявшийся рядом чей-то нож с длинным и острым лезвием, он вознамерился было перерезать горло своему смертельному врагу.

Но дон Мигуэль был молод и силен. Он вцепился в руку дона Рамона с зажатым в ней ножом и, обхватив его ногами и другой, свободной рукой, стал кататься с ним по земле, стараясь парализовать его движения.

Тем не менее, несмотря на все усилия дона Мигуэля, успех борьбы был предreshен не в его пользу. Но в какой-то момент он почувствовал, что хватка дона Рамона ослабела, и он, вздохнув, навалился на него всей своей массой и застыл в неподвижности.

Молодой человек сбросил с себя тело поверженного врага и проворно вскочил на ноги.

— Вы не ранены? — участливо спросил француз.

— Слава Богу, нет! — отвечал он, горячо пожимая руку своего друга.

— Теперь, — продолжал Луи Морэн, — мы со спокойным сердцем можем идти домой. Только надо велеть пеонам подобрать тела дона Рамона и его друга: змеи живучи, и мне хотелось бы быть вполне уверенным, что с этими гадинами покончено навсегда. Каким же образом удалось дону Мигуэлю так счастливо избавиться от грозившей ему опасности, и кто, наконец, убил его врага?

Дон Луис сражался с доном Ремиго. Бывший портной, парируя удары, думал только о том, как бы спасти свою драгоценную жизнь, и на этом построил всю свою защиту. Его шпага все слабее и слабее отражала удары противника, и, наконец, он вовсе не стал парировать один удар или, лучше сказать, сделал вид, что не сумел или не был в состоянии сделать это. Шпага дона Луиса должна была бы проткнуть его насквозь, но дон Ремиго едва заметно и очень ловко увернулся от удара, однако громко вскрикнул при этом, взмахнул руками, выронил шпагу, и, сделав шага два, качаясь, точно пьяный, рухнул на землю.

Дон Луис решил, что его противник убит.

— Бедняга, — прошептал он, — а он, в сущности, не так уж и виноват.

Тут он заметил, в каком критическом положении находится его друг, и, действуя шпагой, как палкой, эфесом ударил дона Рамона по голове с такой силой, что и его можно было считать убитым.

Окинув напоследок место сражения, усеянное трупами врагов, — так, по крайней мере, они думали, — дон Мигуэль и француз в сопровождении канадцев направились к дому дона Гутьерре.

Полчаса спустя, когда пеоны в сопровождении неугомонного француза пошли забрать тела дона Рамона и донна Ремиго, они не нашли ни того, ни другого: мертвецы исчезли, хотя все остальные лежали там, где их настигла смерть.

— Что это значит? — прошептал француз, хмуря брови. — Неужели эти негодяи остались живы?

И он, глубоко озабоченный, вернулся в дом донна Гутьерре, где на пороге его ожидал дон Мигуэль.

— Ну?

— Исчезли, испарились, улетучились!.. Словом, пропали, — угрюмо отвечал француз. — Клянусь честью, им, должно быть, покровительствует сам дьявол.

— Если так, значит, мы пока еще ровно ничего не сделали, — заметил дон Мигуэль.

— Боюсь, что так, — проговорил француз, покачивая головой, — но даю вам честное слово, — добавил он через минуту, — пусть они мне больше не попадают... Следующая встреча будет для них роковой!

И француз отправился в свою комнату, чтобы соснуть до рассвета, так как предвидел новые опасности и хотел встретить их бодрым и полным сил.

Отъезд

Дон Луис был на ногах, едва начало светать. Разумеется, события минувшей ночи серьезно заботили его, и ему было не до сна. Но больше всего его беспокоило таинственное исчезновение дона Рамона и дона Ремиго. Если эти двое живы, то существует и опасность их новых ухищрений, а значит, надо быть готовыми к повторному нападению и всякому коварству.

К тому же не ясно, насколько серьезно они ранены. Этого он пока не знал и, естественно, очень хотел узнать. Если они ранены серьезно, то, само собой разумеется, можно считать себя гарантированными от новых нападений, по крайней мере на то время, пока они окончательно оправятся от ран. Но как бы то ни было, благоразумие требовало принять необходимые меры предосторожности, чтобы не оказаться застигнутыми врасплох. Можно было не сомневаться, что бандиты не пресмнут воспользоваться царящей в городе анархией, чтобы взять реванш и жестоко отомстить своим противникам. Каким же образом узнать о новых планах бандитов? Гардуна убит, и, хотя на этом свете нет недостатка в предателях, однако немногие из их числа согласятся, предавая других, выдать и самих себя. Вот какие мысли тревожили француза, поэтому нет ничего удивительного в том, что утром он поднялся с постели далеко не в радужном расположении духа.

Прежде всего Луи Морэн велел позвать к нему четверых охотников канадцев, которые тоже уже были на ногах и тотчас же явились на зов. На их лицах не было никаких следов волнения или тревоги. Они держались, как и подобает людям, вся жизнь которых — череда опас-

ных приключений и постоянной угрозы смерти, и потому бездействие воспринимается ими как нечто противоестественное.

— Друзья мои, — сказал Луи Морэн, — я очень доволен вашим поведением прошлой ночью... Эта стычка дала мне возможность по достоинству оценить и вашу храбрость, и ваше хладнокровие... Я убедился, что теперь вполне могу рассчитывать на вас в случае необходимости, и считаю своим долгом предупредить, что нечто подобное тому, что произошло прошлой ночью, может случиться и во время нашего путешествия в пустыне... К несчастью, наши враги каким-то чудом уцелели, а потому мы, наверное, еще не раз встретим их на своем пути. Я надеюсь, что вы и впредь будете вместе с нами с такой же беззаветной храбростью давать отпор врагам... Вместе с тем я надеюсь, что наши отношения не испортятся, и между нами не пробежит черной кошки.

— О, не опасайтесь этого, господин Луи!.. Можете смело положиться на нас, — отвечал Сент-Аманд, говоривший как от своего имени, так и от имени своих товарищей.

— Я тоже думаю так, друзья мои, — сказал француз. — Мне только хотелось лишний раз обратить ваше внимание на это для того, чтобы между нами существовала полная ясность и впоследствии не возникло никаких недоразумений. Теперь выслушайте меня хорошенько. В вашем присутствии в Мехико больше нет необходимости, потому что я и сам думаю уехать отсюда самое позднее через два дня. Для меня очень важно, чтобы вы не далее как через час покинули город и отправились в Гвадалахару... Вы, надеюсь, меня понимаете, не так ли?

— Да, да, — смеясь, отвечал Сент-Аманд, — не беспокойтесь, господин Луи, мы исполним ваше приказание, и хитер будет тот, кто увидит нас в городе через час.

— Хорошо! Я очень рад, что вы меня понимаете, и больше не станем говорить об этом... Вчера я дал вам обещание и, как честный человек, должен его исполнить. Вот возьмите, Сент-Аманд, — сказал он, протягивая ему кошелек, — тут ровно сто пиастров. Разделите их поровну с вашими товарищами, вы их честно заработали. Я жалею только об одном, что далеко не так богат, как мне бы хотелось, потому что, клянусь честью, тогда вы получили бы от меня во много раз больше.

— Послушайте, господин Луи, — возразил Сент-Аманд, —

вы, должно быть, смеетесь над нами... Начать с того, что вы ничего не обязаны нам платить, и если мы принимаем эту награду, то только потому, что вам так заблагорассудилось, вот и все. Мы ведь честные охотники, и раз дали слово, поверьте, мы обязательно его сдержим.

— Спасибо, братцы. До свидания. Желаю вам успеха.

— До свидания, господин Луи!.. Надеемся скоро увидеться...

Затем канадцы вышли, и француз остался один, но ненадолго, потому что почти тотчас же появился дон Мигуэль.

Молодой человек был бледен, встревожен и утомлен. После обычных приветствий он с отчаянным видом бросился в кресло.

— Что случилось с вами, дорогой друг? — спросил его, улыбаясь, Луи Морэн.

— И вы еще спрашиваете! — вскричал молодой человек. — А вот что!.. Я в полном отчаянии!.. Вам этого недостаточно?

— Что же повергает вас в такое отчаяние, позвольте спросить? Я вовсе не нахожу, чтобы положение наше значительно ухудшилось со вчерашнего дня, а, скорее, наоборот, оно теперь, по крайней мере, прояснилось...

— Именно прояснилось, — перебил его дон Мигуэль с горькой иронией. — Послушайте, дон Луис, вы меня доведете до сумасшествия вашими вечными усмешками. Ничто вас не трогает, ничто вас не волнует и что бы ни случилось вы остаетесь по-прежнему спокойным и ироничным.

— Экий вы странный! — отвечал француз улыбаясь. — Да неужели вам было бы приятнее видеть меня унылым? За кого же вы меня принимаете, друг мой, позвольте вас спросить? Плохо же вы меня знаете, если думаете, что дурацкая комедия, которую не удалось, впрочем, разыграть этим негодяям, может меня взволновать.

— Вы называете дурацкой комедией гнусную ловушку, жертвой которой могли сделаться мои кузины и стоившую жизни шестерым или восьмерым людям?!

— Но ведь ваши кузины не попали в эту ловушку, не так ли? Значит, вас до такой степени растрогала смерть этих семи или восьми негодяев? Согласитесь со мной, дон Мигуэль, это доказывает только, что у вас чересчур нежное и чувствительное сердце.

— Да нет же, мой друг, совсем не то... Надеюсь, вы не

станете отрицать, что ситуация достаточно серьезна. Вот если бы нам удалось избавиться и от дон Рамона, тогда другое дело. Не забывайте, что он остался жив.

— Точно так же, как и его друг дон Ремиго... Ну, а дальше? Что же из этого следует?

— Бог мой! Это означает, что они опять возьмутся за старое.

— А я как раз на это и рассчитываю.

— Как! Что такое вы говорите, дон Луи? Вы на это рассчитываете?

— Конечно, и вот почему... Теперь мы будем все время держаться настороже, и, можете быть спокойны, они от нас уже не улизнут, если даже мне придется изрезать их обоих на куски, чтобы убедиться, что они действительно мертвы... Я сделаю это без малейшего угрызения совести, все равно как если бы мне пришлось случайно разбить южку или стакан.

И, взяв стоявшую на столе тонкую чашу из богемского хрустала, он бросил ее на пол и разбил вдребезги.

— Ну, теперь вы, по крайней мере, не потешаетесь надо мной и сами выглядите взволнованным, — смеясь, сказал дон Мигуэль.

— Ошибаетесь, мой друг, — возразил француз добродушно, — я ни на йоту не утратил, уверяю вас, свое обычное спокойствие, и даже сам не знаю, почему вдруг разнервничался до такой степени, что не мог удержаться от желания разбить что-нибудь.

— Пусть так!.. Это мне, однако, не мешает прекрасно понимать, чем вызвано было такое возбуждение... А теперь, с вашего позволения, я перейду к вопросу, который нас больше всего интересует в данную минуту... Что вы намерены делать?

— А вы?

— Я? Я буду делать то же, что и вы. Можете быть уверены, что я не стану ничего предпринимать вопреки вашему совету.

— Хорошо! Но вы, наверное, размышляли над тем, что нам следует предпринять?

— Конечно! Вы желаете знать мое мнение?

— Разумеется, если я вас об этом спрашиваю.

— Хорошо, тогда слушайте. Я думаю, нам необходимо уехать отсюда как можно скорее. Что бы ни ждало нас впереди, на открытой местности нам гораздо легче будет

справиться с бандитами, чем если бы нам пришлось сражаться с ними на узких городских улицах.

— Вы рассуждаете совершенно правильно, друг мой, и я вполне разделяю ваше мнение... Нужно только суметь заставить дона Гутьерре думать точно так же. Видели вы ваших кузин сегодня утром?

— Да, я встретил их в саду.

— Как вы их нашли?

— Прелестны, как всегда.

— Я не об этом спрашиваю. Влюбленные везде одинаковы, честное слово!

— Мне показалось, что они никак не могут осознать случившегося вчера вечером. Почему отец велел им выйти из театра через актерский подъезд и отправиться домой окольными улицами и пешком в сопровождении двадцати вооруженных пеонов, тогда как у главного подъезда их ожидала карета.

— Друг мой, такое, по-видимому, с их точки зрения, нелогичное поведение, не могло не заинтересовать и не возбудить любопытство молодых девушек. А что вы им отвечали?

— Ничего, я убежал.

— Я узнаю вас и тут, — сказал француз, смеясь. — Впрочем, это единственный способ выйти из затруднительного положения. Ну, а дон Гутьерре?

— О, с моим дядей все было гораздо проще. Когда я сказал ему вчера, что мои кузины или не должны присутствовать на спектакле с участием Терезы Росси или же он должен обещать, что они вернутся домой указанным мною способом, добавив, что таково неперменное ваше требование, он понял с полуслова и, зная глубокую вашу преданность нашей семье, мой дорогой Луи, не стал спрашивать у меня никаких объяснений и тотчас же согласился исполнить все наши требования.

— Значит, все к лучшему, друг мой. Одевайтесь, мы пройдемся по городу узнать, что новенького, а потом за завтраком дадим понять дону Гутьерре, что нам необходимо немедленно покинуть Мехико.

— Мне кажется, что заручиться согласием дядюшки будет нетрудно. По-моему, ему страшно надоела здешняя жизнь, и в пустыне он будет чувствовать себя в большей безопасности, нежели здесь.

— Я совершенно с вами согласен.

Через несколько минут друзья вышли из дома.

На углу улицы Монтерилья и Главной площади, как раз на том самом месте, где ночью происходила стычка с бандитами, они увидели огромную толпу народа. Собравшиеся всяк на свой лад объясняли причины, вызвавшие кровавое побоище, и с любопытством рассматривали до сих пор не убранные трупы.

Послушав несколько минут забавные версии по поводу ночного происшествия, участниками которых они были, дон Луис и дон Мигуэль продолжили прогулку.

Добравшись до центра города, они обратили внимание на многочисленные группы бурно жестикулирующих, возбужденных граждан. Большинство лавок и магазинов были закрыты.

Время от времени открывались ворота президентского дворца, чтобы выпустить курьера, мчащегося во весь опор. По улицам двигались полки пехоты и эскадроны кавалерии. Солдаты шли молча с угрюмыми лицами, как люди, которые ставят на карту свою жизнь и знают заранее, что проиграют. Какой-то еще не осознанный страх тяготел над городом.

Луи Морэн остановил первого встречного прохожего и осторожно поинтересовался, что слышно новенького.

Прохожий удовлетворил его любопытство, и вот что он узнал.

Правительство, или, лучше сказать, Мирамон, в полном унынии. К городу со всех сторон стягиваются войска Хуареса, передовые отряды находятся уже всего в нескольких милях отсюда, и к вечеру, самое позднее, на следующий день, Мехико окажется в осаде.

Эти новости требовали безотлагательных действий.

— Дорогой друг, — сказал дон Луис, — отправляйтесь к дону Гутьерре, но пока ничего не говорите ему о только что услышанном нами. Займитесь подготовкой к немедленному отъезду. Я сажусь на лошадь и еду в разведку, вернусь не позже как часа через два и тогда подробно расскажу вам, как обстоят дела.

Вернувшись домой, дон Мигуэль нашел всех в большой тревоге: дурные вести распространяются с необычайной быстротой. Дон Гутьерре и его дочери уже знали приблизительно, что происходит в городе и о грозящей Мехико осаде. Дон Мигуэль старался, как мог, успокоить и дядю, и кузин. Он уверял их, что дон Луис поехал прокатиться

по окрестностям для того, чтобы досконально выяснить, насколько оправданы все эти слухи, и скоро привезет им, наверное, хорошие вести.

Однако он все-таки посоветовал кузинам собраться в дорогу на тот случай, если дон Луис скажет, что им необходимо немедленно покинуть город.

Дон Гутьерре отдал необходимые приказания пеонам, а сам, несмотря на довольно позднее время, не хотел садиться завтракать до возвращения дон Луиса, которого не только он сам и его дочери, но и дон Мигуэль ожидали с беспокойством и нетерпением.

Минуло более трех часов, а дон Луис все не возвращался, и это не только не уменьшало, но, скорее, увеличивало беспокойство всех ожидавших его.

Наконец послышался быстрый галоп лошади, и во двор через полуотворенные ворота влетел всадник.

— Это дон Луис! — воскликнули все в один голос, устремляясь к нему навстречу.

Это и в самом деле был он, как всегда спокойный, невозмутимый и со своей обычной насмешливой улыбкой на устах.

— Клянусь Богом, я совершил прелестную прогулку! И если бы не голод, то я, пожалуй, долго еще не спешил бы возвращаться... Погода отличная, и за городом прелесть, как хорошо.

Слова эти были произнесены так весело, с такой непринужденностью, что произвели то самое действие, на которое он, без сомнения, и рассчитывал, и, словно по волшебству, люди, трепетавшие от страха всего за пять минут до этого, успокоились.

— Мы ждали вас, чтобы сесть за стол, дорогой дон Луис, — сказал дон Гутьерре.

— О! Если бы я это знал, — отвечал тот с нарочитым сожалением.

Подали завтрак.

Однако всеобщее беспокойство то и дело прорывалось наружу. Несколько раз или сам дон Гутьерре, или дон Мигуэль, или же, наконец, его кузины принимались расспрашивать его о том, что он видел и что слышал. Француз ограничивался уклончивыми ответами и продолжал есть с видимым удовольствием. Наконец дон Гутьерре догадался, что дон Луис по той или иной причине не хочет отвечать на заданные ему вопросы, и повернул разговор в другое русло.

Когда подали сигары, дон Гутьерре сделал знак дочерям удалиться.

— Ну, — спросил дон Гутьерре, обращаясь к дону Луису, — теперь, надеюсь, вы расскажете нам все досконально?

— С удовольствием, — отвечал француз. — Коротко положение дел таково. Армия Хуареса ускоренным маршем движется к городу, обходя его со всех сторон, и это кольцо с каждым днем все более и более сужается. Но войска пока еще не подошли так близко, как говорят. Ее передовые конные разъезды находятся сейчас милях в сорока от Мехико. Те всадники, о которых идет молва в городе, представляют собой часть отряда Карваяля, который идет значительно впереди армии, грабя и сжигая все на своем пути. Дорога в Гвадалахару пока свободна, но это продлится недолго, потому что не пройдет и трех дней, как Мехико будет окончательно окружен. Вот все, что мне удалось узнать, и таково истинное положение вещей. А теперь скажите мне, как вы намерены поступить?

— Помилуйте! — вскричал дон Гутьерре, стукнув кулаком по столу. — Бежать, конечно, и как можно скорее!

— Отлично! Я придерживаюсь того же мнения, и теперь нам остается решить, как лучше осуществить наше намерение.

Они подсели поближе друг к другу и стали совещаться. Совещание длилось довольно долго, но, в конце концов, француз все-таки удалось склонить на свою сторону не только племянника, который оспаривал лишь некоторые частности его плана, но и более упрямого дядю.

Затем, чтобы обмануть бдительность шпионов, дон Луис взял на себя все приготовления к отъезду, который должен был состояться на рассвете.

Оба бандита, с которых француз не сводил глаз, постоянно держа при себе из опасения, что они немедленно раскроют его план врагам, вместе с ним покинули город в тот же вечер и остановились на ночлег на одном постоялом дворе, расположенном по дороге в Гвадалахару, куда вслед за ними утром на следующий день прибыл и дон Гутьерре с дочерьми.

Маленький отряд, состоявший всего из семи человек, галопом помчался к Гвадалахаре, где их должны были встретить пеоны с багажом и четверо охотников, нанятых Луи Морэном.

Вечером они остановились в десяти милях от Мехико в покинутом ранчо. Дон Луи хотел совершить длинный переход именно в первый день, чтобы сбить с толку своих врагов, которые могли пуститься по их следам.

В эту минуту, когда бандиты закутывались в плащи, собираясь ложиться спать, француз подошел к ним и, хлопнув одного из них по плечу, сказал без обиняков:

— Послушайте, негодяи, я прекрасно знаю, что вы пытаетесь вести двойную игру... Берегитесь, со мной это опасно!.. Дон Мигуэль обещал вам такую сумму, которая способна прямо-таки превратить вас в богачей, ну а я, при первой же вашей попытке к измене, обещаю убить вас, как собак... Вы меня понимаете, надеюсь?

Бандиты попытались было оправдываться.

— Молчать! — повелительным тоном воскликнул француз. — Я ведь с вами не спорю, а только предупреждаю вас!.. Еще раз повторяю, берегитесь!.. Не забывайте, что я всегда держу свое слово, а затем, покойной ночи!

И он, отвернувшись от них, улегся возле своего друга.

На следующий день оба бандита исчезли, прихватив с собой одного мула, навьюченного багажом.

— Счастливого пути, — сказал дон Луис. — Теперь, по крайней мере, у меня не осталось никаких сомнений, и при первой же встрече мы сведем с ними счеты.

Пустыня

Обширные американские прерии, этот бескрайний зеленый океан, где оттесненные цивилизацией туземцы чувствуют себя, как в несокрушимой крепости, предстают взору путешественника одинаково величественными в любое время дня и ночи, и каждый раз, когда он вступает в них, покинув тесные городские дома и улицы, воображение все с той же силой поражает его, как словно бы он увидел прерии впервые.

В этом зеленом океане пытливый взгляд человека различает также обширные пустыни, равнины или саванну, где выбеленные солнцем скелеты людей и животных указывают тропу, по которой двигаются караваны эмигрантов, оставляя после себя такую же печальную память; саванны сменяются прериями, перерезанными извилистыми реками, или непроходимыми лесами с роскошной растительностью, в чаще которых таятся кровожадные хищники и где человеку приходится топором прокладывать дорогу; то вдруг дорогу путешественнику преграждает беспорядочное нагромождение гор с седыми, прячущимися в облаках вершинами и узкими тропинками, пролегающими над бездонными ущельями. Время от времени пейзаж оживляют пасущиеся на свободе стада бизонов, табуны диких лошадей, антилоп и лосей, словно бы вовсе не опасющихся соседства с ягуарами, с красными луговыми волками, пумами и серыми медведями, на которых охотятся индейцы, такие же свирепые и кровожадные, как и хищные обитатели пустыни.

Вот в этой-то пустыне, простирающейся от Пасо-дель-Норте до Верхней Калифорнии и Орегона, мы находим

наших путешественников спустя тридцать дней после бегства из Мехико.

Вечер. Караван с трудом взбирается по узкой тропинке на вершину крутого берега Рио-Гранде-Браво-дель-Норте. Солнце погружается в пурпурно-золотые воды реки как раз в ту минуту, когда усталые путешественники добрались до места временной стоянки.

Здесь дон Луис, исполнявший трудную и ответственную обязанность начальника каравана, приказал прежде всего срубить деревья на выбранном им для ночлега месте, чтобы из их стволов соорудить нечто вроде ретраншемента для защиты лагеря на случай внезапного нападения.

Француз, однако, приказал оставить довольно большую кучу деревьев посреди лагеря, которые, по его мнению, в случае необходимости, могли служить надежным убежищем и цитаделью для защитников укрепленного лагеря.

Под этими деревьями наскоро воздвигли навес, а под ним соорудили палатку. Потом расседлали и развьючили животных, фургоны привязали цепями к внешней стороне ретраншемента, и таким образом усилили его, и только после этого зажгли бивуачные огни и стали готовиться к ночному отдыху.

За время пути путешественникам пришлось преодолеть много опасностей, не раз попадали они в сложные переплеты.

Пеоны, багаж и охотники встретили их, как было условлено, в Гвадалахаре. Здесь путешественники пробыли целых два дня, употребив это время на то, чтобы обзавестись прочными фургонами для путешествия по пустыне, а также каретой, в которой девушки могли бы отдыхать. Затем пополнили запас провианта и отправились дальше.

Всего отряд насчитывал тридцать четыре человека, среди которых тридцать два были испытанные и отважные люди, с которыми можно было безбоязненно пуститься в путешествие по пустыне. Это было особенно важно в такое смутное время, когда мексиканские войска всецело поглощенные междоусобной войной, не имели ни возможности, ни желания обуздывать кроважадные инстинкты дикарей, грабивших и убивавших путешественников под флагом то одной, то другой стороны.

Пока караван находился в пределах территории, принадлежащей собственно республике, все шло относительно-

но благополучно. Бдительная охрана лагеря на бивуаке и хорошо вооруженный конвой производили должное впечатление на мародеров, то и дело встречавшихся им на пути; грабители с большой дороги не смели нападать на путешественников, сознавая неравенство своих сил.

Дон Луис отлично знал Мексику и благодаря этому имел возможность провести караван малоизвестными пустынными тропинками и тем самым избегать встречи с многочисленными отрядами регулярных войск, направлявшимися к Мехико.

До сих пор путешествие проходило настолько благополучно, что француз считал уже караван почти вне опасности от нападения сальтеадоров, как вдруг однажды вечером, когда дон Луис занимался устройством лагеря, внезапно появился многочисленный отряд всадников. Неизвестные всадники так стремительно бросились в атаку, что в первую минуту пеоны растерялись и так перетрусили, что чуть было не покинули путешественников и не обратились в бегство. Если этого не случилось, то только благодаря находчивости и распорядительности Луи Морэна, хладнокровию дона Гутьерре и храбрости дона Мигуэля и канадцев, которые быстро сумели восстановить необходимый порядок... Когда прошла минута растерянности и страха, пеоны, как бы устыдясь своего малодушия, мужественно встретили врага и, укрывшись за фургоном, стали осыпать его градом пуль.

Однако налетчики были не трусливого десятка; убедившись, что внезапное нападение не принесло желаемого результата, они тем не менее не бросились бежать, а храбро вступили в бой и затеяли перестрелку с пеонами. Наконец дону Мигуэлю и Луи Морэну надоела эта бесконечная перестрелка, и они, выскочив из укрытия, где находились вместе со всеми, смело бросились с револьверами в руках на человека, который мог быть, по их мнению, предводителем банды. Последний храбро выдержал этот двойной удар и отбивался, не помышляя о бегстве.

Сообщники бандита поспешили к нему на выручку; пеоны под командой дона Гутьерре в свою очередь устремились на помощь к двум смельчакам.

В продолжение нескольких минут шла ожесточенная борьба холодным оружием. Потом вдруг раздался пронзительный крик, и сальтеадоры, повернув лошадей, броси-

лись врассыпную, оставив на произвол судьбы не только убитых, но даже и раненых своих сообщников.

Дон Луис, не находя объяснения этому внезапному бегству сальтеадоров, приказал пеонам не складывать оружия, а Медвежонок и Безрассудный отправились в разведку.

Пеоны воспользовались передышкой, чтобы определить свои потери, которые, надо сознаться, были немалые: девять человек убито и пятеро серьезно ранены. Короче говоря, половина наличного числа людей выбыла. Положение становилось более чем серьезным.

Сальтеадоры понесли еще большие потери: двадцать пять их сподвижников осталось на поле боя, в том числе и предводитель банды.

Луи Морэн с той неумолимой жестокостью, которой требовали обстоятельства, приказал прирезать раненых, что пеоны тотчас же и сделали, и даже весьма охотно. Затем вырыли яму, побросали в нее трупы убитых и засыпали сверху землей.

И только предводитель был удостоен «особой чести». Непреклонный француз приказал повесить его за ноги на дерево, как суровое предостережение рыцарям большой дороги. Но прежде чем пеоны приступили к этой посмертной казни, он сам сдернул черную вуаль, скрывавшую лицо разбойника.

— Капитан Блаз! — сказал француз Мигуэлю. — Я так и знал! — Теперь уже с уверенностью можно сказать, кто именно на нас напал.

— Дон Рамон, не так ли? — спросил дон Мигуэль.

— Только он один и обладает средствами, позволяющими купить капитана Блаза и заставить его покинуть в такое время Мехико, — продолжал Луи Морэн. — Вот и конец похождениям достойного капитана! Прости ему, Господи, его прегрешения! Ну, а теперь повесьте его, — добавил он, обращаясь к пеонам.

Приказание было немедленно исполнено. Затем дон Луис отвел своего друга в сторону.

— Дон Рамон грозил нам не напрасно. Эта неудача его не остановила, наоборот, он еще больше озверевает, пустит в дело всю свою хитрость и постарается отомстить нам во что бы то ни стало.

— Признаться, я не согласен с вами, дон Луис, — ответил дон Мигуэль. — Дон Рамон, по всей вероятности,

уже давно идет по нашему следу, и, видя, что мы приближаемся к индейской территории, поспешил напасть на нас... Но я не думаю, что он решится последовать за нами в пустыню, где ему точно так же, как и нам, придется испытывать на себе коварство пустыни... Эта неудача должна убедить его в невозможности одолеть нас, и, если только он не сумасшедший, он должен отказаться от новых попыток и тогда мы больше о нем не услышим.

— Увы! К сожалению, я должен вас разочаровать, дон Мигуэль! Дона Рамона я знаю давно. В его жилах течет индейская кровь... Он меня ненавидит и, кроме того, поклялся во что бы то ни стало захватить ваших кузин. Он не остановится ни перед чем — одна только смерть может помешать ему сдержать клятву.

— Значит, мы его убьем, — живо отвечал молодой человек.

— На это и я рассчитываю, — смеясь, проговорил Луи Морэн, — но этот его налет должен послужить нам уроком на будущее. Им удалось захватить нас врасплох исключительно по нашей вине, и поэтому впредь ничего подобного не должно повториться... Хотя мы еще не достигли пустыни, но и теперь уже должны постоянно быть начеку, как если бы нам каждую минуту грозило нападение дикарей.

— Я целиком и полностью полагаюсь на вас, мой друг, и готов беспрекословно выполнять все ваши приказания, какими бы они ни были.

— Благодарю вас, другого я от вас не ожидал... Не говорите ни слова вашему дядюшке о том, что я вам сказал, он будет волноваться. Пусть уж лучше думает, что это были сальтеадоры, промышляющие грабежом.

— Да, конечно! Я буду молчать.

Тем временем вернулись и посланные на разведку канадцы. Сальтеадоры ушли, и путешественники, по крайней мере некоторое время, могли не опасаться повторного нападения.

Дон Гутьерре и его дочери ухаживали за ранеными пео-нами. Всем перевязали раны, после чего уложили в фургоны. Затем караван снялся с места и, пройдя всего две мили, устроил бивуак.

Караван спокойно продолжал свой путь, не тревожимый в течение нескольких дней ни бандитами, ни краснокожими. Путешественники строго соблюдали все необходимые

предосторожности и, если им случалось остановиться на ночлег в открытой местности, они неизменно строили ретраншемент, как если бы были одной из воюющих сторон, и выставляли часовых, которые должны были охранять покой спящих.

Благодаря заботливому уходу Сакраменты и ее сестры, раненные пеоны постепенно выздоравливали и появилась надежда, что скоро они вернутся к исполнению своих обычных обязанностей. Это было тем более желательно, что численность отряда, уменьшившаяся на девять человек, теперь составляла всего двадцать три воина, что оказалось бы явно недостаточно, если бы вдруг пришлось отражать новые нападения.

Наконец караван покинул последний населенный пункт, расположенный на границе индейских резервных земель и так называемой цивилизованной территории. Здесь ему предстояло переправиться через Рио-Гранде-Браво-дель-Норте и вступить в пустыню.

Минуло тридцать три дня с той поры, как путешественники покинули Мехико, и девятнадцать дней после сражения с сальтеадорами.

Часов около трех пополудни они вышли к реке и переправились через нее вброд.

Луи Морэн лично отыскал брод, не считая возможным поручить это кому-либо другому. Отряд остановился приблизительно в миле от реки. Оставив за себя дона Мигуэля, француз прищепил лошадь и помчался отыскивать брод.

Луи Морэну, превосходно знавшему пустыню, не составило труда мгновенно отыскать брод, тем более, что здешние реки летом заметно мельчают, а так как их дно покрыто гравием, то и переправа — дело вполне заурядное.

Француз убедился, что фургоны пройдут свободно — вода чуть-чуть превысит уровень ступиц. Что же касается всадников, то они будут переходить реку, выстроившись в шеренгу по пять человек, что даст им возможность легко преодолеть силу течения, довольно быстрого в этом месте.

Найдя брод, Луи Морэн осмотрел оба берега реки. Спуск к реке был довольно отлогий, зато противоположный берег круто вздымался вверх, а там, где он представлялся более или менее доступным, начиналось ущелье,

заросшее густым лесом. Словом, единственное место для переправы было в то же время и наиболее подходящим для устройства засады.

Эта догадка всерьез озаботила француза, и он, опустив в задумчивости голову, направился к каравану.

Путешественники устроили бивуак под сенью довольно густого леса, скрывавшего вид на реку, но в то же время служившего и надежным убежищем для них.

— Ну? — спросили француза одновременно дон Гутьерре и его племянник. — Нашли брод?

— Да, но, кроме того, мне кажется, я нашел еще и кое-что другое.

— Что вы имеете в виду? Говорите, пожалуйста! — вскричал дон Мигуэль, бросая при этом тревожный взгляд на девушек. — Неужели нам грозит новая опасность?

Француз нахмурил брови.

— Я настораживающего ничего не видел, — отрывисто сказал он, — а между тем почему-то очень беспокоен... Эти леса с их густыми зарослями внушают мне опасение... Это неестественное спокойствие кажется мне подозрительным.

— Именно это вас тревожит? — спросил дон Гутьерре.

— Разумеется, — отвечал француз, задумчиво качая головой.

— Я вас не понимаю.

— Мне очень жаль. А между тем то, что я говорю, в сущности, предельно просто.

— Не будете ли вы любезны объяснить, на чем основаны ваши опасения?

— Я и сам собирался это сделать. Дело вот в чем. Вы, вероятно, заметили, что с той поры, как мы вступили в пустыню, то справа, то слева, то впереди на нас из травы то и дело выскакивали лани, антилопы, бизоны, прыгнули к воздуху и, как только мы приближались к ним на выстрел, мгновенно убегали.

Разные птицы целыми стаями взлетали ввысь и исчезали вдали.

— Ну и что же? — недоуменно спросили мексиканцы. — Это совершенно нормальное явление, и удивляться тут, как нам кажется, нечему.

— Вот это-то именно и заставило меня призадуматься... Сегодня с самого восхода солнца мы не видели ни птиц, ни животных — пустыня вокруг словно вымерла.

— Вы абсолютно правы, но что из этого следует? — спросил дон Мигуэль.

— Из этого следует, дорогой друг, что другие путешественники проехали или прошли по этой самой дороге незадолго до нас... Появление их и заставило обитателей пустыни бежать отсюда прочь. Вполне возможно, что какие-то люди затаились где-нибудь поблизости. Теперь вы меня понимаете?

— Конечно. Что же вы намерены делать?

— Скоро увидите, потерпите немного.

Затем он подозвал четверых канадцев, сказал им что-то шепотом, и те, вскочив опять на лошадей, галопом помчались в направлении, противоположном реке.

Когда они скрылись из виду, Луи Морэн подошел к своим друзьям.

— Выслушайте меня, — сказал он. — Нет никакого сомнения, что в ущелье, на том берегу, нас поджидают враги... Что они собой представляют? — он бросил многозначительный взгляд на дона Мигуэля. — Этого я пока достоверно не знаю... Они, видимо, рассчитывают напасть на нас во время переправы через реку и всех перебить, не потеряв ни одного убитого или раненого... Вот, что я вам хочу теперь предложить. Вы, дон Гутьерре, вместе с сеньоритами, будете ждать здесь моего возвращения. С вами останутся раненые пеоны, которые возьмут в руки оружие в случае нападения на вас, чего я, однако, не допускаю... Что же касается дона Мигуэля и меня, то мы с остальными пеонами переправимся через реку вместе с фургонами и пустой каретой с опущенными шторками... Если мое предположение верно и нам действительно устроена ловушка, то наши враги начнут стрелять, как только мы войдем в воду... Доверьтесь мне: я беру всю ответственность на себя... Ну, а теперь за дело, время не ждет.

— Прошу прощения, — возразил Гутьерре, — позвольте мне заметить, что ваш план тщательно продуман и в успехе его я не сомневаюсь ни на минуту, однако мне кажется, в нем есть одно слабое место.

— Какое, сеньор?

— Видите ли, в чем дело... Вы хотите оставить меня здесь... тогда как здесь я совершенно не нужен. Там же я мог бы оказаться полезным, хотя бы тем, чтобы убедить сальтеадоров, что через реку переправляется весь отряд в полном составе. Вы меня понимаете?

— Вполне, сеньор, ваше замечание совершенно справедливо, но я думал...

— И очень ошибались, — пспешно возразил ему дон Гутьерре, хотя и дружеским тоном. — Вы в данном случае защищаете мои интересы, и мне просто неприлично отсиживаться в безопасном месте в то время, как вы будете рисковать жизнью ради меня и моих дочерей... Позвольте же и мне принять посильное участие в этой опасной операции... Я не только прошу вас, но и настаиваю на этом.

— Хорошо, кабальеро, раз вы этого так настойчиво требуете, я согласен... Вы можете отправиться с нами, но только, прошу вас, будьте осторожны, не рискуйте собой без крайней необходимости и предоставьте мне полную свободу действий.

— Благодарю вас, дон Луис! Приказывайте. Я вас слушаю.

Француз сделал необходимые наставления девушкам, попросив их соблюдать максимум осторожности. Для их охраны он оставил раненых пеонов, а затем приказал каравану выстроиться обычным порядком, и маленький отряд направился к броду.

Во главе каравана ехали дон Луис и дон Мигуэль. За ними двигались фургоны, управляемые пеонами, и только потом карета с опущенными шторками, конвоируемая доном Гутьерре и остальными пеонами.

Когда караван достиг берега реки, дон Луис сказал:

— Держите оружие наготове и внимательно наблюдайте за тем, что происходит на противоположном берегу. — Затем прищепил лошадь и въехал в реку. Караван, не нарушая порядка, последовал за ним.

Так добрались они до середины реки, но вокруг по-прежнему было тихо. И только когда они почти достигли противоположного берега, оттуда грянули выстрелы.

— Вперед! — скомандовал дон Луис, вонзая шпоры в бока своей лошади.

Фургоны и карета, которым, благодаря их тяжести, быстрое течение не угрожало, были оставлены в реке, а все господа и пеоны во главе с доном Луисом устремились к берегу, где затаились враги.

А те продолжали стрелять из своего укрытия, но поскольку испуганные лошади беспокойно металась в воде, ни одна пуля так и не достигла цели, ранены были только один пеон да один вьючный мул.

Почти в ту же минуту прогремели выстрелы с другой стороны, и несколько мертвых тел скатились к кромке воды.

— Ага! — весело вскричал Луи Морэн. — Теперь на помощь нам подоспели канадцы... Смелей, ребята! Нам помогают наши друзья!

Между тем перестрелка продолжалась, хотя уже и не столь интенсивно. Внезапная атака канадцев, по-видимому, парализовала силы нападающих. Путешественники потеряли убитыми двоих пеонов, остальные же, предводительствуемые Луи Морэном, доном Мигуэлем и доном Гутьерре, достигли, наконец, ущелья, в которое и вступили смело, попирая валявшиеся на земле трупы бандитов.

Вдруг послышался отчаянный крик. Стрельба мгновенно прекратилась, на смену шуму сражения пришла мертвая тишина.

— Не стрелять, — приказал дон Луис. — Все кончено.

— Уже! — удивился дон Мигуэль. — Мы даже не успели их как следует разглядеть.

Но сражение и в самом деле было кончено. Рассчитывая на внезапность нападения, бандиты сами оказались захваченными врасплох и, в конце концов, в панике бежали. Они дрогнули перед намного, как они решили, превосходящими силами противника.

Так по крайней мере объяснил Луи Морэну причину бегства бандитов Сент-Аманд, добавив при этом, что отныне им больше уже ничто не угрожает.

Дамы переправились через реку, и затем путешественники разбили лагерь на вершине того крутого берега, где еще недавно устроили засаду бандиты.

Но эта новая победа была добыта дорогой ценой: погибли еще двое, а между тем они едва лишь достигли границы той пустыни, которую им предстояло пройти.

Мы снова встречаемся с ними через два дня после битвы на берегу реки.

Начало кампании

Как только разбили лагерь и расставили часовых, Луи Морэн приказал вести лошадей и мулов на водопой к реке вооруженным пеонам на случай нового нападения. Как устройство лагеря, так и водопой проводились под личным наблюдением начальника каравана, который считал своим долгом строго следить за всем, что могло способствовать если не устранению, то хотя бы уменьшению опасности для его подопечных. И только покончив со всеми делами и поручив пеонам готовиться к ужину, француз решился, наконец, пойти к своим друзьям, собравшимся в палатке.

Он застал мужчин погруженными в глубокое раздумье, девушки тоже были непривычно грустны. Дерзкие нападения бандитов способны любого повергнуть в отчаяние, вот и у наших путешественников невольно возникли опасения, что им не удастся благополучно пройти через саванны. Из нанятых для конвоя пеонов одиннадцать были убиты, еще несколько человек настолько серьезно ранены, что еще очень не скоро смогут участвовать в сражениях. Поэтому и у пеонов был весьма удрученный вид. Они, по-видимому, догадывались, что так настойчиво преследующие их бандиты помимо ограбления замыслили еще что-то и, по всей вероятности, будут снова и снова повторять налеты на караван. Страх невольно сковывал их сердца. Но, как известно, страх заразителен. Дон Гутьерре и его дочери помимо своей воли поддались настроению пеонов и тоже с замиранием сердца ждали грядущих бед. Только дон Мигуэль, Луи Морэн и четверо канадских охотников не теряли обычного присутствия духа. Дон Мигуэль и дон Луи потому, что знали своего противника, а канадцы —

в силу выработавшейся у них за долгую жизнь в пустыне привычки к постоянным сражениям, от которых единственно они и получали удовлетворение.

Ужин был готов, и в палатке только и ждали прихода Луи Морэна, чтобы сесть за стол.

— Простите меня, я, кажется, заставил вас ждать, — сказал француз, опускаясь на пень, заменявший собою стул, — но я хотел сначала заняться делами, а потом уже отдохнуть. Теперь мы уже не в населенной местности, а в пустыне, — добавил он улыбаясь, — и поэтому должны строго соблюдать все необходимые в таких случаях предосторожности, иначе нас или перестреляют разбойники, или съедят хищные звери, ну, а ни то ни другое мне, по крайней мере, вовсе не кажется соблазнительным.

Угнетенное настроение присутствующих, конечно, не могло укрыться от наблюдательного Луи Морэна, и он понял, что единственный способ вернуть им веру в благополучное завершение путешествия, это откровенно и честно объяснить им всю сложность их положения.

— Ваши слова не особенно утешительны, сеньор дон Луис, — сказала Сакрамента, пытаясь улыбнуться.

— Сеньорита, — с беззаботным видом отвечал француз, — зато я сказал вам правду... Если бы передо мной были робкие барышни, я, по всей вероятности, утаил бы от них истинное положение вещей или, по крайней мере, постарался бы его приукрасить. Я всячески стремился бы успокоить их, мол, бояться нечего, и переход через пустыню будет не более как приятной прогулкой, хотя и довольно продолжительной, но с вами, столь же храбрыми, сколь и прекрасными, я должен быть откровенным, и вы вправе были бы даже сердиться на меня, если бы я поступил иначе. До сих пор нам приходилось иметь дело с бандитами, которые, если бы даже мы и попали к ним в руки, не подвергли бы нас жестокой расправе. Я в этом убежден. Сейчас совсем иное дело... Мы можем в любую минуту оказаться в ловушке, устроенной краснокожими... и какими краснокожими! — добавил он. — Команчи, павнии, апачи — все они непримиримые враги белой расы, в особенности же апачи! Если мы попадем в руки этих индейцев, нас ждет не просто смерть, но еще и мучительная смерть со страшными пытками.

— Но ведь это же сущий ужас! — вскричала донна Жезюита.

— Неужели вы не понимаете, что дон Луис хочет просто-напросто вас напугать, — сказал дон Гутьерре, делая французу знаки, которых последний упорно не хотел замечать.

— Господи ты мой, Боже! И не думаю никого пугать! — продолжал Морэн. — Я говорю истинную правду и даже, если хотите, до некоторой степени смягчаю краски, потому что в действительности все обстоит значительно серьезнее.

— Значит, мы пропали! — воскликнула донна Сакраменты, всплеснув руками.

— И да и нет. Все будет зависеть от нас самих, — невозмутимо отвечал француз. — Мы наверняка погибнем, если опустим руки и спасуем перед трудностями, но выйдем победителями, если станем мужественно противостоять всем опасностям.

— Мне кажется, — сказала Сакраменты, — что до сих пор вам не в чем было нас упрекнуть.

— Да, и это меня очень радует, но этого недостаточно, сеньорита. Для успешного завершения путешествия мы должны постараться внушить такую же надежду и вашим пеонам... Для этого надо, чтобы они всегда видели вас веселыми и беспечными... Ваше презрение к опасности заставит их устыдиться и заново обрести мужество.

— Что и говорить, это было бы прекрасно, — улыбаясь, возразила Сакраменты, — но, несмотря на все ваше желание сделать из нас героинь, я должна с прискорбием признаться, что мы страшно боимся краснокожих дикарей, о которых вы нам только что рассказали столько ужасов.

— Это вам только так кажется, сеньорита. Женщины по натуре гораздо более храбрые, нежели мужчины, хотя эта храбрость или, лучше сказать, волевые качества проявляются у них, главным образом, лишь в критические минуты.

— Хорошо, пусть будет по-вашему, — сказала Сакраменты. — Но зачем вы все это говорите?

— А вот зачем... Индейцам, при всей их храбрости и свирепости, почти никогда не удается выйти победителями, если они сталкиваются лицом к лицу с людьми отважными и решительными... Их тактика ведения войн сводится исключительно к внезапным нападениям да засадам. Поэтому для того, чтобы их победить, необходимо,

прежде всего, проявлять бдительность и уметь разгадывать их хитроумные уловки.

— Ну, вот, сначала вы нас напугали, а теперь принялись усердно успокаивать, дон Луис.

— Нет, дона Сакрамента, я, как всегда, говорю только правду и называю вещи своими именами.

Сакрамента лукаво улыбнулась.

— Дон Луис, вы премильный спутник, и мы с сестрой очень вам благодарны за этот маленький урок. Теперь мы знаем, какая именно опасность грозит нам, и знаем, что способны, если не отвратить ее полностью, то, по крайней мере, уменьшить. Для этого мы должны всем своим поведением способствовать поднятию духа у наших пеонов. Надеюсь, я правильно истолковала ваши слова? Именно это вы хотели дать нам понять?

Луи Морэн с улыбкой кивнул ей.

— Тем лучше, — продолжала Сакрамента, — вы можете на нас положиться. Хотя мы отнюдь не такие героини, какими вы нас только что представили, но мы приложим все силы, чтобы достойно сыграть эту роль, так что вы, пожалуй, будете удивлены... Мы немедленно приступаем к отведенной нам роли и, поверьте, уже не наша будет вина, если пеоны не обратятся в львов и в тигров.

После этого разговор принял более веселое направление. Луи Морэн рассказал с присущим ему остроумием несколько охотничьих эпизодов, и, когда он покинул палатку, у дона Гутьерре и его дочерей не осталось и следа от уныния и страха, надежда снова возродилась в их сердцах.

Таким образом француз достиг своей цели: ему удалось поднять дух в своих подопечных и вернуть волю, необходимую для преодоления ожидающих их испытаний.

Темная ночь. На небе — ни звездочки. Тяжелые свинцовые тучи медленно плывут над землей. По временам доносятся глухие раскаты грома.

Лагерь спит. Бодрствуют только часовые да Луи Морэн. Он стоит, прислонившись к фургону, и пристально вглядывается в саванну, растворяющуюся в ночном мраке. Внезапно он вздрогнул. Ему показалось, что вдали как будто блеснул огонек.

Что это могло быть? Недалеко от них разбили лагерь какие-нибудь другие путешественники? Или краснокожие?

Так или иначе оставаться в неведении нельзя.

Луи Морэн подошел к часовому, стоявшему всего в нескольких шагах от него. Это был один из канадских охотников.

— Сент-Аманд, — сказал ему француз, — взгляните-ка в ту сторону!.. Мне кажется, что там виднеется костер, или, может быть, я ошибаюсь...

Канадец несколько минут внимательно смотрел в указанном ему направлении.

— Вы не ошиблись, господин Луи, — сказал он наконец, — это действительно свет или, лучше сказать, отблеск костра.

— Да, да, — заговорил француз, — я и сам так подумал, хотя был бы очень рад ошибиться... Смотрите, огонь разгорается все ярче... Несомненно, там лагерь краснокожих. Но как могло случиться, что они нас не заметили?

— Наши огни не могут быть им видны благодаря деревьям, которые вы велели сохранить... Вы только обратите внимание, где виден огонь.

Француз неуверенно покачал головой.

— А может быть, — продолжал он, — индейцы знают, сколько нас всего, и не считают нужным скрывать свое присутствие?

— Что тут происходит? — спросил вышедший из палатки дон Мигуэль.

— Смотрите, — отвечал француз, указывая на отдаленный свет костра.

— Черт возьми! Только этого нам не хватало!.. Что вы намерены предпринять?

— Выяснить для начала, кто это так близко от нас раскинул лагерь, — отвечал Луи.

— Если хотите, господин Морэн, — вмешался Сент-Аманд, — я попробую узнать.

— Нет, мой друг, вы не можете покинуть своего поста в настоящую минуту... Это должен сделать я сам.

— Вы! — вскричал дон Мигуэль.

— А почему бы и нет? Разве я не начальник каравана? А раз так, значит, я более, чем кто-либо другой, должен заботиться о его безопасности.

— Неужели вы пойдете туда?

— Сию же минуту.

— Подумайте о том, какой опасности вы себя подвергаете!

— Опасность гораздо меньше, чем вы предполагаете, друг мой. Люди, находящиеся там, по причинам мне неизвестным, которые я, однако, вскоре выясню, не прячутся. В противном случае они не позволили бы нам так легко обнаружить их сторожевой огонь. Вполне возможно, что они даже и не охраняют свой лагерь, и тогда я смогу незаметно подойти к ним совсем близко.

— На мой взгляд, вы затеяли слишком рискованное дело, но коль скоро иначе поступить нельзя, позвольте мне отправиться вместе с вами.

— Ну, нет! Чтобы осуществить то, что я задумал, необходимо досконально знать все хитрости и уловки краснокожих. Если вы отправитесь со мной, то не только не поможете мне, но, скорее, повредите. Хрустнут ветка или сухие листья у вас под ногами, и нас тотчас обнаружат... Нет, нет, позвольте мне, пожалуйста, идти одному!.. Вы ничем не поможете мне... Кроме того, кто же заменит меня здесь, в лагере, если вы отправитесь со мной? Ваше присутствие здесь безусловно необходимо, и поэтому останьтесь, умоляю вас.

— Хорошо, я останусь, раз вы того требуете, но предупреждаю вас: если к рассвету вы не вернетесь в лагерь, я непременно отправлюсь на ваши поиски.

— Хорошо, дорогой дон Мигуэль, я согласен. Ну, а до той поры обещайте мне не покидать лагерь ни на минуту, и не позволяйте никому выходить за его пределы.

— Я в точности исполню ваше приказание, друг мой.

— Прощайте или, лучше сказать, до скорого свидания. Не знаю почему, но какое-то тайное предчувствие говорит мне, что я принесу вам хорошие вести.

— Дай Бог! Постарайтесь только как можно скорее вернуться назад... Вы же понимаете, как будем мы беспокоиться.

Молодые люди пожали друг другу руки. Дон Луис вскинул на плечо ружье и, выбравшись из укрепленного лагеря, через минуту скрылся в высокой траве.

Оказавшись за пределами лагеря, француз прежде всего тщательно проверил свое оружие, чтобы лишний раз убедиться в его полной исправности, а потом, окинув проницательным взором утонувшие во мраке окрестности, смело двинулся вперед.

Луи Морэн был старый лесной бродяга, он провел в пустыне целых десять лет и отлично знал все повадки

индейцев. К тому же свободно говорил на многих индейских наречиях и, кроме того, пользовался широкой известностью среди команчей и апачей, с которыми ему нередко случалось сражаться. Предпринятая сейчас авантюра таила в себе серьезную опасность для человека, недостаточно знакомого с жизнью в пустыне; для него же это была, пожалуй, скорее забава, и он ни на минуту не задумывался о ее последствиях. Он слишком хорошо умел ходить по саванне и мог быть уверенным, что благополучно доберется до вражеского лагеря. Он прибег в данном случае к индейскому способу, т.е. шел в обход, делая громадный крюк, с тем чтобы подойти к лагерю с диаметрально противоположной стороны. У француза, надо заметить, были довольно-таки серьезные причины для беспокойства: продолжался так называемый сезон великих охот, когда различные индейские племена покидают свои селения и рассеиваются по пустыне, где при встрече с враждебными племенами затевают кровавые побоища. Отправляясь теперь на разведку, он в душе опасался, как бы неизвестные путешественники не оказались его смертельными врагами, способными объединиться с воинами из союзных племен, чтобы сообща обрушиться на их общего врага — бледнолицых путешественников. Такое происходило не раз и прежде, и Луи Морэну были известны несколько подобных случаев. Вот почему он решил лично отправиться на разведку и, если возможно, избавить от этой ужасной беды своих спутников.

Он шел около часа быстрым спортивным шагом, привычным для людей, много походившим по пустыне, и наконец достиг подножия довольно крутой возвышенности, на вершине которой сквозь деревья виднелся тот самый сторожевой огонь, который он заметил из лагеря.

Здесь француз на минуту остановился, а потом опустился на землю и пополз, как змея, в высокой траве, останавливаясь по временам, чтобы прислушаться и осмотреться по сторонам. Однако вокруг по-прежнему стояла мертвая тишина.

Через полчаса охотник с осторожностью, возраставшей по мере приближения к лагерю, достиг, наконец, такой точки, откуда лагерь был виден как на ладони.

Француз слегка раздвинул ветви, укрылся в середине густого леса и стал наблюдать.

Он не ошибся. Это действительно был отблеск сторожевого костра в индейском лагере.

Около двухсот воинов-команчей, отличительными знаками которых было орлиное перо, красовавшееся у них на голове, чуть выше левого уха, спали, закутавшись в плащи из бизоньих шкур, на земле рядом с лошадьми, привязанными к кольям.

Тут же на деревьях висели несколько лосиных туш, наполовину съеденных.

Перед костром, зажженным в самом центре лагеря, сидели начальники, с важным видом курившие трубки.

Эти начальники, знаменитые воины, о чем свидетельствовали красовавшиеся у них на пятках волчьи хвосты, не были разрисованы по-военному, а значит, команчи отправляются не на войну, а, как и предполагал Луи Морэн, всего лишь на охоту.

Чуть правее костра на длинном шесте, вбитом в землю, развевалось знамя племени, на котором был изображен красный бизон.

— Прекрасно, — прошептал про себя Луи, — это воины из племени Красных Бизонов, они когда-то были моими друзьями... Может быть, они еще помнят меня.

Между тем начальники продолжали по-прежнему курить, не обмениваясь ни единым словом и не глядя по сторонам.

Эта беспечность индейцев встревожила охотника, она показалась ему слишком уж неестественной, так сказать, напускной.

— Я обнаружен, — прошептал он.

В эту минуту послышалось пение птицы.

Начальники продолжали сидеть с непроницаемым выражением на лице.

— Гм! — продолжал охотник. — Этот перепел поет сегодня слишком поздно — в такое время эти птицы обычно давным-давно спят. Что это значит?

Он постоял еще с минуту, не шевелясь, а потом вылез из куста, в котором скрывался, закинул ружье за плечо и смело двинулся к сторожевому костру, протянув руку вперед ладонью вверх и плотно сжав четыре пальца.

Индейские начальники словно бы и не заметили его появления и все так же важно продолжали курить.

В нескольких шагах от костра француз остановился.

— Да пошлет Ваконда удачную охоту моим братьям —

Красным Бизонам, — сказал он спокойным и кротким голосом. — Друг желает присесть у их огня и выкурить с ними трубку мира.

— Добро пожаловать, Пантера, — важно отвечал один из начальников.

— Зачем брат мой, бледнолицый воин, прокрадывался, как трусливый заяц, чтобы приблизиться к лагерю его друзей Красных Бизонов? Начальники ждали, чтобы он подошел и сел рядом с ними.

— Я поступил нехорошо, начальник, — сказал француз, — но я вскоре понял это и смело вошел в лагерь моих братьев.

— Пантера хорошо сделал.

Луи Морэн бросил свое ружье на землю, подсел к костру и, приняв предложенную ему трубку, начал курить, подражая гостеприимным хозяевам.

Красные Бизоны

Незнакомец, просящий гостеприимства у начальников индейского племени и подсевший к огню совета, тотчас же становится священным для всех воинов этого племени. Никто не имеет права ни о чем его расспрашивать, и, если он не желает сказать, зачем именно он явился, он с полным сознанием своего права может не делать этого. Индейские начальники и на этот раз не изменили освященному веками обычаю. Как только охотник расположился у костра, они снова взяли трубки, наполнили их священным табаком, смешанным с ароматными травами, и опять закурили молча, как бы забыв о присутствии гостя, хотя каждый из них с нетерпением ждал, когда же он, наконец, объяснит, зачем пожаловал.

Луи Морэн выкурил свою трубку, а потом, выбив из нее золу на ноготь большого пальца, передал трубку одолжившему ее индейцу и наконец заговорил:

— Много лун прошло с тех пор, как я расстался с моими братьями в их зимней деревне, но Красные Бизоны меня не забыли, и это меня очень радует.

— Красные Бизоны ничего не забывают, — наизидательно изрек один из начальников. — Пантера охотился с моими молодыми воинами, он спал рядом с ними в пустыне во время великой охоты, он сражался бок о бок с нашими храбрецами и против наших врагов апачей... Мы любим Пантеру.

— Благодарю вас, начальник. Значит, я не ошибся, когда у меня явилось желание приблизиться к огню совета Бизонов.

Чуть заметная улыбка скользнула по тонким губам начальника.

— Пантера говорит в эту минуту не так, как следовало бы говорить честному охотнику, — сказал он. — Оппоссум не старуха, которую можно обмануть ложными рассказами... Оппоссум — мудрый и знаменитый начальник своего племени. Бледнолицый охотник проник в лагерь Бизонов, как аллигатор... Он вовсе не собирался выкурить трубку мира у огня совета, а пришел затем, чтобы узнать, кто развел огонь, который ночью, как звезда... Мой брат решил выйти из укрытия только тогда, когда пение перепела, которое он слышал, доказало ему, что присутствие его известно начальникам... Хорошо ли я сказал? Что ответит Пантера?

Француз, крайне удивленный тем, что индеец так легко его разгадал, испытал поначалу сильное смущение, но тотчас же оправился.

— Вы хорошо сказали, начальник. Разве кто-нибудь может обмануть такого мудрого вождя, как Оппоссум? Я действительно пришел на разведку, но как только узнал Красных Бизонов, решил сейчас же себя обнаружить и сесть вместе с ними у огня совета, потому что мне больше уже нечего было бояться.

Начальники поклонились молча.

— Я знаю, что теперь как раз наступает время, когда индейские племена имеют обыкновение охотиться.

— Уже пять раз всходило солнце с тех пор, как Красные Бизоны покинули свою зимнюю деревню, — отвечал Оппоссум.

— Я знаю, как мудры и осторожны мои братья, и вид их огня не мог не удивить меня.

— Секира войны зарыта между команчами, павниями и апачами... Их воины будут охотиться вместе.

— Эта новость наполняет радостью мое сердце, начальник, и дает мне смелость обратиться к вам с одной просьбой.

— Уши начальника открыты, голос Пантеры им приятен, бледнолицый охотник может говорить.

— Я служу проводником людям моего цвета, — продолжал француз.

— Их всего двадцать один человек, считая двух юных девушек с глазами газелей, прекрасных, как дева первой любви. Оппоссум их видел.

— Мои брат знает все, — сказал француз, скрывая удивление.

— Красные Бизоны — полные хозяева саванны, никто не способен укрыться от их глаз.

— Эти путешественники направляются в Сонору и хотят только перейти пустыню, не задерживаясь нигде надолго... Опоссум сам только что говорил, что племя Красных Бизонов считает меня своим другом.

— Пантера всегда был хорошим другом и верным союзником команчей. Что ему теперь нужно от Красных Бизонов? Они все для него сделают.

— Благодарю, начальник, — отвечал француз, не скрывая удовольствия по поводу услышанного. — Я был уверен, что именно такой ответ услышу от моих братьев команчей.

— Неблагодарность — порок бледнолицых, — опять назидательно изрек начальник. — Благодарность — добродетель краснокожих.

— Это верно, начальник, и мне особенно приятно это теперь, но, клянусь Богом, если вам когда-нибудь понадобится помощь моего карабина, я к вашим услугам.

— Карабин моего брата бьет далеко и метко, — улыбаясь, продолжал начальник. — Такой помощью нельзя пренебрегать, и, если нам понадобится помощь Пантеры, мы позовем его... Пантера хочет, чтобы топор войны был зарыт между Бизонами и его бледнолицыми друзьями? Хорошо... Как только мои молодые воины сообщили мне о том, что Пантера путешествует вместе с караваном, я бросил топор так далеко, что никто не сумеет его найти... Мой брат желает еще что-нибудь?

— Да, начальник, я хотел бы, чтобы так же дружелюбно относились к нам и другие индейские племена.

— Они уже предупреждены, проход свободен, мой брат не встретит на своем пути никаких врагов, кроме бледнолицых.

— Как! Вы и это знаете? — вскричал Луи, остолбенев от удивления.

— Разве мы дети? — возразил начальник. — Мы наблюдали из засады за переправой через реку. Мой брат и его друзья храбро сражались.

— Да, — сказал француз, — но только теперь бледнолицые, о которых говорит мой брат, больше не страшны нам. Они, как зайцы, бежали в большие деревни бледнолицых и, по всей вероятности, уже не рискнут появиться

в пустыне, где на каждом шагу их может подстергать встреча с храбрым и ловким противником.

Индейский начальник покачал головой:

— Мудрый воин всегда должен быть готов сражаться, если он знает, что мокасины войны идут по одной с ним тропинке и идут по его следам... Пантера мудрый и опытный воин, и он как следует обдумает слова Опоссума.

Луи Морэн знал, что когда индейцы начинают говорить загадками, никакая сила в мире не в состоянии заставить их раскрыть свои карты, а потому и не стал ни о чем расспрашивать. Между тем слова начальника он без труда истолковал, как предупреждение о том, что враги его, несмотря на неоднократные неудачи, все еще не считали игру проигранной, и поэтому ему следует удвоить бдительность для того, чтобы отразить внезапное нападение, по всей вероятности, в очень недалеком будущем.

— Слова моего брата проникли в мои уши, — сказал француз, — я не забуду их.

Затем он поднялся, взял свое ружье и собрался уходить.

— Мой брат уже уходит? — спросил его Опоссум.

— Да, мне пора, начальник, я уже давно покинул лагерь и теперь должен спешить к моим друзьям.

— Гостя посылает Ваконда, он имеет право остаться или уйти, как ему будет угодно... Пусть мой брат возвращается в свой лагерь... Друзья должны уметь угадывать просьбу, которую храбрый человек не хочет высказать. Красные Бизоны снова увидятся с Пантерой, прежде чем он выйдет из саванны. Прощай.

— Прощайте, — ответил француз и, снова поклонившись индейским вождям, вскинул ружье на плечо и ушел.

Француз вышел из лагеря краснокожих часов около двух ночи и, так как ему теперь незачем было уже соблюдать предосторожность, отправился напрямик к лагерю. Но он шел не спеша, потому что расстояние, отделявшее его от своего лагеря, было сравнительно небольшое, а он хотел дорогой как следует обдумать разговор с команчскими начальниками.

Судьба и на сей раз, видимо, благоволила к нему, устроив случайную встречу с племенем Красных Бизонов, с которыми у него издавна сложились дружеские отношения и на поддержку которых теперь он в какой-то степени мог рассчитывать.

— Пусть только они не трогают нас, — шептал он. — Больше мне от них ничего не нужно.

Вскоре он уже подходил к сторожевым огням своего бивуака.

Дон Мигуэль не ложился и с нетерпением ждал возвращения дона Луиса. Длительное отсутствие француза начинало всерьез его беспокоить, и потому, едва завидев его, он поспешил к нему навстречу.

— Ну? Что нового, друг мой?

— Новостей куча!

— Неужто вы принесли нам хорошие вести?

— Как вам сказать? Нет худа без добра, и в том, что мне удалось узнать, есть и плохое и хорошее, однако хорошего гораздо больше.

И француз подробно рассказал дону Мигуэлю обо всем, что с ним случилось с момента выхода из лагеря и кончая посещением лагеря Красных Бизонов.

— В таком случае, мы спасены, — резюмировал дон Мигуэль, выслушав рассказ Луи Морэна.

— Не совсем так. У нас есть еще и другие враги.

— Этих врагов больше нечего бояться, — возразил дон Мигуэль. — Как бы вы, друг мой, ни старались уверить меня в противном, я убежден, что дон Рамон слишком осторожен и ни за что не рискнет отправиться за нами в пустыню.

— А я, наоборот, думаю, что дон Рамон здесь и скоро даст о себе знать... у меня есть основания для такого предположения... Двусмысленные намеки Опоссума заставили меня серьезно призадуматься. По всей вероятности, индейскому начальнику кое-что известно об этом, но он почем-то не захотел сказать мне этого.

— Неужели вы думаете, что он...

— Перейдет на сторону наших врагов? — перебил его Луи. — Нет, этого опасаться нечего. Он заверил меня в дружеском к нам отношении, а индейцы никогда не нарушают данного слова... Но я уверен, что дон Рамон поручил ему войти с нами в переговоры.

— Почему же в таком случае начальник Красных Бизонов, считающий себя вашим другом, не нашел возможным поговорить с вами откровенно?

— А-а! Вот это-то и составляет характерную черту всех индейцев — они любят все свои речи, даже самые правдивые, окутывать туманом. Кроме того, начальник мог поду-

мать, что нанесет мне оскорбление, если скажет, что боится, как бы на меня не напали враги... В представлении индейцев, с молодых ногтей получающих чисто военное воспитание, война — праздник, и Опоссум не хотел лишать меня удовольствия сразиться еще раз с моим врагом.

— Странные, однако, у них понятия, признаюсь вам! — проговорил дон Мигуэль недовольным тоном. — Меня, конечно, не может пугать новая схватка с врагами и, не будь с нами моих кузин, я готов был бы сражаться целыми днями с утра до ночи, но при одной мысли, что может статься с Сакраментой и ее сестрой, у меня волосы становятся дыбом на голове... Куда это вы опять собрались? — поспешно спросил молодой человек видя, что Луи Морэн уходит.

— Мы теперь в саванне, — отвечал француз, — и должны на время забыть привычки цивилизованных людей и следовать обычаям трапперов и лесных бродяг. Я хочу воспользоваться отсутствием дядюшки и его дочерей, чтобы устроить на индейский манер совет с канадскими охотниками... Совет четверых таких опытных людей заслуживает большего доверия, чем мнение одного лица, особенно, когда приходится учитывать повадки некоторых из известных мне бандитов.

— Вы позволите мне присутствовать на этом совете?

— Сделайте одолжение. Ждите меня здесь, через минуту я вернусь.

Французу не понадобилось много времени, чтобы разбудить канадцев. Бравые охотники спали, что называется, с открытыми глазами и мгновенно вскочили на ноги; через минуту они уже подошли к костру, у которого сидел дон Мигуэль.

— Друзья, — сказал Луи Морэн, закуривая трубку, и все остальные последовали его примеру, — я разбудил вас, чтобы посоветоваться с вами, что нам следует предпринять, чтобы целыми и невредимыми добраться до цели нашего путешествия.

— Говорите, господин Луи, — отвечали охотники, — мы вас слушаем.

Француз сначала сообщил им, почему дон Гутьерре со своими дочерьми должен был непременно покинуть Веракрус, напомнил им обо всем, что случилось в продолжение долгого пути от Медельена до Рио-дель-Норте и о нападении дона Рамона и дона Ремиго.

— Признаюсь, — добавил он в заключение, — все это

наводит меня на серьезные размышления... Опоссум — мудрый и опытный воин, его двусмысленные намеки дают мне основание опасаться ловушки, но не со стороны индейцев, а со стороны белых. Краснокожие, как вы знаете, всегда радуются, когда возникает борьба между бледнолицыми. Мне кажется, что, несмотря на серьезный урон, нанесенный нами врагам, они попытаются еще раз заманить нас в ловушку, чего мы, конечно, должны всеми силами избежать.

Канадцы молча выслушали рассказ француза. Затем они обменялись взглядами, как бы мысленно советуясь между собой, и Сент-Аманд, вынув трубку изо рта, заговорил:

— Господин Луи, то, что вы сейчас рассказали, слишком серьезно. Я совершенно согласен с вами и думаю, что дон Рамон не откажется от задуманного им плана захвата... Если бы у нас в лагере были только мужчины, тогда можно было и не придавать этому значения, но с нами дамы, и поэтому положение наше становится особенно серьезным. Я, правда, всего лишь простой охотник, но считал бы для себя великим позором, если бы по моей вине случилось какое-нибудь несчастье с очаровательными девушками, и как от себя лично, так и от имени моих товарищей заявляю, что вы можете вполне на нас рассчитывать, мы будем защищать их до последней капли крови! Теперь потрудитесь изложить ваш план.

— Итак, — сказал француз, подчеркивая каждое слово, — я могу на вас рассчитывать?

— До последней капли крови, господин Луи, — отвечали канадцы в один голос.

— Благодарю вас, друзья мои, — продолжал он с волнением, — я нисколько не удивлен, именно такой ответ я и предвидел. Теперь я хотел только сказать вам, что за наградой дело не станет, и, что бы ни случилось, вы получите все сполна... В этом можете положиться на мое честное слово.

— Виноват, господин Луи, — серьезным тоном сказал Сент-Аманд, хмуря брови и пристально глядя на своего собеседника, — мне кажется, что мы с вами начали говорить загадками и как будто не совсем понимаем один другого.

— Что это значит, Сент-Аманд? Я вас не понимаю.

— А очень просто, господин Луи. Мы честные охотники, и раз мы договорились о цене, какова бы она ни была, мы обязаны свято выполнить свое обязательство... Нам не нужно никакой дополнительной награды, мы исполняем

свой долг. Правильно я говорю, братцы? — спросил он, обращаясь к своим товарищам.

— Да, — дружно отозвались те.

— Итак, продолжал Сент-Аманд, — поверьте же нам, господин Луи, и не говорите с нами больше о награде, с нас достаточно и той платы, которую вы нам назначили... Если нам нравится служить вам и вашим друзьям, это уж наше дело, и вам нечего сюда мешаться.

— Это верно, друг мой, — отвечал француз. — Вы честные, храбрые, молодые. Простите меня.

— Не станем больше и говорить об этом, господин Луи, добродушно сказал канадец. — Теперь не будете ли вы любезны сообщить, что думаете вы делать?

— Мне кажется, что прежде всего нам следует хорошенько исследовать саванну и постараться разузнать, нет ли где-нибудь поблизости шпионов. Затем, если окажется, что враги все еще продолжают преследовать нас, изменить тактику, то есть неожиданно напасть на них и всех истребить, если это окажется возможным...

— А девушки? — перебил француза дон Мигуэль.

— Девушек мы оставим в лагере под охраной половины пеонов.

— Этот план был бы хорош, если бы нам предстояло иметь дело с краснокожими, — возразил Сент-Аманд, — но нам придется сражаться с самыми отчаянными головорезами, превосходящими нас в численности, и они разобьют нас в пух и прах.

— Будь у нас союзники, тогда другое дело, — сказал Медвежонок.

— Найти союзников здесь довольно трудно, — отвечал Луи Морэн.

— Вот что! — возразил Медвежонок. — По-моему, это совсем не так трудно, как вы думаете, господин Морэн... А что, если бы один из нас отправился в гасиенду брата дона Гутьерре и привел оттуда подмогу?

— Что и говорить, это было бы очень кстати, но только на это потребуется слишком много времени.

— Самое большее восемь дней на то, чтобы добраться туда и вернуться обратно.

— Помощь можно найти гораздо ближе, — неожиданно прозвучал нежный, приятный голос.

Охотники, как один, обернулись и увидели спокойную и улыбающуюся Сакраменту.

— Извините меня, сеньоры, — кротко сказала она, — что я так бесцеремонно вмешиваюсь в ваш разговор. Но коль скоро вас в первую очередь заботит участь моя и моей сестры, то мне показалось, что я имею право вмешаться в разговор, и вы не сочтете это нескромным с моей стороны.

— О! Сеньорита, почему вы пришли? — грустно спросил француз.

— Я пришла потому, что вы, храбрые и честные охотники, рискуете из-за меня жизнью, и я считаю себя обязанной сказать вам, что я стою вашей преданности.

Сакрамента

Сакрамента с улыбкой на устах шагнула в круг и, усевшись на траву между французом и доном Мигуэлем, сказала:

— Продолжайте, прошу вас, сеньоры, я больше чем когда-либо заинтересована в успешном осуществлении ваших планов, и потому справедливость требует, чтобы я была в них посвящена. Кроме того, хотя я всего лишь слабая женщина, я все-таки, может быть, смогу быть вам полезной.

— Я в этом не сомневаюсь, сеньорита, — отвечал Луи Морэн, — но мне все-таки кажется, что было бы гораздо лучше, если бы вы не только не принимали участия в нашем совете, но даже и не знали о нем.

— Не сердитесь на меня, дон Луи, — сказала Сакрамента, протягивая ему с улыбкой свою маленькую руку. — Так было угодно судьбе. Мне не спалось, почему — вы сами отлично знаете. Повернувшись на другой бок, я увидела сквозь плетеную стену палатки, что вы собрались в кружок у огня. Вы совещались в полной уверенности, что никто из находящихся в лагере вас не слышит, и говорили с полной откровенностью... Но я не спала и невольно слушала ваш разговор. Только тут я впервые узнала, в каком ужасном положении мы находимся, какие опасности мы преодолели и какие нас еще ждут впереди.

— Это-то меня и огорчает, сеньорита!.. У вас сложилось не вполне точное представление об этих опасностях, поэтому-то я и хотел, чтобы вы вовсе о них не знали.

— Почему же это, дон Луи?

— Клянусь честью, — вмешался в разговор Сент-

Аманд, — по-моему, так даже стыдно скрывать все это от вас, прелестная барышня!.. Вы имеете полное право сесть у огня совета... Даже команчи, самые мудрые из всех индейцев, каких я только знаю, и те в особенно серьезных случаях охотно выслушивают советы женщин. Почему бы и нам не последовать их примеру? Кроме того, я убежден, что ваше участие принесет нам пользу, и вы дадите нам разумный совет.

— Благодарю вас, сеньор. Я вовсе не претендую на что-нибудь подобное, но, если мне разрешат принять участие в совете, постараюсь по возможности быть полезной.

— Вы обмолвились, кузина, — заметил дон Мигуэль, — что можно найти помощь поблизости отсюда.

— Да, вы именно так и сказали, сеньорита, — подтвердил Луи Морэн. — Но я, откровенно признаться, даже и представить себе не могу, на чью именно помощь вы рассчитываете.

— Вы заставляете меня говорить только затем, чтобы наказать меня за мое бахвальство... Что ж, я готова выслушать упрек и скажу вам, кого именно имела при этом в виду... Друзья или союзники, на помощь которых я рассчитываю, это — команчи, у которых дон Луи побывал сегодня ночью.

— Вы увлекаетесь несбыточной мечтой, сеньорита, — возразил француз. — Красные Бизоны не станут нам помогать... Их уклончивые ответы на мои вопросы не оставляют ни малейших сомнений на этот счет и не дают никакой надежды.

— Вы в этом вполне уверены, дон Луис?

— Настолько убежден, сеньорита, что даже не рискну снова появиться в их лагере, так как наверняка получу отказ.

— А между тем они оказали вам весьма дружелюбный прием.

— Все верно. Но это то дружелюбие, которое никогда не идет дальше слов.

— При всем моем уважении к вашему опыту и к вашим знаниям пустыни и ее обитателей я осмеливаюсь сказать, что, по-моему, вы ошибаетесь... По вашим же собственным словам, когда-то вы оказали этим индейцам большую услугу, и я не могу поверить, чтобы они не испытывали к вам благодарности за это.

— Благодарность индейца!.. — воскликнул француз, качая головой.

— Стоит, может быть, гораздо больше благодарности бледнолицего, — живо перебила его Сакрамент. — Я очень желала бы в этом убедиться.

— Что значат ваши слова?

— Ничего особенного. Я сказала это потому, что хочу отправиться просить у них помощи, против чего вы почему-то так решительно возражаете.

— Неужели вы намерены сделать это, сеньорита? — спросил француз с удивлением.

— А почему бы и нет? Я пойду к ним в лагерь, дон Луис, если вы будете так любезны, не провожать меня туда, нет, а только показать дорогу.

— Но ведь это безумие, кузина, — горячо возразил дон Мигуэль, — они вас убьют.

Луи Морэн положил ему руку на плечо.

— Нет, бояться нечего. Индейцы не убивают женщин, они относятся к ним с уважением и, кроме того, гостеприимство считается у них священным долгом... А затем, как знать, может быть, дон Сакрамент добьется успеха, хотя эта затея и кажется нам чрезвычайно странной.

— Вы так считаете? — спросила Сакрамент.

— Я, конечно, не стану утверждать этого, но, признаюсь, меня несколько не удивит, если это вам удастся.

Сакрамент задумалась на минуту, а затем, обращаясь к французу, взволнованным голосом сказала:

— Дон Луис, я готова идти в лагерь индейцев.

— Неужели вы серьезно задумали идти к ним, сеньорита? — спросил француз, пораженный такой непреклонной ее решимостью.

— Да, да. Они и только они могут спасти нас!.. Если захотят... Я должна идти к ним.

Луи Морэн устремил пронизательный взор на Сакраменту, а затем, грустно покачав головой, сказал:

— Не делайте этого, сеньорита!.. Это чистое безумие!

— Что вы называете безумием, дон Луис? — спросила она, гордо вскинув голову.

— То, что вы задумали.

Сакрамент презрительно пожала плечами.

— Неужели вы боитесь даже проводить меня? — с иронической улыбкой спросила она.

— Я не заслуживаю подобных упреков, сеньорита!.. Я ничего не побоялся бы, если бы речь шла только о необходимости оказать вам услугу... Пока я жив, я буду неиз-

менно защищать вас грудью, готовый принять на себя любой удар... Но я отговариваю вас только потому, что вы составили себе ложное представление о нашем положении... Оно, правда, плохо, даже очень плохо, я с этим согласен, но далеко не так безнадежно. Недостаток людей восполняют наши храбрость, опытность и хитрость... Предоставьте же нам прежде испробовать эти три средства... Если ничего не получится, тогда, сеньорита, я первый напомню вам о вашем желании попытать счастье у индейцев... Теперь же ваш шаг, кроме всего прочего, был бы и несвоевременным, потому что индейцы могут расценить его как проявление позорной трусости с нашей стороны. Однако несколько дней спустя он будет воспринят ими, как вполне естественный, и они отнесутся к нашей просьбе благосклонно. До тех пор, сеньорита, умоляю вас, предоставьте исключительно нам, мужчинам, охранять вашу безопасность, которая нам так дорога и которую мы, поверьте, сумеем вам гарантировать, не подвергая вас унижениям, а возможно, и оскорблениям людей, характер и нравы которых вам совсем неизвестны.

— Дорогая кузина, устами дона Луиса глаголет сама мудрость, и вы, по моему мнению, должны исполнить его в высшей степени разумное требование... Послушайте меня, предоставьте ему полную свободу действий, он лучше нас знает, как следует поступать в каждую конкретную минуту.

— Хорошо! Пусть будет по-вашему. Но имейте в виду, что я отнюдь не отказываюсь от своего намерения, а только на время откладываю.

— Это как раз то, чего я желал, сеньорита.

— Ну, а теперь, коль скоро вы отказываетесь помочь мне в осуществлении задуманного мною плана, скажите, по крайней мере, что вы намерены предпринять?

— Извольте. На рассвете мы покинем лагерь и продолжим наше путешествие. Медвежонок поедет вперед и сообщит вашему дядюшке о том, в каком мы оказались положении. Затем я поручу Марсо служить проводником каравану, который пойдет под командой дона Мигуэля, а сам вместе с Сент-Амандом отправлюсь на разведку и для наблюдения за нашими врагами.

— Вы, значит, хотите привести в исполнение ваши прежние планы?

— В общем и целом, да, сеньорита. Вполне возможно,

что мне удастся напасть на след дона Рамона, и тогда я попытаюсь с помощью моего спутника расстроить его планы и заманить его в ту самую яму, которую он, без сомнения, роет для нас. Два смелых человека, хорошо знающих пустыню, могут сделать многое, если к тому же знакомы с уловками врага.

— Но вы только что справедливо заметили, что нас слишком мало.

— Да, я действительно говорил это, сеньорита, но я имел при этом в виду, что нас слишком мало для рукопашной схватки с отрядом дона Рамона, состоящим из бандитов, готовых на все ради того, чтобы завладеть такой завидной добычей... Но этого может и не случиться, и я надеюсь одолеть этого человека его же собственным оружием, то есть хитростью.

— Теперь, как я понимаю, в моем присутствии нет никакой надобности, сеньоры, и я ухожу, хотя и очень сожалею, что не смогла уговорить вас последовать моему совету. Но я ухожу с убеждением, что, основательно взвесив мое предложение, вы убедитесь в моей правоте.

Луи и его товарищи почтительно поклонились девушке, ничего, однако, не ответив. Она, в свою очередь, грациозно поклонилась им и медленно направилась к палатке.

Когда дона Сакрамента наконец вошла в палатку, француз снова заговорил:

— Теперь, друзья, воспользуемся двумя или тремя часами, остающимися нам для отдыха! С восходом солнца мы отправляемся в путь. Вы, Медвежонок, как мы уже договорились, покинете нас и постараетесь кратчайшей дорогой добраться до гасиенды Аквас Фрескас и привести оттуда нам подмогу. Старайтесь избежать встречи с индейцами или бродягами.

— Клянусь честью, — отвечал канадец, громко смеясь, забавная это была бы история, если бы такого привычного к пустыне человека, как я, вдруг похитили, как ребенка. Будьте покойны, господин Луи, вы скоро получите от меня известие.

Затем все пошли отдыхать.

Было уже больше трех часов пополудни. Через два часа взойдет солнце. Однако канадцы, издавна привыкшие к этой полной опасностей жизни, не замечали разницы между ночью и днем.

Обменявшись еще несколькими словами, они заверну-

лись в одеяла, протянули ноги к огню и почти тотчас же заснули.

Луи Морэн и дон Мигуэль легли у входа в палатку, чтобы быть готовыми в любую минуту защищать девушек.

Мы говорили уже, что после того, как великодушное предложение Сакраменты было если и не совсем отвергнуто, то, по крайней мере, отклонено на неопределенное время, она ушла в палатку, сооруженную для нее и ее сестры.

Гордая девушка, храбрая и решительная, как истинная испанка, была явно оскорблена этим. Она слышала все, о чем говорилось на совете, и понимала, что их положение, если не совсем отчаянное, то, во всяком случае, весьма критическое, и поэтому решила действовать сама на свой личный страх.

Возражения Луи Морэна при всей их убедительности не только не поколебали ее решимости, но, наоборот, усилили желание попытаться счастья в этом более чем рискованном предприятии. Если никто не соглашается проводить ее в лагерь краснокожих, она пойдет одна.

Чем она рискует? Лагерь, огни которого были отчетливо видны, должен быть недалеко. Если пойти напрямик, самое большее через час — так, по крайней мере, ей казалось — достигнуть лагеря Красных Бизонов. На рассвете она вернется в сопровождении индейских начальников и таким образом докажет своим друзьям, как глубоко они ошиблись, отвергнув ее предложение.

Чтобы понять и должным образом оценить решение отважной девушки, надо хорошо знать характер испанцев, основу которого составляют храбрость, гордость, упрямство и самоувренность. Эти качества особенно отчетливо проявляются у женщин. Испанки — настоящие львицы. История Испании изобилует фактами, свидетельствующими о том, что испанки в критический момент всегда отыскивали выход из, казалось бы, безвыходного положения и, увлекая за собой мужчин, нередко спасали порой даже само существование государства.

Дона Сакрамента была испанкой до кончиков волос. Кроткая, даже слабая и боязливая в обычное время, она становилась совершенно неузнаваемой, как только изменялась обстановка... Она, можно сказать, не знала себя. Ей нужен был сильный нравственный толчок, чтобы совершенно произвольно, а то и вопреки воле решиться

на подобный шаг. Но, коль скоро решение в ней созрело, уже ничто не могло ее остановить.

Вернувшись в палатку, вместо того чтобы лечь возле сестры и заснуть, Сакрамент подошла к тонкой, сплетенной из ветвей стене, стала внимательно наблюдать за тем, что происходит снаружи, и, таким образом, незримо присутствовала на совете охотников до самого его окончания.

Она видела, как потом они устроились на ночлег у огня.

Так она неподвижно простояла почти целый час. Потом, окончательно убедившись, что все спят, закуталась в плащ, на всякий случай спрятала на груди кинжал, поцеловала спящую сестру, проскользнула мимо спящих кузена и Луи Морэна и поспешно покинула лагерь.

Дона Сакрамент пошла прямо на часового, решив, если тот не захочет ее выпускать, подкупить его золотом.

Часовой, по счастью, оказался пеоном дона Гутьерре. Бедняк, умирающий от усталости, спал стоя, опершись на ружье.

— Хорошо же нас охраняют! — прошептала Сакрамент, улыбаясь.

И она прошла перед самым носом пеона, однако не разбудив его.

Через несколько секунд она была уже за пределами лагеря.

Пробираясь среди высокой, густой травы, дона Сакрамент проворно спустилась вниз по крутому откосу и тут остановилась не только затем, чтобы осмотреться, но и немного перевести дух. Сердце ее, казалось, вот-вот вырвется из груди. При всей своей храбрости она со страхом думала о том, что находится одна ночью среди пустыни, вдали от людей, которые могли бы в случае необходимости ее защитить.

Но состояние страха продолжалось недолго, возможно, какую-нибудь минуту. Затем, гордо подняв голову, она пустилась почти бегом к лагерю команчей.

Больше получаса бежала она по высокой траве, не спуская глаз с огня на вершине холма, служившего ей маяком. По ее расчетам, она должна была достигнуть лагеря индейцев не позже, чем через полчаса. Внезапно в кустах, поблизости от нее, послышался треск, и вслед за тем два человека преградили ей путь.

Сакрамента произвольно вскрикнула и остановилась, дрожа от страха.

Неожиданная встреча

У незнакомцев был такой странный и зловещий вид, что испуг доны Сакраменты был вполне оправданным.

Это были либо краснокожие, либо белые, замаскировавшиеся под краснокожих. Внешне они ничем не отличались от индейцев, но, если всмотреться повнимательнее, нетрудно было заметить, что лица у них были просто-напросто накрашены и даже довольно небрежно, а индейские костюмы, которые они напялили для полного эффекта, делали их походку неуклюжей и сидели на них, как мешок.

Дона Сакрамента, конечно, не могла заметить ничего подобного. Она была в таком состоянии, что ничего не видела и ни на что не обращала внимания. Она была даже уверена, что перед ней настоящие индейцы, и поэтому, поборов невольный страх, заговорила:

— Мои братья, по всей вероятности, воины-команчи?

Мнимые индейцы обменялись насмешливыми взглядами, и тот из них, который был повыше ростом, ответил:

— Да, мы воины-команчи.

— Я рада, что встретила моих братьев, — продолжала девушка. — Я желаю отправиться в лагерь Красных Бизонов, мне надо поговорить с их начальником о важном деле, пусть мои братья проводят меня к Опоссуму.

Негодяи обменялись теперь уже более насмешливыми взглядами.

— Что хочет сказать моя сестра великому начальнику нашего племени?

— Я хочу сказать ему то, что может слышать только ухо начальника, — твердо отвечала девушка.

— Опоссум могущественный начальник, — напыщенно

проговорил индеец или, лучше сказать, человек, переодетый индейцем, — его все уважают в племени Красных Бизонов, и женщины не могут проникать таким образом в лагерь индейских воинов.

— Мои братья нехорошо говорят, — возразила девушка, — разве им неизвестно, что команчские воины вообще уважительно относятся к женщинам, в том числе и тогда, когда они приходят к ним в хижину.

Незнакомцы несколько минут посовещались шепотом, видимо, о том, как им следует поступить, а потом тот, который говорил и прежде, отрывисто ответил:

— Хорошо, мы проводим нашу сестру в лагерь храбрых команчских воинов к Опоссуму. Пусть наша сестра следует за нами.

Девушка окинула своих спутников подозрительным взглядом. Она чувствовала инстинктивное отвращение к этим людям, неловкие манеры и лживые слова которых внушали ей подозрение.

— Лагерь Красных Бизонов очень далеко, — колеблясь сказала Сакрамент. — Я не желала бы затруднять моих братьев; достаточно, чтобы они только указали мне дорогу.

— Здесь трудно держаться одной дороги, — отвечал один из незнакомцев. — Луга изрезаны тропинками диких зверей, не успеет моя сестра сделать и десяти шагов, как заблудится. Поэтому будет лучше, если мы проводим бледнолицую девушку до лагеря наших братьев Красных Бизонов. Опоссум накажет своих детей, если они не исполнят своей священной обязанности.

Несмотря на желание отделаться от этих людей, становившихся ей с каждой минутой все более и более подозрительными, Сакраменте в конце концов пришлось признать, что они правы, а поэтому упорствовать дальше было бессмысленно, к тому же это могло помешать осуществлению ее замысла. Итак, она согласилась идти вместе с ними.

Между тем незнакомцы при всех их грубых манерах и отрывистой речи, по-видимому, не имели никаких дурных намерений в отношении Сакраменты, и когда она в конце концов доверилась их покровительству, они встали по обе стороны от нее и, свернув в сторону, углубились в заросли кустарника, ограничившись лаконичным замечанием:

— Эта дорога значительно сократит наш путь.

Поверила дона Сакрамента их словам или нет, но она не сочла возможным что-либо возразить и смело пошла вперед рядом со своими проводниками.

Незнакомцы шли быстро, раздвигая дулом винтовок ветви и траву, с беспокойством осматриваясь по сторонам и время от времени останавливаясь, чтобы перекинуться несколькими словами таким тихим голосом, что девушка не смогла расслышать ни одного слова.

Так они шли около двух часов, по-видимому, вовсе не держась какого-то определенного направления. Они просто шли напрямик, не обращая внимания на попадавшиеся им тропинки и, видимо, намеренно углублялись все дальше и дальше в наименее освоенную, а, следовательно, и наиболее таинственную часть саванны.

Мрак постепенно рассеивался, над горизонтом появилась алая полоса света; лес наполнился разноголосым пением птиц, то там, то здесь из высокой травы выглядывала мордочка лани, пугливо озиравшейся по сторонам и несмеленно обращавшейся в бегство при виде людей.

Несмотря на внешне спокойный и решительный вид, внутренне дона Сакрамента содрогалась от ужаса. Это длительное странствие при том, что по словам Луи Морэна, лагерь индейцев находился самое большее в двух милях от их стоянки каравана, казалось ей более чем странным. Кроме того, она начинала чувствовать усталость и, несмотря на все свои старания, с трудом поспевала за своими спутниками.

Между тем незнакомцы продолжали идти, не сбавляя темпа. Наконец, побежденная усталостью, дона Сакрамент опустилась на землю под деревом, одиноко росшим среди прерии.

— Вы меня обманули, — твердым голосом заявила она, — я не пойду дальше до тех пор, пока вы мне не скажете, куда именно вы меня ведете.

Незнакомцы, видимо, были удивлены решимостью девушки. Они остановились и с нескрываемым беспокойством стали осматриваться по сторонам.

— Что это значит? — спросил, наконец, тот из незнакомцев, который с самого начала вел переговоры с Сакраментой. — Почему вы не хотите идти дальше?

— А потому, — отвечала так же твердо, как прежде, девушка, — что я страшно устала и, кроме того, я убеж-

дена, что вы меня обманываете и хотите заманить в ловушку.

— Вы с ума сошли! Так хочет или нет моя сестра идти в лагерь Красных Бизонов?

— Да, хочу. Но только я убеждена, что вы с самого начала не имели намерения проводить меня в лагерь, иначе мы давным-давно были бы уже там.

— Так способны говорить только бледнолицые... Они воображают, что в пустыне можно ходить так же легко и быстро, как и по городским улицам.

Сакрамента устремила проницательный взор на своего собеседника и сказала:

— Вы не индейцы! Индейцы так не говорят... Теперь я это ясно вижу.

— Я не индеец?! — воскликнул незнакомец, досадливо кусая губы. — Кто же я в таком случае?

— Этого я не знаю, но только теперь я окончательно убедилась, что вы не индеец, а только маскируетесь под него... Больше вы меня не обманете...

— Это неправда! — возразил незнакомец.

В эту минуту второй незнакомец, все это время хранивший молчание, положил руку на плечо товарища и сказал:

— Довольно! Теперь в этом уже нет больше надобности.

— А! — воскликнула Сакрамента. — Значит, вы, наконец, признались!

— Помилуйте! — отвечал насмешливо второй незнакомец. — Нам незачем больше хитрить. Вы ведь теперь все равно в наших руках.

— Моя судьба в руках Всевышнего, который все видит и слышит. Он не покинет меня беззащитной.

Бандиты весело расхохотались.

— Бог ничего здесь не увидит, — сказали они. — Ему помешают кусты и высокая трава.

Сакрамента молча опустила голову, и две слезы медленно покатались по ее щекам. Незнакомцы, все так же посмеиваясь, подошли к ней.

— И правда, — сказал один из них, — зачем нам идти дальше? Столковаться можно и здесь... тогда, по крайней мере, все будет ясно... Объясните, дружище Карнеро, сеньорите, чего мы хотим от нее.

— О! Это так просто и так легко, дорогой друг мой Педрозо, — улыбаясь, отвечал Карнеро, — и я могу толь-

ко удивляться, как молодая сеньорита до сих пор еще этого не поняла.

— Боже мой, — прошептала молодая девушка голосом тихим и прерывающимся от страха. — Господи, прости меня за то, что я не послушалась и сделала по-своему, и спаси меня от этих разбойников... О, как я раскаиваюсь, что не поверила моим друзьям и захотела доказать, что умнее их!..

Бандиты — а незнакомцы были именно бандитами, нарядившимися индейцами, чтобы легче добиться поставленной перед собой цели, — отнюдь не спешили излагать девушке свои намерения, и это заставляло всерьез осознать грозящую ей опасность.

Бандиты, как ни странно, были растроганы чисто христианской покорностью своей пленницы и, видимо, стеснялись раскрыть перед ней свой гнусный замысел.

Дона Сакраменты первая нарушила молчание.

— Говорите, ради Бога! — вскричала она, складывая руки на груди, как для молитвы. — Не томите меня в неизвестности... Скажите, что вы намерены со мной делать?

— Сеньорита, — отвечал Педрозо, — прежде всего успокойтесь, вам не грозит никакая опасность... Ваша судьба зависит только от вас... Мы временно обрядились в этот дурацкий костюм, в действительности же мы белые, как и вы, и настоящие кабальерос. К сожалению, по воле злого рока, который порой не щадит даже самых достойных людей, мы оказались в весьма трудном положении — мы бедны...

— Чего же вы не сказали мне этого сразу? — перебила его молодая девушка. — Верните меня здоровой и невредимой моему отцу и, клянусь, он щедро наградит вас. Вы будете обладать таким богатством, о котором никогда даже не смели и мечтать.

— Ваше желание очень нетрудно исполнить, сеньорита, — продолжал Педрозо, — и, по-моему, вам не следует пребывать в разлуке с теми, кто вам дорог... Мы вовсе и не собирались лишать вас такого удовольствия... Но, как истинные кабальерос, мы обязаны предварительно ответить вас к нашему начальнику.

— Значит, вы исполняли приказание своего начальника?

— Ну, да. Это настоящий кабальеро из очень знатной фамилии... Да вы его и сами прекрасно знаете.

— Я? — удивилась Сакрамента.

— Конечно!.. Я, по крайней мере, был убежден в этом, потому что он уже давно и упорно преследует вас.

— Как зовут вашего начальника?

— Дон Рамон Аремеро.

— Дон Рамон Аремеро! — ужаснулась Сакрамента. — О! Лучше умереть, чем попасть в руки этого негодяя!

— Гм! — Карнеро недоуменно развел руками. — Оказывается, нам будет не так легко столкнуться, как я думал, потому что мы тоже, к сожалению, не можем не исполнить приказание нашего начальника.

— Послушайте меня ради самого Неба!.. Я несчастная девушка!.. Я совершенно случайно встретила вас, когда вы, наверное, совсем и не думали обо мне... Если вы меня отпустите, об этом никто не узнает.

— А наша честь, которая не может быть запятнана гнусной изменой, — с пафосом отвечал Карнеро, положив руку на сердце.

— Сжальтесь надо мной, умоляю вас!.. Пожалейте меня, — со слезами продолжала молить девушка. — Вы бедны, я сделаю вас богатыми!

— Конечно, все это так, — с напускной серьезностью возразил Педрозо. — Но вот вопрос: каким образом вы могли бы это сделать, если, предположим, мы оказались бы такими безумцами и согласились исполнить вашу просьбу?

— Э, — добавил Карнеро, -- лучше колибри в руках, чем коршун в небе, как гласит наша пословица. Как только вы окажетесь в своем лагере, вы тотчас же забудете о своем обещании, а если нам вздумается отправиться туда вместе с вами, или же явиться за деньгами потом, вы прикажете нас расстрелять, как собак.

— Вот вам, берите, — вскричала девушка, торопливо снимая с себя ожерелья и браслеты, -- берите драгоценности, разделите их между собой и отведите меня к отцу или позвольте мне самой вернуться к нему!.. Клянусь вам Гваделупской Богоматерью, что вы получите сполна все, что я вам обещала.

Бандиты жадно хватали драгоценности и торопливо прятали их в свои необъятные карманы.

— Но все эти безделушки, сеньорита, — заметил Педрозо с насмешливой улыбкой, — и так принадлежат нам по законам прерий... Это не может войти в счет размера выкупа за вас, к тому же, если бы мы даже и

захотели отвести вас обратно в лагерь, то это, повторяю, невозможно.

— А почему? Разве вы, стараясь завлечь меня в прерию, сами заблудились?

Бандиты молча покачали головами.

— Отвечайте же мне ради самого Неба! — воскликнула она в отчаянии.

— И в самом деле, — заметил Педрозо, — почему бы нам не сказать всей правды?.. Пожалуй, вам даже полезно будет знать всю правду... дело вот в чем. Мы, даже при всем нашем желании, не можем отвести вас в лагерь, потому что мы оба, т.е. мой спутник и я, уже состояли на службе у вашего кузена, дона Мигуэля. Но нам не понравилось служить у него, и мы решили покинуть его, конечно, тайком... Теперь вы понимаете?..

— Нет, — проговорила Сакрамент, — я потеряла способность соображать.

— А между тем это очень просто: дон Мигуэль и его друг дон Луис считают нас дезертирами и, если бы мы были настолько глупы и решили бы снова явиться в лагерь, они, не долго думая, приказали бы прострелить нам головы.

— О! Не бойтесь этого! — живо отозвалась Сакрамент, в отчаянии ломая пальцы.

— Нет, сеньорита, мы совершенно уверены, что они поступят именно так, и потому не хотим попасть к ним в руки.

— Вы можете проводить меня только до лагеря, — просительно проговорила она, — там вы меня оставите, и я пойду дальше одна.

— И этого будет совершенно достаточно. Дон Луис чутьем угадает о нашем присутствии, и тогда мы все равно пропали... Затем, кто может поручиться нам, что, вернувшись в лагерь к своим друзьям, вы не расскажете им о том, что с вами приключилось, и не выдадите нас.

— О! — лицо девушки исказила презрительная гримаса.

— Нет ничего невозможного! — назидательно заметил Педрозо. — Осторожность — мать безопасности... Нет, все это нам не подходит.

— Но ради самого Неба, — вскричала она, выходя из себя. — Скажите же, чего вы от меня хотите?

Несколько минут бандиты шепотом совещались.

— Самый пустяк, сеньорита, — сказал, наконец, Карнеро. — Мы люди осторожные!.. Бог нам свидетель, что мы не желаем вам никакого зла, но, согласитесь, было бы очень глупо, если бы мы не воспользовались представляющимся нам случаем разбогатеть... Вот вам лист ликвидамбра и кусочек заостренного дерева. Напишите на этом листе, что вы наша пленница, и что вы обещали нам выкуп в сумме двадцати тысяч пиастров, и что эти двадцать тысяч пиастров должны быть мне немедленно вручены... Я сейчас же отправлюсь в ваш лагерь, хотя и знаю, что это грозит мне серьезной опасностью, но я готов сделать это, чтобы только доставить вам удовольствие... вы же пока останетесь здесь, под охраной моего друга Педрозо и, как только я получу обусловленную сумму, я подам моему другу сигнал, и вы получите полную свободу... Все, как видите, очень просто... Теперь скажите, что вы думаете по этому поводу... Согласны вы на мое предложение или нет?..

— Я ничего лучшего и не прошу, — отвечала она с плохо скрываемой радостью. — Давайте же скорее лист и палочку, я напишу записку.

Педрозо срезал своим скальпировальным ножом лист ликвидамбра и подал его Сакраменте. Девушка стала писать, а бандиты, нависнув над ее плечом, внимательно смотрели, что она пишет.

Внезапно прозвучали два выстрела, и бандиты рухнули на землю, корчась в предсмертных судорогах.

По следам

Солнце еще не вышло из-за горизонта, когда Луи Морэн, стряхнув оцепенение, сковавшее его тело, поднялся со своего жесткого ложа и принялся будить пеонов и охотников, которым затем велел готовиться в путь.

Лесной бродяга за время своих продолжительных странствий прекрасно изучил пустыню и знал, насколько важно соблюдать мельчайшие предосторожности, ибо только так можно до известной степени обезопасить себя во время путешествия по бескрайним саваннам.

Вскоре лагерь пришел в движение, пеоны задавали корм лошадям и мулам, водили их на водопой к реке, готовили завтрак, навьючивали мулов и запрягали фургоны.

Когда дон Луис лично убедился, что все в порядке, он разбудил дона Мигуэля и попросил его известить дядю и кузин, что все готово к отъезду.

Вдруг из палатки донесся тревожный крик, и вслед за тем выбежала донна Жезюзита в слезах, ломая в отчаянии руки.

Дон Гутьерре, дон Мигуэль и француз поспешили к ней.

— Что случилось? Ради самого Неба! — вопрошали они все разом.

— Моя сестра! Где моя сестра? Где Сакрамента? — растерянно проговорила, наконец, донна Жезюзита.

— Сакрамента? — тревожно спросили мужчины.

— Да, — продолжала девушка. — Где Сакрамента? Где моя сестра? Что с ней случилось?..

— Да разве она не спала вместе с вами в палатке? — спросил Луи.

— Нет!.. Моя сестра или умерла, или похищена!.. — отвечала она, разражаясь рыданиями.

— О! Это невозможно! — вскричал дон Гутьерре, бросаясь в палатку.

— Боже мой! Какая еще беда обрушилась на нас! — пршептал дон Мигуэль дрожащим голосом.

— Боже мой! Боже мой! — продолжала причитать донна Жезюзита. — Моя сестра, моя бедная сестра!

— Моя дочь! Кто вернет мне мою дочь! — вторил ей дон Гутьерре в полном отчаянии.

Луи Морэн, один только сохранявший внешнее спокойствие и молча стоявший, задумчиво опустив голову, сделал несколько шагов вперед и, положив руку на плечо донна Гутьерре, сказал:

— Мужайтесь, бедный отец. Бог сжалится над вами... Ваше дитя будет найдено и возвращено вам, клянусь честью!

Дон Гутьерре медленно повернулся к охотнику и, глядя на его спокойное лицо, крепко пожал протянутую Луи руку.

— Вы храбрый человек. Если моя дочь и может быть еще спасена, то только вы один способны совершить это чудо, я надеюсь на вас, как на Бога!

— Не богохульствуйте, дон Гутьерре. Готовьтесь сниматься с лагеря, нам пора уезжать отсюда.

— А моя дочь! Моя несчастная дочь!

— Предоставьте мне действовать по своему разумению. Молитесь Богу и надейтесь на его милость и справедливость!

Дон Гутьерре молча наклонил голову и удалился, поддерживая обезумевшую от горя донну Жезюзиту.

Луи остался один с доном Мигуэлем.

— Каким образом могла быть похищена из лагеря Сакраменты? — спросил дон Мигуэль. — Я даже представить себе не могу.

Дон Луис иронично улыбнулся, пристально глядя на молодого человека:

— Она вовсе и не была похищена.

— Вы говорите, она не была похищена? — удивился дон Мигуэль.

— Но если это так, то, значит, она ушла сама, по собственной воле... Ночью... Одна... Нет, мой милый друг, это совершенно невозможно!..

— А между тем это именно так, — продолжал француз, слегка пожимая плечами. — Разве вы забыли, что произошло ночью, когда мы сидели у сторожевого огня?.. Помните, как дон Сакрамент внезапно появилась среди нас и сказала, что готова отправиться в лагерь Красных Бизонов просить у них помощи?

— Ну и что же?.. Ведь кузина в конце концов отказалась от своего замысла и ушла в палатку.

— Она ушла в палатку, это верно, но отнюдь не отказалась от своего намерения. Она тогда же решила во что бы то ни стало осуществить свой план и ушла в палатку, чтобы дожидаться, пока мы уснем.

— О! Это невозможно! Вы ошибаетесь!

— А я в этом абсолютно уверен... Она отправилась в лагерь Красных Бизонов. Загадка состоит в том, что произошло с тех пор? Почему она не вернулась в лагерь? Этого я пока не знаю, но скоро узнаю... Дорогой дон Мигуэль, ваша кузина решила спасти нас вопреки нашей воле. Бедное дитя! Что случилось с ней в ночном мраке пустыни?

— Вы заставляете меня трепетать от страха за нее!

— Нам нельзя терять ни минуты.. Все готово к отъезду, садитесь на лошадь и отправляйтесь вместе со всеми... Безрассудный будет служить вам проводником, это опытный лесной бродяга.

— Ну, а что вы собираетесь делать?

— Я отправлюсь в другую сторону... и немедленно начну поиск.

— Дай вам Бог успеха!

— Я уверен в успехе, друг мой. Не сомневайтесь и вы.

Затем Луи Морэн подозвал Сент-Аманда и двоих других охотников. Недоставало одного только Медвежонка, который, как помнит читатель, отправился незадолго до восхода солнца в гасиенду Аквас Фрескас.

Француз не спеша подробно объяснил Безрассудному и Марсо, каким путем следует вести караван, и даже указал место, где именно они должны раскинуть лагерь для ночевки. Он отпустил их, только убедившись, что его инструкции хорошо поняты, причем в заключение еще раз посоветовал соблюдать строжайшую бдительность и осторожность.

Покончив с делами, Луи Морэн простился с доном Мигуэлем и доном Гутьерре, почтительно поклонился доне Жезюзите, умолявшей его непременно спасти ее сестру,

и, сделав канадцу знак задержаться, стал молча наблюдать, как караван снимается с лагеря.

Канадец беспечно уселся на камень, и только когда увидел верховых лошадей, ведомых одним из пеонов, спросил француза:

— А наши лошади?

— Мы увидим их вечером на бивуаке, а теперь пойдем по следу.

— Значит, мы отправимся пешком?

Луи Морэн утвердительно кивнул головой.

Вскоре дон Луис и Сент-Аманд остались одни; караван исчез вдаль в бесчисленных извилинах дороги.

Только теперь француз сообщил товарищу о намерении отправиться на поиски доны Сакраменты и изложил свой план действий.

Сент-Аманд внимательно выслушал француза и одобрил его план, заметив лишь, что коль скоро девушка намеревалась просить помощи у команчей, то для начала им следовало бы отправиться в лагерь Красных Бизонов.

Француз признал правоту своего товарища. И в самом деле: вполне возможно, что ей все-таки удалось добраться до лагеря, хотя дон Луис считал это маловероятным и не потому, что девушке предстояло пройти расстояние всего лишь в две мили, а потому, что на пути она могла встретиться с непредвиденными препятствиями.

— Согласен, — сказал, наконец, дон Луис после довольно долгого раздумья, — пойдем в лагерь Бизонов!.. Надеюсь, они отнесутся ко мне по-дружески и согласятся вернуть девушку, если по какому-то недоразумению задержали ее в качестве заложницы.

— Не думаю, чтобы они стали удерживать ее в плену. Краснокожие вообще, а команчи в особенности, относятся с большим уважением к белым женщинам. Она могла остаться там совсем по другой причине: дона Сакрамента могла настолько устать, что чувствовала себя не в состоянии совершить обратное путешествие и приняла предложение команчей отдохнуть у них.

— Едва ли! Дона Сакрамента — особа слишком решительная и волевая, чтобы только из-за усталости отказаться от осуществления своего замысла... Как бы сильно она не устала, блуждая ночью почти вслепую, не различая тропинок, она, несомненно, не могла ни на минуту забыть о том, какое ужасное беспокойство вызовет здесь

ее длительное отсутствие, особенно, если учесть, что она исчезла, никого не предупредив об этом. Вот почему я думаю, и вы, Сент-Аманд, должны со мной согласиться, что, если бы даже команчи и предложили ей отдохнуть у них, мужественная девушка не могла остаться в лагере, а поспешила бы в обратный путь к своим друзьям, даже рискуя при этом свалиться на полдороге от утомления.

Канадец печально покачал головой.

— Как знать, удалось ли вообще бедному ребенку достигнуть лагеря краснокожих? Мы окружены врагами, их лазутчики не спускают с нас глаз ни днем, ни ночью... Может быть, ее захватили какие-нибудь бандиты из тех, что кружат вокруг нас.

— О! Это было бы ужасно!

— Будем надеяться, что этого не случилось, — продолжал канадец, — но в любом случае, госпдин Морэн, нам нужно прежде всего наведаться к индейцам. Ведь донна Сакрамента, несомненно, отправилась в их лагерь, значит, в направлении лагеря нам и следует искать ее след.

— Да, вы правы, и при этом нам необходимо не оставлять без внимания ни одного следа, который удастся обнаружить.

Охотники спустились с холма и зашагали по тропинке, которая вела к лагерю индейцев.

День вступил в свои права; солнце ярко пылало в поднебесье; капли росы на траве и лисьях кустарников были подобны россыпям бриллиантов. Весело распевали птицы, а утренний ветерок дарил прохладу, на смену которой должен прийти горячий полдень.

Дон Луис и канадец шли рядом, держа ружья под мышкой наготове, чтобы иметь возможность при необходимости немедленно пустить их в ход, и внимательно вглядываясь в землю под ногами.

Не прошло и четверти часа, как они отыскиали следы Сакраменты.

Проследить направление ее следов для опытных охотников не составило труда, тем более, что она, естественно, не заботилась о том, чтобы их скрыть. Да она и понятия не имела, к каким ухищрениям в этом случае прибегают индейцы.

— Как видите, госпдин Луи, — сказал канадец, — донна Сакрамента, как мы и предполагали, направилась в лагерь Бизонов.

— Пока мы можем сказать лишь, что она шла в направлении их лагеря, — отвечал француз, — теперь предстоит выяснить, удалось ли ей достигнуть его или она попала в руки бандитов.

— Отбросьте прочь это ужасное предположение. Ведь мне тогда тоже, не знаю почему, пришла в голову эта же мысль...

Наши враги достаточно осторожны и трусливы, чтобы осмелиться на такой дерзкий шаг в непосредственной близости от нашей лагерной стоянки, а потом есть еще один довод, который должен вас успокоить: они не могли предположить, что дона Сакраменты пустится ночью одна в опасный путь.

— Это верно, а между тем я убежден, что она в любом случае не достигла лагеря краснокожих.

— А почему, скажите на милость?

— Да очень просто. Прodelать путь до лагеря краснокожих для неопытной девушки вроде доны Сакраменты не только трудно, но почти невозможно. Это для нас с вами — всего лишь прогулка.

Канадец ничего не ответил и молча продолжал идти вперед.

Минуло еще полчаса, и, наконец, молодые люди вышли к тому месту, где трава была так вытоптана, что только опытный глаз Луи Морэна и его спутника мог что-нибудь понять в этой путанице следов, хотя и им удалось это не сразу.

Дона Сакраменты, по-видимому, была здесь, потому что дальше ее след терялся.

Дон Луи внимательно обследовал окружающее пространство, пытаясь отыскать исчезнувшие следы, и вскоре уже знал разгадку случившегося.

— Я все понял, — сказал он канадцу. — Девушка, как робкая газель, торопливо бежала по тропинке к лагерю Красных Бизонов, как вдруг из высоких зарослей травы неожиданно появились двое каких-то людей и преградили ей путь.

— Да, судя по всему, так именно все и произошло, — согласился канадец. — Теперь надо подумать, что делать дальше: идти, как решили прежде, к лагерю индейцев, или тщательно осмотреть окрестности, чтобы выяснить, не уходят ли следы куда-нибудь в сторону.

— Дона Сакраменты отсюда не пошла к лагерю, поэто-

му и нам незачем идти туда... Вот, смотрите, дальше на тропинке видны мужские следы — они оставлены мною, когда я ходил ночью в лагерь краснокожих.

— Это верно. Давайте искать следы.

— Ну, плохо же придется тому, кто осмелился похитить бедную девушку. Оказывается, вы не ошиблись тогда, Сент-Аманд.

Они принялись усердно отыскивать следы. Поиски продолжались недолго, и они не замедлили обнаружить следы разбойников, которые, хотя и разыгрывали из себя краснокожих, не владели искусством замечать следы.

В траве следы были видны настолько отчетливо, что наши охотники невольно усомнились, можно ли их принимать всерьез. Если бы, рассуждали они, дону Сакраменту захватили краснокожие, они непременно приняли бы необходимые меры предосторожности. Это, скорее всего, ложный след с целью обмануть преследователей и заставить их попусту потратить драгоценное время.

Однако дон Луис и Сент-Аманд продолжали поиск и вскоре обнаружили легкий след посередине двух цепочек отчетливо обозначенных мужских следов.

— Теперь у меня нет ни малейших сомнений, — сказал Луи Морэн. — Все предельно ясно. Двое мужчин, спрятавшиеся в этих кустах, захватили дону Сакраменту и увели ее в плен. Вот дорога, по которой они пошли, — это след настоящий.

— Я с вами согласен, господин Луи, — отвечал канадец, — но позвольте вам заметить, эти похитители или набитые дураки, не ведающие дела, за которое взялись, или же новички... Каким нужно быть ослом, чтобы проложить такую борозду, по которой даже ребенок с завязанными глазами отыщет их. По-моему, ни один краснокожий не способен поступить так неосторожно.

— Ваше замечание совершенно справедливо, Сент-Аманд. Я думаю то же самое; и вот именно это, если хотите знать правду, беспокоит меня все больше и больше.

— Почему, скажите, пожалуйста, господин Морэн?

— А потому, что теперь я убежден — дон Сакрамент захвачена не индейцами.

— Кем же, в таком случае?

— Кем? — переспросил Луи Морэн. — Ее захватили те самые люди, которые у вас с самого начала вызывали подозрение, то есть кто-нибудь из шайки дон Рамона, а

может быть, и сам дон Рамон. Только белые, не знающие обычаев прерий, могут оставить такие следы.

— Значит, дон Сакрамент погубила, — грустно сказал канадец. — Потому что негодяи наверняка успели отвести ее в свой лагерь, куда нам нечего и думать проникнуть.

— Как знать!.. Не надо только впадать в отчаяние раньше времени... Бог справедлив и не позволит свершиться подобному злодеянию... Пойдемте скорее, может быть, мы успеем еще спасти несчастную девушку.

И отважные охотники снова тронулись в путь. Они шли с той быстротой, которой могли бы позавидовать самые знаменитые лесные бродяги.

Так шли они молча уже несколько часов кряду. Каждый из них постепенно терял надежду на успех поиска, и все чаще подумывали они уже о том, чтобы его прекратить, как вдруг услышали доносящиеся издали горестные стелания. Не раздумывая, молодые люди устремились вперед.

Ползком, как змеи, добрались они до опушки густого леса и здесь увидели дону Сакраменту, сидящую на земле в полубморочном состоянии, и двух бандитов, по-видимому, угрожавших ей. Тогда, молча обменявшись взглядами, дон Луис и Сент-Аманд вскинули ружья и выстрелили. Смертельно раненные бандиты упали на землю.

Лагерь

Никакое перо не способно описать радость Сакраменты, так неожиданно избавившейся из плена. Избавление казалось ей чудом. В течение длительного времени находившаяся в крайнем нервном напряжении Сакраменты, наконец, расслабилась и потеряла способность управлять собою. Она дрожала от страха и отчаянно рыдала.

— Бежим! Бежим! — твердила она и вдруг лишилась чувств — француз едва успел подхватить ее на руки.

— Бедное дитя! — прошептал он, осторожно опуская ее на траву. — Испытания оказались ей не по силам. У нее обморок, — продолжал француз, — но радость не убивает, и она скоро придет в себя... Ей, может быть, гораздо лучше оказаться бесчувственным свидетелем того, что произойдет здесь. А теперь посмотрим, кто эти негодяи.

— По-видимому, краснокожие, — презрительно проговорил канадец.

— Не думаю, — возразил француз. — Во всяком случае надо внимательно осмотреть их, мне не терпится узнать, с кем мы имели дело.

С этими словами он подошел к негодьям, корчившимся в предсмертных судорогах, и, не давая себе труда нагнуться, толкнул одного за другим ногою.

— Я в этом был почти уверен, — проговорил он через минуту. — Это лазутчики дона Рамона и к тому же еще наши старые знакомые... Взгляните-ка на них, Сент-Аманд, это те самые негодяи, которые так подло бежали от нас и которые хотели выдать нас врагам.

— Клянусь Богом, это действительно они! — сказал канадец.

— Да, это бандиты, нанятые доном Мигуэлем. Ценное же он сделал тогда приобретение, ничего не скажешь!.. Таких гадов надо убивать без зазрения совести.

И, прежде чем Луи Морэн успел что-нибудь ответить, непреклонный канадец взял ружье и двумя ударами приклада добил злодеев.

— Что вы сделали, Сент-Аманд? — укоризненно покачал головой француз.

— То, чего они заслужили. А кроме того, я еще вернул им и долг... Эти негодяи продали наши тайны дону Рамону, они — главные виновники всех несчастий, преследовавших нас с момента отъезда из Гвадалахары... Я нисколько не жалею о том, что сделал, и если это было бы возможно, то убил бы их еще раз.

— Впрочем, о чем я толкую, — сказал француз, пожимая плечами, — теперь все равно нельзя ничего исправить, значит, не стоит об этом и говорить... Оттащите их в кусты, чтобы они не попались на глаза доне Сакраменте, когда она придет в себя.

Сент-Аманд схватил трупы того и другого за ноги, и, оттащив в сторону, толкнул в яму.

— Эх, и попируют же здесь коршуны!

Луи Морэн не мог удержаться от смеха, услышав такое необычное надгробное слово.

— Теперь, — сказал он, — займемся собственными делами. Прежде всего нам необходимо, пока дона Сакраментас не слышит, решить, как будем действовать дальше... Ну, выскажете ваше мнение?

— Гм! — задумчиво проговорил охотник, заряжая ружье. — Вот заряд пороха, о котором я нисколько не жалею, лучшего предназначения ему просто не придумать. Что же касается ответа на ваш вопрос, господин Луи, то, если бы речь шла только о нас двоих, мы быстро догнали бы наших спутников. Но на наших руках девушка, изнуренная усталостью и страхом, и она, конечно, не в состоянии идти наравне с нами... Да мы и не имеем права обрекать ее на столь длинный пеший переход.

Раскинувшаяся вокруг саванна казалась такой же мирной и пустынной, как и в первый день творения.

Прежде чем что-то ответить своему товарищу, Луи Морэн взглянул на солнце, по-видимому желая определить время по его высоте.

— Мне пришло в голову, — сказал он наконец, — по-

пробовать добраться до лагеря Красных Бизонов, я знаю, где они должны остановиться на ночлег. В нашем распряжении целых восемь часов, а это более чем достаточно для того, чтобы нагнать караван, даже если мы будем идти очень медленно. Поэтому нам нет необходимости просить гостеприимства у краснокожих.

— Но дона Сакрамент, по-моему, не в состоянии идти.

— А ей и не надо идти, мы понесем ее на носилках.

— Да, конечно, лучше ничего и не придумать! — обрадовался канадец. — Мне почему-то это не пришло в голову, а между тем решение простое и разом снимает все проблемы. — И он принялся срезать ветки, из которых затем смастерил великолепные носилки.

Луи подошел к девушке как раз в тот момент, когда она открыла глаза. Грустно улыбаясь, она протянула ему руку.

— Как вы себя чувствуете, сеньорита? — спросил Луи Морэн.

— Мне лучше, гораздо лучше, — отвечала она дрожащим от волнения голосом. — Я словно заново рождаюсь. Я жестоко наказана за непослушание и, не явись вы на помощь, я, наверное, погибла бы.

— Об этом не стоит больше говорить, сеньорита, главное, что теперь вы в полной безопасности... Но мы не можем здесь оставаться, нам надо как можно скорее догнать караван и успокоить вашего отца и ваших друзей, которые терзаются в неведении и страхе за вашу жизнь.

— Я попробую идти, — отвечала она, делая усилие приподняться.

— Нет, вы слишком слабы и не в состоянии следовать за нами.

— О! У меня достанет силы, не беспокойтесь, — с улыбкою возразила она.

— Я это знаю, но я не могу допустить, чтобы вы изнуряли себя без крайней необходимости... Для вас приготовлены носилки, и мы понесем вас на них.

— О! Нет, я никогда не соглашусь на это.

— Опять бунт! — сказал француз с нежной улыбкой. — Имейте в виду, сеньорита, вы должны меня слушаться, потому что ваше спасение зависит от того, будете вы или не будете исполнять то, что я вам советую.

— Я повинуюсь вам, раз вы этого так настойчиво требуете, — смиренным тоном сказала Сакрамент.

Охотник приподнял ее и бережно положил на носилки, которые устелил листьями, травой и мхом. Потом мужчины подняли носилки и быстро, словно вовсе не чувствуя тяжести, зашагали по саванне, думая только о том, чтобы как можно скорее добраться до своих.

Шли они довольно долго. Дона Сакрамента время от времени заставляла их останавливаться передохнуть.

Но как ни скоро шли охотники, только перед самым заходом солнца они достигли холма, на вершине которого путешественники разбили свой лагерь, приняв, ставшие теперь уже обычными, меры предосторожности.

Здесь дона Сакрамента, к которой уже полностью вернулись силы, настояла, чтобы ей позволили сойти с носилок.

Луи согласился исполнить ее желание, прекрасно понимая, чем оно продиктовано.

Нет необходимости описывать радость, которую испытывали все находившиеся в лагере при виде веселой и улыбающейся доны Сакраменты.

Француз и канадец не находили места от смущения по поводу сыпавшихся на них со всех сторон похвал и благодарностей...

Чтобы прекратить всеобщий ажиотаж, француз потребовал, чтобы ему доложили во всех подробностях, как прошел день, а потом, видя, что восторженные возгласы и похвалы не стихают, сказался уставшим и удалился.

Но не тут-то было. Дон Мигуэль снова и снова благодарил дону Луиса, восхищаясь его прозорливостью, позволившей не только отыскать в бескрайних просторах дону Сакраменту, но и воздать должное похитившим ее бандитам. В конце концов француз все-таки удалось прекратить разговор на эту тему и даже направить его в другое русло.

— Итак, — спросил дон Мигуэль, — у вас нет никаких вестей от наших индейских друзей?

— Никаких, — отвечал француз. — К тому же нам все время приходилось двигаться в совершенно противоположном направлении.

— Жаль. Как хорошо было бы заручиться их поддержкой на всякий случай.

— Я с вами совершенно согласен и, более того, убежден, что в минуту опасности они непременно явятся к нам на помощь.

— Да, но только как найти их теперь?

— Об этом не беспокойтесь, дон Мигуэль, я знаю, где они находятся. Их лагерь гораздо ближе к нам, чем выдумаете.

— Дай-то Бог!

Затем они оба разостлали на земле плащи, легли и вскоре заснули глубоким сном.

Ночь близилась к концу. Небо начинало постепенно светлеть; на самом дальнем краю горизонта опаловые отблески зари создавали светящуюся кромку вокруг облаков; на траву и листья деревьев падала обильная роса; прохлада становилась ощутимее; утренний ветерок, шелестя, проносился над верхушками деревьев.

Стоявший на часах канадский охотник Сент-Аманд внимательно всматривался в саванну. Вдруг он вздрогнул.

По саванне катились волны, как если бы высокая густая трава покорно сгибалась, подвластная сильному ветру. Но, как ни странно, волны эти катились в обратном ветру направлении и все ближе подступали к холму, на вершине которого был разбит лагерь.

Сент-Аманд на всякий случай несколько раз протер глаза. Все верно — волны подкатывают все ближе и ближе к холму, причем теперь он отчетливо видел, что протяженность этих волн относительно невелика и бушуют они на ограниченной части равнины.

Канадец, естественно, решил, что им грозит какая-то новая опасность, и, покинув на минуту свой пост, поспешил разбудить Луи Морэна.

— Что случилось? — спросил последний, неторопливо поднявшись на ноги, как если бы он вовсе не спал.

— Не знаю, господин Луи, но в саванне творится что-то невероятное. Вы знаете, я — старый лесной бродяга, которого не так-то легко испугать, а тут, даю вам честное слово, мне сделалось страшно.

— О! О! Видно, и впрямь дело серьезное. Пойдем посмотрим.

— Пойдемте. Может быть, сообщая мы и разберемся, что это такое.

Затем, проведя Луи Морэна к ретраншементам, Сент-Аманд указал ему на странное и противоестественное волнение травы.

— Да, — задумчиво произнес дон Луи. — Это сулит нам серьезные неприятности.

— Я тоже так считаю.

— Черт побери! За этим кроется какой-то коварный замысел краснокожих. На нас будет совершенно нападение, и не далее как через полчаса.

— Я готов держать пари, — живо подхватил Сент-Аманд, видимо, довольный, что француз подтвердил его предположение. — Что же нам теперь делать, господин Луи?

— Потихоньку, не теряя ни минуты, разбудить наших товарищей, потому что время не терпит отлагательства. Главное — старайтесь не шуметь. Для нас очень важно, чтобы негодяи, которые там шныряют, не заподозрили, что мы готовимся встретить их с оружием в руках.

Сент-Аманд отправился исполнять распоряжение француза. Он переходил от одного пеола к другому, и несколько минут спустя все уже стояли на своих местах у завалов.

По приказанию Луи не будили пока только донна Гутьерре и донна Мигуэля.

Затем француз обошел весь бивуак и, убедившись, что все в порядке и все на своих местах, подозвал Безрассудного.

— Что вам угодно, господин Луи? — спросил последний.

— Возьмите ружье и спуститесь в равнину, разузнайте, что там происходит в зарослях травы...

— Вы это узнаете не позже чем через полчаса, господин Луи.

— Только смотрите в оба и не давайте себя убить.

— Постараюсь, господин Луи, — отвечал тот, рассмеявшись. Затем перепрыгнул через завал и скрылся в кустах.

Француз внимательно следил за ним сверху.

Канадец вернулся, как обещал, не позднее чем через полчаса.

Луи Морэн, нетерпеливо и с беспокойством ожидавший его возвращения, тотчас позвал его к себе:

— Ну, идите скорее и расскажите, что вам удалось узнать?

— Все, что нужно, господин Луи.

— Тогда говорите живей.

— Это краснокожие.

— Краснокожие? — удивился Луи Морэн, потому что после разговора с Опоссумом он был уверен, что с их стороны нападение им не грозит.

— Да, господин Луи, это краснокожие. Они прошли близко от меня, едва не задев меня локтями.

— Черт возьми! Их много?

— Насколько я могу судить, около сотни.

— Так много... — прошептал француз, обводя взглядом своих немногочисленных товарищей. — Даже слишком много...

— Подумаешь! — беспечно бросил канадец. — Нам не раз приходилось иметь дело с целыми племенами.

— Это верно, — мрачно проговорил Луи. — Но тогда наш отряд состоял только из охотников, привычных к пустыне. Видели вы, как они разрисованы?

— Я не мог рассмотреть, к какому племени они принадлежат, но только все они раскрашены так, как красятся индейцы, отправляясь на войну.

— Есть у них огнестрельное оружие?

— На это я могу ответить вам с уверенностью — у них есть ружья.

— У всех?

— Да, господин Луи, у всех. По-видимому, все они — храбрые воины... Я не видел ни одного копья.

— Странно! — прошептал француз, словно отвечая собственным

мыслям. — Столько ружей в одном индейском отряде.

В эту минуту внизу, у подножия холма, раздвинулись кусты, и показался индеец, размахивающий шкурой бизона в знак мира.

— Ага! — произнес Луи. — Парламентер! Посмотрим, чего хочет этот негодяй. Странно! Этот индеец кажется мне подозрительным... Смотрите в оба, друзья мои, и прошу вас не стрелять без моего приказа. Безрассудный, — сказал он затем, обращаясь к одному из канадцев, — выйдете к ним и узнайте, в чем дело.

Безрассудный взобрался на завал и, обращаясь к неподвижно стоявшему краснокожему, спросил:

— Что вам нужно, воин? Почему вместо того, чтобы спокойно продолжать свой путь, вы будите нас в столь ранний час?

Все пеоны, находившиеся у ретраншементов, с тревогой прислушивались к разговору Безрассудного с парламентером.

Приступ

— Вы начальник? — спросил индеец вместо всякого ответа на предложенный ему вопрос.

— А вы? — насмешливо спросил его, в свою очередь, канадец.

— Я начальник.

— Тем лучше для вас, тогда, значит, и я начальник... Ну, что же вам от нас нужно?

— Сесть к огню совета моего брата и выкурить с ним трубку мира.

— А что будут тем временем делать ваши товарищи?

— Я один, — уверенным тоном отвечал индеец.

— На этот раз вы лжете, начальник, — грубо отрезал канадец.

В ту же минуту толпа краснокожих с воинственными криками, стреляя на бегу, выскочила из кустов и ринулась на завалы.

Безрассудный упал, серьезно раненный. Завязался бой, но, благодаря принятым доном Луисом мерам, краснокожие были встречены сокрушительным огнем и под градом пуль вынуждены были отступить, понеся весьма значительный урон.

Все это произошло почти мгновенно.

Нападение, а затем и бегство краснокожих произошло так быстро, и такое глубокое безмолвие внезапно сменило шум битвы, что, если бы среди защитников лагеря не оказалось их троих тяжело раненных товарищей, все это могло показаться им дурным сном.

Крики индейцев и стрельба разбудили дона Мигуэля и

дона Гутьерре, а затем из палатки выглянули и девушки, дрожавшие от страха.

— Что случилось, Господи Боже! — воскликнула Сакра-мента.

— Боже, смилуйся над нами! — прошептала ее сестра, подняв глаза к небу.

Луи Морэн стоял, задумавшись и не отвечая на вопросы, которыми его осыпали дон Гутьерре и дон Мигуэль.

Странное подозрение не давало ему покоя, и он хотел разобраться в происшедшем.

— Что ни говорите, а здесь не обошлось без участия дона Рамона, — сказал он наконец и, повернувшись к дону Мигуэлю, добавил: — Послушайте, я сейчас должен ненадолго покинуть лагерь... Это совершенно необходимо... Пока меня не будет, вы должны только обороняться и ни в коем случае не совершать вылазок!.. Боже вас сохрани делать это!.. Враги, которые напали на нас, гораздо опаснее, чем вы думаете... Я сам пойду на разведку.

А когда дон Гутьерре и дон Мигуэль начали было возражать, он резко оборвал их:

— Ни слова больше!.. Теперь дорога каждая минута!.. Прощайте! Сент-Аманд, идите за мною!

Помахав на прощание рукой, охотник перепрыгнул через завал вместе с канадцем.

Прошло полчаса — целая вечность. Потом прозвучали несколько выстрелов, и снова наступила мертвая тишина.

— Неужели они убили его?! — вскричал дон Мигуэль. — О, я отомщу им за это!

И под влиянием гнева молодой человек в несколько минут сумел организовать защиту и воодушевить немногочисленных защитников бивуака, видимо основательно встревоженных неожиданным нападением краснокожих.

Последнее было как нельзя более кстати, потому что индейцы вовсе и не собирались отказываться от намерения овладеть лагерем и деятельно готовились к новой атаке; только теперь они действовали по хорошо обдуманному плану, полные решимости на этот раз добиться успеха. Из лагеря видно было, как индейцы рубили ветви с деревьев, хотя испанцы и не понимали, зачем именно они это делают.

— Подождите немного, сеньор, — сказал Марсо дону Мигуэлю, когда тот обратился к нему с расспросами, — и вы все увидите собственными глазами. Они оборвут зе-

лень и огромные вязанки хвороста будут катить впереди себя, защищаясь таким образом от наших пуль, а когда подойдут к нашему лагерю, подожгут хворост и бросят сюда через завалы... Как видите, все очень просто.

— Боже мой! Зачем же дон Луис покинул нас?! — в тревоге воскликнул дон Мигуэль.

— Потерпите немного, сеньор, — повторил канадец свое любимое выражение. — У господина Луи совсем другое представление об этих индейцах.

— Какое же? — спросил дон Гутьерре.

— Э! — продолжал канадец насмешливо. — Ему, видите ли, кажется, что эти краснокожие вовсе не краснокожие, а такие же белые, как и мы с вами.

— Да неужели! — в один голос воскликнули испанцы.

— Это случается, и довольно часто, и, по-моему, не будет ничего удивительного, если так случится и на сей раз... Мне тоже кажется подозрительным, что индейцы напали на нас ночью... краснокожие любят ночью спать и сражаются только при свете солнца.

— Увы! Не все ли нам равно, кто эти враги, белые или краснокожие?.. Дон Луис погиб, они убили его!

— Я знаю господина Луи давно и видел его в делах, гораздо более горячих, чем здесь. Он не тот человек, который даст себя убить так просто, и, по-моему, выстрелы, которые вы слышали, доказывают только, что он сыграл с ними какую-то ловкую шутку, вот и все... Но чтобы они убили его, нет! Этому я не верю...

Эти слова канадца не могли, конечно, успокоить донна Гутьерре и его племянника, но те сделали вид, что согласны с его мнением, только для того, чтобы положить конец спору.

— Приготовьтесь! — крикнул вдруг охотник. — Или я ошибаюсь, или на нас снова будет совершено нападение.

— По местам! — крикнул дон Мигуэль.

Все бросились к завалам с твердой решимостью скорее умереть, нежели живыми попасть в плен к индейцам.

Канадец не ошибся, призывая своих друзей к оружию, — краснокожие приближались к завалам. Но на этот раз они шли медленно и в строгом порядке, тщательно укрываясь за огромными вязанками хвороста.

Эти вязанки катили несколько человек, в то время как за ними скрывались другие индейцы, безостановочно стрелявшие в защитников лагеря.

По приказанию дона Мигуэля, пеоны, укрывшиеся за фургонами и стволами деревьев, пока не отвечали ни единым выстрелом на неприятельский огонь.

Между тем индейцы, хотя и медленно, но все-таки приближались к холму и вскоре должны были достигнуть его вершины.

После настоятельных просьб дона Мигуэля девушки согласились, наконец, укрыться за деревьями, где были в относительной безопасности.

Так прошло несколько минут, в продолжение которых обе стороны пребывали в бездействии, готовясь к решительной схватке.

Вдруг индейцы повыскакивали из-за вязанок хвороста и с дикими воплями ринулись на завалы, окружавшие лагерь со всех сторон.

Завязался рукопашный бой, на землю падали раненые и убитые.

Бой продолжался довольно долго без заметного преимущества той или другой стороны. Индейцы, сражавшиеся на открытой местности, несли гораздо больший урон. Пеоны защищались с невероятным упорством, пуская в ход все, что попадалось под руку.

Дон Гутьерре был ранен пулею в руку, но тем не менее мужественно продолжал сражаться; дон Мигуэль носился по бивуаку как вихрь, возбуждая одних, браня других и беспощадно разя врагов, попадавшихся ему на пути.

Лагерь был охвачен огнем: индейцы бросали горящий хворост на фургоны, и те тотчас же загорались.

Вдруг дон Мигуэль упал: пуля пронзила ему грудь.

Пеоны, увидев своего начальника неподвижно застывшим на земле, в ужасе попятились назад, еще минута — и все должно было быть кончено.

Но тут внезапно появилась донна Сакраменты и с отчаянным воплем, словно раненая львица, бросилась в самую гущу сражающихся.

— Подлые трусы! — вскричала она. — Вы хотите бежать! Так что же, женщина должна давать вам пример, как следует исполнять свой долг!

Затем, подняв с земли мачете, выпавший из рук дона Мигуэля, она кинулась к завалам, на которые успели забраться краснокожие. Ее пламенная краткая речь и бесстрашное мужество нашли живой отклик в сердцах пеонов, и они, отринув страх, устремились за Сакрамен-

той и отбросили врагов прочь. Тем так и не удалось одержать победу.

Но тут во главе небольшого отряда дикарей появились два человека, одетые по-европейски, которые до сих пор, по всей видимости, держались в тени.

Эти двое были дон Рамон и дон Ремиго.

— Вперед! Вперед! — кричал дон Ремиго. — Захватить только девушек!.. По тысяче унций золотом за каждую из них!

Вслед за этим началась ужасная свалка, тем более ужасная, что от ее исхода зависела судьба девушек.

Пеоны и оставшийся в живых канадец прикрыли девушек плотным кольцом из собственных тел. Все они, не задумываясь, готовы были пожертвовать собой ради спасения двух несчастных девушек.

А между тем при всей самоотверженности оставшихся в живых защитников, вскоре неизбежно должна была наступить минута, когда они погибнут с сознанием собственного бессилия.

Опустившись на колени возле раненного отца, девушки без страха ждали смерти, которая должна была избавить их от позорного плена.

Внезапно раздался громopodobный крик, и в то же мгновение сверкнули тысячи молний!.. Ветер смерти пронесся над нападающими, они валились на землю подобно колосьям, срезанным серпом, и вслед за тем отряд демонов вскочил на холм. Во главе их был Луи Морэн, беспощадно разивший попадавших к нему на пути врагов, устремляясь туда, где находились девушки.

— Смелей! — кричал он при этом во всю силу своего голоса. — Смелей! Я здесь!

Нападающие, испуганные внезапным появлением нового отряда противников, в беспорядке отступали, продолжая оказывать вялое сопротивление.

— Сюда! Сюда! — крикнул дон Мигуэль, приподнявшись на одно колено. — Луи, спасите моих кузин, спасите дядю!

— Я здесь! — отвечал тот. — Я здесь!

Все происшедшее станет вполне ясным, если вспомнить, что представлял собой Луи Морэн. Ему достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что напали на них не краснокожие, а только переодетые индейцами мексиканцы, бандиты самого низкого пошиба. Ему удалось до-

браться до лагеря команчей, которые, под началом Опоссума и других начальников, уже спешили к нему на помощь.

Помимо дружеских чувств, которые они питали к охотнику, команчи чувствовали себя еще глубоко оскорбленными тем, что сальтеадоры переоделись в военные костюмы их племени для того, чтобы под видом краснокожих совершать грабежи и убийства. Индейцы решили примерно наказать за это бандитов.

Между тем битва все еще продолжалась. Бандиты, зная, что им не будет пощады от Красных Бизонов, защищались с отчаянной решимостью, и даже не для того, чтобы спасти свою жизнь — они знали, что их участь решена, — а из желания погибнуть и таким образом избежать пыток, которым, несомненно, их подвергнут индейцы, если они живыми попадут им в руки.

Завидев Луи Морэна, дон Рамон взревел подобно дикому зверю — француз явился отнять у него добычу, которую он считал уже своею. Дон Ремиго и еще двое бандитов поспешили к нему на помощь, и все четверо вместе ринулись на француза, рассчитывая сообща покончить со своим врагом.

Но Опоссум вовремя заметил опасность и с несколькими своими отборными воинами кинулся к своему другу.

Луи Морэн с оружием в руках смело ждал приближения врагов.

— Итак, — насмешливо заговорил он, — мы опять с вами встретились, дон Рамон! Надеюсь, это будет наша последняя встреча.

— Я тоже надеюсь на это, проклятый француз! — вскричал мексиканец дрожащим от гнева голосом. — Умири, негодяй! — добавил он, направив на Луи Морэна дула своих револьверов.

Француз проворно отскочил в сторону, убив прикладом ружья одного из бандитов, а затем рассек череп второму злодею, занесшему над его головой шпагу.

Таким образом, Луи Морэну предстояло иметь дело уже только с двумя противниками.

— Позвольте мне самому проучить этих негодяев! — крикнул он Опоссуму. — Займитесь лучше теми, кто еще жив.

С этими словами он бросил на землю ружье, как вещь совершенно ему ненужную, и, держа в одной руке длин-

ную шпагу, а в другой — револьвер, смело напал на двоих мексиканцев.

Тем временем дон Мигуэль, несмотря на полученное им довольно серьезное ранение, увидев союзников, которых привел его друг, и вдохновленный жаром сражения, поднялся и, опираясь на шпагу, медленно дотащился до того места, где в эту минуту происходил смертельный поединок. Здесь дон Мигуэль уже не в силах был совладать с охватившей его яростью и, ринувшись на дона Ремиго, пронзил его шпагою насквозь.

Мексиканец с отчаянным криком вцепился в дона Мигуэля и повалился с ним вместе на землю. Противники катались, извиваясь, словно змеи, по земле, пытаясь задушить один другого.

Трудно представить, чем закончился бы этот поединок, если бы не подоспел Опоссум, который схватил дона Ремиго за волосы, с силой отогнул ему голову назад и вонзил ему нож в горло.

Тот замертво рухнул к ногам Опоссума.

Что же касается дона Рамона, то его участь была более ужасна: Луи Морэн обезоружил его и, несмотря на отчаянное сопротивление, связав, взял в плен.

Битва кончилась.

Из отряда бандитов, напавших на лагерь, в живых остался только один — дон Рамон.

Луи Морэн с присущим ему великодушием хотел сохранить ему жизнь, но Опоссум воспротивился.

— Ядовитых змей следует убивать, — сказал он. — Этот человек — змея, и он умрет... Он принадлежит Красным Бизонам, команчские воины привяжут его к столбу пыток.

Француз тщетно пытался дать понять неумолимому начальнику, что даже к самым заклятым врагам следует проявлять милосердие, но Опоссум ничего не желал слышать и по его приказанию индейцы увели дона Рамона с собой.

В тот же вечер негодяй был привязан к столбу пыток. Мы не станем описывать его казнь, она была ужасна, ограничимся лишь упоминанием, что он призывал спасительную смерть в течение семи долгих часов, прежде чем она согласилась положить конец его страданиям.

Путешественники, число которых опять уменьшилось в весьма значительной степени, причем оставшиеся в живых были более или менее тяжело ранены и не могли про-

должать путь, волей-неволей вынуждены были принять предложение Красных Бизонов отдохнуть у них в лагере и собраться с силами.

Один только француз, казалось, не ведал усталости. Проводив своих друзей в лагерь команчей и позаботившись об их устройстве, сам отправился в гасиенду Аквас Фрескас, куда еще раньше был послан Медвежонок, чтобы ускорить прибытие подмоги, фургонов и карет. Без этого караван не мог продолжать свой путь.

Отсутствовал дон Луи всего один день, так как в нескольких милях от лагеря он встретил Медвежонка, который возглавлял многочисленный отряд пеонов со всем необходимым для продолжения путешествия.

Между тем состояние девушек внушало довольно серьезное беспокойство. Вследствие постоянного морального и физического напряжения, которое они испытывали в течение длительного времени, у них совершенно расстроилась нервная система, что проявлялось во все усиливающемся упадке сил.

Однако прибытие помощи и известие о том, что все готово для продолжения путешествия и что впредь им не грозит никакая опасность, весьма благоприятно отразились на самочувствии девушек, и они стали быстро поправляться.

Команчи изъявили желание сопровождать своих гостей до самых крайних границ прерий. Они покинули их только тогда, когда караван подходил уже к гасиенде.

Две недели спустя дон Гутьерре, его дочери, брат и племянник, совершенно оправившийся от ранения, селись уже на отплывавший в Европу французский корабль, зафрахтованный доном Мигуэлем и уже целых два месяца ожидавший их в порту Гуйамас.

Здесь Луи Морэн распрощался со своими друзьями.

Тщетно уговаривали они его отправиться вместе с ними в Европу — француз и слышать не хотел об этом.

— Но что же вы будете здесь делать? — спросил его дон Мигуэль.

— Я вернусь в пустыню, — отвечал француз, только там лицом к лицу с великими творениями Бога человек чувствует себя вполне свободным и учится великодушию и доброте.

Он долго стоял на берегу, пока корабль, уносивший его друзей, не скрылся за горизонтом.

Тогда он глубоко вздохнул, смахнул слезы, катившие-

ся по его загорелым щекам, и, вспрыгнув на лошадь, медленно направился по дороге в прерии.

— Это был сон! — прошептал он, бросая последний взгляд на море.

.....
.....
.....
Дон Гутьерре и его брат поселились в Кордове; дон Ми-
гуэль женился на Сакраменте; Жезюита, много раз отка-
зывавшая женихам, несмотря на представлявшиеся ей
блестящие партии, несколько месяцев тому назад ушла в
монастырь и приняла постриг. Все, знавшие ее, тщетно пы-
тались найти объяснение такому странному поступку кра-
сивой, богатой и, как казалось со стороны, жизнерадостной
девушки.

Гамбусино

ГЛАВА I

Мексика с птичьего полета

Когда испанцы впервые высадились на американском континенте, почти все его пространство занимали два могущественных государства: Перу и Мексика. Государственный строй их — феодальный — свидетельствовал о цивилизации, стоявшей по меньшей мере на уровне европейской, хотя и сложившейся при совершенно других условиях.

Первое из этих государств было расположено в Южной Америке, второе — в Северной.

В середине VII века толтеки, воинственный народ, чьи загадочные переселения окутаны непроницаемой тайной, расположились в той части Северной Америки, которая суживается между двумя океанами, и основали могущественное государство ацтеков, получившее впоследствии от испанцев название Новой Испании. Только небольшая часть ее входит теперь в Мексиканский Союз.

До ацтеков на этих землях жили чичимеки. Ацтеки на каждом шагу находили оставленные чичимеками несокрушимые памятники, которые, подобно вехам на дороге, свидетельствовали о существовании высокой и давней цивилизации. Искусство чичимеков, их законы и религия являли черты, наблюдавшиеся в эту эпоху и у народов Старого Света.

Воспользовавшись ошибками чичимеков, ацтеки захватили нагорья Анахуак и Мичоакан, подчинили себе их обитателей и, переняв нравы и обычаи побежденного народа, стали безжалостно истреблять его. Они действовали

---

* Роман издан в 1866 году.

в этом направлении так успешно, что ныне воспоминание о чичимеках почти исчезло на той необъятной территории, которую они первые завоевали и вывели из состояния варварства.

Древняя Мексика, или государство Монтесумы, не занимала того пространства, которое ей стали приписывать позднее; на востоке она граничила с реками Гуаса-куалько и Тулпан, а на западе — с равниной Соконуско и портом Сакатула. Таким образом, она занимала большую часть теперешнего Мексиканского Союза, протяженностью в 80 тысяч квадратных километров.

Республики Тласкала и Чолула и королевства Тескоко и Мичоакан также входили в нагорье Анахуак, которое тогда занимало все пространство между 14° и 21° северной широты. В центре его находился город Мехико, столица государства ацтеков Монтесумы.

Испанское вице-королевство Мексика простиралось от Панамского перешейка до Луизианы и Орегона. В него входили два больших самостоятельных губернаторства: генерал-капитанство Гватемала (которое в настоящее время составляет республики Центральной Америки, недавно потрясенные смелой экспедицией флибустьера Уокера) и вице-королевство собственно Новой Испании, или Мексика, включавшее в себя Новую Калифорнию, Техас, Новую Мексику, аннексированные теперь Соединенными Штатами, и все то, что составляет конфедерацию Соединенных Штатов Мексики.

Мексиканская республика, столь обширная и сейчас, несмотря на последовательные сокращения ее пространств, расположена между 15° и 42° северной широты и 89° и 127° западной долготы; на востоке она граничит с Мексиканским заливом, в который вдается южная часть полуострова Юкатан. Здесь в 1518 году высадился Грихальва*, давший этой земле название Новой Испании. Этот полуостров сжат двумя большими бухтами: Гондурас и Кампече. На юге Мексика граничит с республикой

---

* Уокер — американский авантюрист, пытавшийся завоевать в 1853 году мексиканский штат Сонора, в 1857 году — Никарагуа, мечтавший стать диктатором и ввести рабовладение.

** Хуан де Грихальва — руководитель второй испанской экспедиции в Мексику. Экспедиция была признана испанским правительством неудачной; через год, то есть в 1519 году, была послана третья экспедиция для завоевания Мексики во главе с Кортесом.

Гватемала, на западе — с тихим океаном, в который всего сильнее вдаются мысы Мендосино и Корриентес. Наконец, на севере Мексику ограничивают земли, большей частью невозделанные, принадлежащие Соединенным Штатам, а также ее бывшая провинция Техас, отделяющая Мексику от Луизианы. Вся страна представляет собой сплошные, безграницные саванны, называемые льяносами, сейчас так же малоисследованные, как и в эпоху их открытия, и не имеющие даже точно установленных границ. Здесь бродят во всех направлениях многочисленные племена индейцев бравос, или непокоренных. Оттесненные в глубь этих непроходимых пустынь, они с упорством отчаяния борются против той волны цивилизации, которая, непрерывно поднимаясь, охватывает их со всех сторон и в недалеком будущем поглотит их навсегда. Общая поверхность Мексики исчисляется примерно в 75 тысяч квадратных миль. Внутри страны возвышается громадное плато, поднимающееся над уровнем моря от 2100 до 3000 метров. Это плато, в своей южной части, представляет собой как бы завершение мексиканских Кордильер. Соединяясь на юге с горной цепью Анд, Кордильеры подступают на севере к Скалистым горам и, таким образом, являются звеном, связующим два громадных горных хребта, заканчивающихся у границ обеих Америк.

Это плато перерезано горами, по большей части вулканического происхождения. Некоторые из них поднимают свои вершины, покрытые вечным снегом, на высоту почти 8 тысяч метров. Постепенно снижаясь по краям, это плато значительно расширяется в северной части, где его высота заметно уменьшается. Из наиболее высоких и значительных вулканов Мексики следует назвать в первую очередь: Истаксиуатль («Белая женщина») высотой в 4790 метров, Попоккатепетль («Огнедышащая гора») — в 5400 метров, Ситлалтепетль, он же Пик Орисаба, — а 5300 метров, Невада де Толука и Науканпотепетль, или Коффе де Пероте, достигающие 4090 метров.

Эти вулканы как бы покоятся на огромном подножии нагорья Анахуак между городом Мехико и небольшими городами Халана и Кордова и составляют пять вершин, соперничающих с наиболее высокими горами Нового Света.

Как из Мехико, так и из Пуэблы видны первые два из этих вулканов; их величественные силуэты и вершины,

покрытые сверкающим снегом, ярко выделяются на фоне голубого неба. Мексиканские Кордильеры получили довольно меткое название Сиерра Madre, вероятно, потому, что они расположены в центре горной цепи. В северо-западной части Кордильеры направляются к городам Гуанахуато и Сен-Мигель. Севернее этих городов горы разделяются на три ветви: восточная теряется в старинном королевстве Леон; западная ветвь, заняв часть территории Гвадалахары и Соноры, заканчивается на берегу реки Хилы; центральная ветвь занимает все пространство штата Сакатекас, где высшие точки ее служат водоразделом для целого ряда рек, впадающих в оба моря.

Наиболее выдающейся геологической точкой этих гор является порфи́ровая скала, возвышающаяся над главными горными цепями.

В горных цепях, расположенных ближе к Атлантике, обнаруживается гранит; порт Акапулько вырублен в гранитной скале; тот же гранит является основанием гор Сакатека и Мистека в штате Оахака. Большое центральное нагорье Анахуак представляет собой не что иное, как громадную насыпь порфи́ровых скал. Они отличаются от таких же скал в Европе отсутствием в них кварца и наличием амфи́бола^{**}.

Своим романтическим видом окрестности Гуанахуато обязаны гигантским порфи́ровым скалам Сиерра де Санта-Роза, напоминающим издали развалины бастионов и крепостных стен. Порфи́ровые колонны можно увидеть и в горах Хакаль и Ойямель. В этих горах добывалось и вулканическое стекло; в древности мексиканцы делали из него режущие инструменты.

Нагорье Анахуак изобилует также базальтом, миндальным камнем, гипсом и известняком с большим содержанием золота и серебра. Медь и олово находят в центральных провинциях штатов Вальядолид и Гуанахуато; Гвадалахара и Сакатекас богаты железом, Сен-Луис-Потоси — каменной солью; почти везде встречаются цинк, ртуть, мышьяк. Что касается угля, то до сих пор он обнаружен только в Новой Мексике.

Несмотря на наличие многих вулканов с открытыми кратерами, вулканические извержения и землетрясения,

---

* Сиерра Madre — гора-мать.

** Амфи́бол — минерал, так называемая роговая обманка.

столь частые на берегах Тихого океана, гораздо реже происходят внутри Мексики.

С 1759 года, когда вулкан Хорульо возник внезапно из земли в окружении множества маленьких курящихся конусов, такие катастрофы более не повторялись. Но тем не менее подземный гул, слышимый в различных местах, казалось бы, доказывает, что весь район, заключенный между 18° и 22° северной широты, содержит действующий под землей огонь, пробивающий время от времени земную кору на большом расстоянии от морских берегов.

Мексика делится на три явственно и резко различные между собой области: область знойной земли (тьерра калиенте), область умеренного климата (тьерра темплада) и, наконец, область холодного климата (тьерра фриа). Заметим, что температура этого последнего пояса приблизительно та же, что в центральной Италии. Поэтому легко судить, что представляет собой температура жарких земель и тех экваториальных стран, где существует только два времени года: период дождей и период засухи. Для этих стран слово «зима» непонятно, и, следовательно, как мы это вскоре докажем, пребывание в них является почти всегда смертельным для непривычных к жаре людей, родившихся в нашей суровой Европе.

У подножия мексиканских возвышенностей расстилается пояс равнин, узких на юге и постепенно расширяющихся к северу. Два склона плато, о котором мы говорили выше, имеют неодинаковую отлогость. Так, склоны между Вера-Крус и Мехико гораздо более круто спускаются к Атлантическому океану, чем склоны между Мехико и Акапулько — к Великому.

Именно здесь легче всего понять и представить себе резкие контрасты в климате и растительном царстве этой необыкновенной страны.

Растительность располагается поясами; по мере восхождения все преобразуется: цвет неба, облик страны, растения — все, вплоть до сортов различных культур и нравов жителей.

В Мексике собрана флора всех стран, от самых жарких до самых холодных: Индии, Италии, Франции, даже Швеции и России; фрукты Азии, цветы Востока;нопал, или индейская смоква, на которой водится кошениль*;

---

* Кошениль — насекомое *coccus* (исп.), дающее краску червец.

агава, доставляющая индейцу его любимый опьяняющий напиток — пультке, или водку; ялапа — слабительный корень; мексиканский шалфей; душистая ваниль, растущая в тени амариллисов и бальзамических деревьев; покрытые шипами деревца, дающие копайский бальзам; длинно-стручковый перец; гвоздичный перец; индиго, какао-овое дерево, сахарный тростник, рис, маис, или индейский хлеб; хлопчатник, табак; за этим следуют громадные леса бальзамических деревьев, елей, дубов, красного дерева, кампешового дерева с прожилками и т.д., и т.д.; и, наконец, прелестные цветы: далия, гелиантус, сальвия, метселлия и другие, те, что перенесены во Францию и, прижившись, украшают наши сады.

К несчастью, знойные земли, где всего чаще встречается эта роскошная растительность, поражены страшной болезнью вомиито негро . Она создает как бы непроходимое кольцо вокруг всей Мексики, отпугивая иностранцев больше, чем сделали бы это самые искусные армии, и отражая их вторжения и притязания. Вместе с тем это кольцо, не допуская в Мексику европейцев, задерживает рост цивилизации в этой стране.

Желтая лихорадка свирепствует почти на всех берегах обоих океанов, но главным образом в штате Вера-Крус, на полуострове Юкатан, на берегах Оахака, в приморских провинциях прежнего Сантандера, во всем бывшем королевстве Леон, на берегах Калифорнии, в западной части Соноры, Синалоа и Новой Испании, в южной части штатов Мехико, Мичоакана и Пуэблы, в порту Акапулько, долинах Папагалло и Перегрино, то есть в странах с наиболее жарким и потому вредным климатом.

На склонах Кордильер, на высоте 1200 метров, температура меняется, становится умеренной; царящая здесь вечная весна изгоняет эту страшную болезнь. Тут не знают ни испепеляющей жары, ни резкого холода; температура воздуха никогда не поднимается выше 18 или 20 градусов. И, наконец, следуют плато, находящиеся более чем на 2 тысячи метров над уровнем моря и называющиеся холодными землями.

В основном, средняя температура громадного нагорья, часть которого занимают долины Мехико и Актопана, 17 градусов, в то время как в областях, лежащих выше 2 ты-

---

* Вомиито негро — желтая лихорадка.

сяч метров, средняя температура воздуха не превышает 7 или 8 градусов тепла.

При наличии в Мексике трех столь различных климатических зон европейцы, — если только им удастся перенести первые приступы желтой лихорадки и привыкнуть к жаркому климату, — лучше всего чувствуют себя в жарком поясе. Тело их закаляется, никакие болезни им не страшны, они становятся крепкими — факт непонятный, но доказанный множеством жизненных примеров.

При всех бесчисленных достоинствах, о которых мы уже говорили, Мексика терпит нужду в воде и не обладает ни одной судоходной рекой.

Можно назвать только два более или менее значительных водных потока: Рио Колорадо-дель-Норте и Рио Хила. Все остальные реки экваториальной зоны, хотя и обладают устьями значительной ширины, сами по себе очень малы. Здесь совершенно нет таких великолепных рек, какими так счастливо наделены Соединенные Штаты. На Кордильерах берут свое начало не реки, а бурные потоки. Дожди, очень частые в стране, а еще более того высота нагорья, ускоряющая испарения, вызывают внезапные паводки, которые являются причиной страшных наводнений. Наводнения прекращаются так же стремительно, как и начинаются, и вода уходит в немедленно отвердевающую землю.

Мексика изобилует озерами, среди которых известны огромное озеро Чапала, Пацкуара, Метциллан, Паррас, а также озера, находящиеся в долине Мехико. Но это, по видимому, лишь остатки тех обширных водных бассейнов, которые существовали некогда на высоких плоскогорьях Кордильер. Большинство из них усыхает из года в год, и Мексика уже не имеет теперь того цветущего вида, который некогда так восхитил испанских завоевателей, давших в порыве энтузиазма этой земле название Новой Испании в память о своей родине.

Почти повсюду берега недоступны для подхода кораблей, здесь нигде нет безопасных бухт, нет хороших портов. Восточное побережье — низкое, нездоровое, болотистое, выжженное знойным солнцем, — мало обитаемо; население его, болезненное и рахитичное, убывает с каждым днем. Реки его и даже главные порты загромождены горами песка. Так, высота воды в Тампико и Сото ла Марина не превышает 10 футов. Что касается западной

части, более возвышенной и потому более благоприятной для здоровья, то она представляет собой лишь широкий вал из крутых и пустынных скал. Однако там есть два удобных порта: Акапулько и Самблас. Последний с недавних пор приобрел некоторое значение, которое, вероятно, еще возрастет благодаря удачному расположению и безопасности его рейда. Все же нужно отметить, что в береговой полосе Мексики часты ураганы, стремительные ветры, неистово дующие в течение нескольких месяцев в году с северо-востока, с северо-запада и с юго-запада; во множестве встречаются песчаные мели. Все это парализует попытки кораблей пристать к берегу и делает эти попытки опасными и почти невозможными.

Такова в кратких чертах топография Мексики, этой плодородной земли, покрытой могучей растительностью, соединяющей в себе все изобилие земного шара. Тем не менее Мексика кажется обреченной на постепенное вырождение. Скоро может наступить момент, когда ее народ окончательно лишится своей недавно завоеванной свободы, и страна будет поглощена Соединенными Штатами.

Испанцы, может быть бессознательно, следовали системе, принятой толтеками, когда последние, победив чичимеков, основали Мексиканское государство. Европейские завоеватели пытались, по мере возможности, уничтожить ацтекский народ. Для этого они навязывали индейцам чуждые им религию, нравы и даже язык. Они изгоняли и истребляли побежденных, как диких зверей. В то же время они пытались заставить мексиканскую аристократию слиться с победителями путем навязанных браков. Эта политика принесла свои плоды: испанский король считался в Америке божеством, которому невозможно сопротивляться; с флагом Испании транспорт золота и серебра мог пройти безнаказанно, без всякой охраны, через все пространство Новой Испании. Эта вера во всемогущество короля была еще усилена запрещением, по которому ни один иностранец не смел, под угрозой смерти, проникать в испанские владения. Погруженные в глубокое невежество, погрязшие в животном отупении, мексиканцы жили без надежды разорвать связывающие их тягчайшие оковы; бессмысленные суеверия заменяли им религию. Томясь под тяжким игом надменной испанской аристократии, индейская раса, составлявшая не менее двух третей населения страны, была ввергнута в по-

рабощение, в тысячу раз худшее, чем самое позорное рабство.

Народное восстание в Аранхуесе* в 1808 году и отречение короля нанесли первый удар королевскому авторитету в Новой Испании. Абсолютный монарх, вынужденный склонить голову перед мятежниками, — такое положение неизбежно должно было ослабить монархические чувства у жителей испанских колоний. Когда же спустя некоторое время Наполеон вторгся на Пиренейский полуостров, оккупировал Испанию, взял в плен короля и свергнул старую династию, последний престиж Испании рухнул в умах мексиканцев. До этого момента они еще верили в то, что величайшее государство XVI века, над которым никогда не заходит солнце, существует, наводя ужас на весь мир и вызывая везде почтительный страх. Теперь страх этот сменился презрением, и потеря колоний стала для Испании неизбежной: ведь ее сила держалась моральным угнетением жителей колоний, а не теми немногочисленными войсками, которые были разбросаны на этой огромной территории, на большом расстоянии друг от друга. Теперь Испания, утратившая былое могущество, рассматривалась мексиканцами, как одна из провинций Франции, этой еретической страны, населенной демонами. До основного принципу испанской юриспруденции, колонии принадлежат королю, а не государству. Но, поскольку король отрекся от престола, жители колоний сочли себя свободными от всяких обязательств в отношении его, и последние узы, сдерживающие мексиканцев, оказались разорванными. Напрасно центральная хунта, а позднее регентство всемерно старались отогнать грозу, провозгласив равноправие между метрополией и Америкой и декретом от 5 июня 1809 года объявив колонии неотделимыми частями монархии, — ничто не могло уже предотвратить взрыв. Восьмого июля 1808 года приплывший корвет доставил французские газеты, принесшие весть о низложении испанских Бурбонов и о восшествии на престол Жозефа Бонапарта. Вице-король, не получивший никаких инструкций, совершил ошибку — правда, тут же им исправленную, — распространив эти известия публично. Он выпустил воззвание, в котором уверял население в своей преданности королю Фердинанду и требовал от

---

* Аранхуес — резиденция испанских королей.

мексиканцев поддержки. Фраза была туманная, но колонистам, привыкшим к тому, что с ними не считаются вовсе, польстило оказанное им доверие. Воззвание было встречено с энтузиазмом, толпа кричала: «Смерть французам!», «Смерть всем гринго!» (еретикам).

Но это искреннее движение народа было немедленно нейтрализовано целым рядом ошибок, вызванных надменностью испанцев. И ненависть к поработителям вспыхнула с новой силой.

Наглость государственных чиновников дошла до того, что один из наиболее пылких членов суда не побоялся заявить на заседании, что до тех пор, пока в Кастилии останется хоть один сапожник, а в Ламанче хоть один погонщик мулов, за ними сохранится право повелевать колониями.

Схватка была неизбежна, враждующие стороны одинаково готовились к ней. Испанцы были вооружены до зубов; мексиканцы, подстрекаемые и распаляемые агитаторами из Европы и Соединенных Штатов, объединялись в тайные общества. В воздухе носился заговор против Испании. Первая попытка провалилась, многие были арестованы. Прибывший в это время вице-король Ванегас, вместо того чтобы внести успокоение, еще усилил смуту, раздавая без разбора чины и награды сторонникам Испании.

События назрели. Великая революция должна была начаться. Как это ни странно, первым выступил служитель церкви, а за ним последовали другие священники, и все они стали жертвами своего патриотизма. Идальго*, священник маленького селения Долорес, подал сигнал и смело ринулся на ослабевшие испанские отряды. Став во главе необученной толпы индейцев, вооруженных только пращами, луками, дубинами и палками, он увлек их за собой; недостаток воинского умения восполнялся у них диким натиском и презрением к опасности; это позволяло им совершать великие подвиги и делало их грозными во все периоды войны, начавшейся в 1810 году и окончив-

---

* Ванегас был послан из Испании в Мексику в 1810 году.

** Идальго возглавил революционное движение мексиканского народа, которое было первым этапом войны за независимость Мексики (1810-1816). Роль этого движения велика — оно расшатало устои испанского колониального господства в Мексике. После расстрела Идальго его ученик и последователь, священник Морелос стал во главе восставшего народа.

шейся только в 1821 году, хотя один испанский гарнизон оставался хозяином крепости Сан-Хуан де-Улоа до 1825 года. Закончив это длинное вступление (кстати, необходимое для понимания дальнейшего рассказа), мы должны откровенно сказать читателю, что вообще не имеем обыкновения писать предисловия к нашим книгам. Но в данном случае многие люди просили дать им сведения об этой столь отдаленной и малоизвестной стране.

А теперь приступим к рассказу.

Студент-богослов

Благодаря системе управления, примененной испанцами, завоевавшими Мексику, — системе, которой упорно придерживалось правительство метрополии до самого дня освобождения Мексики, — бывшие испанские колонии Нового Света еще и теперь, после сорока лет свободы, остаются погруженными в состояние варварства, невежества и одичания, из которого им, возможно, никогда не удастся выбраться.

Для любого христианина, путешествующего по Мексике, остается совершенно непонятной религия, исповедуемая в этой стране, — если можно назвать религией ту сложную смесь католицизма и язычества, в которой никто не может разобраться, и меньше всего миссионеры, проповедующие ее в отдаленных провинциях.

Впрочем, индейцы, которые составляют две трети мексиканского населения, сохранили в неприкосновенности верования своих отцов и восприняли христианство лишь чисто внешним образом.

Какой умный и могучий народ мексиканцы! Если бы ими хорошо управляли, они могли бы очень быстро стать великим народом, потому что им присуще в высшей степени чувство добра и красоты. Лучшим доказательством этого является героическая борьба мексиканцев против Испании, которая выявила так много благородных людей в рядах инсургентов*.

Но оставим на время настоящее этого бедного народа,

---

* Инсургент — мятежник, участник вооруженного восстания против правительства.

достойного снисхождения и сострадания; бросим взгляд в прошлое и расскажем об одном из наименее известных эпизодов героической эпопеи, называемой борьбой за независимость Мексики. Этот эпизод, может быть, намеренно и пренебрежительно забытый историей, тем не менее имел в свое время огромное значение, так как он нанес последний удар испанскому влиянию и доставил победу благородным борцам за свободу.

* * *

В одну из сред первой половины декабря 18.. года, между двумя и тремя часами пополудни, молодой человек лет двадцати пяти-двадцати шести, одетый в темное платье студента-богослова, — на нем была длинная сута-на, белые брыжи* и широкополая шляпа, — ехал верхом на муле вдоль правого берега Рио Гранде-дель-Норте, одной из крупнейших рек Мексики, отделяющей ныне эту страну от Техаса.

Сельская местность, через которую шла дорога путешественника, была чрезвычайно живописна, но молодой человек, казалось, не обращал никакого внимания на красоты природы; он ехал, низко надвинув шляпу на глаза и опустив голову на грудь; либо он знал эти места уже давно и потому не находил в них ничего любопытного, либо — что более вероятно — его ум был целиком поглощен мыслями о войне, уже давно опустошавшей эту несчастную страну. Погруженный в тягостные размышления, путник оставался равнодушным ко всему, что происходило вокруг него, и не любовался великолепными пейзажами, развертывающимися перед ним непрерывно, как в калейдоскопе.

Он все время подгонял своего мула, чтобы как можно скорей добраться до маленького городка, или, вернее, селения, Пасо-дель-Норте, приветливые домики которого стали уже показываться на том берегу реки, наполовину скрываясь в чаще разнообразных деревьев.

Пасо-дель-Норте — старинная крепость, построенная некогда испанцами на границе штата Чиуауа для отражения набегов индейцев бравос. Благодаря своей отдаленности крепость избежала страшных последствий гражданской войны, уже столько лет разорявшей Мексику.

---

* Брыжи — нагрудник, спускающийся из-под воротника.

Жители крепости — правда, немногочисленные: их было не более полутора тысяч человек — жили спокойно и счастливо, равнодушно относясь к тому, что творилось вокруг.

По мере приближения к крепости студент перестал подгонять мула; наоборот, он начал его сдерживать и оглядывать окрестности с возрастающим беспокойством.

Полная тишина и глубокое молчание царили вокруг; так далеко, как только охватывал глаз, не было видно ни одной живой души.

Это необычайное безлюдье, странное в окрестностях важного пункта, окруженного многочисленными ранчо, поразило путешественника.

— Что же здесь происходит? Не понимаю, отчего у меня предчувствие беды? Почти страх! — пробормотал студент и, прищипорив мула, ударил его так сильно чикоте*, что благородное животное, несмотря на усталость, понеслось галопом. Вскоре путешественник доехал до заставы крепости. Обычно ее ворота были открыты; теперь же они были на запоре; испанский солдат с ружьем на плече ходил взад и вперед за барьером.

Молодой человек принужден был остановиться.

— Ого! — сказал он. — Это становится серьезным!

Заметив в нескольких шагах от себя неподвижного всадника, часовой повернулся к нему, опустил ружье к ноге и, насмешливо осмотрев приезжего, спросил хриплым голосом:

— Кто идет?

— Друг, — ответил молодой человек.

— Так! Друг? — посмеиваясь, спросил солдат. — Друг кого, друг чего, а?

— Друг мира, — спокойно ответил молодой человек.

— Друг мира! Гм!.. — насмешливо сказал солдат.

— Посмотрите на мою одежду, сеньор солдат.

— Одежда ничего не значит, приятель, вы это знаете так же хорошо, как и я, — ответил солдат, все более издевательски оглядывая студента с ног до головы.

Тот закусил губу от злости, но счел более благоразумным скрыть это чувство.

— Кто вы такой и зачем вы сюда приехали? — спросил часовой после короткого молчания. — Говорите правду, если не хотите, чтоб я вам всадил пулю в голову!

---

* Чикоте (исп.) — хлыст.

— Я — студент-богослов из Гвадалахары, где сдал последние экзамены на звание священника; приехал сюда провести несколько дней у одного родственника перед поступлением на службу.

— Гм... — проворчал солдат, пожав плечами. — Все это не очень понятно... Является какой-то повеса с наружностью тореадора... вместо того чтобы служить королю, как все честные подданные.

— Служа Богу, я служу королю, — смиренно сказал молодой человек.

— А! В конце концов, это не мое дело! Назовите имя вашего так называемого родственника, у которого вы собираетесь остановиться!

— Я не собираюсь, сеньор солдат, а действительно останавлиюсь у моего родственника, — спокойно ответил студент. — Он не более не менее, как алькальд этой крепости, сеньор дон Рамон Очоа.

Солдат нахмурился.

— Неважная рекомендация, приятель! — сказал он. — Сеньора Очоа сильно подозревают в тайном сочувствии бунтовщикам.

— Это подлая клевета! — воскликнул студент. — Сеньор Очоа — почтенный человек, который не занимается политикой.

— Весьма возможно, но это уж дело нашего начальства. С этими словами он открыл ворота.

Студент уже готов был въехать в крепость, но часовой взял мула за повод:

— Послушайте! Не знаю почему, но вы мне понравились, даю слово Руиса Ортега! — а это мое имя. Прежде чем мы расстанемся, я бы хотел дать вам добрый совет.

— Раз он исходит от вас, я приму его с радостью, — ответил молодой человек, наклоняясь с лукавым видом к шее мула.

— По-моему, вы славный малый, и мне было бы досадно, если бы вы попали в беду. Вы молоды, сильны, здоровы... Поверьте мне, бросьте в огонь эту ужасную рясу — в ней только ворон пугать — и наденьте мундир. Это будет для вас выгоднее во всех отношениях.

— Благодарю вас, сеньор солдат, — с тонкой усмешкой сказал студент. — Никто не может предвидеть будущего. Быть может, я последую вашему совету гораздо скорее, чем вы думаете.

— И умно сделаете. Ведь это единственно возможное ремесло, к тому же доходное, особенно в наше время.

— Прощайте, сеньор солдат!

— До свидания, сеньор студент!

Часовой закрыл ворота и снова зашагал, очень довольный тем, что это происшествие нарушило монотонную скуку дежурства; а молодой человек поехал мелкой рысью по боковой улице селения.

В Мексике в разгар дня жара настолько нестерпима, что улицы городов и деревень совершенно пустеют. Жители прячутся в домах, ища прохлады; однако в этих жилищах, как бы плотно они ни были закрыты, ощущается биение жизни: пение, смех, аккорды гитары вырываются из-за занавесок и решетчатых ставен; чувствуется, что город не умер, он только спит, — и стоит лишь подуть вечернему ветру, как разом откроются все двери и окна и временно остановившаяся жизнь отовсюду вырвется наружу и опять войдет в свое русло.

В этот день, несмотря на то, что самая сильная жара уже прошла, все дома оставались закрытыми, улицы пустынными, и только цокот копыт мула по острым булыжникам нарушал мертвую тишину, царившую в крепости.

Проехав несколько улиц, путешественник услышал неясный, усиливающийся с каждым мгновением шум, похожий на звуки праздника или гул мятежа. Крик, смех, рыдания, мольбы, веселые песни сопровождались резкими звуками гитар, выстрелами, военными командами, топотом лошадей...

— А! Кажется, я наконец пойму, в чем дело! — глухо сказал молодой человек.

И, решительно повернув в узкую улицу, он почти тотчас же выехал на Главную площадь.

Там его глазам представилось зрелище — и неожиданное, и необычайное.

В центре этой площади отряд, состоящий примерно из двухсот пятидесяти испанских всадников, — которых мексиканцы в насмешку называли тамариндос из-за желтого цвета их мундиров, — разбил временный лагерь.

Эти солдаты наводили ужас на несчастных обитателей покоренных городов и деревень; грабежи, пожары и наси-

---

* Тамариндо — тропическое дерево с желтыми цветами.

лия были еще самыми незначительными их грехами, — они оставляли после себя развалины и трупы.

Костры, в которые солдаты бросали обломки мебели, стропила и балки разрушенных домов, окрашивали стены зданий на площади красноватым отблеском.

Солдаты, удобно развалившись в креслах, заставляли индейцев прислуживать себе, награждая их сильными ударами чикоте по плечам и спинам для того, как, смеясь, говорили испанцы, чтобы разбудить их.

Лошади, стоя по брюхо в соломе, жадно поедали маис и альфальфу*, отнятые солдатами у асиендадо**.

Командир отряда, сидевший у входа в церковь в компании офицеров с лицами висельников в изодранных мундирах, судил испуганных и дрожащих жителей, которых солдаты непрерывно сгоняли на площадь.

Этих несчастных, чья вина была выдуманной и именно поэтому еще более достоверной в глазах случайных судей, чаще всего приговаривали к громадному штрафу, который они обязаны были внести немедленно, под угрозой повешения.

В том, что угроза эта была вполне реальной, можно было убедиться, переведя взгляд на балконы домов, где уже висело множество трупов.

В ту минуту, когда студент-богослов остановился на углу площади, перед грозным трибуналом предстали два человека, приведенные полупьяными солдатами.

Эти новые обвиняемые были: алькальд селения дон Рамон Очоа и священник местной церкви дон Хосе Антонио Линарес.

Оба они держались твердо и с достоинством, но не вызываяще.

Студент-богослов увидел их. Мгновенно приняв решение, он спешил и, ведя мула на поводу, смело пошел вперед; там, отогнав ударами чикоте нескольких лошадей, он привязал своего мула около самой большой кучи альфальфы и маиса, после чего спокойно направился в сторону церкви.

Молодой человек проделал все это так непринужденно, что никто не обратил на него ни малейшего внимания.

Благодаря своей одежде он без труда проскользнул

---

* Альфальфа (исп.) — испанский клевер, люцерна.

** Асиендадо — владелец асиенды, крупного поместья.

между группами пьющих и пляшущих людей и остановился за спиной священника; последний не заметил его, озабоченный тем критическим положением, в которое он попал.

Начался допрос обвиняемых.

— Вы — алькальд, а вы — священник этой деревни? — спросил командир, обращаясь по очереди к обоим.

— Да, сеньор капитан, — ответили они с поклоном.

— Я получил сведения о вас, — сказал офицер, гневно теребя ус. — Они исходят от преданных слуг короля, а потому заслуживают доверия. Вас называют проклятыми бунтовщиками, карай!

— Это ложный донос! — твердо сказал алькальд. — Мы — верные слуги. Да и вообще здесь никто не занимается политикой.

— Когда в стране восстание, честные люди не смеют оставаться нейтральными! — громовым голосом сказал офицер. — Кто не за короля — тот против него!

— Это нелогичный вывод, — пожав плечами, ответил алькальд.

— Что? — сказал капитан, метнув на него косой взгляд. — Этот чудак, кажется, позволяет себе рассуждать?

— Зато вы... не рассуждаете, вы просто убиваете.

— В чем нас обвиняют? — спросил священник, поняв, что алькальд своими ответами осложняет их и без того опасное положение.

— А-а! Сеньор падре! — с злой насмешкой продолжал офицер. — Вы хотите знать, какие вам предъявляются обвинения? Не так ли?

— Признаюсь, сеньор капитан, — спокойно ответил священник, — я был бы счастлив узнать это, чтобы иметь возможность ответить и доказать ложность этих обвинений.

— Ну хорошо. Слушайте. Вы обвиняетесь в сношениях с инсургентами.

— Это очень неопределенно, — возразил священник.

— Есть и еще кое-что.

— Что же?

— Вас обвиняют, кроме того, в том, что вы неоднократно укрывали у себя предводителей восстания. Утверждают, что многие из них и сейчас скрываются в этой деревне. Да если даже мне придется разнести все ваши

хижины, — клянусь телом Христовым! — я найду этих проклятых бунтовщиков, хотя бы они были спрятаны в чреве земли!

— Известны ли имена предводителей восстания, которых мы будто бы скрываем здесь?

— Называют двоих из гнусных мятежников, карай!

— И это?..

— Хосе Морено и Энкарнасион Ортис, два атамана разбойничьей шайки, которая принимала участие в восстании изменника Мина. Что вы можете ответить на это?

— Ничего, кроме того, что это обвинение просто бессмысленно! — уверенно сказал алькальд.

— Дьяволы! — заорал капитан, яростно стукнув кулаком по столу. — Так отвечать мне, дону Горацио Нуньес де Бальбоа? Вы оплатитесь за это, жестоко оплатитесь! И немедленно же!

В эту секунду студент-богослов осторожно протиснулся между алькальдом и священником и, отвесив почтительный поклон капитану, вкрадчиво произнес:

— Прошу прощения, сеньор командир, вы хотели бы захватить дона Хосе Морено и дона Энкарнасиона Ортиса?

Взглянув на молодого человека и услышав его голос, алькальд и священник невольно вздрогнули.

— А этот пройдоха откуда взялся? Ему что здесь нужно? — удивленно вскричал капитан.

— Я не пройдоха, сеньор капитан, а бедный студент-богослов, — смиренно сказал молодой человек. — Я только что приехал в крепость, чтобы провести несколько дней у моего дяди, почтенного дона Рамона Очоа.

— О! Вы успели в самый раз, сеньор студент! Вы сможете сейчас полюбоваться, как вашего дядю вздернут на виселицу! — сказал офицер. — Но скажите, пожалуйста, какая связь между вашими словами и тем делом, которое мы здесь разбираем?

— Если вы пожелаете, сеньор капитан, я могу дать кое-какие сведения по этому вопросу.

— Вот как! Ну-ка, слушаем!

---

* Франсиско Хавьер Мина — испанский либерал; возглавлял борьбу против деспотизма в Новом Свете, оказал помощь мексиканцам в их борьбе за независимость. Был расстрелян испанцами в 1817 году.

— Мне кажется, я встретил всего за несколько лье отсюда тех двух людей, которых вы ищете.

— Морено и Ортиса? — мгновенно заинтересовавшись, вскричал капитан.

— Скажем прямо, сеньор капитан: что касается дона Энкарнасиона Ортиса, я вполне уверен. Но дон Морено... тут дело обстоит иначе.

— Как так?

— Вы должны хорошо знать — ведь вы работали тигреро на их асиенде, — сказал студент с легкой насмешкой, — что и отец, и сын носят одно и то же имя. О котором из них вы говорите?

Офицеры сдержанно засмеялись при этом неприятном для капитана напоминании, сделанном лукавым и робким студентом с таким наивным видом, что он мог привести в отчаяние даже святого.

Капитан прикусил губу и бешеным взглядом заставил замолчать этих весельчаков.

— Кажется, этот плут издевается надо мной! — В голосе его послышалась угроза.

— Ни в коем случае, сеньор капитан, я лишь стараюсь дать вам те сведения, которые вы желаете получить.

— Гм!.. Значит, ты знаешь этих людей?

— Почти так же хорошо, как вы, хотя я и не был у них на службе.

— Опять! — вскричал капитан. — Берегись, мошенник! У тебя слишком длинный язык! Он не доведет тебя до добра!

— Если вы приказываете, я замолчу.

— Говори. Но ограничивайся только ответами, без комментариев. Кто из них, отец или сын, был с Энкарнасионом Ортисом?

— Сын.

— Ты уверен в этом?

— Вполне.

— Женщины с ними не было?

— Не было.

— Куда они направлялись?

— В асиенду де ла Каха.

— Так близко отсюда?

— Да, не более двух лье. Они, вероятно, не знают, что вы здесь, иначе побоялись бы приблизиться сюда.

— Конечно. Много ли народу было с ними?

— Сотня ранчерос* — не больше.

— Женщин не было?

Молодой человек, казалось, смутился:

— По-моему, нет, — сказал он.

— Гм... Ты в этом не уверен. Выслушай меня внимательно. Все то, что ты сказал, может быть, и правда. Я бы не выполнил своего долга, если бы не принял этого во внимание. Но это может быть и ложью, так как, по-моему, ты очень хитрый плут: в этом случае ты заслуживаешь наказания. Поэтому я хочу иметь тебя под рукой, чтобы я мог или наградить тебя, или наказать, смотря по обстоятельствам. Ты поведешь нас.

— Не желаю ничего лучшего, сеньор капитан, тем более, что я не люблю этих двух людей и был бы рад сыграть с ними злую шутку.

— Хорошо. Тебя предупредят, когда наступит время. До тех пор не покидай дома алькальда, если дорожишь своей головой.

— Повинуюсь.

— А к вам, сеньоры, — сказал капитан алькальду и священнику, — я проявлю снисходительность в ожидании более полных донесений. Возвращайтесь к себе и следите главным образом за тем, чтобы мои солдаты были обеспечены едой и питьем. Ступайте!

Затем, обернувшись к солдатам, стоявшим вокруг него, он резко приказал:

— Следующих!

---

* Ранчеро — мелкий фермер.

Энкарнасион Ортис

Алькальд дон Рамон Очоа и священник Линарес, счастливые, что так дешево отделались, поспешили затеяться в толпе.

Студент-богослов тихо следовал за ними, ведя на поводу своего мула.

Путь от главной площади до дома священника они прошли в молчании. Спутники словно боялись обмениваться мыслями. У священника был чудесный домик. Он стоял в глубине сада, скрытый густой массой цветов и листвы.

Студент поручил своего мула пеону и, не дожидаясь приглашения, последовал за алькальдом и священником в низкий зал. Здесь все напоминало о недавнем совещании испанских солдат: мебель была в полном беспорядке, соломенные циновки сорваны и разбросаны по комнате.

Когда студент, войдя в комнату, притворил за собой дверь, сеньор дон Рамон задвинул засов, положил ключ от двери в карман и, подойдя вплотную к студенту, резко спросил:

— Теперь, кабальеро, надеюсь, вы скажете нам, кто вы такой?

— Кто я? — смеясь, ответил молодой человек. — Боже мой! Ваш почтительнейший племянник, дорогой дядюшка!

— У меня нет племянника, сеньор, и вы это знаете, может быть, лучше, чем кто-либо другой. Прекратите свои шутки! Сейчас, по-моему, не время веселиться!

— Скажите прямо, кто вы такой? — сказал священник.

— Хорошо. Но прежде я должен быть уверен в своей безопасности.

— Что вы хотите этим сказать?

— А-а! Вот видите, сеньоры, спрашивать легче, чем отвечать! — шутливо сказал студент, непринужденно развалившись в кресле.

— Я вас не понимаю, — сказал священник.

— Я тоже, — добавил алькальд.

— Скажу яснее. За кого вы?

— Что такое? — переспросил священник.

— Что вы сказали?! — воскликнул алькальд.

— Одним словом, вы за короля или за народ?

— О, черт! — ответил алькальд. — Вопрос серьезный!

— Трудный вопрос, — сказал священник.

— Очень сожалею, но не могу сказать вам более подробно о себе, сеньоры, пока не получу от вас откровенный и точный ответ.

Наступило короткое молчание. По-видимому, алькальд и священник раздумывали. Студент наблюдал за ними искоса, делая вид, что очень занят раскуриванием своей сигареты.

— А если вы окажетесь предателем? — спросил дон Рамон прямо.

— Не говорите глупостей, сеньор алькальд, — ответил молодой человек.

— Ну, знаете... Вы предложили испанскому офицеру помочь ему захватить дона Хосе Морено и дону Энкарнасиона Ортиса. Признаюсь, это не вызывает во мне доверия, которого вы требуете.

Молодой человек разразился хохотом без всякого уважения к своим почтенным хозяевам.

— Ну что ж! — сказал он. — Я вижу, мне придется показать пример откровенности.

— Посмотрим! — ответил алькальд, делая незаметный знак священнику.

— Смотрите! — С этими словами молодой человек сбросил одновременно шляпу и парик, доходивший ему почти до глаз.

Лицо молодого человека мгновенно изменилось. Это было настоящее театральное превращение.

— Энкарнасион Ортис! — В крике алькальда и священника удивление смешивалось с ужасом.

— Я самый, сеньоры! — ответил молодой человек, продолжая смеяться. — Но, пожалуйста, говорите тише. Положение мое сейчас небезопасно.

— Несчастный! — вскричал священник, горестно всплеснув руками. — Бог мой, какая неосторожность! Что, если вас узнают?

— Меня повесят! — беспечно ответил Ортис. — Но дело не в этом. Что ж, вы и теперь откажетесь мне отвечать?

— Конечно, нет. Мы будем так же откровенны, как вы, — ответил алькальд. — Я за народ.

— А я за Бога и за мою страну, — сказал священник.

— Я это знал, сеньоры, — сказал молодой человек, снова надевая парик и шляпу. — Вот почему я не побоялся прийти к вам. Но прежде всего, дорогой дон Рамон, дайте приказ, чтобы все спиртные напитки, какие только можно найти в деревне, были отправлены на Главную площадь! Раздайте тамариндос и мескаль, и рефиньо. Я объясню вам потом, для чего это нужно.

— Согласен. Я займусь этим немедленно, дорогой дон Энкарнасион. Мое доверие к вам так велико, что я даже не пытаюсь угадать ваши намерения.

— Вы можете быть спокойны: я борюсь за справедливое дело. Возвращайтесь поскорее — времени мало, а нам надо принять важные решения. Когда вы вернетесь, я открою вам мой план. Я надеюсь, что вы его одобрите.

— Мне нужно четверть часа — это не много?

— Нет, ступайте, я жду вас здесь. Во время вашего отсутствия мы побеседуем с падре.

Алькальд торопливо ушел — ему хотелось поскорей вернуться.

— Сейчас мы одни, — сказал молодой человек, пристально глядя на священника. — Вы ведь знаете, что кроме интересов родины, которые привели меня сюда, есть еще одна причина, заставившая меня пробраться в эту крепость.

— Я понимаю, о чем вы говорите, дон Энкарнасион. Свое обещание я честно выполнил.

— Значит, донья Линда и ее отец...

— Находятся в безопасности. С момента появления испанцев я и дон Рамон укрыли их в верном месте. Оно было приготовлено заранее, и о нем знаем только мы.

— Можете ли вы поклясться, что они не рискуют быть обнаруженными в этом месте?

— Клянусь вам моим вечным спасением, сеньор! — ответил священник твердым голосом.

— Я вам верю, так как знаю, что вы преданы им. Вам известно, что этот капитан Бальбоа и его шайка — вовсе не испанские солдаты, а просто бандиты последнего сорта?

— Я так и думал, видя, что они творят в нашей несчастной деревне! Но что делать?

— Терпение. Я знаю, что привело сюда этого Бальбоа.

— Страсть к грабежу?

— Да, но и страсть к донье Линде!

— О небо! Возможно ли это? — с ужасом вскричал священник.

— Успокойтесь. Если Бог привел меня сюда, значит, он не хочет, чтобы замыслы этого бандита осуществились. Могу я увидеть дона Хосе Морено и его очаровательную дочь?

— Это было бы неосторожно, сеньор дон Энкарнасион. Поймите, этот негодяй Бальбоа будет неустанно следить за вами. Если случай откроет ему ваше имя, все будет кончено и для них, и для вас.

— Что мне смерть! — с горечью воскликнул молодой человек.

— Да, сеньор дон Энкарнасион Ортис, — ответил священник с такой торжественностью, которая подействовала отрезвляюще на пылкого молодого человека, — да, смерть — ничто, когда она приходит в свой час, когда дело, которому человек посвятил свою жизнь, выполнено, и он может без страха предстать перед судом Господним!

— Вы правы, я подожду, раз это нужно, — ответил молодой человек, внезапно успокоенный суровой отповедью. — Но тотчас же, как только наше дело будет закончено, клянусь Богом!..

— Тогда вы поступите так, как вам будет угодно. Я даю вам слово, что не буду удерживать вас, а, наоборот, буду помогать вам во всех ваших делах по мере возможности.

— Я рассчитываю на ваше слово, сеньор падре.

— Я всегда буду готов выполнить его.

— Спасибо! Теперь будем думать только о нашем святом деле.

— Увы... — печально сказал священник.

Дверь открылась, вошел алькальд.

— Уже вернулись! — радостно вскричал молодой человек.

— Вы видите, я не терял времени, дон Энкарнасион.

— Нет, напротив, вы проявили удивительную быстроту. Но скажите мне: достойные тамариндос получили достаточное количество вина?

— Я велел отправить на Главную площадь столько водки, что можно допьяна напоить целый полк тамариндос!

— Отлично, дон Рамон! Чем больше они выпьют, тем лучше.

— Я не совсем вас понимаю, сеньор Ортис.

— Пусть это вас не беспокоит. Вскоре вы меня поймете, я вам это обещаю. А что, солдаты очень пьяны?

— О да! Они были достаточно пьяны уже до моего прихода, как вы сами убедились в этом. Думаю, что водка, посланная мною сейчас, окончательно свалит их с ног.

— Посмотрим! Теперь выслушайте меня оба и запомните мои слова, так как время идет и я не успею их повторить. Я решил этой же ночью уничтожить эскадрон капитана Бальбоа. Слишком уж долго этот проклятый га-чупин разоряет и грабит провинцию! Пора положить этому конец! Я получил приказ конгресса покончить с ним немедленно. Отступление невозможно, нужно действовать любым способом.

— Это очень трудно.

— Не так трудно, как вы полагаете. Мною приняты все меры, но для выполнения моего плана я нуждаюсь в вашей помощи.

— Она вам обеспечена безоговорочно, но что нужно делать? — ответил с некоторым сомнением алькальд.

— Почти ничего. Сегодня вечером все тамариндос, очевидно, будут пьяны. Что может быть легче, чем захватить их лошадей и оружие?

— Я не согласен с вами. Да, многие будут пьяны, это верно, но найдутся среди них и другие солдаты — вооруженные и хорошо дисциплинированные, и они, под командой офицеров, легко возьмут верх над нашими бедными индейцами.

— Вот об этом я и хотел поговорить, дон Рамон. Скажите, все ли заставы в деревне закрыты?

— Все. Более того, они охраняются сильными отрядами испанцев.

— Однако мне помнится, что существует ров, через который можно проникнуть в деревню, не будучи замеченным.

— Это верно.

— И он не охраняется?

— Конечно! Испанцы не знают о нем.

— В таком случае поставьте в этом месте верного человека, и ровно в десять часов вечера отряд из ста пятидесяти всадников, во главе которого будем я и дон Педро Морено, проникнет через этот ров и окажет вам помощь.

— Значит, ваша квадрилья действительно находится в окрестностях деревни?

— Конечно. Лучшая дисциплина — это правда. Поэтому я сказал капитану Бальбоа именно правду. Только не он захватит врасплох нас, а мы его!

— Ах! Хвала Богу! — вскричал алькальд. — Это будет великолепно!

— Не правда ли? И хорошо придумано!

— Безусловно, но я вижу серьезное препятствие к выполнению этого замысла.

— Какое?

— Ведь именно вы должны служить проводником тамариндос в их экспедиции.

— О! Не беспокойтесь! Это я беру на себя. А теперь, когда мы обо всем договорились, до свиданья, сеньоры!

— Как? Разве вы с нами не пообедаете?

— Может быть, и пообедаю, — смеясь, ответил дон Энкарнасион, — но я предпочитаю, чтобы меня пригласил испанский начальник.

И он стремительно вышел, приведя в ужас своих соучастников смелостью и непоколебимой уверенностью в успехе такого рискованного дела.

Едва студент сделал несколько шагов от дома, как совершенно неожиданно очутился лицом к лицу с командиром отряда, шедшим в сопровождении своих офицеров.

— А-а! Сеньор студент! — сказал капитан, останавливая его. — Куда вы направляетесь?

— Если говорить правду, сеньор командир, — ответил Энкарнасион Ортис, лукаво смеясь, — я в поисках обеда.

— Обеда? А ваш дядя, этот достойный алькальд, разве он...

— Мой дядя, — прервал его, улыбаясь, молодой человек, — выставил меня за дверь, предложив мне попросить обед у моих добрых друзей испанцев, — я вам повторяю его собственные слова, не изменяя в них ничего.

— А-а! — Командир нахмурил брови. — Он так ска-

зал, этот почтенный алькальд? Хорошо, пусть так и будет — ваши добрые друзья испанцы приглашают вас пообедать. Только обед состоится у вашего дяди, и — клянусь Богом! — он обойдется ему недешево!

— Браво, это очаровательно! — воскликнули, смеясь, офицеры.

— Вы оказываете мне много чести, сеньор командир, — ответил молодой человек с притворным смущением, — но, право, я не знаю, могу ли я принять ваше любезное приглашение...

— Почему, сеньор студент?

— Мне не хочется окончательно поссориться с дядей. Он богат, я — его единственный наследник... А после того, что между нами сейчас произошло, скажу вам правду, я боюсь...

— Та, та, та! — весело перебил офицер. — Вы чудесный малый, вы мне нравитесь, и я помирю вас с дядей, будьте спокойны.

— Если так, то я следую за вами, капитан!

— Идем! Вы увидите, что он примет вас хорошо.

Пять минут спустя капитан дон Горацио де Бальбоа вошел в дом алькальда в сопровождении своих офицеров и Энкарнасиона Ортиса; последний, смеясь в душе, продолжал притворяться очень смущенным.

Дон Рамон Очоа был неприятно поражен этим новым вторжением. Он не мог себе объяснить присутствие Энкарнасиона Ортиса; но, обменявшись с ним коротким взглядом, он несколько успокоился и принял злополучных гостей с самой изысканной вежливостью, хотя внутренне проклинал их от всего сердца.

— Сеньор алькальд, — сказал капитан в ту минуту, когда дон Рамон был готов спросить у него о причине их прихода, — не более часа назад вы уверяли меня в вашей преданности королю, и я хочу публично доказать, что доволен вами. Поэтому я пришел к вам обедать и привел с собой моих офицеров и вашего племянника, которого вы, по-видимому, плохо приняли. Прошу вас помириться с ним, если хотите доставить мне удовольствие!

— Уверяю вас, дорогой дядя, — почтительно сказал молодой человек, — я сожалею о моих ошибках и смиренно прошу вас простить меня.

— Ну, вот и все! — сказал испанец. — А теперь покажите подавать обед.

— Я могу вам предложить лишь очень скромный обед, сеньор.

— Мы им удовольствуемся, если он предложен от чистого сердца.

— Хочу думать, что в этом вы не сомневаетесь.

Офицеры уселись, и два педона по приказу хозяина принялись поспешно накрывать на стол.

В ожидании обеда алькальд приказал подать прохладительные напитки.

Под предлогом помощи своему дяде в хозяйственных хлопотах молодой человек успел, не возбуждая подозрений, шепнуть ему несколько слов, которые полностью успокоили дон Рамона и вернули ему присутствие духа и хорошее настроение.

Наконец обед был подан. Испанские офицеры весело заняли места за столом, ломившимся от яств.

В начале обеда офицеры вели себя пристойно. Студент-богослов пил мало, но зато усердно подливал другим. Вскоре гости основательно опьянели. Они начали зло высмеивать мятежников, издевались над алькальдом и бросали по его адресу едва скрытые угрозы.

Но этим дело не кончилось. Офицеры, возбужденные выпитым вином, нашли себе забаву: они стали бить тарелки, бутылки и стаканы, швыряя их об стену; за посудой полетела мебель и картины. Начался разгром дома.

Дон Горацио де Бальбоа не только не подавлял беспорядка, но, наоборот, подавал всем дурной пример. Один из офицеров, более пьяный, чем остальные, не зная, какое еще зло причинить несчастному хозяину, предложил поджечь дом.

Боясь выдать свое негодование, алькальд решил уйти и предоставить хищникам свободное поле деятельности.

Никто даже не заметил его отсутствия. Разгром продолжался, смех и веселые крики становились все громче.

Внезапно, в разгар оргии, офицеры услышали церковный звон.

— Что это там? — спросил удивленно капитан.

— Пустяки! — сказал Энкарнасион. — Это священник, конечно, благодарит Бога за ваше прибытие в деревню.

— Ну и черт с ним! — ответил дон Горацио. — Но где же наш хозяин? — добавил он, заметив отсутствие алькальда.

— Он сейчас вернется.

— Молодой человек, — продолжал с пьяной важностью капитан, — нельзя бросать своих гостей! Ступайте за своим дядей и приведите его сюда!

— Иду! — ответил студент, быстро вставая из-за стола.

— И если он откажется идти, принесите его! А пока — выпьем!

— Выпьем! — повторили хором офицеры.

Дон Энкарнасион поспешил воспользоваться полученным разрешением и быстро вышел.

Попойка, на момент прерванная, возобновилась с новой силой. Офицеры пели и кричали, перебивая друг друга. В зале стоял дикий шум.

Все это так не вязалось с обычно тихим домом алькальда!

Донья Линда

Дон Энкарнасион Ортис быстро нашел алькальда; тот с озабоченным видом шагал взад и вперед перед домом.

— Ну что там? — спросил он.

— Пьянство в самом разгаре. Если ничто не помешает, они будут сидеть там сутки! Я сказал, что уйду за вами.

— Я должен вернуться?

— Боже сохрани! Наоборот, оставим этих пьяниц и воспользуемся передышкой, которую они нам дают.

— Что же нужно делать?

— Прежде всего отвести меня к дону Хосе Морено и его дочери.

— За нами не следят?

— Нет. Во всяком случае — сейчас... Поспешим!

Алькальд, никак не ожидавший такой настойчивости, пристально поглядел на молодого человека.

— Вы уже просили об этом падре Линареса, — нерешительно сказал он.

— Да, но как вы об этом узнали?

— Он сам мне сказал.

— А-а! Лучше бы он помолчал.

— Почему?

— Я знаю, что говорю... Но дело не в этом. Я должен их увидеть во что бы то ни стало!

— Вы хотите сказать им что-то очень важное?

— Чрезвычайно важное, поверьте мне, друг мой!

— О Боже! Что же делать? — пробормотал алькальд.

— Повторяю: немедленно отвести меня к ним!

— А вы не боитесь, что офицеры...

— Я же сказал вам — они ничего не соображают! Про-

водите меня скорей к нашим друзьям, мне необходимо увидеть их и говорить с ними.

— Хорошо, идемте, раз вы этого требуете. Но если случится беда...

— За все отвечаю я. Будьте спокойны. Это далеко отсюда?

— В двух шагах.

Разговаривая, они вышли на узкую улицу, ведущую к реке, и остановились перед низким темным строением.

— Здесь, — сказал алькальд.

— В этой лачуге!? — воскликнул пораженный молодой человек.

— А вы считаете, что дворец был бы для них более надежным убежищем? — иронически спросил дон Рамон.

— Вы правы. Войдем.

Алькальд осмотрелся, убедился, что за ними никто не следит, приблизился к двери дома, трижды постучал палкой и тихо сказал:

— По ночам шакалы бродят вокруг жилищ.

— Не нужно выходить по ночам, — тотчас ответил голос из-за двери.

— Или нужно быть вооруженным, — возразил алькальд.

— Но где взять оружие? — слышался вопрос.

— У друзей, — сказал алькальд.

Алькальд и Ортис слышали, как в домике отодвигается засов, поворачивается ключ в замке; дверь приотворилась, но лишь на несколько дюймов. В Мексике, где так часты ночные нападения, привыкли держать двери на короткой цепочке, прикрепленной изнутри двумя крючками.

В дверь боязливо просунулась голова старого негра; его лицо все еще выражало тревогу. Увидев на улице двух мужчин, он отшатнулся; чтобы его успокоить, дон Рамон поспешил заговорить с ним.

— Эй, дядя Канучо, — сказал он, поставив ногу между дверью и наличником, мешая негру запереть дверь, — ты меня не узнаешь?

— А-а! Сеньор алькальд! — ответил старый негр. — Но мне кажется, что вы не один? — нерешительно добавил он.

— Я не один, со мной друг... Но впускай же нас скорей, глупый старик, у нас есть дело к твоему хозяину! Да и не стоит в наше время говорить на улице.

Старый негр, ворча про себя, снял цепь и посторо-
нился.

Мужчины наконец вошли; дверь немедленно закрылась
за ними.

Они пересекли не только сагуан^{*}, но и патио^{**} и вошли
в кораль, даже не приблизившись к дому.

— Куда мы идем? — тихо спросил Энкарнасион, беспо-
койно озираясь.

— Терпение, терпение! — так же тихо ответил дон Ра-
мон.

Старый негр ввел их в полуразрушенный сарай, тща-
тельно запер за ними изгородь, заменявшую дверь, потом
взял метлу и отбросил в сторону кучу маисовой соломы.

Между двух камней в полу показался едва заметный
гвоздь.

Негр наклонился, с силой выдернул гвоздь, и тотчас же
часть стены опустилась примерно на десять футов и ис-
чезла в незаметном углублении, открыв первые ступени
винтовой лестницы, стиснутой двумя близко стоящими
стенами.

— Что за дьявольщина? — пробормотал Энкарнасион.

— Идем, — сказал алькальд и первый стал поднимать-
ся по ступенькам.

Энкарнасион немедленно последовал за ним.

Старый негр передал им фонарь и, убедившись, что
они находятся на лестнице, снова поднял стену; она за-
крылась; негр остался снаружи.

— Так! Вот мы и заперты! — не удержавшись, сказал
дон Энкарнасион.

— Успокойтесь, ненадолго.

— Чего я могу бояться, если вы со мной, друг мой? Но
мне грустно видеть все эти предосторожности — они так
ясно доказывают ужасное положение нашей несчастной
родины.

Пройдя двадцать пять ступеней, они очутились перед
крепкой железной решеткой, которую алькальд открыл,
нажав потайную пружину, и попали в просторный кори-
дор; в конце его они увидели и вторую решетку; алькальд
открыл ее так же, как и первую.

Затем они резко повернули влево, но не успели пройти

---

* Сагуан (исп.) — сени.

** Патио (исп.) — внутренний дворик.

и десяти шагов, как перед ними возникла глухая стена. На этот раз препятствие казалось непреодолимым.

— Остановимся на минуту, — сказал алькальд.

— Тем более что ничего другого мы сделать не можем! — шутливо заметил Энкарнасион.

— Не волнуйтесь, — улыбаясь, ответил дон Рамон. — Те, к кому мы идем, знают о нашем приходе с того момента, когда мы стали на лестницу. Они не заставят нас долго ждать.

— Ах, так! Но где же мы, дон Рамон? Должен сознаться, что я даже не подозревал о существовании этого таинственного убежища, хотя, как вы знаете, мое детство прошло в этом селении или, по меньшей мере, вблизи от него.

— У этого убежища, как вы его называете, мой друг, очень древнее происхождение, уверяю вас, — оно существовало в самом начале завоевания Мексики.

— Неужели это одно из тех таинственных мест, где индейцы прятали свои богатства?

— Не совсем так, хотя вы ближе к истине, чем думаете. Вы знаете, что индейцы только считаются христианами, на самом же деле они — язычники, и многие из них еще выполняют обряды своей старой религии.

— Да, но должен признаться: я мало занимался этими вопросами.

— Индейцы твердо верят в то, что их несчастный император Монтесума, погибший во время бунта против испанцев, был вознесен на небо. Они ждут того дня, когда он возвратится на землю, чтобы освободить свой народ от иностранного ига и вернуть империи инков ее бывшее величие.

— Об этом веровании я часто слышал.

— Если хотите, я расскажу вам эту легенду. У нас есть несколько свободных минут.

— С удовольствием. Ведь нам действительно больше ничего не остается делать.

— Монтесума, что означает на языке индейцев «Суровый Властитель», был слабохарактерным и чрезвычайно суеверным человеком. Внезапное появление испанцев привело его в ужас из-за странного пророчества, гласившего, что с северо-запада на больших крылатых домах появятся белые бородатые люди и разрушат мексиканскую империю. Всеми возможными способами Монтесума

пытался избавиться от этих иностранцев. Но, к несчастью для императора, испанцев возглавлял авантюрист Кортес, которого фанатическое упорство и жажда золота сделали великим полководцем и гениальным дипломатом. Не буду посвящать вас во все детали этой баснословной героической эпопеи, называемой завоеванием Мексики. Кортес вошел в столицу империи, как друг, но вскоре сделался ее властелином. Опасаясь восстания, он добился того, что слабый монарх сам сдался ему в руки и превратился фактически в пленника, хотя ему оказывали внешние почести.

— Вы мне читаете полный курс истории, — смеясь, сказал дон Энкарнасион, — но раз у нас есть время...

— Послушайте дальше, — продолжал алькальд. Как-то император был особенно задумчив и лишь односложно отвечал окружавшим его вельможам. Потом он резко поднял голову и движением руки потребовал внимания. «Друзья мои, — произнес он, — сегодня ночью мой отец Солнце явился мне и сказал, что время моего пребывания на земле истекло и я должен вскоре вернуться к нему. Как произойдет это событие, не знаю, но предчувствую, что оно близко». При этих словах, произнесенных с горькой печалью, окружающие его касики заплакали. Он ласково улыбнулся и, успокаивая их, сказал: «Друзья! Я — сын Солнца. Значит, я не умру, а возвращусь к моему отцу! Осушите слезы и возрадуйтесь, что я скоро освобожусь от ига бородатых людей. Мой отец меня призывает — так велит судьба. Никто не может противостоять этим неуязвимым людям, самовольно распоряжающимся небесным огнем. Но их могущество будет недолгим! Запомните хорошо эти слова и в точности исполняйте мои последние заветы, ибо от вашего повиновения зависит спасение нашей дорогой родины. Из всех сокровищ, которыми я обладал, осталось одно — священный огонь, некогда зажженный самим Солнцем; на него белые не посмели поднять кощунственную руку. Этот огонь — вот он! — горит в золотой курильнице; возьмите его и пронесите под вашими плащами, чтобы тираны не смогли его обнаружить. Пусть каждый из нас сохранит, как святыню, частицу этого огня. В тот день, когда время испытаний окончится, я вновь появлюсь рядом с моим отцом на лазоревых облаках. И вы возрадуетесь, ибо я освобожу вас от ваших угнетателей!» Мексиканские вельможи повиновались императору и удалились, унося священный огонь. Когда через не-

сколько дней император умирал от случайного удара камнем, его последние слова были: «Мексиканцы! Огонь! Помните об огне!» Напрасно испанцы, напуганные словом «огонь», опасаясь измены, старались открыть, что означает это мистическое указание, — тайна была благоговейно сохранена, и испанцам не удалось разрешить эту загадку. Но так как инквизиция преследовала с неумолимой жестокостью все, что напоминало идолопоклонство, — хранители священного огня прятали его в надежных убежищах. Сейчас мы находимся с вами в одном из этих тайников, сооруженном предком Хосе Морено.

— Но ведь это было давно. Священный огонь, наверно, погас?

— Вы ошибаетесь. Он горит и сейчас: дон Хосе Морено ведь происходит от королей Тескуко, родственных семье последнего императора.

— Это правда, я забыл об этом. Так вы думаете...

— Я в этом уверен! Я сам индеец, и дон Хосе давно посвятил меня в эту тайну. Но — тише! Идут! Ни одного слова о том, что я вам сказал.

— Я вам это обещаю.

Действительно, в этот момент легкий шум послышался позади стены, часть которой отделилась цельной глыбой и открыла широкий проход.

— Пойдемте, — сказал алькальд.

Их ждал слуга с факелом; он повел их различными переходами и через несколько минут остановился перед дверью, в которую и постучал.

— Войдите, мы вам рады, — послышался голос из-за двери.

Дон Рамон открыл двери и в сопровождении дон-Энкарнасиона вошел в комнату, где находились старик и молодая девушка.

Старик был высокого роста, примерно лет семидесяти; благородные черты лица, помрачневшего от горя, выражали доброту и внушали уважение; волосы, белые, как снега Чимборасо*, падали в беспорядке на его плечи.

Молодая девушка, лет семнадцати, была стройна и грациозна; в ее больших голубых глазах как будто отражалась небесная синева. Когда она смеялась, то казалось,

---

* Чимборасо — одна из величайших вершин южно-американских Кордильер; верхняя часть Чимборасо покрыта вечным снегом.

что между розовыми губами сверкает жемчуг; пепельные шелковистые волосы вились вокруг очаровательного лица; на ней было белое платье, стянутое в талии широкой голубой лентой, и кружева, небрежно наброшенные на плечи; ее ножки, маленькие, как у ребенка, были обуты в легкие туфельки.

Это была донья Линда, имя которой означало по-кастильски «прекрасная», и ее отец, дон Хосе Морено.

Увидев алькальда, дон Хосе протянул ему руку.

— Еще раз приветствую вас, друг мой! — сказал он. — Очень жалею, что подагра приковала меня к постели и не дает мне возможности выйти к вам навстречу. Но кого вы привели к нам? — продолжал он веселым тоном. — Я вижу — друга!

— Энкарнасион! — вскричала донья Линда, радостно устремляясь навстречу молодому человеку.

— Довольно, милая, довольно! — сказал, смеясь, старик. — Успокойтесь, пожалуйста! Разве можно так бросаться в объятия красивого юноши, даже если он — ваш жених?

Молодая девушка остановилась, сконфуженная и покрасневшая.

— Благословите солдата, — сказал Энкарнасион, почтительно преклонив колено перед стариком.

— К сердцу, к сердцу, дорогой мой! — вскричал дон Хосе, с нежностью прижимая его к груди.

— Неужели вы не простите Линду, кузен? Я так ее люблю!

Старик улыбнулся, услышав такое оригинальное извинение, и обнял с нежностью обоих молодых людей.

— Итак, — весело сказал алькальд, усаживаясь в кресло, — я вижу, что не совершил неловкости, приведя сюда Энкарнасиона! А у меня было это опасение.

— Вы добрый и достойный друг, Рамон, вы мне доставили самый приятный сюрприз, и я благодарю вас от всего сердца.

— Значит, все прекрасно. Должен признаться, монсеньер, что я долго колебался, прежде чем согласиться исполнить просьбу вашего родственника.

— Я знаю вашу осторожность.

— В данных обстоятельствах всякая предосторожность обязательна. Эти проклятые гачупины разыскивают патриотов глазами рыси, их шпионы повсюду.

— Будем надеяться, что хотя бы на этот раз вы их сбили со следа, — сказал дон Хосе.

— Дай Бог, монсеньер, — произнес алькальд, — иначе я был бы безутешен.

— Что нового, Энкарнасион? — спросила донья Линда.

— Увы, Линда, наше дело освобождения более чем когда-либо в опасности, — со вздохом сказал дон Энкарнасион.

— Неужели вы начали сомневаться?! — вскричала она, гордо взглянув на него.

— О нет! — возразил он. — Но, простите меня, в моем распоряжении лишь несколько минут и...

— Как! Вы уже покидаете нас? — воскликнули и отец, и дочь.

— Поверьте, я делаю это против моего желания. Я только хотел лично убедиться в вашей безопасности. Теперь я успокоился. Меня призывает мой долг, хотя мне очень хотелось бы побыть еще с вами!

— Вы уходите? — печально сказала молодая девушка.

— Увы! Это необходимо. Я должен сегодня же ночью сделать попытку внезапного нападения. Если это удастся, мы освободимся от проклятых испанцев.

— Знаете вы их начальника, Энкарнасион?

— Немного, кузен. Это некий Горацио де Бальбоа — так он пышно себя именует, — один из ваших прежних тигреро, не так ли?

— Да, мой друг, это так. Остерегайтесь этого человека, он — дьявол! Он вторгся в эту деревню только затем, чтобы захватить мою дочь и меня, я убежден в этом.

— О-о! — воскликнул молодой человек, угрожающе сдвинув брови. — Благодарю вас, кузен, за сведения. Тот человек и раньше был мне отвратителен, но теперь, клянусь Богом, пусть он не ждет пощады!

— Энкарнасион, этот человек осмеливается поднять глаза на мою дочь, вашу невесту, и более того, — добавил тихо старик, наклонившись к его уху, — он знает или, по крайней мере, подозревает о нашей тайне.

Энкарнасион побледнел.

— Положитесь на мою честь, кузен. Если этот человек знает нашу тайну, он умрет, — сказал он глухим голосом.

— Вы нас спасете, не правда ли, Энкарнасион? — вскричала молодая девушка.

— Клянусь вам, Линда, я сделаю это сегодня же ночью! Время не ждет, и я не хочу оставлять вас под угрозой оскорблений этого бандита. Я пришел к вам не только из-за моего беспокойства за вас, но и чтобы договориться по этому поводу... В состоянии ли вы сесть на лошадь, дон Хосе?

— Если нужно, заставлю себя. Разве я не старый солдат?

— Так будьте готовы отправиться по первому сигналу. Через два часа вы обо мне услышите.

— Да хранит вас Бог, Энкарнасион, в тех опасностях, которые вам грозят!

— И пусть он вам поможет, Энкарнасион! — сказала молодая девушка, подставляя ему лоб для поцелуя.

— Это даст мне силы! — весело сказал Энкарнасион, целуя ее.

— Еще одно слово, милый!

— Говорите, кузен.

— Вы мне ничего не сказали о моем сыне.

— Правда! — смеясь, ответил он. — Меня так обрадовала встреча с вами, что я забыл о своем друге!

— С ним ничего не случилось?

— Вы увидите его сегодня же ночью.

— Значит, он близко от нас?

— Он меня ждет.

— Время отправляться, — напомнил алькальд.

— Еще мгновение, Энкарнасион!

— Опоздание все может погубить.

— Тогда уходите, до скорой встречи!

— До скорой встречи! — вскричал Энкарнасион и поспешно вышел за доном Рамоном.

Экспедиция

Следуя за доном Рамоном, Энкарнасион вскоре оказался на улице. Через четверть часа, расставшись с алькальдом, он вернулся в дом; к этому времени там все окончательно перепились.

Молодой человек бесшумно вошел в зал, очень ловко втерся в группу гостей — ни один даже не взглянул на него — и уселся за стол рядом с офицерами. Никто не заметил, что он отсутствовал больше часа. Испанцы дошли до такой степени опьянения, когда люди ни на что уже не обращают внимания.

Мгновенно оценив окружающую обстановку, Энкарнасион решил, что наступил момент действовать. Подойдя к капитану, он тихо сказал ему:

— Разрешите, командир? Одно слово!..

— Говорите, друг мой, — ответил тот, откидываясь в кресле.

— Позвольте вам заметить, что вы как будто совершенно потеряли память.

— Что? Что вы хотите этим сказать?

— Ведь этой ночью нам предстоит экспедиция!

— Вы правы, черт меня возьми! — вскочив, закричал капитан.

— Успокойтесь, — сказал Энкарнасион, осторожно водворяя его на место. — Время еще не наступило. Если вы мне доверяете, я предлагаю подождать. Пусть те, кого мы хотим захватить, уснут покрепче.

— Да-да! Мы двинемся через час.

— А не лучше ли, капитан; прежде всего проверить расположение противника?

— Гм!.. Хорошая мысль, — произнес дон Горадио с важностью пьяного человека. — Но кто приведет ее в исполнение? Я не вижу здесь ни одного человека, который...

— А я? Ведь я здесь!

— Ну, конечно, ведь вы здесь!.. Действительно, почему бы вам не заняться этим?

Энкарнасион с трудом удержался от радостного восклицания.

— Я счастлив служить вам, капитан, — сказал он.

— Молодой человек, вы служите не мне, а королю!

— Моя жизнь принадлежит ему!

— Хорошо сказано! Я вижу, что сделаю из вас человека!

— Я надеюсь на это, — иронически улыбаясь, ответил Энкарнасион.

— Итак, решено: вы отправитесь в разведку и привезете известия оттуда.

— А вы, командир, не трогайтесь с места до моего возвращения!

— Здесь еще много полных бутылок! — величественно произнес капитан.

Энкарнасион как уж скользнул между офицерами и вышел из зала. Он дважды повернул ключ в замке, положил его в карман и, уверенный, что испанские офицеры не выйдут из дома, побежал по направлению к Главной площади.

Там, среди беспорядка и разгрома, спали пьяные солдаты. Энкарнасион бросил на них презрительный взгляд и продолжал свой бег.

Улицы крепости были пусты, закрытые окна не пропускали ни одного солнечного луча света через решетчатые ставни. Повсюду царили тьма и молчание.

Пройдя несколько улиц, Энкарнасион дошел наконец до рва. Здесь была назначена встреча с доном Рамоном Очоа.

Почтенный алькальд, а с ним еще несколько человек давно ожидали его.

Дон Рамон начал беспокоиться, что Энкарнасион запаздывает. Поэтому, увидев его, очень ему обрадовался.

— Ну?.. — воскликнул он.

— Все идет прекрасно, — ответил Энкарнасион.

— Вы сильно опоздали!

— Да, из-за этих пьяниц! Просто не знал, как избавиться от них...

Вдруг у Энкарнасиона вырвалось восклицание досады.

— Что с вами? — спросил дон Рамон.

— Да вот... мой мул остался в корале патера! — сказал Энкарнасион. — А мне надо ехать!

— Ну, если только это... — улыбаясь, ответил алькальд. — Идите за мной.

Алькальд открыл ворота соседнего дома и показал Энкарнасиону стоявшего под навесом великолепного оседланного мустанга.

— О, превосходно! — вскричал Энкарнасион. — Сеньор Рамон, вы бесценный человек!

Одним прыжком он вскочил в седло и, схватив повод, сказал:

— Ждите меня, я скоро вернусь!

— Одну минуту! — воскликнул алькальд, взяв мустанга под уздцы.

— В чем дело? — нетерпеливо спросил Энкарнасион.

— В ваших приказах, мой дорогой начальник, черт побери!.. Что я должен делать в ваше отсутствие?

— Да, верно. Я об этом не подумал. Ах, где же была моя голова!

— Ну, беда не велика. Говорите.

— Ваша роль очень проста. Вы должны все подготовить для вооруженного восстания. Пусть каждый, спрятавшись в своем доме, будет готов выйти из него по первому сигналу. Надо обрушиться всей массой на испанцев, чтобы ни один из этих негодяев не ушел от нас!

— И не уйдет. Они пьяны, их взять легко.

— Может быть... Но, во всяком случае, будем наготове: ведь тот, кто не совсем пьян, будет защищаться, как лев! Берегите себя...

— Я знаю, что мне делать! — зловеще ответил алькальд. — Поезжайте спокойно. Когда вы вернетесь, все будет готово. Я свое дело сделаю.

— В таком случае, до свидания! Только торопитесь, я вернусь скоро, и вернусь не один!

— Все ясно! — ответил алькальд и отпустил мустанга.

Энкарнасион пришпорил лошадь и одним прыжком перескочил через ров. Потом, выпустив из рук поводья и наклонившись к шее лошади, он поскакал сломя голову и вскоре исчез во тьме.

Однако после бешеной скачки, продолжавшейся не меньше двадцати минут, Энкарнасион начал постепенно сдерживать лошадь. Наконец он достиг перекрестка, где сходились четыре тропинки. В центре на каменном пьедестале возвышался железный крест; на нем раскачивалось распятие.

Энкарнасион остановился, вынул из-за пояса пистолет, прочистил его шомполом, подсыпал свежего пороха и, подняв пистолет на уровень головы, выстрелил.

Почти тотчас же сильный свист прорезал темноту дороги, по которой ехал Энкарнасион.

— Это они, — пробормотал он. — Давно пора!

Он тихонько свистнул своему коню.

Благородное животное трянуло головой и помчалось в ту сторону, где показался свет.

Вскоре послышался шум шагов и бряцание оружием.

Энкарнасион смело стал поперек дороги и, взведя курок пистолета, крикнул:

— Кто идет?

— Мексика и независимость, — ответил голос из тьмы.

— Что за люди?

— Ранчерос дона Педро Морено.

— Хвала Богу! — радостно вскричал Энкарнасион. — Я хочу обнять вас, дружище!

Он помчался галопом к подъезжающему отряду и через мгновение очутился среди своих друзей.

— Клянусь Богом, дорогой мой! — вскричал он, нежно обняв дона Педро. — Какой счастливый случай привел вас сюда?

— Ах, милый друг, — смеясь, сказал дон Педро, — дело обстоит очень просто. Сегодня около трех часов пополудни я вернулся в свою кавалерию, оставшуюся на несколько дней под начальством моего лейтенанта. Он-то мне и рассказал о решительном ударе, который вы хотите нанести врагу. Естественно, я решил принять участие в таком деле. Но нужно быть предусмотрительным! Поэтому я с тремя сотнями людей примчался к вам на встречу, а мой лейтенант с двумя сотнями ранчерос остался на в одном лье отсюда. В случае необходимости он немедленно явится на помощь!

— Великолепно обдумано! Теперь я понимаю, почему его здесь нет.

— Он стоит в резерве... Да, но что мы должны делать? Я ведь не знаю вашего плана.

— Сейчас все объясню. Но прежде всего нам надо продолжить путь. Только пошлите сейчас же верного человека к вашему лейтенанту с приказанием двинуться на Эль-Пасо. Кроме того, выделите нескольких разведчиков — выяснить, что делается на флангах отряда. А вперед мы можем ехать без боязни.

Эти два приказа были немедленно исполнены, и отряд крупной рысью двинулся в путь.

Когда отряд приблизился к крепости на расстояние pistolного выстрела, все ранчерос по приказу дона Педро остановились. Энкарнасион Ортис тихо обменялся со своим другом несколькими словами и, отпустив поводья, продолжил свой путь галопом по направлению к деревне.

Через несколько минут он очутился у рва. Не останавливаясь, он заставил лошадь перескочить на другую сторону рва. В то же мгновение какой-то человек удержал мустанга за повод.

— Это вы, дорогой алькальд? — шепотом спросил Энкарнасион.

— Я, конечно. Жду вас.

— А ваши спутники?

— Они в двух шагах отсюда. Когда нужно будет, они появятся моментально.

— Значит, у вас все налажено. Остальное я беру на себя.

— Поступайте по своему плану. Я вам больше не нужен.

— Нет, благодарю вас, сеньор алькальд. Но я поручаю вам некоторых людей, — вы знаете, о ком я говорю.

— Лишнее напоминание! — ответил дон Рамон. — К тому же, — добавил он с усмешкой, — у меня есть мысль...

И он тотчас ушел. Не из-за страха, а потому, что у него был свой план и ему не терпелось привести его в исполнение.

Ранчерос пробирались в деревню, прыгая один за другим через ров.

Дон Педро распорядился обвязать копыта лошадей кожаными мешочками, наполненными песком. Таким образом, всадники ехали по улицам деревни, не производя ни малейшего шума.

Первой заботой инсургентов было окружить Главную площадь, занять входы всех улиц, ведущих на нее.

Испанские солдаты, совершенно пьяные, спали глубоким сном. Им и в голову не могло прийти, какое ужасное пробуждение готовят им инсургенты.

Убедившись, что ранчерос стоят на своих постах, Энкарнасион Ортис спешился, направился к церкви и постучал в дверь.

Как заряжается мина

Население Мексики, как уже говорилось, составляет 7 400 000 жителей, из которых приблизительно две трети — индейцы, а одна треть — белые. Белые большей частью являются потомками испанцев, так как во времена испанского владычества границы колоний были наглухо закрыты не только для переселенцев из других европейских стран, но и для купцов. Каждому иностранцу, обнаруженному на мексиканской земле, грозила смерть.

Индейцы делятся на четыре группы или категории: индейцы бравос — «непокоренные» — живут в пустынях свободно, не признавая никаких законов, кроме своих прихотей и произвола. Их свирепые племена бесконечно воюют друг с другом, опустошая несчастные деревни, расположенные на границах их саванн. Индейцы мансос, или «покоренные», перенявшие некоторые обычаи белых, живут в деревнях, возделывают землю, пасут скот, а иногда нанимаются на работу в города. Третья категория — метисы, в большинстве — потомки знатных индейских семейств; для сохранения своих богатств они соглашались в эпоху завоевания смешивать свою кровь с кровью победителей. Метисы втайне исповедуют свою прежнюю религию и тешат себя надеждой дожить до того дня, когда все белые будут изгнаны из Мексики. Наконец, следуют несчастные пеоны, свободные только на словах, на самом же деле — жалкие рабы, перебивающиеся со дня на день, закосневшие в глубоком невежестве, во власти ужасной нищеты.

Дон Рамон Очоа, чье родовое имя было Ксиломансин, происходил по прямой линии от древних вождей, или касиков, Ателолько, один из предков которых был убит по

приказу императора Несауалпилсинтли при восстании в начале года Чикоме-Калли, то есть по нашему летоисчислению — 1463 года.

Эта могущественная в то время семья сохранила неугасимую ненависть к властителям Мексики и уже много лет с терпением, характерным для индейцев, ждала часа мщения. И этот час пробил, когда Кортес высадился в Мексике для своей невероятной экспедиции.

Первые касики, перешедшие на сторону испанцев, были из семьи Ксиломансин. Это они пополнили войска Кортеса, влив в них более 20 тысяч человек своих близких и подданных.

Эта непредвиденная помощь удвоила смелость авантюристов и, быть может, решила успех дерзкой экспедиции.

Вопреки обычаю завоевателей, Кортес не проявил неблагодарности после победы. Семья Ксиломансин сохранила все свои богатства — правда, при одном условии: принятия христианства.

Много молодых девушек из этой фамилии были выданы замуж за испанских офицеров, превратившихся после победы из простых искателей приключений в знатных сеньоров.

Однако со временем блеск рода Ксиломансин мало-помалу потускнел, богатства значительно уменьшились, и дон Рамон Очоа, последний представитель старшей его ветви, обладал лишь весьма скромным состоянием, что, впрочем, не мешало ему вести широкий образ жизни.

В доне Рамоне совмещались все добродетели и все пороки его народа. Благородный, щедрый, ослеплявший роскошью, если этого требовали обстоятельства, смелый, как лев, и хитрый, как лисица, — он был кумиром индейцев, видевших в нем потомка одного из самых любимых своих предводителей.

Всем своим сердцем дон Рамон ненавидел испанцев. Он считал и, быть может, не без основания, что именно они — испанцы — виноваты в упадке его рода и в его собственном стесненном положении. Он стал алькальдом только для того, чтобы легче было обманывать испанцев; как только началось восстание, дон Рамон, действуя очень скрытно, причинил огромный вред тем, кого считал беспощадными врагами своей родины. Но все это он совершал так ловко, так искусно плел нити заговора, что, хотя испанские власти и были в душе уверены в его измене, они никогда не могли поймать его с поличным. У них не

было уверенности, которая позволила бы им подвергнуть его суровой каре.

Положение алькальда и его громадный авторитет среди подчиненных не позволяли произвести даже малейшую попытку схватить его без точных доказательств. Дон Рамон это знал и, удвоив осторожность, с еще большим жаром продолжал тайную борьбу.

Впрочем, он предчувствовал, что долгожданный час последней схватки наступает и близится время, когда определится судьба его страны.

Дон Энкарнасион Ортис знал этого человека давно. Он улыбнулся, услышав слова дона Рамона, что у него «есть мысль». Он улыбнулся, так как всегда ждал от дона Рамона решительных поступков, и не ошибся в этом.

Дон Рамон был бесконечно предан дону Хосе Морено; последний, в свою очередь, всецело ему доверял.

Дон Хосе, как и алькальд, был индейцем и ненавидел испанцев. Но у него было двое детей, которых он обожал, и он был слишком стар для того, чтобы принять активное участие в гражданской войне. К тому же болезнь вынуждала дона Хосе оставаться только зрителем гигантской борьбы, которую вот уже десять лет с героической отвагой вели его единоплеменники против угнетателей. Но, конечно, все его сочувствие, несмотря на невольное бездействие, было на стороне тех, кто хотел освободить его родину. Дон Хосе обладал громадным богатством. Алькальд, имевший, к сожалению, лишь самое необходимое, не колеблясь, сообщил ему свои планы. С первого же слова эти два человека сговорились. Дон Хосе был счастлив, что может если не сам лично, то хотя бы своими деньгами помочь священному делу независимости. Не колеблясь, передал он дону Рамону нужные деньги, в израсходовании которых алькальд дал ему полный отчет.

Тогда дон Рамон поручил своим сообщникам, на преданность которых он вполне рассчитывал, скупать все оружие и боевые припасы, какие только можно было достать, не привлекая к этому внимания. Ему помогло то обстоятельство, что война сосредоточилась в провинциях центральной Мексики. Поэтому пограничные города, где жизнь протекала внешне спокойно, имели возможность действовать по своему усмотрению, не вызывая подозрений.

Все взоры были устремлены на театр военных действий, куда непрерывно стягивались испанские силы. От-

дельные пограничные области оставались в стороне от движения и продолжали жить мирной жизнью, не беспокоимые пока ни той, ни другой стороной.

Набег капитана дона Горацио де Бальбоа на Пасо-дель-Норте был совершенно особым и случайным фактом.

Капитан решился на это дерзкое нападение исключительно в личных целях.

Отряды, которыми он командовал, не входили в постоянную испанскую армию; это были шайки бандитов, на вербованных отовсюду, их увлекала единственная цель — ловить рыбу в мутной воде. У них не было политических убеждений, и они меняли кокарду без всякого угрызения совести, если за это платили звонкой монетой.

Однако, как это часто бывает, незначительные обстоятельства приводят к большим последствиям. Так произошло и в данном случае. Разбойничий набег банды Бальбоа на малоизвестную пограничную деревню зажег страшный пожар, который должен был погаснуть лишь в крови последнего испанца, принесся навсегда победу делу независимости.

Оружие и боевые припасы, купленные доном Рамоном, постепенно доставлялись в Пасо-дель-Норте и укрывались там в деревенской церкви — единственном месте, бывшем вне подозрений. Об этом не было известно даже самому падре Линаресу; несмотря на свои патриотические чувства, он не потерпел бы того, чтобы храм Божий превратили в арсенал.

Дону Рамону помогал в этом церковный пономарь, бедный индеец, который был всем обязан алькальду и повиновался ему без колебаний.

После того как дон Рамон покинул свой дом для того, чтобы исполнить приказание Энкарнасиона Ортиса и раздать большое количество водки солдатам, расположившимся на Главной площади, он пошел в церковь, куда проник с черного хода.

Церковь была темна и пустынна, только один человек, печальный и задумчивый, сидел на ступенях алтаря; это был пономарь.

Погруженный в свои мысли, он не заметил прихода алькальда. Подойдя, алькальд тронул его за плечо. Индеец вздрогнул при этом неожиданном прикосновении, но, мгновенно узнав человека, стоявшего перед ним и смотревшего на него с каким-то странным выражением лица, он поднялся, радостно улыбаясь и ожидая приказаний.

— Я тебя ищу, дядя Пичо, — сказал алькальд. — Почему ты здесь, а не у себя на ранчо?

— Я на посту, сеньор, — ответил индеец. — Разве мое место не здесь?

— Да, правда. Но если бы этим разбойникам, — сказал алькальд, указывая в сторону площади, — вздумалось ограбить церковь, ты ведь не мог бы защитить ее?

— Нет. Но они переступили бы порог только через мой труп.

Эти слова, произнесенные просто и убежденно, тронули алькальда. Он обрадовался: этот человек оказался именно таким, каким он хотел его видеть, на него можно было положиться.

— Ты мне нужен, — сказал алькальд.

— Я готов. Что я должен делать? — решительно спросил индеец.

— Прежде всего выслушай меня.

— Говорите.

— Помнишь ли ты нашу первую встречу?

— Помню ли я, сеньор! — в волнении вскричал индеец. — Это было три года назад. Я возвращался из Охо-Люсиро от своего больного родственника. От усталости я еле шел, но я хотел вернуться в деревню до наступления темноты. Приблизительно в двух лье от Эль-Пасо — а было уже около трех часов по полудни — послышался треск ветвей в лесной чаще, мимо которой я прошел несколько минут назад. Невольно повернув голову, я задрожал от ужаса: в десяти шагах от меня стоял ягуар; глаза его сверкали, как горящие угли. Я понял, что я погиб. Я был один, без оружия. Смерть была неизбежна, и мне оставалось одно: молиться Богу. Внезапно, в тот момент, когда ягуар уже приготовился к прыжку, какой-то человек бесстрашно бросился навстречу свирепому зверю, прицелился и убил его наповал выстрелом в левый глаз. Это были вы, сеньор! Вы спасли мою жизнь, рискуя своей. Я бросился к вашим ногам и сказал: «Сеньор, вы спасли бедного индейца, у которого есть только жизнь! Она принадлежит вам! В какой бы день, в какой бы час вы у меня ее ни потребовали, я отдам ее вам без колебаний, без сожалений, потому что этой жизнью я обязан вам!»

— У тебя хорошая память, дядя Пичо. Прекрасно! Я думал, что ты уже забыл эту встречу. Это было так давно!

— Это память моего сердца, сеньор. Разве не вам я

обязан всем? Мало того, что вы меня спасли от ягуара, вы спасли меня от нищеты. Ведь только благодаря вам я получил службу пономаря!

— Так вот, дядя Пичо, настал момент, когда ты можешь не только расквитаться со мной, но и сделать меня своим должником.

— Приказывайте, сеньор!

— Предупреждаю тебя: выполняя мои приказания, ты рискуешь быть убитым.

— Я повторяю: моя жизнь принадлежит вам. Располагайте ею, как вам угодно, сеньор.

— Через несколько минут я пришлю двух верных людей. Они помогут поднять из подземелья оружие, которое я тебе доверил.

— Значит, мы его скоро пустим в ход? — радостно потирая руки, сказал индеец. — Тем лучше, сеньор!

— Надеюсь, что это случится сегодня ночью, дядя Пичо! Как только вы его достанете, спрячь все в исповедальне или где захочешь. По моему приказу ты будешь раздавать оружие, порох и пули. Ты меня понял?

— В точности, сеньор. Это все?

— Нет.

— Я так и думал. Но мне пока не понятно, какой же опасности подвергаюсь я?

— Погоди... В котором часу обычно звонят к вечерней службе?

— Первый удар колокола — в семь часов. Последний — в половине девятого.

— Очень хорошо.

— Простите, сеньор, но вы, по-видимому, не заметили, что вот уже три дня церковь стоит закрытой и колокол не звонит ни днем, ни вечером. Это началось с того дня, как проклятые гачупины завладели городом

— Я в самом деле не заметил этого. А почему прекратили богослужение?

— Я получил приказ.

— Не от испанцев ли?

— Не от испанцев, сеньор.

— От кого же?

— От сеньора священника.

— От падре Линареса? — удивленно вскричал алькальд

— Именно от него.

— Странно!..

— Он мне сказал, что лучше совсем не молиться Богу, чем молиться за врагов народа.

— Я не ожидал этого от него! — задумчиво сказал алькальд. — Послушай, — продолжал он после паузы, — сегодня в обычный час ты начнешь звонить к вечерне, как будто ничего не произошло.

— Несмотря на приказ, который я получил?

— Да. Я сговорюсь по этому поводу с падре Линаресом.

— О, это мне безразлично, сеньор! Раз вы мне приказываете, мне не нужно ничего больше: я исполню ваш приказ.

— Отлично. Только помни: что бы ни случилось, кто бы ни останавливал тебя, — колокол должен звонить!

— Он будет звонить, сеньор, я вам клянусь моим вечным спасением! Если даже испанцы будут грозить мне смертью, я знаю, как держать их на расстоянии.

— А может быть, они и не придут в церковь. Во всяком случае, я полагаюсь на тебя.

— Будьте спокойны, сеньор, я обещал — я исполню.

— Итак, желаю успеха, дядя Пичо. До свидания!

— Ступайте с Богом, ваша милость!

По дороге из церкви алькальд остановился и, тихо переговариваясь с поджидавшими его людьми, направил их к Главной площади.

Как опытный заговорщик, дон Рамон предвидел все: так, он поймал одну из своих лошадей, оседлал ее и привязал во дворе, поблизости от рва; охрану рва алькальд поручил двум верным людям. Потом он обошел всю деревню, стуча во все двери, шепча на ухо несколько слов выходящим на его зов индейцам. Все это он проделал так быстро, что примерно через час больше четырехсот человек были готовы следовать за ним и ждали только сигнала, чтобы действовать.

После всего этого он направился в условное место — это был ров — и стал ожидать возвращения Энкарнасиона Ортиса, настороженно следя, чтобы какое-нибудь непредвиденное предательство не сорвало план, так хорошо задуманный и так тщательно разработанный.

Лицо алькальда было бесстрастно и холодно, как будто не произошло ничего особенного; даже его испытанные друзья и те поверили этому спокойствию.

А между тем буря бушевала в сердце смелого заговорщика. В висках у него стучало, его нервы напрягались при малейшем подозрительном шуме. Ведь на этот раз он сжег корабли и рисковал головой!

Когда Энкарнасион Ортис во главе своей квадрильи был в деревню, дон Рамон, собрав друзей, велелим следовать за собой на расстоянии, чтобы не привлекать внимания.

— Друзья, — сказал он глубоким голосом, — мина заряжена, патрон вложен, осталось только поднести огонь! В случае поражения мы, по крайней мере, устроим себе пышные похороны!.. Вперед! За родину!

— За родину! — тихо повторили заговорщики и цепочкой двинулись за доном Рамоном в церковь.

Глядя на них, можно было подумать, что они совершают спокойную и безобидную прогулку.

На своем пути алькальд увидел несколько отрядов ранчерос, стоявших на улицах селения и распределенных так, чтобы полностью отрезать отступление испанцам.

Почтенный алькальд потирал руки с такой силой, что чуть не содрал с них кожу, а это было у него признаком величайшей радости.

— Хвала Богу! — бормотал он, торопливо продолжая свой путь к церкви. — Кажется, на этот раз я держу в руках проклятых гачупинов! Но что скажет падре Линарес? Ба! — прибавил он, смеясь. — Если мы выиграем, успех избавит меня от всех объяснений! А этот славный Пичо — он честно сдержал свое слово! Только бы с ним ничего не случилось...

Церковная дверь, через которую алькальд вышел несколько часов перед тем, была только приоткрыта. По привычке к осторожности алькальд оглянулся и только после этого, перекрестившись, уверенно переступил порог. Но решение было принято — и отныне бесповоротно.

Друзья алькальда, или, вернес, заговорщики, вошли по одному вслед за ним. Последний из них закрыл дверь на внутреннюю задвижку.

Патер Линарес служил вечерню, пономарь Пичо помогал ему. Церковь была полна людьми.

Алькальд воспользовался этим, незаметно проскользнул между тесными рядами верующих и остановился у подножья кафедры. Скрестив руки на груди и спокойно оглядев присутствующих, алькальд, молчаливый и уверенный, стал ждать момента, когда можно будет начать действовать.

Проповедь в Пасо-дель-Норте

У падре Линареса была не совсем обычная судьба. Он рано остался сиротой, рано узнал бедность и поэтому рано лишился поддержки в жизни. Только благодаря протекции дальнего родственника его матери, тяготившегося опекой над Линаресом и желавшего избавиться от нее, перед Линаресом открылись двери одного из монастырей Гвадалахары.

Став взрослым, Линарес обдумал свое положение. Он был одинок и беден. Он решил избрать духовную карьеру. Монастырская жизнь развила в нем возвышенные стремления и благородное мышление. Все свое время он посвящал серьезным занятиям, желая пополнить образование. Умный, упорный, энергичный, он старался вырваться из жалкого подчиненного положения, на которое, казалось, был обречен. Его влекло не честолюбие, а любовь к людям, желание быть полезным тем, от кого он так мало видел хорошего.

В то время, как бедный священник в Пасо-дель-Норте в качестве миссионера разъяснял невежественным индейцам божественное учение, события в стране развивались с невероятной быстротой.

Первый призыв к борьбе за независимость Мексики раздался в неизвестной, затерянной в горах деревушке. Тот призыв разнесся с такой молниеносной быстротой и прозвучал с такой силой, что сто тысяч индейцев восстали и во главе с простым священником этой деревушки прошли в несколько дней сотни лье, таща на руках свои пушки по непроходимым дорогам. Восставшие дошли почти до самой столицы Новой Испании. Здесь они оста-

новились и гордо потребовали у испанцев свободы. Испанцы пришли в ужас от смелости и силы воли, проявленной существами, которых они едва признавали за людей.

Обстоятельство удивительное и не встречающееся в истории народов: первые герои войны за независимость Мексики были почти все или священники, или юноши, которые готовились к священству и получили низшие церковные звания.

Блеск, освещавший имена двух священников — Идальго и Морелос, самых благородных вождей мексиканской революции, яркая роль, которую они играли в продолжении нескольких лет, их трагическая гибель от рук испанцев — все это указало бедному священнику селения Пасо-дель-Норте цель, к которой он должен стремиться, чтобы прожить свою жизнь не бесплодно и оставить по себе память в сердцах своих сограждан.

Он понял, что для него пришло время сыграть значительную роль в революции, не в смысле замены собою двух погибших героев — его спокойный, тихий нрав не подходил для этого, — нет, он хотел участвовать в борьбе за независимость, вдохновляя сражающихся, помогая раненым и утешая умирающих. Миссия более скромная, но не менее благородная. Он считал, что сан священника обязывает его к этому, каковы бы ни оказались последствия в будущем.

Поэтому-то он с удовлетворением выслушал признание Энкарнасиона Ортиса, не отказывая ему, но и ничего не обещая. Он решил выступить в последний момент в качестве посредника между двумя сторонами и предотвратить или хотя бы остановить кровопролитие в случае, если дело дойдет до открытого столкновения.

Невольный свидетель ужасного вторжения драгун в деревню, падре Линарес в отчаянии скрылся в уединенной молельне, чтобы не присутствовать при оргии в доме алькальда. С требником в руках он горячо молился, стараясь не слушать доходившего до него шума разгула, как вдруг его слух поразили первые удары колокола.

Священник поднял голову; сначала он подумал, что ошибся, — ведь только он, падре Линарес, один мог приказать звонить в колокол.

---

* Имеется ввиду революция 1810–1821 годов.

Со дня прихода испанцев пономарю было приказано закрыть церковь. Служба в ней прекратилась. Кто же посягнул на его права и созвал верующих в церковь? Что означал этот звон? Сигнал? Призыв к восстанию?

А колокол все звонил! Каждый удар его мрачно отдавался в ушах священника. Им овладела смутная непонятная тревога. Откуда она появилась, этого он не мог объяснить. Но он хотел узнать, что случилось, и, выбежав из дому, поспешно направился к церкви.

Жители селения Пасо-дель-Норте, которых после захода солнца страх загонял в жилища, затрепетали, неожиданно услышав знакомый колокольный звон. Встревоженные, испуганные, они вначале подумали, что это — набат, возвещающий полный разгром деревни. Но при первых же ударах колокола на улицах стали появляться люди, до этого скрывавшиеся за дверями своих жилищ. Они начали ходить из дома в дом, шептать на ухо испуганным и изумленным жителям несколько тихих слов, действовавших успокоительно даже на самых трусливых.

На улицах царил глубокая тишина.

Пьяные солдаты спали вповалку на Главной площади.

В некоторых домах робко приоткрылись двери, и сначала показалось несколько растерянных лиц. Потом наиболее смелые решились переступить порог своих домов; другие последовали за ними; даже самые нерешительные и те осмелели. И через четверть часа не только все мужское население деревни, но и большинство женщин (в решающие моменты женщины часто оказываются смелее мужчин) с детьми на руках направились к открытой настежь церкви.

В несколько минут церковь была заполнена. Пономарь уже собирался закрыть двери за последней группой, как вдруг среди вошедших появился падре Линарес. Пономарь еле удержался от выражения удивления, но тут же смиренно приветствовал священника.

— Почему, несмотря на мое запрещение, вы звонили к вечерне? — раздраженно спросил священник.

— Как, отец мой, «несмотря на ваше запрещение»? — сказал пономарь. — Наоборот, я именно исполнил ваше приказание.

— Вы смеетесь надо мной, Пичо, или хотите меня обмануть?

— Как же вы можете это думать, отец мой!

— Я же вам ясно сказал, что запрещаю открывать церковь!

— Да, отец мой.

— Так почему же, в таком случае, вы не только открыли церковь, но еще осмеливаетесь звонить к вечерне?

— Час назад мне передали ваше приказание — звонить в колокол, как обычно.

— Мое приказание?

— Конечно, отец мой.

— Кто же передал вам это?

— Сеньор алькальд.

— Дон Рамон Очоа?

— Да, отец мой. Он явился в церковь, подошел ко мне и сказал, что послан вами. Как же я мог не исполнить вашего приказания?

Падре Линарес, поняв, что больше ничего от пономаря не узнает, стал раздумывать: что делать? Пономарь явно в заговоре с доном Рамоном, но какой же замысел у того? Какую цель преследует он?..

— Так... — тихо пробормотал священник. — Будем настороже. — Потом, обратившись к пономарю, смиренно склонившемуся перед ним, сказал: — Ну что же, раз верующие собрались, они должны услышать божественное слово, особенно в такой скорбный момент. Я буду служить, как всегда. Закройте двери.

Пономарь почтительно поклонился и, счастливый, что отделался легко, поспешил выполнить приказание.

Церковь эта — строгой архитектуры, как все испанские религиозные памятники, — была темной, низкой и сводчатой; едва озаренная кое-где восковыми свечами, слабый и мерцающий свет которых скорее подчеркивал мрак, чем рассеивал его, переполненная печальной, угрюмой и безмолвной толпой, она представляла собой необыкновенное и захватывающее зрелище, от которого холодело сердце.

Священник опустил на колени перед главным алтарем, смиренно склонил голову и тихо произнес:

— Господи, ты видишь мое сердце! Поддержи мое мужество, помоги мне наставить на путь разума этих заблуждающихся людей! И прими мою жизнь, если это нужно для их блага...

Спустя несколько минут он поднял голову. На его изможденном лице сияло выражение восторга. Он казался

преображенным — жертва была принесена в его сердце, и он был готов принять мученическую кончину. Печальным взором священник оглядел все вокруг, добрая улыбка тронула уголки его бледных от скорби губ.

В этот момент пономарь позвонил в колокольчик, возвещающая начало службы.

Медленно и торжественно падре Линарес поднялся по ступенькам алтаря, повернулся к толпе, благословил ее и сел со скрещенными на груди руками.

Началась молитва, произносимая — стих за стихом — сначала священником, а потом вслух всеми молящимися.

Когда она окончилась, падре Линарес поднялся, взял молитвенник и медленным шагом направился к кафедре — ежевечерне после службы он произносил проповедь.

У ступеней кафедры стоял алькальд, спокойный, сумрачный и решительный; он смотрел на священника горящим взглядом и, казалось, чего-то ждал.

Толпа, собравшаяся у кафедры, с беспокойством следила за этой сценой; индейцы одинаково уважали обоих людей.

Между тем священник, внешне спокойный, подошел к алькальду, надеясь хладнокровием заставить своего противника (каким он считал его) отказаться от борьбы.

Но он ошибся. В тот момент, когда они очутились лицом к лицу, алькальд сделал шаг вперед.

— Отойдите, — холодно сказал он священнику и протянул руку, как бы желая помешать ему пройти. — Сегодня буду говорить я.

— Вы... вы, дон Рамон?! — вскричал священник, отступая перед своим другом: сердце его сжалось от тяжелого предчувствия. — Несчастный, что вы хотите делать?

— Я хочу выполнить мой долг, — решительно ответил алькальд. — Прошло то время, когда мы трусливо склоняли головы перед нашими безжалостными мучителями! Пробил час мести!

— Это кощунство! — горестно сказал священник. — Вы забыли, что находитесь в доме Господнем и что Господь сказал: «Мстить могу один я!»

— Молчите, падре Линарес! Молчите! Вы, пастырь этого селения, осмеливаетесь так говорить? Значит, вы изменили священной борьбе за независимость Мексики? Вы заодно с нашими палачами, если говорите такие слова!

Потрясенный этой суровой отповедью, священник опу-

стил голову и, как бы покоряясь высшей силе, отступил, весь дрожа.

Крики, проклятия слышались со всех сторон. Алькальд бросился к кафедре; священник тщетно старался тоже пробраться туда, но толпа его оттирала.

— Братья! — вскричал дон Рамон, обращаясь к индейцам, которые боялись пропустить хотя бы одно слово. — Неужели вы так малодушны, что решили покорно переносить все притеснения, которым вас подвергают гачупины? Вы изнемогаете под бременем самых страшных бедствий, ваша земля истоптана свирепым и безжалостным врагом! Ваши братья, ваши друзья расстреляны без суда! Ваши жены, ваши дочери попадут в руки победителей, а вы трусливо склоняете голову?! Вы улыбаетесь вашим папачам!..

Ропот гнева побежал по толпе.

— Не слушайте его! — надтреснутым голосом вскричал падре Линарес. — Не слушайте вы его, братья мои! Этот человек вас обманывает. Увы, он и себя обманывает, призывая вас к бессмысленному восстанию! Знайте — он не к победе ведет вас, к смерти!..

Грозные крики прервали речь священника. Рыдая, он опустился на плиты. Он чувствовал себя побежденным и отказывался продолжать борьбу.

Алькальд улыбнулся и поднял руку.

Словно по волшебству, мгновенно восстановилось молчание.

— Неужели, — продолжал дон Рамон, — среди вас, таких сильных и смелых людей, не найдется ни одного, способного принести себя в жертву ради блага своих братьев? Горе стране, где мужчины не могут отомстить за оскорбления! Эта страна погибнет, ибо она недостойна свободы, она не хочет жертвовать всем для победы! Она погибнет, потому что Бог отвел от нее свою всемогущую руку! Братья мои, я провел десять лет с вами, жил вашей жизнью, печалился вашими печалями, радовался вашими радостями. Я думал, что выполняю свой долг. Никогда я не жаловался! Наоборот, был счастлив тем, что мог делать для вас — пусть даже незначительное — добро. Но теперь ноша стала слишком тяжелой для моих плеч! С приходом этих гнусных гачупинов я почувствовал, что сердце мое разрывается в груди! Рыдая в отчаянии, я видел, как грабили ваши дома, как зверски убивали наших братьев!

И — увы! — я не мог помешать, потому что мне самому, вашему алькальду, угрожала смерть! А раз я бессилен вас защитить, я предпочитаю удалиться. Это лучше, чем быть свидетелем ужасающих злодеяний! Прощайте, я расстаюсь с вами. Простимся — я сейчас уйду, чтобы присоединиться к независимым. Там, по крайней мере, я смогу послужить вам с оружием в руках. Я надеюсь, что Бог, в своей неизреченной доброте, окажет мне милость — позволит мне умереть за моих братьев и пасть жертвой за свое святое дело свободы!

Невозможно описать действие этой искусной речи на простых людей!

Едва прозвучало последнее слово над взволнованной толпой, как в церкви раздались душераздирающие крики, рыдания, богохульства и угрозы.

Все говорили разом; мужчины грозили кулаками небу, женщины рыдали, поднимая своих детей над головами; толпа пришла в исступление. Алькальд стоял на кафедре, подняв руки, словно для проклятия, откинув голову назад. Со сверкающим взглядом и сжатыми губами он был похож на злого духа, призывающего к ненависти, ярости и мести.

— Прощайте! — Его голос перекрыл общий шум. — Час нашей разлуки настал!

— Нет, нет! Оставайтесь! Оставайтесь с нами! Что будет с нами без нашего алькальда?! — закричали индейцы, теснясь вокруг кафедры.

— Бог вам поможет, братья!

— Нет, нет! Говорите! Говорите, дон Рамон!.. Мы будем слушаться вас!.. Приказывайте нам!.. Что нужно делать?.. Мы ваши дети, не покидайте нас... — повторяли они с мольбой.

Алькальд грустно покачал головой.

— Нет, нет, — твердо сказал он. — Я не могу согласиться на вашу просьбу. Кто может мне поручиться, что завтра, когда вы успокоитесь, малодушие и страх не появятся в ваших душах? Кто может мне поручиться, что вы не забудете ваших обещаний, что вы трусливо не предадите меня врагам за горсточку золота? Повторяю вам, братья мои: не задерживайте, отпустите меня, пока еще есть время, пока спят гачупины и я могу избежать их ярости!

— Нет, нет! — закричали индейцы. — Оставайтесь с на-

ми! Вы наш вождь, мы умрем за вас! Мы не предадим вас! Ведь вы одной с нами крови, у нас общая цель! Мы будем повиноваться каждому вашему слову, каждому вашему движению, что бы вы ни приказали!

Алькальд молчал. Он давно уже принял решение и отлично знал, как поступит, но стоял неподвижный и молчаливый, бледный и сумрачный, как будто в его сердце происходила борьба.

Толпа, минуту назад такая возбужденная и шумная, замерла, устремив на него горящие глаза, со страхом ожидая решения, которое он произнесет.

В церкви наступило такое глубокое молчание, что можно было услышать биение сердец в груди этих людей.

Наконец дон Рамон поднял голову и взором, полным невыразимой печали, оглядел толпу, окружившую кафедру.

— Вы говорите, что будете послушны? — с сомнением сказал алькальд.

— Да, да, приказывайте нам! Дайте нам оружие! Оружие!

— А-а! — торжествуя произнес дон Рамон. — Наконец-то вы заговорили по-настоящему!

Последним усилием падре Линарес вырвался из державших его рук и ринулся к кафедре:

— Братья мои! Заклинаю вас во имя Бога, чей образ перед вами, выслушайте меня! Я ваш пастырь, ваш духовный отец. Я тоже люблю мою страну, я тоже хочу для нее свободы, но она не может быть завоевана ни убийством, ни коварством! Вы — мирные жители, а не солдаты. Предоставьте другим защищать вас, вернитесь в свои жилища, чтобы оберегать своих жен и детей! Во имя этих невинных созданий — умоляю вас, одумайтесь!..

Яростный рев толпы прервал священника.

Его бессильный голос потонул в шуме. Священника стащили с кафедры, повлекли к ризнице и, не причинив ему никакого вреда, втокнули туда. Несколько индейцев стали перед дверью, чтобы преградить ему выход.

Дон Рамон холодно и бесстрастно наблюдал за этой сценой. На губах его была презрительная усмешка.

Своим упорным сопротивлением и неуместным противодействием общему порыву падре Линарес не только не помешал торжеству алькальда, а, наоборот, сыграл ему на руку.

Когда священник исчез и люди немного успокоились,

алькальд движением руки потребовал тишины. Все замолчали.

— Итак, — сказал дон Рамон, — вы готовы мне повиноваться?

— Да, да! — закричали индейцы.

— Поклянитесь! — вскричал алькальд громовым голосом, протягивая руки к образу Христа, возвышавшемуся над алтарем.

Все присутствующие мгновенно повернулись к алтарю, но не для того, чтобы поднять правую руку, как это делается в старой Европе при клятве: они опустили на колени, подняли головы и скрестили большие пальцы обеих рук — по индейскому обычаю, который перешел к ним от древних инков. Эта клятва священна и нерушима. Дон Рамон, сам индеец, знал это. Улыбка торжества появилась на его губах.

— Вы клянетесь подчиниться мне во всем? — спросил он. Глаза его горели, он тяжело дышал.

— Клянемся! — вскричали все. — Мы клянемся жить и умереть с вами, чтобы завоевать независимость нашей страны!

— Хорошо, — сказал алькальд, — Бог принял вашу клятву. Теперь она не может быть нарушена!

— Оружие! Оружие! — кричали индейцы.

— Оружие? Вы его получите! — сказал алькальд. — Дядя Пичо... — прибавил он, обращаясь к пономарю, который стоял неподвижно у кафедры, — раздайте оружие и боевые припасы, которые я вам доверил!

Пономарь повиновался. Тотчас же началась раздача. Пичо и его помощники вкладывали столько горячности и рвения в выполнение задания, что менее чем за десять минут все оружие — сабли, пики, луки, стрелы, ружья — перешло в руки индейцев, потрясавших ими с дикой яростью.

Дон Рамон понимал, как важно немедленно воспользоваться возбуждением толпы; поэтому, как только раздача оружия была закончена, он схватил мачете и, потрясая им над головой, вскричал:

— Теперь, друзья, будем думать только о мести! Смерть гачупинам!

— Да, да, месть! Смерть гачупинам! — повторяла наэлектризованная толпа.

В этот момент снаружи послышался цокот копыт и

бряцание оружия, а затем два сильных удара в дверь церкви.

— Спокойствие! — сказал алькальд. — Открывать пойдут я.

Он сошел с кафедры и, пройдя сквозь тесные ряды индейцев, почтительно расступившихся перед ним, твердым шагом направился к двери.

Неожиданное нападение

Алькальд сделал одно только движение, и в церкви водворилась тишина.

— Кто там? — спросил он через дверь.

— Отечество! — послышался ответ.

— Дети мои! — вскричал дон Рамон, обращаясь к окружающим. — Бог внял нашим молитвам, он посылает нам помощь! Я узнаю голос прославленного дона Энкарнасиона Ортиса. Вперед! Вперед!

— Смерть испанцам! — вскричали, яростно потрясая оружием, индейцы.

Алькальд открыл двери.

На пороге стоял Энкарнасион Ортис с непокрытой головой и саблей в руке; войдя в церковь, он перекрестился, склонившись перед алтарем. Потом, пожав руку дону Рамону, он сказал индейцам, пронизывая их взглядом:

— Кто вы? Мужчины, рабы или трусливые старые бабы? Если мужчины, — докажите мне это! Почему вы не боретесь за независимость? Я пришел со своей квადрилей, чтобы помочь вам завоевать свободу! Можно ли положиться на вас?

— Да! Да! Да здравствует Энкарнасион Ортис! — в иступлении закричали индейцы.

— Тогда вперед, братья! — пламенно воскликнул Ортис. — Следуйте за мной! Бог и свобода!

— Бог и свобода! — повторили индейцы, бросаясь за ним.

Церковь мгновенно опустела.

Падре Линарес вышел из ризницы, с трудом дотащился до алтаря и распростерся перед ним.

Он горячо молился за этих людей, отдающих свою жизнь за святое дело освобождения.

Между тем на Главной площади началось неслыханное сражение, или, вернее, резня.

Дон Рамон присоединился к ранчерос, которые бесстрастно стояли у выходов на улицы и ударами сабель толкали обратно на площадь несчастных, пытавшихся бежать.

Вслед за резней начались пожары. Индейцы в пылу неукротимого бешенства метались с факелами в руках, поджигая свои собственные жилища и издавая крики и вопли. Одним из первых был подожен дом алькальда. Полузадохнувшиеся испанские офицеры бросились к дверям, чтобы спастись от пламени, но индейцы тут же безжалостно убивали их.

Один лишь капитан дон Горацио де Бальбоа, тяжело раненый, прорвался сквозь строй преследовавших его индейцев. Он вскочил на лошадь и, бешено вращая саблей, подскочил к группе офицеров.

— А-а! А-а! — злобно смеясь, кричал он. — Я вам это припомню, сеньоры! Если Бог поможет мне спастись, я отыграюсь! Я отомщу за эту западню!

— Огонь по негодяю! — вскричал Энкарнасион Ортис.

— Остановитесь! — закричал дон Педро. — Ему осталось жить, может быть, лишь несколько минут, что стоят его бессильные угрозы! Пусть бежит!

— Как им угодно, сеньор! — насмешливо воскликнул испанец. — Но если кто-нибудь из вас попадетсЯ в мои руки, как я сейчас попал в ваши, — пусть не ждет пощады!

— Уезжайте, кабальеро! Прекратите это глупое хвастовство!

— Да, я еду. Прощайте, дон Педро Морено! Вы виноваты меньше других. Прощайте, дон Рамон Очоа, достойный алькальд! Очень сожалею, что не расстрелял вас. Прощайте и вы, дон Энкарнасион Ортис, честный студент-богослов! Клянусь жизнью, я навсегда запомню ваши имена! Будьте вы прокляты!

Он пришпорил лошадь и с поднятой саблей врехался в толпу индейцев, крича диким голосом:

— Дорогу! Дорогу!

Как метеор, промчался он между ранчерос и индейцами, со страху осенявшими себя крестным знаменiem, и исчез за углом площади.

— Напрасно вы дали ему ускакать! — с упреком сказал Энкарнасион.

— Быть может... Но он храбрый солдат, — ответил дон Педро Морено. — Мне хотелось дать ему хоть малейший шанс спастись.

— Он отомстит!

— Во всяком случае, попытается! Ну что же! Люди, которым угрожают, живут долго.

Дон Педро Морено попытался остановить избиение испанцев; но, увидев, что это не в его силах, собрал свой отряд, приказав ему не вмешиваться в бойню.

Падре Линарес, выйдя из церкви и очутившись на площади, ломал себе руки в отчаянии: во всех этих убийствах он обвинил себя.

— Это не люди! — гневно восклицал он. — Это дикие звери! Зачем же их еще подстрекать к мести! Как бы ни были жестоки испанцы, ничто не может оправдать такую низость, как расправа с беззащитным врагом. Эти презренные люди позорят само понятие святой свободы, во имя которой они сражаются! Сеньоры, хотя бы ценой нашей гибели, надо положить конец этой ужасной бойне!

— Да, да! Идемте, друзья мои! — вскричал и дон Педро. — Это зрелище мне тоже и страшно, и отвратительно!

Обнажив сабли и взяв в руки пистолеты, дон Рамон и дон Энкарнасион, в сопровождении падре Линареса, встали во главе отряда.

Энкарнасион Ортис хотел уже двинуться вперед, как вдруг послышались громкие восклицания, крики радости, насколько можно было судить в этом шуме. Большая толпа индейцев с силой потока, прорывающего плотину, вторглась на площадь. В центре площади индейцы остановились, опустив на землю паланкины, в которых они несли дона Хосе Морена и донью Линду.

Увидев молодую девушку, улыбающуюся, тихую и спокойную в этой рычащей, черной от пороха и красной от крови толпе, Энкарнасион Ортис бросился к ней

— О Боже, Линда, зачем вы здесь?! — спросил он ее с ужасом. — Неужели дон Рамон не сдержал своего слова?

— Дон Рамон Очоа — человек чести! — сказал с волнением дон Хосе Морено. — Это я потребовал, чтобы меня доставили сюда!

— В такой момент! Какая неосторожность! — вскричал Энкарнасион.

— Мы ничего не боимся, мой друг, — сказала девушка. — Ведь нас окружают старые верные слуги.

— Дорогой Энкарнасион, я уйду из деревни только вместе с вами, — добавил дон Хосе Морено.

— В таком случае, ваше желание исполнится очень скоро. Я собираюсь уйти немедленно.

— А вы, падре Линарес? Что вы думаете делать? Остаетесь ли вы в деревне или идете с нами?

— Ни то и ни другое, сеньоры. После того, что произошло, я не могу оставаться здесь. Мой долг велит мне быть около тех, кто страдает. Завтра я уеду, присоединюсь к армии независимых и надеюсь найти там вас.

— Возможно, — уклончиво ответил Энкарнасион. — Да хранит вас Бог, отец мой!

— Я надеюсь, что Бог даст мне силы выполнить мою задачу, которую я сам возложил на себя.

Во время этого разговора дон Хосе Морено и его дочь сошли с паланкина и сели на поданных лошадей.

— А ваша подагра? — спросил Энкарнасион дон Хосе. — Позволит ли она вам ехать верхом?

— Да, друг мой, тем более, что перегон будет коротким.

— Тогда в путь!

Квадрилья построилась в боевом порядке, и по команде «Вперед!» всадники перешли на крупную рысь. В центре отряда ехали дон Хосе, его дочь и их слуги.

Второй отряд, примерно в тысячу двести человек, вооруженный хуже, чем первый, — в сопровождении женщин и детей, — выехал почти одновременно с первым, но с другого конца деревни.

Этот отряд, под командой самого алькальда, состоял из всего работоспособного населения Пасо-дель-Норте; это была настоящая эмиграция.

Оставленная деревня пылала. Оттуда доносились последние вопли испанцев, брошенных без помощи в горящих развалинах. Ранчерос скакали три часа, направляясь в Охо-Люсеро.

Перед восходом солнца, около четырех часов утра, по приказу Энкарнасиона Ортиса, взявшего на себя командование, отряд остановился на берегу маленькой речушки, впадающей в Рио Гранде-Браво-дель-Норте; всадники получили приказ спешиться и накормить лошадей.

Было пройдено шестнадцать или семнадцать лье.

Приблизительно на расстоянии двух ружейных выстрелов

лов от отряда, по левую руку, на небольшой возвышенности, сплошь поросшей лесом, показалась асиенда, выстроенная из тесаных камней. Она была окружена зубчатой стеной, что свидетельствовало о богатстве и знатности ее владельца.

— Вот именно сюда я хотел вас привести, сеньоры, — сказал дон Хосе.

— А! Вот как! Но где же мы? Начиная от Эль Пасо, мы ехали вслепую, — заметил Энкарнасион Ортис.

— Вы действительно не узнаете местности? — с легким упреком спросил дон Хосе.

— Честное слово, к моему стыду, должен признаться, я не могу вспомнить, бывал ли я в этих краях.

— В таком случае, мой друг, у вас короткая память! Вы не узнаете асиенду де ла Вега?

— Как? — вскричал обрадованный Энкарнасион. — Мы, значит, находимся в де ла Вега?

— Боже мой, конечно! Если сомневаетесь, посмотрите на этих двух всадников, несущихся к нам во весь опор.

— Дон Рамон и дон Педро!

— Это в самом деле они.

— А-ах! — воскликнул Энкарнасион, ударяя себя по лбу. — Я был здесь, правда, но это было так давно!

Дон Хосе улыбнулся и, сопровождаемый Энкарнасионом, двинулся вперед навстречу всадникам.

Дон Педро и дон Рамон, отправившиеся более коротким путем и прибывшие поэтому на час раньше, предупредили управителя асиенды, чтобы он позаботился о еде и напитках для гостей, которых дон Хосе привезет с собой.

Узнав об этом от сына, дон Хосе Морено приветливо обратился к офицерам-инсургентам:

— Кабальерос и друзья, я надеюсь, вы не нанесете мне оскорбления, проехав мимо этой асиенды, не отдохнув в ней хотя бы несколько минут. Вы так устали сегодня ночью, что должны с открытой душой принять мое приглашение. В этом скромном доме для вас приготовлены и закуски, и вино.

— Кузен, — ответил дон Энкарнасион, — от имени всех сердечно вас благодарю за милое гостеприимство, которое вы нам предлагаете. Мы его принимаем тем охотнее, что, говоря откровенно, буквально падаем от голода и усталости.

— В таком случае, кабальерос, — улыбаясь, ответил дон Хосе, — следуйте за мной, не задерживайтесь, чтобы поскорей утолить голод.

Офицеры поклонились в знак признательности.

Расположившуюся лагерем на берегу реки кавалерию оставили под командованием надежных унтер-офицеров. А командиры направились в асиенду и прибыли туда менее чем через четверть часа.

Во дворе асиенды всадники спешили. Поручив своих лошадей подскочившим пеонам, они по приглашению дона Хосе вошли в громадную столовую. Там заботливым управителем был приготовлен великолепно накрытый стол.

По знаку хозяина все заняли свои места за столом.

Предложенный офицерам обед был вполне достоин такого богатого и гостеприимного человека, каким являлся дон Хосе Морено. К тому же хозяйкой за столом была прелестная донья Линда.

Когда после обеда появились на столе сладости, вина и ликеры (в Мексике во время еды пьют только ледяную воду), дон Хосе жестом удалил из комнаты слуг-пеонов и, подняв наполненный до краев бокал шампанского — вина, почти неизвестного в то время в Центральной Америке, — сказал своим гостям:

— Кабальерос! Предлагаю выпить за мучеников, павших за наше святое дело, и за победу независимости!

Все присутствующие с энтузиазмом чокнулись и повторили этот бриндизи (слова «тост» тогда еще не употребляли).

— А теперь, кабальерос, — продолжил дон Хосе, — позвольте мне поздравить вас с успехом ночной экспедиции! Она была проведена поразительно умно и решительно. Я должен воздать честь за смелое нападение нашему другу Энкарнасиону Ортису...

— Позвольте, кузен! — с горячностью перебил его Энкарнасион. — Наш успех в этом деле вовсе не является результатом только моей ловкости или решительности! Все дело в необычайной храбрости, распорядительности и безграничной самоотверженности дона Рамона Очоа! Это он все сделал!

— Только благодаря вашему мужественному содействию, дон Энкарнасион! — ответил алькальд, поклонившись. — Без вас мои намерения не могли бы быть осуществлены.

— В общем, вы оба, кабальерос, оказали важную услугу родине. Вы даже не можете себе представить, какую значительную роль в борьбе за свободу играет взятие Пасо-дель-Норте! Любой ценой необходимо помешать испанцам вновь занять этот пункт!

— Но, я думаю, вряд ли у них появится эта мысль, — сказал дон Рамон. — Ведь капитан Бальбоа просто-напросто бандит, а вовсе не солдат. По-моему, его вторжение в деревню носило не политический характер, а только грабительский. Это было видно с самого начала.

— Вполне возможно. И все же от этого положение Пасо-дель-Норте не становится для нас менее важным. Ведь именно по Рио Браво-дель-Норте доставляют необходимое оружие и боевые припасы, которые американские купцы везут к нам через пустыню.

— Вы правы. Впрочем, нет ничего проще, чем занять деревню сильным отрядом и отбить у испанцев всякое желание вернуться туда, — сказал дон Рамон. — Я лично займусь этим.

— Прекрасно! А теперь, кабальерос, выпьем последний бокал на прощание — ведь мы расстаемся!

— Как, вы не хотите ехать с нами, сеньор Хосе? — воскликнули офицеры.

— Нет, кабальерос, это невозможно. Дон Энкарнасион Ортис знает причину моего решения. Но я надеюсь, что в самом скором времени мы соединимся, и тогда уже надолго!

— Вы хотите остаться один в этой асиенде, ваша милость? — спросил его дон Рамон

— Ни в коем случае! Карамба! Наоборот, я еду одновременно с вами, но, по всей вероятности, наши пути разойдутся, если, как я предполагаю, вы останетесь в этой области.

— Вы угадали, ваша милость. Как раз несколько дней назад я получил приказ главнокомандующего сформировать партизанскую квадрилью и остаться в штате Чиуауа для охраны его безопасности.

— А я направляюсь в штат Керетаро. Вам, конечно, известно, кабальерос, что там собирается Национальный конгресс?

— Будьте осторожны, дон Хосе! Дорога от Чиуауа до Керетаро длинная, — сказал дон Рамон. — Вы рискуете не добраться до цели вашего путешествия. Ведь вам при-

дется пересекать враждебные штаты, куда стянуты все испанские войска.

— Знаю. К несчастью, какие бы опасности ни грозили мне в пути, я вынужден ехать. Эту поездку нельзя отменить. Я хочу сделать нашему правительству некоторые предложения, и только один конгресс может либо принять, либо отклонить их.

— Ну, раз это так и ничто не может вас разубедить, разрешите мне, кузен, передать в ваше распоряжение двести всадников. Они будут охранять вас во время вашего путешествия, — сказал Энкарнасион Ортис.

— Вы просто угадали мои желания, мой дорогой друг! Не потому, что я хотел бы путешествовать в такой многочисленной компании, отнюдь нет. Но Линда будет ожидать меня здесь, в асиенде де ла Вега, и я счастлив воспользоваться вашим любезным предложением, чтобы оградить асиенду от возможного нападения. Оставьте мне сто человек, и пусть они под наблюдением моего сына, дона Педро, послужат охраной доньи Линды.

Энкарнасион нахмурился.

— Вы совершаете ошибку, дон Хосе, — сказал он. — Как бы ни была укреплена эта асиенда, все равно в случае нападения она будет легко взята.

— Мое путешествие должно быть проделано в очень короткий срок — Линда не может вынести трудности такой дороги. Жестокий урок, который испанцы получили этой ночью, сделает их менее дерзкими, — так я надеюсь. К тому же, не считая наших ранчерос, здесь находится около шестидесяти преданных и хорошо вооруженных пеонов. И если даже враг осмелится подойти к нашим воротам, то здесь хватит сил для того, чтобы дать ему отпор.

— Я не вполне разделяю ваше мнение, сеньор, но не могу себе позволить больше спорить с вами. Ведь вы гораздо лучше меня знаете, как нужно действовать в таких обстоятельствах.

Вскоре все встали из-за стола. Часом позже дон Рамон распрощался с гостями, обнял Энкарнасиона и дону Педро, сердечно пожал руку дону Хосе, вскочил на лошадь и покинул асиенду, чтобы вернуться к своей квадрилье.

Квадрилья быстро выстроилась, без промедления двинулась в путь и вскоре исчезла вдали.

Дон Энкарнасион был грустен.

— Что с вами? — спросил его дон Хосе.

Сначала Энкарнасион уклонился от прямого ответа.

— Ничего особенного, — сказал он.

Но какая-то тайная мысль его мучила, и он решился признаться:

— Я не могу в точности сказать, почему, но меня гнетет мысль, что происшествия сегодняшней ночи — только пролог к событиям, гораздо более страшным. Какое было бы для меня счастье, если бы со мной был человек, которого я люблю, как брата, и от которого у меня никогда не было тайн!

— Вы говорите о доне Луисе Морене, не правда ли? Я сам был удивлен, не увидев его около вас. Где он?

— В секретной экспедиции. И все же я уверен, что вы его скоро увидите. Если мои предчувствия сбудутся, я пошлю за ним гонца.

Квадрилья

Оставим на время окрестности Пасо-дель-Норте (хотя нам придется туда вскоре вернуться) и представим нашему читателю новое лицо, которому суждено играть одну из первых ролей в этой истории.

Около восьми часов вечера, то есть когда тьма уже поглотила последний сумеречный свет и почти мгновенно озарилась бледным сиянием звезд, многочисленный отряд прекрасно вооруженных всадников, мчавшихся на сильных лошадях меж двух высоких гор, выскочил галопом из ущелья и очутился на восточном берегу Рио Гранде-дель-Норте.

Всадник, несшийся впереди отряда, проскакал до самого берега и остановился только тогда, когда желтоватая вода Рио Гранде покрыла копыта его лошади. Лошадь фыркнула и резко попятилась.

Наездник беспокойно посмотрел на окружающую его сильно пересеченную местность. Все сгущавшаяся темнота мешала ему что-либо увидеть, и он, отказавшись от этого, погрузился в глубокие и печальные размышления.

Вскоре вслед за ним подъехали остальные всадники и выстроились, безмолвные и неподвижные, вблизи своего командира.

Молчаливый, мрачный, он, казалось, не заметил их появления.

Но такое положение не могло долго продолжаться: люди и лошади, измученные долгим походом через пустыню, нуждались в отдыхе.

Один из всадников, по-видимому, младший офицер, отделился от своих спутников, приблизился к командиру и, почтительно поклонившись, сказал:

— Кабальеро, имею честь заметить вашей милости, что квадрилья ждет приказаний о ночевке.

Выведенный из своей задумчивости этими словами, хотя и облеченными в изысканно-вежливую форму, всадник, вздрогнув, резким движением поднял голову и хмуро спросил:

— Что вам угодно, дон Кристобаль?

Дон Кристобаль, как бы не заметив его резкого тона, снова поклонился, еще ниже, чем в первый раз, и бесстрастно повторил свою фразу.

— А! Верно, — ответил всадник. — Я не подумал об этом. Прошу извинить меня. Кстати, скажите мне, в котором часу всходит луна в это время года?

Несколько удивленный дон Кристобаль не сразу нашелся что ответить. Но так как он, видимо, привык к эксцентричной манере своего собеседника, то быстро обрел свое хладнокровие и ответил:

— В одиннадцать часов, ваша милость.

Всадник вынул из-за пояса великолепные часы, но темнота помешала ему разглядеть циферблат, поэтому он заставил их звонить.

— Девять часов. У нас есть время. Это хорошо.

Дон Кристобаль одобрительно поклонился, хотя и ничего не понял из слов всадника.

— Кстати, — небрежно сказал тот, пряча часы, — вы спрашивали моего распоряжения о стоянке, дорогой дон Кристобаль?

— Да, ваша милость.

— Это проще всего. Вы знаете страну лучше, чем я, поэтому позаботьтесь о стоянке сами, действуйте по вашему усмотрению.

Дон Кристобаль удовлетворенно улыбнулся и присоединился к ожидавшим его всадникам, по-прежнему стоявшим неподвижно подобно статуям.

Он занял место во главе отряда и приказал ему двигаться по берегу реки.

Некоторое время спустя он вывел отряд на покрытую густой зарослью узкую полосу земли, которая глубоко вдавалась в русло реки.

Это место было превосходно выбрано для ночной стоянки, так как оно ограждало и от нападения диких зверей, и от возможного набега краснокожих. По приказу дона Кристобала всадники спешились и в одно мгновение,

с ловкостью людей, привыкших к жизни в пустыне, разбили лагерь, зажгли костры, дали лошадям маис на разостланных серапе и приготовили ужин, в котором они основательно нуждались.

Эти люди (их было приблизительно триста пятьдесят человек), атлетически сложенные, с выразительными лицами и воинственными привычками, были одеты в живописные костюмы ранчерос: закругленная снизу куртка, обшитые золотым галуном бархатные штаны, обтягивающие ноги гамаши из оленьей кожи, башмаки с медными шпорами, инкрустированными серебром и украшенными колесиками, диаметр которых достигал шести дюймов. Особенностью, по которой сразу можно было узнать, что это — независимые, или мексиканские инсургенты, были их широкополые шляпы с серебряным галуном, украшенные иконками с аляповатым изображением Гваделупской Божьей матери. Мексиканские инсургенты с наивной и трогательной верой, составлявшей сущность их характера, считали ее своей покровительницей.

В момент, когда они кончили ужин и закурили сигареты — обязательный десерт после каждой еды у мексиканцев, — всадник, которого мы оставили на берегу реки, появился в лагере. Он передал ранчеро своего коня, сделал знак дону Кристобалю следовать за ним и сел вдали на обломке скалы, где специально для него зажгли костер.

Примечательно, что офицер, занимавший такое высокое положение, был очень молод — ему едва минул двадцатый год. Правда, он выглядел старше своих лет. Он был красив, взгляд его блестящих голубых глаз под изогнутыми густыми бровями был тверд и прям; кончики тонких белокурых усов, приподнимаясь, открывали линию волевого рта; густые светлые волосы, выбивавшиеся из-под полей шляпы, падали шелковистыми прядями на его плечи.

История этого юноши была проста и печальна, мы расскажем ее в нескольких словах.

Жан Луис Пьер Морен, которого обычно звали Луис, родился в 1795 году в большом городе одной из южных провинций Франции, в семье, принадлежавшей кругу высокопоставленной буржуазии; многие члены этой семьи прославились впоследствии в самых различных должностях.

Получив отличное образование, он благодаря высокому

положению своей семьи уже в шестнадцать лет был назначен казначеем Монетного двора — место, которое он занимал в 1815 году. Во время реставрации Бурбонов он лишился своей службы после недостойного и ложного доноса на него.

Пылкий Луис Морен был потрясен несправедливостью, жертвой которой он стал. Он твердо решил бежать и как можно скорей из страны, где его не признали и где поэтому его ничто больше не удерживало. Он сел на корабль, идущий в Соединенные Штаты.

В чужой стране, без друзей, без знакомств, почти без средств он попал в тяжелое положение. Тщетно в течение нескольких месяцев он искал службы, которая могла бы его прокормить. Тут случай привел его в Новый Орлеан, где находился Хавьер Мина, племянник знаменитого Мина. При первой же встрече эти два выдающихся человека мгновенно поняли друг друга.

Мина покинул Испанию, где мирная жизнь не давала выхода его клокочущей энергии. Он приехал в Соединенные Штаты с целью организовать военную экспедицию и помочь мексиканским инсургентам. Уже в Норфольке и Балтиморе Мина завербовал много сторонников. Приготовления к задуманной смелой попытке привели его в Новый Орлеан.

Луис Морен с радостью согласился участвовать в экспедиции и вместе с Мина высадился в Сото ла Марина. Услуги, оказанные молодым французом делу независимости в течение короткого (шестимесячного) блестящего похода, так несчастливо закончившегося неожиданным нападением на ранчо дель Венадито, были оценены по достоинству революционным конгрессом: несмотря на свою молодость, Луис получил звание полковника.

Молодой офицер, рискуя жизнью, тщетно пытался спасти своего начальника; его усилия не привели ни к чему, и несчастный Мина был расстрелян испанцами.

От катастрофы до того момента, когда мы познакомились с доном Луисом Мореном, остановившимся со своим отрядом в триста пятьдесят человек на восточном берегу Рио Гранде-дель-Норте, прошло два месяца...

---

* Франсиско Эспос и Мина — испанский генерал (1782—1836). Отважно сражался всю жизнь на стороне испанских либералов против короля Фердинанда VII, стремившегося к восстановлению абсолютизма.

После паузы, которую мексиканец не решился нарушить, полковник поднял голову, повернулся к своему подчиненному и положил ему руку на плечо.

— Мне показалось, дон Кристоаль, — улыбаясь, сказал он, — что наши ранчерос устали. Может, они раздумали следовать за мной?

— Они? Ваша милость! — вскричал пораженный Кристоаль. — Они так преданы вам! Что заставило вас предположить это?

— Право, только ваша необычайная настойчивость и замешательство в разговоре со мной — там, на берегу.

— Нет, нет, ваша милость, вы ошибаетесь! И я, и храбрые ранчерос готовы для вас на все! — горячо воскликнул дон Кристоаль; он действительно боготворил своего начальника. — Если я позволил себе прервать ваши размышления, то только потому, что становилось поздно, люди были голодны, а лошади не могли больше двигаться.

— И это все, мой дорогой Кристоаль? — спросил дон Луис, пытливо глядя на него.

— Да, клянусь честью, полковник!

— Я вам верю, мой друг. Оставим это и поговорим о наших делах. Вы уверены, что эти пять дней ведете нас верной дорогой?

— Ваша милость, — с тонкой улыбкой ответил дон Кристоаль, — разрешите напомнить вам, что я был охотником и гамбусино, прежде чем стал инсургентом. Это значит, что я знаю пустыню в совершенстве и могу днем и ночью пересечь ее, не боясь заблудиться.

— Меня успокаивает ваша уверенность, дорогой друг. А сейчас, пожалуйста, объясните мне: скоро ли мы доедем до Нориас де Охо-Люсеро? Вы, конечно, знаете, что это и есть конечная цель нашего путешествия.

— Ваша милость, мы могли уже давно быть там, если бы вы не выразили желания дожидаться в дороге каких-то известий.

— Это верно. Я забыл об этом, дорогой Кристоаль. Но теперь это уже безразлично. Какое расстояние нас сейчас разделяет?

— Семнадцать лье, ваша милость.

— Прекрасно! Это дело одного перехода, не больше.

— Да, но хорошего перехода! Хотя, если мы выедем в полночь, при луне, мы можем доехать до наступления сильной жары.

— Эти нориас* находятся на индейской территории, не правда ли?

— Извините меня, ваша милость, — наоборот, они находятся в центре христианских владений. Простите меня за смелость, но каким образом вы должны получить ожидаемые сведения?

— Очень просто: через гонца-индейца. Меня уверили, что этот человек предан делу независимости.

Несмотря на глубокое уважение, которое дон Кристоаль питал к своему начальнику, он с сомнением покачал головой:

— Поверьте мне, ваша милость, я знаю индейцев лучше, чем вы, — они преданы только самим себе и вину.

— За этого индейца мне поручились.

— Дай Бог, чтобы вы не ошиблись, ваша милость. Для меня, сына страны, индеец всегда предатель.

В это мгновение в двух шагах от собеседников ветки кустарника, не производя ни малейшего шума, резко раздвинулись, и какой-то человек, прыгнув как ягуар, очутился перед ними.

При этом внезапном появлении офицеры вскочили с места, выхватив сабли.

Незнакомец бесстрастно вытянул во всю длину правую руку с открытой кистью, ладонью вверх — по индейскому обычаю, и произнес гортанным голосом:

— Амиго де ла индепенденсия**.

После этого он скрестил руки на груди и гордо поднял голову, застыв в позе ожидания, как бы не замечая враждебных действий офицеров.

Полковник пристально посмотрел на индейца и сказал офицеру:

— Думаю, что это и есть гонец, которого я жду.

— Возможно, — сдержанно ответил дон Кристоаль. — Ваша милость может его расспросить — ведь это ни к чему не обязывает.

— Это я и намерен сделать.

---

* Нориас (*исп.*) — колодцы.

** Амиго де ла индепенденсия (*исп.*) — друг независимости.

Гонец

Стоит, несомненно, отметить следующий интересный факт: полное и резкое различие, существующее между людьми одной расы — цивилизованными индейцами, так называемыми мансос, и непокоренными, или бравос.

Первые, подпав под сильное влияние отцов-иезуитов, бывших миссионерами в Америке, со временем невольно подчинились требованиям и дисциплине цивилизации, абсолютно противоречащей их природным инстинктам и желаниям. Они, конечно, не были способны понять ее, но, не одобряя в душе, внешне ее приняли. Кончилось это тем, что мансос, потеряв свой истинный характер, приобрели новый, являвшийся как бы тонким слоем лака, наведенным на их природное невежество и стиравшимся мгновенно при первом соприкосновении с жизнью в пустыне.

Так и случилось, когда впоследствии в Мексике были уничтожены миссии. Едва привыкнув к спокойной оседлой жизни — а к ней так долго их старались приучить, — индейцы, вырвавшись из-под тяжелого гнета, все без исключения вернулись к прежнему образу жизни, забыв за несколько месяцев то, чему их учили столько лет!

В противоположность индейцам мансос — непокоренные, или бравос, сохранили свою свободу с первых же дней появления в стране испанцев. Презирая цивилизацию, которую они считали синонимом коварного ограбления, рабства и мучений, бравос сохраняли быт, существовавший до открытия Америки. Фанатики свободы, смелые и гордые, они возненавидели белых, чувствуя в них беспощадных врагов мексиканской расы.

Неизвестный, так неожиданно возникший перед двумя офицерами, был индеец браво. Он заслуживает особого описания.

Молодой человек, пожалуй еще не достигший середины жизни (хотя возраст индейца очень трудно определить), высокий, почти гигант, он обладал, по-видимому, сверхъестественной силой, подвижностью и необычной гибкостью. Он мог бы служить образцом индейской красоты: у него был высокий, широкий лоб, густые брови, черные, глубокие, как ночь, глаза, довольно большой рот с ослепительно белыми зубами. Лицо его выражало одновременно гордость, мужество, ум и хитрость. Это был законченный тип мексиканской расы.

Одевание его было более чем просто: длинная рубаха из голубого коленкора, стянутая на бедрах поясом из недубленой оленьей кожи; штаны из той же материи, что и рубаха, спускавшиеся немного ниже колен: мокасины, украшенные стеклянными бусами и иглами дикобраза, предохранявшие при ходьбе ступни и части ног. Голова индейца была не покрыта: иссиня-черные волосы, разделенные на пробор и стянутые на лбу куском змеиной кожи, падали в беспорядке на плечи. Сумка из пергамента, так называемая медицинская, со съестными припасами была переброшена подобно перевязи с правого плеча на левый бок. В руках он держал толстую суковатую палку. Кроме ножа, на нем не было никакого оружия — по крайней мере не было видно.

Полковник, впервые встретивший такой великолепный образец племени краснокожих, разглядывал индейца со смешанным чувством удивления и восхищения. Потом он знаком велел дону Кристобалю приступить к допросу. Со всем не так легко, как это кажется, заставить краснокожего говорить. Полковнику это было известно, и он даже не делал попыток в этом направлении. Он решил вступить в разговор позже, если будет необходимость.

— Мы рады видеть тебя, Хосе*, — сказал дон Кристобаль. — Но почему ты бродишь так поздно? Солнце уже село, ты давно должен был спать. Откуда ты явился?

Индеец вместо ответа пожал плечами.

---

* Обычно в Мексике этим именем называют индейцев мансос.

— Ты что, не слышишь меня, плут? — спросил дон Кристобаль.

— Вождь команчей слышал дрозда-пересмешника, который повторяет слова, не понимая их! — сказал презрительно индеец своим гортанным голосом. — Вождь не называет себя Хосе. Так называют его гачупины, которых вождь обманывает. Краснокожие братья называют вождя Мос-хо-ке. А бледнолицые, если они друзья вождя, называют его Великий Бобр.

Медленно, высокомерно процедив эти слова, индеец вскинул голову и устремил на офицера огненный взгляд.

Тон и поведение дона Кристобаля мгновенно изменились. Он быстро поднялся и сердечно приветствовал индейца.

— Пусть мой брат простит меня! — сказал он. — Я не ожидал такой чести. Я не знал, что говорю с вождем — таким мудрым, с воином — таким знаменитым! Ведь я встречаюсь с ним в первый раз! Пусть брат мой займет место рядом со мной и выкурит трубку мира.

Индеец с улыбкой выслушал слова мексиканца, но легким движением головы отклонил его предложение.

— Великий Бобр, — сказал он высокопарно, — шел много дней, чтобы соединиться с молодым вождем, рожденным по другую сторону большого соленого озера. Он дал слово не отдыхать, пока не встретит его. Великий Бобр — вождь, он исполнит свое обещание.

— О каком молодом вожде говорите вы, воин? — спросил Луис, вмешавшись наконец в разговор.

— Я говорю о том вожде, который был при бледнолицем начальнике, убитом гачупинами и носившем имя Мина.

— Если это так, вождь, — сказал полковник, приблизившись к индейцу, — ваше путешествие закончено. Человек, которого вы ищете, — перед вами.

— Пусть мой брат докажет это.

— Я это сделаю очень легко, если вы именно тот человек, которого я ожидаю, — сказал полковник, вопросительно поглядев на индейца.

Краснокожий молча отступил на шаг, поднял руки к груди, раскрыл рубаху и снял с шеи кожаный мешочек, висевший на нитке, сплетенной из волокон алоэ. Потом ножом срезал эту нитку, открыл мешочек, вынул из него вчетверо сложенную бумагу, развернул и подал полков-

нику. Тот при свете костра рассмотрел ее самым тщательным образом. Это было грубо раскрашенное изображение Гваделупской Божьей Матери. Один угол бумаги был неровно надорван, и как будто случайно венец и лицо Богоматери были проколоты иглой в семи местах. Но, видимо, именно эти причудливо разбросанные уколы послужили для молодого человека ясным подтверждением сказанного. С удовлетворенным видом он достал из своей сумки точно такую же бумагу и протянул ее индейцу вместе с первой.

Вождю команчей потребовался один молниеносный взгляд, для того чтобы увериться в полном тождестве изображений. Его лицо, до этого холодное и суровое, мгновенно просияло. Он почтительно склонился перед полковником и, передав ему свою палку, вкрадчиво сказал:

— О! Я вижу, что брат мой — действительно тот молодой человек, которого я ищу. Мое путешествие закончилось счастливо. Пусть брат мой возьмет эту палку! Отныне она мне не нужна.

Дон Луис, плохо знакомый с нравами краснокожих, взял палку, не придавая никакого значения словам индейца.

— С какого времени брат мой Великий Бобр идет по моим следам? — спросил он.

— Луне было два дня, когда белые вожди призвали Великого Бобра и поручили ему пойти на розыски Пламенного Глаза, — сказал вождь команчей. Со свойственной индейцам поэтичностью, он тут же дал прозвище голубоглазому французу.

— Ах, так! Значит, брат мой шел семь дней!

Индеец улыбнулся.

— Луна, которая нас освещает, уже гаснет, — ответил он. — Пусть молодой вождь прибавит к этой луне и прошедшую — тогда он узнает число дней, которые прошел Великий Бобр, не отдохнув ни разу до этой минуты, хотя силы его истощены.

— Как? Мой брат шел, не останавливаясь, тридцать пять дней?! — изумленно вскричал молодой человек.

— У Великого Бобра было очень много дел.

— Но Великий Бобр их выполнил, конечно?

— Выполнил все, — поклонившись, сказал индеец.

— А что теперь будет делать Великий Бобр?

— Он останется с Пламенным Глазом и будет выпол-

нять его приказания. Так пожелало Собрание мудрейших бледнолицых.

— У вас, значит, есть ко мне поручение от них?

— Пусть брат мой Пламенный Глаз бросит взгляд на ожерелье — тогда станет известно все, что он хочет знать, — сказал индеец, слегка улыбаясь.

— Что он хочет сказать этим словом «ожерелье»? — спросил заинтригованный полковник у дона Кристобалья.

— Ну да, ведь вы еще не знаете индейских выражений! — смеясь, ответил тот. — У них это означает «письма». Дело в том, что индейцы пользуются в качестве писем на низанными на нитку разноцветными бусами.

— Прекрасно! Но я не получал никаких писем, я только жду их.

— Вы слышите, вождь, что говорит полковник? — спросил дон Кристобаль у индейца.

— Уши Великого Бобра открыты, он слышит, — ответил индеец.

— Что же вы нам ответите, вождь? Отвечайте ясно, как подобает вождю, положение очень серьезно.

— Множество гачупинов на дороге войны, — сказал индеец. Он стоял, положив руку на сердце, с неописуемым выражением торжества на лице. — Тамариндос еще больше... Великий Бобр много раз был схвачен ими и подвергался обыску. Но Великий Бобр — мудрый вождь, все в племени знают его. Тамариндос не удалось найти ожерелья, как они не старались!

— Значит, оно у вас? — быстро вскочил полковник.

— Оно у меня было несколько минут назад. Но сейчас оно в руках у Пламенного Глаза.

— У меня? Но вы мне ничего не передавали, воин! — раздраженно сказал полковник. — Вы просто хотите пошутить!

— Военный вождь не может лгать. Команчи — мужчины! У Великого Бобра язык не раздвоенный. Если он говорит, то только правду! — напыщенно произнес краснокожий.

— Всемогущий Боже! — нетерпеливо вскричал молодой человек. — Я повторяю: вы ошибаетесь, вы ничего мне не передавали! Дон Кристобаль это может подтвердить...

— Прошу прощения, ваша милость, — прервал его дон Кристобаль. — Вы незнакомы с нравами индейцев. Вы сами сказали, что это первый индеец, встреченный вами. У

них бывают иногда совершенно необъяснимые поступки. Позвольте, я разберусь в этом. Этот краснокожий — безусловно человек известный, он не будет лгать. Тут явное недоразумение. Надо это выяснить.

Полковник засмеялся:

— Ну, знаете, дорогой мой, если вам удастся убедить меня, что он передал мне эти письма, я скажу, что вы чрезвычайно ловки!

— Посмотрим. Может быть, мне это удастся гораздо легче, чем вы думаете. Вы разрешите, ваша милость?

— Я даю вам неограниченные полномочия, дорогой дон Кристоаль. Попытайтесь!

Краснокожий бесстрастно смотрел на огонек своей трубки и не обращал ни малейшего внимания на разговор офицеров.

После короткой паузы дон Кристоаль сказал:

— Индейцы не похожи на всех людей, сеньор, они ничего не делают и не говорят без значения. Каждое их слово, каждое малейшее движение имеет смысл... Что у вас в руках?

— Да вы же видите — это палка.

— Эту палку он вам дал?

— Да, но...

— Подождите! — живо сказал Кристоаль. — Ведь, передавая ее, индеец вам сказал, что эта палка больше ему не нужна, так как путешествие его кончилось?

— Да, он сказал это. Но все равно — какая же связь между этой палкой и письмами, которые...

— Ну, вот что: или я ошибаюсь, или эта палка содержит то, что вы ищите. Сломайте ее, сеньор! Вы увидите, прав ли я.

Полковник не заставил себя просить дважды: он взял палку обеими руками и разломал ее ударом по колену на две части. Палка была выдолблена во всю длину, и в ней были скрыты тщательно свернутые бумаги. Свертки эти тут же выпали на траву.

— Ну, что вы скажете? Я был прав! — торжествующе вскричал дон Кристоаль.

Индеец вытащил из своей сумки кусок окоте*, зажег его и воткнул в землю.

— Вот вам факел, читайте, — сказал он полковнику.

---

* Окоте — мексиканская сосна.

Дон Кристобаль, по предложению полковника, присоединился к своим товарищам и, укрывшись плащом, уснул крепким сном.

Во всем лагере бодрствовали только три человека: караульный, обязанный стоять на часах, индеец, сидевший на корточках перед костром с трубкой во рту, положив локти на колени и подперев голову руками, и полковник, внимательно читавший депеши.

Прочитав, он тщательно сложил их в свой бумажник, провел рукой по лбу, как бы желая стереть тяжелые мысли, потом резко обернулся к индейцу и пристально посмотрел на него.

— Пламенный Глаз хочет мне что-то сказать? — спросил краснокожий, настороженно оглядевшись вокруг. — Пусть он раньше выслушает вождя. Сейчас, когда все уши закрыты, Великий Бобр должен передать ему слова одного друга.

— Говорите, вождь, я слушаю вас с большим вниманием, — сказал молодой человек.

Индеец поднялся, сделал круг, как бы проверяя, что никто не может подслушать, затем, успокоенный своими наблюдениями, опять занял место перед огнем.

— Вот что сказал друг Пламенного Глаза, — прошептал он: — «Я потерял половину моей души, любимая девушка исчезла, неужели мой друг покинет меня в горе»?

— Кто велел вам передать мне эти слова, вождь? — возбужденно сказал Луис.

— Брат мой пылок, он любит своего друга, это хорошо, — все так же бесстрастно сказал индеец. — Великий Бобр тоже любит Энкарнасиона Ортиса. Это храбрый воин, гачупины его очень боятся. Великий Бобр поможет Пламенному Глазу выручить из беды Энкарнасиона Ортиса.

— Вы говорили об Энкарнасионе Ортисе?! Во имя неба, вождь, не скрывайте от меня ничего! С ним случилось несчастье?

— Пусть он сам все расскажет бледнолицему вождю. Великий Бобр — всего-навсего невежественный краснокожий, у него во рту нет языка белых, и он не умеет говорить и объяснять, как белые.

Предыдущий разговор очень ясно показал, что спрашивать индейца, когда он не хочет отвечать, бесполезно. Поэтому полковник, несмотря на тревогу и волне-

ние, решил не продолжать разговора, — по крайней мере, явно. Он предпочел отвлечь внимание индейца и потом незаметно вернуться к этому вопросу.

Он принял самый безразличный вид, на который только был способен, и спросил:

— Итак, Собрание направило вождя команчей, с тем чтобы он проводил меня до места свидания?

— Великий Бобр согласился это сделать, и он сделает.

— Благодарю вас, вождь. Я рассчитываю на то, что вы хорошо знаете страну и проведете нас самым коротким путем.

— Птицы летят прямо — так же ходит Великий Бобр, когда он на тропе войны.

— Скажите мне, вождь, среди белых воинов, которых мы встретим, будет и Энкарнасион Ортис?

— Энкарнасион Ортис придет туда. Пламенный Глаз его увидит.

— Отдохнули ли вы несколько, вождь, чтобы сейчас же пуститься в дорогу?

Вождь команчей презрительно усмехнулся и, затянув пояс, который, садясь, он немного распустил, сказал:

— Великий Бобр не знает усталости. Если этого требует долг, ничто не может его остановить.

— Если так, мы сейчас же идем. Время уже за полночь, лошади и люди отдохнули, нас здесь ничто больше не задерживает.

— Я готов. Пусть Пламенный Глаз приказывает, он — начальник Великого Бобра.

Полковник сразу встал, разбудил дону Кристобала и приказал ему приготовиться к отъезду и поднять ранчерос.

Бедняги не чувствовали ног от усталости, когда приехали на стоянку, поэтому они ей очень обрадовались.

Тем не менее сейчас, когда им пришлось встать и седлать лошадей, они не позволили себе выразить даже тени неудовольствия: они понимали, что только очень важный повод принудил их начальника внезапно пуститься снова в путь и именно тогда, когда они так великолепно уснули.

Спустя полчаса ранчерос, следуя за Великим Бобром, покинули свою стоянку и тихо спустились с крутого откоса, держа под уздцы лошадей. Попад на равнину, они вскочили в седла и поскакали галопом.

В ночной тьме они напоминали фантастических черных всадников, немых и страшных, которые, по преданию скандинавской легенды, блуждают холодными и туманными зимними ночами в вековых лесах Норвегии.

Столкновение

Ночь была темной, духота невыносимой; по небу медленно двигались тучи; в воздухе с нестерпимым жужжанием кружились мириады moskitov; беспричинно трещали ветви деревьев; в тишине возникали таинственные шорохи; по временам с унылым шумом на листья падали крупные капли дождя, — все в природе предвещало приближающуюся грозу.

Всадники угрюмо продвигались вперед, с трудом управляя усталыми лошадьми, на каждом шагу спотыкавшимися о придорожные камни. И только Великий Бобр шел непринужденно и уверенно, как будто дорога была освещена солнцем; он ни разу не остановился, ни разу не заколебался; иногда только касался ладонью коры деревьев, — ему было достаточно этого легкого прикосновения, чтобы в полной тьме убедиться в правильности выбранного пути.

Бывало, что отряду преграждали дорогу ручьи, но каждый раз проводник с удивительной точностью останавливался как раз возле брода, и ранчерос легко переходили через водные потоки.

Собиравшаяся ночью гроза так и не разразилась; к утру небо прояснилось, поднялся ветер; он освежил раскаленный воздух. К ранчерос вернулась уверенность, они выпрямились в седлах и, забыв о былой усталости, тихо обменивались веселыми словечками.

Дон Луис и дон Кристоаль ехали бок о бок с проводником; последний невольно поддался обаянию дона Луиса. Он постепенно сбросил с себя надменность, свойственную индейцам, и начал разговаривать и смеяться, как будто находился среди старых друзей.

Дон Кристобаль хорошо знал жизнь в пустыне и сдержанный, подозрительный характер краснокожих — будучи от природы веселыми и беззаботными, они никогда не открывают свою душу с полной доверчивостью, особенно в присутствии иностранцев, — и он не понимал, чему приписать хорошее настроение вождя, который не только отвечал на шутки, обращенные к нему, но не стеснялся и сам шутить, когда представлялся случай.

Таким образом, в полном согласии ранчерос продолжали свой поход; и хотя дон Луис, конечно, ждал с большим нетерпением встречи со своими друзьями, все же примерно в девять часов утра он решил сделать привал на несколько часов.

Надо было переждать наиболее жаркое время дня, дать всадникам отдых, восстановить их силы, израсходованные в течение нескольких дней тяжелого перехода.

По приказу дона Кристобалья отряд разбил лагерь на берегу Рио Браво-дель-Норте у брода, найденного проводником.

Этот брод находился немного выше Пасо-дель-Норте. Полковник, не зная о событиях, происшедших в последнее время, собирался привести свой отряд именно туда или, по крайней мере, в окрестности деревни, рассчитывая встретить там своих друзей.

Для привала на несколько часов место было выбрано прекрасно.

Высокие ветви деревьев давали благодатную тень; зеленая густая трава как бы предлагала мягкую постель для сна. Ранчерос расседлали своих лошадей, дали им маису и, выполнив этот долг, подумали о себе. Каждый устроился с возможными удобствами — разложили на траве съестные припасы и весело позавтракали.

Дон Луис, дон Кристобаль и Великий Бобр расположились для завтрака в некотором отдалении от всего отряда. Великий Бобр был очень польщен приглашением полковника, он считал это большой честью для себя.

Скромный завтрак состоял из маисовых лепешек, куска жареной дичи, ягод, собранных дорогой, и стакана каталонского вина. Но эта еда была приправлена острейшей из всех приправ — хорошим аппетитом. В этом случае самые безвкусные блюда кажутся превосходными.

После обеда и неизменной сигареты каждый устроился поудобнее, желая выспаться; только проводник поднялся

и затянул пояс, как бы готовясь удалиться. Полковник его задержал.

— Вы разве не собираетесь отдохнуть, вождь? — спросил он.

— Нет, — ответил индеец, — Великий Бобр будет бодрствовать. Он обещал другу Пламенного Глаза доставить молодого начальника живым и невредимым.

— Благодарю вас, вождь, за вашу самоотверженность, по-моему, она излишня в данный момент. Достаточно наших часовых, чтобы охранять нас.

— Великий Бобр отправится на охоту — раздобыть ужин — и в то же время просмотрит дорогу. Это его долг.

— Как вам угодно, вождь. Что касается меня, то мои глаза слипаются. Я очень хочу спать!

— Хорошо! Пусть сон восстановит силы моего брата. Мос-хо-ке возвратится, когда солнце удлинит тень больших деревьев до линии воды в реке.

— Хорошо, вождь. Однако не удаляйтесь на большое расстояние.

Гонец молча улыбнулся и направился к броду. Ранчерос наблюдали, как он переходил реку, — вода доходила ему до пояса.

Полковник распорядился дать индейцу лошадь, но он предпочел отказаться от нее, считая, видимо, что так лучше пойти по следу, если он встретится на его пути.

За исключением кое-где расставленных часовых, все ранчерос беззаботно спали.

Около трех часов пополудни полковник почувствовал легкое прикосновение руки к его плечу. Этого было достаточно, чтобы молодой человек открыл глаза и вскочил на ноги. Мос-хо-ке стоял неподвижно перед ним; у ног его лежали пекари — трофеи охоты.

— А-а! Это вы, вождь! — зевая, сказал полковник. — Вы считаете, что уже пора отправляться?

Не говоря ни слова, индеец показал на солнце, которое медленно опускалось на горизонте.

— Это верно, вы точны. Спасибо! Я распоряжусь, чтобы дали сигнал седлать лошадей.

Проводник остановил его.

— Нет, — сказал он, — в лесу слишком много открытых ушей.

— Вы чего-то опасаетесь, вождь?

— Опасность приходит всегда, когда ее не ждут. На до-

рогах войны осторожность всегда необходима. Великий Бобр предупреждает, чтобы ружья бледнолицых людей были заряжены.

— Они всегда заряжены.

— Хорошо. Они понадобятся, вероятно, до захода солнца. Пусть воины приготовятся — уже время отправляться дальше.

Двусмысленные слова проводника заставили полковника призадуматься. И все же он решил, что будет благоразумнее последовать совету вождя. Он был убежден, что, в случае реальной опасности, проводник скажет обо всем яснее.

По совету индейца ранчерос разбудили без сигнала. Это повлекло за собой некоторое опоздание. Было уже больше четырех часов, когда кавалерийский отряд приготовился к походу.

К проводнику подвели его лошадь, и он поехал впереди отряда, чтобы разведывать брод и указывать дорогу всадникам.

Без особых препятствий они переправились на другой берег и вскоре очутились на мексиканской земле. В эту эпоху покинутый ранчерос берег входил клином в испанские владения, составляя часть вице-королевства Новой Испании, хотя он и был захвачен независимыми индейцами.

После переправы по приказу полковника отряд остановился на несколько минут, чтобы восстановить ряды, а затем уже отправился дальше галопом — привычным аллюром мексиканских лошадей.

В этот момент Мос-хо-ке наклонился к уху полковника и сказал, указывая пальцами на лесок, к которому подъезжал отряд:

— Белый начальник должен обратить внимание на это место.

— Что вы хотите сказать, вождь? — спросил полковник.

— Великий Бобр напал на след.

— След?

— Не более чем в четырех лье отсюда.

— Я ничего не понимаю... — сказал полковник, обратившись к дону Кристобалу.

— Он хочет сказать, что видел следы перехода каких-то людей.

— А-а! Очень хорошо... А какой след? — спросил полковник, поворачиваясь к индейцу.

— Это след войны. Лошади подкованы, они принадлежат бледнолицым.

— Наверно, это независимые ранчерос. Их много здесь, их отряды занимают всю провинцию.

Индеец покачал головой.

— Нет, — сказал он, — это гачупины.

— Испанцы?

— Да.

— В каком направлении они следуют?

— В противоположном нашему.

— Значит, они идут сюда?

— Через час они будут перед нами.

— Кто эти люди?

— Великий Бобр знает.

— Вы их видели?

— Да.

— Кто же они?

— Воины человека, которого белые называют дон Горацио де Бальбоа.

— Это невозможно, вождь, вы ошибаетесь.

— Великий Бобр не ошибается.

— В письмах, принесенных вами, мне сообщили, что дон Горацио де Бальбоа был внезапно захвачен Энкарнасионом Ортисом в Пасо-дель-Норте и разбит наголову, а его шайка рассеялась.

— Это правда. Койоты были выкурены ягуарами, но койоты потом вновь объединились. Великий Бобр знает об этом. Он видел их два раза: до встречи с Пламенным Глазом и сегодня. Мой брат должен быть осторожен, — их много.

— Да что мне эти негодяи! Они ничего не стоят по сравнению с моими храбрыми солдатами!

— И все же лучше избежать встречи с ними. Это легко сделать.

— Нет, ни за что! Я уничтожу их!

— Пламенный Глаз — начальник.

— Я считаю позорным свернуть с пути из-за этих презренных людей!

— Если Пламенный Глаз принял такое решение, он должен немедленно позаботиться о мерах предосторожности. Этого требует благоразумие.

— Вы правы, вождь... Дон Кристоаль, составьте авангард из сорока человек, пошлите разведчиков на фланги колонны, распорядитесь, чтобы полная тишина царила в рядах, чтобы каждый воин был готов к битве. Враг перед нами.

Дон Кристоаль выполнил приказание своего начальника с такой быстротой, что через пять минут отряд вошел в лес в полном порядке и готовый к любой неожиданности.

Ранчерос в ожидании настоящей битвы забыли об усталости, к ним вернулось их обычное беззаботное веселье.

— Теперь, — сказал проводник, слезая с лошади и передавая ее ближайшему солдату, — Великий Бобр пойдет вперед на разведку. Он должен выяснить дорогу для своих белых друзей. Он предупредит их о приближении врага. Он трижды прокричит, как ястреб-перепелятник.

— Благодарю вас! Идите! — сказал полковник.

Индеец проскользнул между деревьями и исчез.

Отряд продолжал двигаться медленно и осторожно.

— Должен сказать, что в характере индейцев много хорошего и они люди надежные, — обращаясь к своему лейтенанту, заметил полковник.

— Да, для тех, кого они любят, — улыбаясь ответил дон Кристоаль.

— Это само собой разумеется, — в тон ему сказал полковник.

Чапарраль — это низкий лес, очень похожий на чащу Корсики.

Переплетения деревьев с вьющимися растениями образуют непроходимую стену. Ранчерос стоило громадных усилий сохранить при этом трудном передвижении свой боевой порядок и не дать лошадям ни споткнуться, ни свалиться.

Опасность угрожала на каждом шагу. И все-таки этому отряду, состоявшему из отборных всадников, удалось пересечь громадную часть леса без особых происшествий.

Всадники увидели мелькнувшее между деревьями начало саванны.

Солнце, похожее на медный красный шар, стояло на самом горизонте; оно уже не горело. Нужно было спешить выбраться из леса до наступления ночи, в одно мгновение сменяющей день в тропических странах.

Отряд дошел до опушки леса и вступил на равнину; на

ней, несмотря на отсутствие малейшего ветерка, колыхались высокие травы. В этот момент внезапно послышался крик ястреба-перепелятника, почти немедленно вслед за ним — ружейный выстрел и ужасный крик; ранчерос остановились, охваченные сильнейшим беспокойством.

Что произошло на равнине? Она ведь кажется такой пустынной!..

Кто выстрелил?

Быть может, проводник захвачен врагами и убит?

Что можно предпринять?

Продолжать двигаться вперед или отступить?

Все были объаты крайней тревогой.

И тут совсем близко от них прозвучал пронзительный торжествующий крик. Раздвинулись травы, и появился Великий Бобр. Он держал в одной руке ружье, в другой окровавленный скальп.

— Хвала создателю! — увидев индейца, вскричал полковник. — Мос-хо-ке невредим!

— Гачупины там! — сказал индеец, вытягивая руку. — Великий Бобр принес скальп одного из разведчиков.

Нельзя было тратить времени на размышление, нужно было немедленно принять решение. Полковник без колебаний построил ранчерос в боевом порядке на опушке леса. Резерв в сто человек во главе с доном Кристобалем должен был скрыться в лесу и ждать приказа полковника. По первому же сигналу они должны были примчаться на помощь.

В течение получаса ранчерос стояли — неподвижные, спокойные и молчаливые.

Ни храбрость, ни привычка смотреть смерти в глаза не спасают солдат от нервной дрожи, невольно охватывающей из перед боем.

Солдаты, готовясь к битве, знают, что на войне нет милосердия.

Непокоренные, так же как и испанцы, были беспощадны в этой братоубийственной войне. Горе побежденным! Только одно имело значение: победить или умереть!

Чтобы предупредить о появлении врага, двадцать разведчиков выехали на пятьдесят шагов вперед от фронта.

Вскоре послышалась ружейная перестрелка; разведчики, за которыми погнались испанцы, укрылись позади своих рядов, а преследователсй встретил такой огонь, что они бросились назад, оставив нескольких солдат на земле.

Обстановка стала ясной — схватка обещала быть жаркой.

Полковник, недовольный создавшимся положением — неподвижностью отряда в ожидании столкновения (позиция, всегда невыгодная для кавалерийского боя), построил свой отряд в колонну, велел трубить атаку и, оставив резерв в засаде под прикрытием, поскакал навстречу с врагом с криком:

— Мексика и независимость!

Ранчерос, повторяя стократно этот клич, ринулись за ним.

Мос-хо-ке не ошибся: отряд, с которым решил сразиться дон Луис, был именно тот, которым командовал капитан дон Горацио де Бальбоа. Как сумел этот человек, только недавно разбитый наголову в Пасо-дель-Норте отрядом Энкарнасиона Ортиса, человек, наполовину обгоревший, еле вырвавшийся из пылающей деревни, — как сумел он снова и через такое короткое время стать во главе многочисленного отряда? Это тайна, разгадать ее невозможно, во всяком случае сейчас. Но факт существовал, и обсуждать его было бесполезно.

Но что еще поразило и заинтересовало полковника — это сам путь, по которому следовал испанец: он направлялся в пустыню...

Казалось бы, для такого человека, как дон Горацио, война сводилась к разбою, и он, естественно, должен был бы стремиться в центр Мексики, где были ранчо и асиенды, в маленькие и беззащитные города, которые можно было бы легко грабить, — ведь именно они и представляли громадный интерес для испанцев. Но чем привлекла дона Горацио пустыня? Единственные хозяева саванн — команчи, сиу, апачи и многие другие индейцы-кочевники и непокоренные, бродячие владельцы этих громадных пространств, — разве они дали бы ему те богатства, которых он так домогался и для которых готов был на все, на любое преступление?

Этот второй вопрос был так же трудно разрешим, как и первый. Одно ясно: принимая это направление, капитан дон Горацио преследовал темную цель; порочный до мозга костей, этот человек не мог иметь других намерений.

Но что это были за намерения?..

Как ни странно, полковник, мчась во главе своего отряда, не мог отделаться от этих мыслей; вместе с тем он

не мог дать себе отчета, почему они так живо занимали его.

Почему?

У него не было на это ответа.

Полковник никогда не встречался с капитаном, и, казалось, поступки капитана должны были быть безразличными для него.

Однако, повторяем, полковник был очень встревожен, и какая-то непонятная тоска сжимала его сердце.

Было ли это предчувствием?

Но почему предчувствие в отношении незнакомого человека? Вот что он напрасно старался понять.

Бальбоа принимал доклад своих разведчиков, когда услышал шум, похожий на раскаты грома.

Это ранчерос пошли в атаку.

Настоящий бандит по своим поступкам, дон Горацио в то же время был опытным офицером и храбрым человеком.

Раздосадованный тем, что не он предпринял атаку, капитан прибег к хитрости: большую часть солдат он перевел в засаду в придорожные кустарники, а на дороге оставил только заслон из всадников, расставленных таким образом, чтобы ввести в заблуждение противника.

Его отряд, состоявший из четырехсот сорока человек, численно превосходил отряд непокоренных; но капитан дон Горацио вез с собой закрытый паланкин, который, видимо, скрывал что-то очень ценное. На охрану паланкина было выделено шестьдесят всадников, получивших приказ не удаляться от него, что бы не случилось.

Этот паланкин и его конвой были спрятаны в чаще леса и все время находились под наблюдением капитана.

Едва Бальбоа принял все эти меры, как с быстротой бурного потока, опрокидывающего и уничтожающего в своем бешеном стремлении все встречающиеся на пути препятствия, появились ранчерос.

Дон Луис с бесшабашностью, характерной для настоящих командиров, угадал расположение противника и тут же изменил свой план атаки.

Отряд ранчерос, обрушившийся лавиной на испанцев, разделился на три части: центр продолжал атаковать в глубину, а фланги отклонились вправо и влево. С саблями в руках ранчерос стремительно бросились на спрятавшихся всадников, уверенных в том, что они ввели в за-

блуждение своих врагов, и потому не ожидавших этой неистовой атаки и растерявшихся от нее.

Схватка была ужасной. Обе стороны показывали чудеса храбрости. Ожесточение, вызванное расовой ненавистью, дошло до предела.

Испанцы, в первое мгновение застигнутые врасплох бешеной атакой, сплотили свои ряды и дрались с энергией отчаяния.

Нельзя было предвидеть, на чьей стороне будет перевес. Великий Бобр подошел к полковнику и, указывая на паланкин, неподвижно стоявший под прикрытием и охраняемый конвоем, лаконично сказал:

— Там!

Дон Луис бросил быстрый взгляд в направлении, указанном индейцем, и, не понимая причины, почувствовал важность, которую дон Горацио придает этому таинственному, тщательно оберегаемому паланкину.

Дон Луис знаком подозвал офицера, тихо сказал ему несколько слов и, собрав двадцать ранчерос, внезапно напал на конвой, до этого момента не принимавший участия в сражении.

Вскоре вокруг паланкина сосредоточилось все сражение: ранчерос стремились овладеть им, а испанцы удвоили усилия, чтобы его защитить.

Дон Горацио показывал чудеса храбрости, порывы мужества, достойные более благородной цели, чем та, которую он преследовал.

Капитан ловким приемом окружил ранчерос, и они очутились одновременно в роли атакующих и атакуемых.

Такой бой не мог долго продолжаться... Испанцы начали одерживать верх, как вдруг с силой прозвучал крик:

— Мексика! Мексика! Независимость!

И свежий отряд, охваченный гневом и энтузиазмом, бросился с непреодолимой силой в самую гущу сражающихся.

Это дон Кристобаль, извещенный проводником, выскочил со своим отрядом из засады на помощь полковнику.

Своевременное подкрепление немедленно изменило картину боя: ранчерос, тесня испанцев, расстроили их ряды и заставили отступить.

В этот момент занавески паланкина раздвинулись, и показалась очаровательная головка молодой девушки.

— Ко мне! Ко мне! — с отчаянием закричала девушка. — Ранчерос! На помощь! Я — мексиканка! Я — дочь...

Голос девушки показался дону Луису знакомым. Но больше он ничего не услышал, потому что дон Горацио поспешил к паланкину и, резко оттолкнув девушку, закрыл занавески.

— Вперед, — вскричал полковник. — Друзья мои, спасем эту девушку!

— Вперед! Вперед! — повторяли ранчерос, бросаясь вслед за ним.

Но их усилия были бесполезны.

Дон Горацио молниеносно собрал своих солдат и, как загнанный тигр, который не хочет признать поражения, начал отступать шаг за шагом, все время лицом к врагу, углубляясь в лабиринт леса.

Было бы просто безумием преследовать его: глубокая тьма наступившей ночи камнем пала на землю.

Ранчерос вынуждены были остановиться и разбить лагерь на поле битвы, усеянном трупами испанцев.

Воздадим должное храбрым ранчерос: они мужественно выполнили свой долг. Они изнемогали от усталости, и несколько часов отдыха были для них необходимы.

Полковник послал разведчиков удостовериться, что враг действительно отступил, и только после этого отдал распоряжение о ночном привале.

Охо-Люсеро

Дону Луису было грустно: одержанная победа для него была равносильна поражению, так как, несмотря на все усилия, он не освободил молодую девушку, трогательно взывавшую о помощи.

Кто же была эта девушка? Он видел ее всего лишь несколько секунд во время сражения, но лицо ее показалось ему знакомым. Где, когда он ее прежде встречал?

В течение долгих часов он напрягал свою память, но все было напрасно.

Была уже полночь, когда проводник возвратился и увидел, что полковник, погруженный в свои мысли, сидит перед костром.

Великий Бобр сел на корточки рядом с доном Луисом.

Полковник поднял голову.

— А, это вы, вождь! Вы возвратились очень поздно.

— Мос-хо-ке долго шел по следам гачупинов, — ответил индеец, спокойно набивая свою трубку и зажигая ее с помощью священной палочки.

— Вы их видели?

— Много часов Мос-хо-ке шел по их следам.

— Что они делают теперь?

— Они бегут, как лани, испуганные охотниками.

— Значит, они не намерены перейти в наступление?

— Нет, они спешат очутиться там, куда они идут.

— Куда же они направляются?

— В пустыню.

— Что они будут там делать?

— Мос-хо-ке узнает это в свое время. У индейца глаз орла: он видит все в саванне.

— Они увели с собой молодую девушку?

— Да.

— Вождь знает ее?

— Возможно.

— Кто она? — быстро спросил дон Луис.

Индеец остановил на мгновение свой взгляд на нем.

— Наступила полночь, — сказал он, — через несколько часов надо идти в путь. Мос-хо-ке нуждается в отдыхе, он идет спать.

И завернувшись в свой плащ, он лег у костра, закрыл глаза и уснул или, может быть, притворился спящим.

Дон Луис был подавлен.

— Ах, мучитель!.. Он что-то скрывает, я уверен в этом, — печально пробормотал он. — Но почему он так упорно молчит? Что за смысл ему скрывать правду?

С восходом солнца отряд двинулся в путь.

Еще накануне вечером убитых в бою похоронили и положили на могилы тяжелые камни, чтобы помешать диким животным осквернить трупы воинов.

Погода стояла великолепная. Утро было свежее, напоянное терпким благоуханием саванны. Веселое щебетание птиц в зелени звучало, как гимн этому радостному дню. Казалось, в природе все торжествует.

В это чудесное утро наши путешественники продвигались вперед очень легко и без всяких приключений.

Около одиннадцати часов, как всегда, сделали привал, чтобы переждать самое жаркое время дня.

Полковник затаил недовольство против проводника-индейца. Он всерьез рассердился на него за упрямые недомолвки накануне вечером и дал себе слово так или иначе, но заставить его разговориться. Дон Луис хотел скорее узнать все о молодой девушке. Всевозможными способами, искусными уловками старался он навести разговор на эту тему. Но поймать такого хитреца, каким был краснокожий, ему не удалось. Неизвестно почему, но Великий Бобр проявил большую осторожность: о чем бы ни спрашивал дон Луис, индеец с присущей ему ловкостью уклонялся от объяснений. Он даже делал вид, будто полковник разговаривает с ним просто из любезности. В конце концов дон Луис, выбившись из сил и убедившись, что ему ничего не удастся выжать из индейца, решил к этому вопросу больше не возвращаться.

— Мы скоро приедем, вождь? Мне просто не терпится

скорей попасть в Охо-Люсеро, — сказал полковник как-то вечером проводнику на привале.

— О-о! Брат мой Пламенный Глаз потерял терпение! — сказал, улыбаясь, индеец. — Он спешит увидеть своих друзей.

— Ну конечно, вождь!

— Хорошо. Пусть молодой вождь подождет еще немного — скоро он будет с ними.

— Вы говорите правду?

— У Мос-хо-ке не раздвоенный язык, он всегда говорит правду. Солнце второго дня не успеет еще скрыться, когда брат мой достигнет большого дома из камней, где живут его бледнолицые друзья.

— Я верю вашему обещанию.

— Мой брат убедится сам.

Конечно, полковнику хотелось получить более точные разъяснения, но приходилось довольствоваться и этими туманными обещаниями.

На следующее утро опять тронулись в путь...

Прошло уже три дня с того момента, когда отряд ранчерос перешел Рио Браво-дель-Норте, вступил на мексиканскую землю и ознаменовал свое появление блестящим сражением с бандой Бальбоа.

Всадники, снявшись с привала, еще сонные, ехали как бы ошупью; это было незадолго до восхода солнца.

По традиции, введенной им с первого же дня, Великий Бобр для разведывания дороги находился в шагах трехстах впереди отряда. Вдруг он остановился, внимательно осмотрелся и, вместо того чтобы ехать вперед, спешно повернул назад к полковнику.

— Что случилось? — спросил дон Луис.

— Пусть Пламенный Глаз посмотрит, — ответил индеец, указывая правой рукой на что-то вдаль.

Полковник посмотрел.

— Я ничего не вижу, — сказал он.

— Глаза бледнолицых не видят ничего! — и краснокожий презрительно улыбнулся. — Там деревня Охо-Люсеро.

Дон Луис почувствовал укол в этих словах, посмотрел снова, но с тем же успехом, что и в первый раз.

— Ничего не вижу, — повторил он.

— Ну что ж!.. — сказал индеец. — Пусть брат мой спрячет своих воинов под прикрытие, а Мос-хо-ке выйдет из леса и пойдет в деревню.

— Вы хотите нас покинуть, вождь? — быстро спросил дон Луис.

— Мой брат меня не понял, — с улыбкой сказал проводник. — Великий Бобр — воин, известный у костра согласия своего народа. Он очень хитрый. Он войдет в деревню бледнолицых как путешественник, который возвращается в деревню к своему племени. Йорри не заподозрит человека безоружного и идущего в одиночестве. Индейский воин поглядит всюду и, как только обнаружит гачупинов, вернется, чтобы предупредить брата.

— Хвала создателю! — вскричал дон Луис. — Ваша мысль превосходна, вождь! Идите в разведку, мы вас будем ждать здесь.

— Хорошо. Теперь мой брат понял. Пусть он не показывается. Великий Бобр уходит и скоро вернется.

Проводник быстро повернулся и вскоре исчез в глубине леса.

Полковник решил последовать его совету.

Всадники спешили, лошадей привязали к колышкам и, во избежание неприятных сюрпризов, расставили часовых. А солдаты постарались устроиться возможно удобнее, чтобы незаметно сократить время ожидания.

Понемногу сумерки начали рассеиваться. Солнце, поднявшись над горизонтом, как бы дало сигнал к пробуждению природы. Пейзаж, погруженный до этого в густой туман, разом осветился. Трава и листва, омытые обильной утренней росой, казались особенно ярко-зелеными и словно покрытыми жемчужной пылью. Птицы, разбуженные жаркими лучами дневного светила, начали свой веселый утренний концерт. Вдалеке завывали дикие буйволы, высунув головы из кустарников.

При свете солнца Дон Луис разглядел наконец деревню Охо-Люсери, ранчо которой белели в густых зарослях самых разнообразных деревьев. Деревня находилась в полулье от стоянки лагеря. Дорога из леса в деревню, широкая, извилистая, была совершенно безлюдной.

Дон Луис взял подзорную трубу и стал тщательно изучать окрестности.

Асиенда Охо-Люсери (в переводе на язык страны — Сверкающий Родник) находилась на склоне довольно вы-

---

* Йорри (исп.) — непереводаемая презрительная кличка, данная испанцам индейцами.

сокого холма, поднимающегося на дороге из Чиуауа в Пасо-дель-Норте. У подножья холма лежала деревня; в жалких домишках ее жили индейцы и пеоны, работающие на серебряных рудниках.

В описываемое нами время разработка этих богатых рудников приостановилась. Причинами были: с одной стороны, гражданская война, с другой — стремительное бегство владельца рудников, обвиняемого в слишком большой преданности Испании.

Едва освободившись от ненавистного хозяина, пеоны и вакерос* в яростном приступе гнева разграбили и подожгли асиенду. Позже, года через два или три, там поселились непокоренные и вновь укрепили главный корпус здания.

Охо-Люсеро по своему местоположению представляло собой для мексиканцев очень важный стратегический пункт, поэтому они поместили там многочисленный гарнизон; он должен был обеспечить связь с пустыней.

Дорога, ведущая в деревню, все еще оставалась безлюдной. Дон Луис начал уже чувствовать безотчетную тревогу, как вдруг кто-то тихо коснулся его плеча. Полковник быстро обернулся и увидел проводника, такого же спокойного, такого же бесстрастного, как всегда.

— Как! — удивленно воскликнул дон Луис. — Это вы, вождь?

— Великий Бобр вернулся, — ответил, насмешливо улыбаясь, индеец.

— Позвольте... — возразил изумленно молодой человек. — Но я ведь целый час не свожу глаз с дороги, а вас не заметил! Каким же путем вы пришли?

— Для бледнолицых нужна точно обозначенная дорога, — ответил индеец, — а путь Мос-хо-ке — это путь птицы, он может пройти всюду.

— Хорошо, пусть будет так, — ответил дон Луис. — Но для чего такие предосторожности? Разве мои друзья в трудном положении?

— Пусть Пламенный Глаз возьмет свои волшебные глаза, — сказал индеец, показывая на подозрную трубу, которую полковник держал в руках, — он сразу увидит своих друзей. Они радостно спешат к нему.

Молодой человек направил трубу на дорогу и не мог

---

* Вакеро (исп.) — пастух.

сдержатъ крика радости при виде группы всадников, мчавшихся во весь опор.

Спустя несколько минут всадники подъехали к опушке леса. Дон Луис тотчас же разглядел среди них своего друга Энкарнасиона Ортиса и дона Хосе Морено. Он поехал к ним навстречу и невольно остановился при виде их грустных лиц.

Поспешно обменявшись любезным приветствием с остальными офицерами, он с волнением приблизился к Энкарнасиону и Хосе Морено.

— Ради Бога, что случилось?! — вскричал он, пожимая их руки.

— Скоро вы это узнаете, друг мой, — печально ответил Энкарнасион.

— Немного позже, — прибавил дон Хосе. — Сначала надо заняться общественными делами, а потом уж частными.

Молодой человек поклонился, понимая, что настаивать в данный момент бестактно.

— Я к вашим услугам, сеньоры! — сказал он, повернувшись к офицерам и низко им поклонившись.

— Наоборот, полковник, мы к вашим услугам! — ответил один из офицеров. — Ведь вы безусловно лучше знаете, почему мы приглашены сюда.

— На этот вопрос, кабальерос, отвечу я, — сказал дон Хосе, выступив вперед.

— Мы вас слушаем, сеньор.

Дон Хосе Морено вынул спрятанный на груди большой запечатанный пакет с гербом конгресса и передал дону Луису.

— Прошу вас прочитать, сеньор полковник, — сказал он. — Это приказ главнокомандующего армией независимых, подписанный президентом Национального конгресса. Он дает мне право отобрать из вашего отряда тех людей, которые понадобятся для выполнения одной важной задачи. Тайна ее известна мне одному.

— Все это именно так, дон Хосе Морено, — ответил дон Луис, прочитав бумагу, находящуюся у него в руках. — И даже более того: я получил твердое указание быть в вашем распоряжении и слушаться вас во всем, не спрашивая объяснений.

— Мы получили точно такие же инструкции, — сказал капитан, вступавший уже прежде в разговор.

— Согласны ли вы, сеньоры, повиноваться этому приказу?

— Конечно, — ответили офицеры.

— Что бы я ни потребовал от вас?

— Приказывайте! — сказал полковник.

— Кабальерос, — сказал дон Хосе, — извините меня за такую поспешность, но, повторяю вам, поручение, возложенное на меня, чрезвычайно серьезно, мы не должны терять ни одной минуты! Капитан Фриас, не получали ли вы какого-нибудь особого приказа?

— Так точно, кабальеро, — ответил капитан. — Вчера, на заходе солнца гонец индеец доставил мне депеши.

— И в этих депешах вам дается приказ...

— ...поместить гарнизон в крепость Пасо-дель-Норте, некоторое время назад захваченную доном Энкарнасионом Ортисом. Быть может, по забывчивости этого не сделали раньше.

— Очень хорошо. Дон Луис передаст вам командование отрядом, и это позволит удвоить силы дель-Пасо, не ослабляя гарнизона Охо-Люсеро.

— Слушаю, сеньор!

— А еще какого-нибудь распоряжения не было в ваших депешах?

— Прошу прощения, сеньор, было. Мне приказано как можно быстрее составить отряд охотников или гамбусинос человек в шестьдесят или восемьдесят для особой задачи.

— Вот об этом я и спрашивал.

— Разрешите мне сказать, ваша милость. К моему величайшему сожалению, я не успел приступить к этому заданию до сих пор, так как получил эти депеши только вчера вечером.

— В моем распоряжении уже около сорока гамбусинос, ожидающих меня больше двух месяцев в условленном месте. Так что ваша задача облегчается — вам нужно найти только половину нужных мне охотников.

— Точно так, сеньор. И все же, несмотря ни на что, я могу обещать вам найти этих людей не раньше пяти-шести дней.

— Мы их найдем в течение десяти минут, — улыбаясь, сказал дон Хосе. — Мой дорогой дон Луис, — прибавил он, обернувшись к французу, — ведь в вашей квадрилье найдется сорок волонтеров, не так ли?

— По первому вашему слову.

— Мне помнится, дон Кристобаль Нава до войны был охотником на бизонов. Он мог бы принять командование над отрядом гамбусинос — под нашим начальством, разумеется. Я надеюсь, вы не откажитесь сопровождать меня?

— Благодарю вас, дон Хосе, вы угадали мое желание.

— Значит, все к лучшему! Мне не нужно говорить, что все должно держаться в величайшей тайне. А теперь, кабальерос, вы свободны. Мне остается только поблагодарить вас за вашу искреннюю готовность служить конгрессу.

— Не окажете ли вы нам честь — поехать с нами в Охо-Люсеро, сеньор Луис? — с изысканной вежливостью спросил капитан Фриас. — Там все приготовлено для достойной вас встречи.

— Принять ваше очаровательное приглашение или нет, зависит не от меня, сеньор капитан, — так же любезно ответил ему полковник.

— В таком случае, я за вас отвечу согласием, мой дорогой дон Луис! — живо сказал дон Хосе Морено. — Мы воспользуемся предложением капитана, чтобы закончить последние приготовления... Сеньор Фриас, у вас есть здесь мулы?

— Да, несколько мулов есть.

— Вы можете достать штук пятьдесят или шестьдесят?

— Легко.

— В течение какого времени?

— Самое большее в течение двух часов.

— Прекрасно! А лошади?

— У нас здесь водятся только мустанги.

— Вот именно о них я и говорю, мой дорогой капитан!

— Это легче всего. Сегодня же я велю поймать полтора ил даже двести мустангов, и мы их поместим в корале асиенды.

— О, мне столько не нужно, капитан, мне совершенно достаточно сотни!

— Прекрасно! Значит, сотня. А упряжь вам нужна?

— Нет, благодарю вас, дорогой капитан, не нужна. Я хочу иметь этих лошадей в резерве.

— Слушаю, сеньор. Сегодня же вечером они будут доставлены в асиенду.

Разговор на этом окончился.

Дон Хосе дал приказ отряду сниматься с места, и все всадники галопом поскакали в направлении Охо-Люсеро, куда прибыли через час.

Только что дон Луис собирался переступить порог асиенды, как Великий Бобр, приблизившись, шепнул ему на ухо:

— Что я должен сказать тем, кто послал меня к Пламенному Глазу?

— Как, вы хотите уйти от нас, вождь? Но почему? — спросил полковник.

— Разве Мос-хо-ке не выполнил честно возложенное на него поручение?

— О, безусловно, вождь! Не только умно и быстро выполнили, но и проявили настоящую преданность.

— Мои бледнолицые братья будут довольны мной, а сердцу Мос-хо-ке радостны их похвалы. Мос-хо-ке хочет вернуться к ним.

— Подождите немного, вождь, — сказал дон Луис. — Может быть, вам придется отвезти им письмо.

— Хорошо. Раз Пламенный Глаз приказывает, Мос-хо-ке до захода солнца останется в деревне бледнолицых.

— Нет, — вмешался в разговор дон Хосе Морено, до сих пор бывший молчаливым свидетелем этого разговора. — Нет! Мос-хо-ке — умный и опытный вождь. Белые друзья просят его войти в их дом и занять место у очага совета. Быть может, бледнолицым начальникам понадобится, чтобы мудрый вождь сказал им свое мнение.

Индеец горделиво усмехнулся, получив это неожиданное и лестное приглашение, и последовал за мексиканскими офицерами в асиенду.

Отряд расположился в первом дворе — патио, где по распоряжению дон Хосе Морено пеоны стали усердно угощать солдат освежающими напитками и закусками.

Мос-хо-ке

Дон Луис Морен очень хорошо знал, как сильно привязаны к нему ранчерос, вот почему он не мог просить кого-либо другого переговорить с ними. Он должен был сам сообщить им результаты разговора с доном Хосе. Поэтому он ушел из асиенды и направился к отряду. По его приказанию квадрилья сейчас же последовала за ним. Когда отряд собрался в патио асиенды, дон Луис с заметным волнением прочел полученный им приказ.

Сначала ранчерос слушали его в мертвом молчании, но по окончании чтения они все как один разразились градом упреков и жалоб. Дону Луису пришлось долго уговаривать их и убеждать, пока они не то чтобы утешились, но хотя бы без особого ропота примирились с тем, что у них будет новый командир. Во-первых, полковник пообещал им скоро вернуться, а во-вторых, — и это действительно вернуло им хорошее расположение духа, — он приказал дону Кристобалью Нава отобрать среди них соток волонтеров, которые должны были идти с ним.

Но тут возникло новое неожиданное затруднение: абсолютно все хотели идти за своим начальником. Полковник предложил бросить жребий, чтобы определить, кто же из них будет выбран.

Наконец все закончилось к общему удовлетворению. Полковник, сердечно распрощавшись со своим отрядом, поспешил в комнаты асиенды. Там его уже ждали дон Хосе Морено и остальные офицеры, чтобы сесть за стол.

Короткий обед прошел в молчании.

Когда приглашенные к столу офицеры встали и удалились для окончательных приготовлений к отъезду, дон

Луис Морен, Энкарнасион Ортис, дон Хосе Морено и вождь — индеец Мос-хо-ке остались одни в зале; расположившись в креслах, они молча курили.

Дон Луис, поглощенный своими обязанностями командира, с утра не мог найти свободной минуты для открытого разговора с друзьями. Огорченный их грустью, он, конечно, испытывал громадное желание понять ее причину. Поэтому он тут же воспользовался представившимся случаем.

Дон Хосе ответил на его сердечные расспросы глубоким вздохом; Энкарнасион Ортис поднялся и, положив руку на плечо дон Луиса, сказал ему с невыразимой печалью:

— Увы, друг мой, в ваше отсутствие на нас обрушилось ужасное горе!

— Во имя неба, скажите, что случилось?! Не оставляйте меня в этой смертельной тревоге, умоляю вас, друзья мои!

— Зачем растравлять эту жгучую рану? — сказал дон Хосе. — Ведь несчастье непоправимо!

— Непоправимо?! — с силой воскликнул француз. — Не надо впадать в такое уныние, сеньор дон Хосе. Все поправимо, кроме смерти!

— А если речь идет именно о смерти?

— О смерти? — вскричал француз. — Кто умер? Ради Бога, говорите!

— У меня нет сил сказать это, — сжав голову руками, сказал Энкарнасион.

— Тогда скажу я, — вздохнув, сказал дон Хосе. — Раз это нужно, я скажу. Я найду в себе силы, тем более, что это только несколько слов.

Один только Великий Бобр сохранял внешнее спокойствие; бесстрастно и холодно наблюдал он происходившее, молча покуривая трубку.

— После взятия Пасо-дель-Норте, — начал старик, — я был вызван конгрессом и, уезжая, оставил в асиенде дочь под охраной моего сына Педро и дон Рамона Очоа. Я не прислушался к советам друзей, а они как бы предчувствовали беду. Асиенда была надежно укреплена, в ней были большие запасы провизии; ее охранял довольно многочисленный и преданный нам гарнизон. Да и испанцы, подавленные своим поражением, исчезли из наших мест. Мне казалось, что бояться нечего, и я уехал вместе с Энкарнасионом и несколькими пеонами. Наше путеше-

ствие продолжалось двенадцать дней. Что произошло в асиенде во время моего отсутствия, не знаю! И никто не мог сказать мне ничего определенного. Мои дети вскоре после моего отъезда возобновили свои обычные утренние прогулки верхом в окрестностях асиенды. Видимость наступившего спокойствия в нашей стране их ободрила, и они ездили в сопровождении одного или двух слуг. Вначале они старались не уезжать далеко от дома, но постепенно осмелели, прогулки их стали продолжительнее, и наконец они решили поехать на охоту в ближайший лес.

— Какое безрассудство! — пробормотал дон Луис.

— Молодость доверчива и слепа! — горько вздохнув, сказал дон Хосе Морено. — Как-то, около восьми часов утра, сын и дочь выехали на охоту на антилоп. Их сопровождали только управитель и один преданный слуга-пеон. В назначенный для возвращения час они не вернулись. Дон Рамон встревожился и послал людей в разные стороны на поиски. Но все пеоны вернулись, не обнаружив даже следов охотников. Тогда дон Рамон в отчаянии принял решение ехать самому на розыски, несмотря на то что уже наступила ночь. Дон Рамон выехал из асиенды во главе отряда из сорока хорошо вооруженных и смелых всадников. В окрестностях было все так же спокойно и безлюдно. Дон Рамон направился в тот лес, куда утром, как он видел, поехали охотники; отряд обыскал весь лес и ничего не обнаружил. Пройдя через лес, отряд вышел на большую равнину, а оттуда попал в густые заросли. Там дон Рамон приказал всадникам разъехаться во все стороны для поисков пропавших. У него было тайное предчувствие, что в этой чаще, пользовавшейся дурной славой и дававшей всегда приют бандитам, они наконец нападут на след пропавших. Увы! Предчувствие не обмануло дона Рамона, и ему пришлось убедиться в этом самым ужасным образом. Не успела облава начаться, как послышался крик одного пеона, звавшего к себе. Дон Рамон подскочил к нему. То, что предстало их глазам, было чудовищно...

— Крепитесь, — тихо сказал дон Луис, ласково сжимая руку старику.

— На земле лежали три трупа, страшно обезображенные. Это были мой сын, управитель и пеон, сопровождавший их на охоту. Оружие, которое еще не выпало из их рук, земля, утопанная на большом пространстве, мерт-

вые лошади — все доказывало, что люди были убиты после долгого и ожесточенного сопротивления...

— А донья Линда? — вскричал дон Луис.

— Исчезла.

— Нет никакого сомнения, — сказал дон Луис, — что они были захвачены врасплох какой-нибудь испанской разбойничьей бандой.

— Нет, — ответил печально дон Хосе. — С трупов были сняты скальпы... у несчастных были раны на груди и вырезаны сердца... а тела пронзены длинными коричневыми стрелами, похожими на стрелы апачей.

— Апачи — так далеко от границы! — изумленно вскричал дон Луис.

— Увы! Ведь вы же знаете, друг мой, что с началом войны исчезли границы!.. Дон Рамон провел всю ночь в чапаррале в тщетных поисках доньи Линды. Он не нашел ничего. С наступлением утра он вернулся в асиенду, привезя туда убитых, чтобы предать их тела погребению по христианскому обычаю.

— Но на этом, я надеюсь, не закончены его розыски?

— О нет, конечно. Он продолжал их неустанно в течении многих дней, но, увы, безуспешно.

— Я не верю тому, что они убили донью Линду! — воскликнул дон Луис. — Как бы кровожадны ни были индейцы, но женщин они не убивают. Донья Линда жива.

— Это правда?! Друг мой, ведь правда, донья Линда жива? — возбужденно воскликнул Энкарнасион.

— Я в этом убежден. Они увезли ее, надеясь получить с вас богатый выкуп.

Дон Хосе недоверчиво покачал головой.

— Если у них было такое намерение, — сказал он, — почему же они после моего возвращения в асиенду не прислали людей для разговора со мной о выкупе?

— Я просто теряюсь... — задумчиво сказал дон Луис, — и если бы вы не были так уверены, что это дело рук краснокожих...

— К сожалению, нет никакого сомнения в этом.

— Но кто бы ни были эти люди, по их следам шли и дальше?

— Да, примерно на расстояние десяти лье от асиенды.

— Простите мою настойчивость, дорогой дон Хосе, но мне надо знать, в какую сторону вели следы?

— В сторону границы.

Дон Луис опустил голову.

— Должен вам признаться, я не верю, что это преступление совершено индейцами.

— У вас, очевидно, есть основание для этого?

— Разумеется. Выслушайте меня. Несколько дней назад я встретился с испанским отрядом. У нас было с ним столкновение, настолько сильное, что испанцы принуждены были спастись бегством.

— Но какая связь...

— Простите. Эти испанцы несли с собой паланкин, в котором находилась женщина...

— Женщина?! — воскликнули ошеломленные Энкарнасион и дон Хосе.

— Да. Мексиканка — так она сказала. Несчастная со слезами звала на помощь. Несмотря на все усилия, нам ее не удалось освободить. Испанцы обратились в бегство. А знаете ли, кто командовал отрядом? Дон Горацио Бальбоа, потерпевший поражение в Пасо-дель-Норте.

— Дон Горацио

— Он самый! И если один из присутствующих здесь, — прибавил он, бросив быстрый взгляд на индейца, — захотел бы говорить, может быть, вы узнали бы все, что так волнует вас.

— Но ведь только у апачей или команчей есть обыкновение страшно калечить трупы..

— Может быть, дон Хосе, вы и правы. Но, повторяю, я убежден в том, что индейцы совершенно не виноваты в преступлении, которое вы им приписываете.

— Это, действительно, все очень странно, — глухо сказал Энкарнасион Ортис.

В это мгновение индеец поднялся с места, засунул свою трубку за пояс и, сделав шаг вперед, сказал:

— Мос-хо-ке хочет говорить.

Трое мужчин быстро повернулись к нему.

— Вождь берет слово, — продолжал индеец. — Слушают ли его бледнолицые братья?

— Мы слушаем вождя, — ответил за всех дон Луис.

— Пусть бледнолицые откроют шире уши, — сказал индеец, — у Мос-хо-ке не раздвоенный язык. Белая девушка с глазами голубыми, как небо, не умерла. Мос-хо-ке это утверждает, а бог Ваконда знает, что Мос-хо-ке никогда не солгал.

— Во имя неба, продолжайте! — вскричал дон Хосе.

— Откуда вы знаете, что она жива?! — закричал и Энкарнасион Ортис, бросаясь к индейцу.

— Мос-хо-ке — не болтливая старуха! — высокомерно сказал индеец. — То, что он сказал, — правда. Он видел схватку своими глазами. Он был там.

— Как! — с упреком воскликнул дон Луис. — Вождь, вы были там и не попробовали спасти несчастную девушку?

Индеец презрительно усмехнулся:

— Разве у Мос-хо-ке двадцать рук, чтобы бороться против тридцати врагов? Разве мог он победить, если чепыреста всадников не победили? — сказал он. — Нет, вождь отважен, но не безумен.

— Но скажите же нам, вождь, — сказал дон Луис, жестом призвав друзей к спокойствию, — каким образом вы очутились там?

— Какая малость удивляет бледнолицых! Мос-хо-ке был послан белыми начальниками к Пламенному Глазу. Хотя он и вышел из каменной деревни бледнолицых в одно время с Седой Головой, он оставил далеко позади Старого Начальника.

— Совершенно верно, — сказал дон Хосе. — Великий Бобр покинул город одновременно со мной, я это вспоминаю сейчас.

— Кто может сравниться с Мос-хо-ке в ходьбе! — гордо сказал индеец. — Его шаг, как полет орла, не оставляет никаких следов и не сбивается с прямой дороги. Когда вождь вошел в лес, солнце уже пронизало сумрак деревьев, земля была раскалена. Мос-хо-ке укрылся в тени деревьев и стал ждать, чтобы прошел дневной жар. Он вынул из своей сумки кусок высушенного оленьего мяса и начал есть. Вдруг он услышал легкий шум. Он поднял голову, осмотрелся и увидел много людей, не меньше тридцати. Они крались и прятались между деревьями, как прячется буйвол в чаще. Индеец очень осторожен. Он понял, что эти люди идут дорогой войны. Он спрятался в кустарнике, чтобы его не обнаружили, так как эти люди, увидев его, убили бы. Прошел один час без всякого движения. До ушей вождя донеслись веселые голоса. Он осторожно поднял голову и увидел приехавших. Их было четверо: трое мужчин и одна женщина. Женщина была светлая, с глазами, как небо. Вдруг спрятавшиеся люди выскочили все разом из засады и с громким криком бро-

сились на приезжих. Те четверо даже не могли попытаться убежать — враги окружили их со всех сторон, — но они стали храбро сражаться. Не менее десяти воинов упали под их ударами. Но что они могли сделать? Убив часть своих врагов, они сами были убиты противниками. Молодая девушка осталась одна, без защиты. На нее набросили серапе, связали ей руки и ноги и положили на землю. Тогда вождь этого отряда подошел к убитым врагам, чтобы убедиться в их смерти, а потом сказал своим солдатам по-испански: «Мы снимем с них скальпы и вонзим стрелы в их тела. Пусть тот, кто найдет их, думает, что они убиты индейцами».

— Значит, это не были апачи?! — вскричал дон Хосе Морено.

— Это были испанцы, — холодно ответил индеец. — Пламенный Глаз сказал это моему отцу и не ошибся. Потом, — продолжал индеец, — вождь испанцев велел погрузить на лошадей тела убитых солдат, а сам поднял молодую девушку, и они ускакали галопом и исчезли в глубине леса.

— О Боже!.. Этот человек!.. Этот негодяй!.. Я отдам все мое состояние, только бы мне помогли найти его! — подавленно сказал дон Хосе Морено.

— Я отдам за это мою жизнь! — воскликнул Энкарнасион Ортис.

— Если мои бледнолицые братья желают, Мос-хо-ке его найдет, — спокойно сказал индеец.

— Вы, вождь?! О, да услышит вас Бог! Но как узнать, где он скрывается? Ведь прошло столько времени со дня похищения! Нет-нет, это невозможно, это выше ваших сил!

Индеец иронически улыбнулся.

— Когда Мос-хо-ке остался один, — продолжал он свой рассказ, — бог Ваконда внушил ему мысль снять с земли отпечатки ноги начальника отряда и одного из его спутников. Этого достаточно для Мос-хо-ке. Если он видел начало следа, он всегда дойдет до конца его.

— Имейте в виду, вождь, что ваши слова подают мне надежду! — вскричал дон Хосе Морено.

Индеец с улыбкой поклонился.

— Пусть отец мой Седая Голова надеется, — ответил он. — Но индейский вождь еще не все сказал. Хотят ли мои братья еще слушать?

— Говорите! Говорите, умоляем вас!

— Мос-хо-ке присоединился к Пламенному Глазу и выполнил поручение, данное ему бледнолицыми. Потом все поехали в Охо-Люсеро. Как всегда, Мос-хо-ке проверял дорогу. Однажды, когда белые легли спать, Мос-хо-ке, вместо того чтобы отдыхать вместе с ними, пошел на охоту и вернулся к своим друзьям лишь тогда, когда он обнаружил след. Лагерь белых находился именно там, где был след, и среди многих следов на земле вождь разглядел отпечатки тех, какие он взял раньше, в чаще леса. Он нашел следы и похитителей, и жертвы. То, что сказал Пламенный Глаз, — правда. Белую девушку похитил дон Горацио. Он — и никто более. Вождь в этом убежден.

— Тогда почему же, вождь, вы отказались отвечать на мои бесчисленные расспросы? — гневно воскликнул полковник.

— Мос-хо-ке отказывался отвечать потому, что, если бы он сказал, Пламенный Глаз стал бы немедленно преследовать гачупинов. А долг призывал его сюда. Кроме того, Мос-хо-ке сам пошел по следу гачупинов и теперь, когда потребуется, может найти их, так как выследил их на далеком расстоянии. Если бы даже они зарылись в землю, им не удалось бы в пустыне избежать взгляда вождя команчей, когда он хочет найти их! Вождь найдет белую девушку!

— О вождь! Если вы вернете мне дочь...

— Мос-хо-ке дал слово, — прервал его индеец, — он сдержит его! Пусть отец мой успокоится.

Дон Хосе, измученный волнениями, упал в кресло, потеряв сознание.

Два его молодых друга бросились к нему на помощь.

— Бледнолицые слабы, как женщины, — пробормотал индеец, с невыразимым презрением глядя на них. — Они не умеют сдерживать ни радости, ни горя.

Обморочное состояние дона Хосе продолжалось очень долго и стало внушать опасение его друзьям. Но потом благодаря их заботливому уходу он мало-помалу пришел в себя.

— О, этот дон Горацио! — шептал он ежеминутно с выражением нестерпимой боли.

— Поверьте, он получит возмездие! — успокаивали его молодые друзья.

— Простите мне мою слабость! Удар был слишком

страшен, а я стар и так страдаю!.. Спасибо вам за ваши заботы, — добавил он, обращаясь к молодым людям. — Сейчас я чувствую себя хорошо. Пора заниматься приготовлениями к отъезду.

— Все готово. Мы можем ехать, как только вы дадите распоряжение, — сказал дон Луис.

— В таком случае — завтра. Я хочу выполнить свой священный долг, а дело не терпит отсрочки.

— Так... Значит, завтра на рассвете мы выступаем.

— А вы, вождь? Что вы намерены делать? — спросил дон Хосе Морено у индейца, стоявшего неподвижно около него.

— Пусть отец мой Седая Голова не беспокоится о вожде, — тихо ответил краснокожий. — Когда мой отец будет нуждаться в Мос-хо-ке, он найдет его около себя. Мос-хо-ке направляется в пустыню — у него тоже есть священный долг, который он обязан выполнить.

— Идите, вождь! Я знаю, что вы человек мужественный, преданный своим друзьям. Я доверяю вам. Поступайте так, как вы найдете нужным. Вы свободны!

— Мой отец хорошо сказал, вождь благодарит его. На четвертое солнце после этого Седая Голова увидит опять Мос-хо-ке. Пусть он будет бодр до этой встречи — вождь принесет ему хорошие вести.

Произнеся эти слова со свойственной индейцам высокопарностью, индеец важно поклонился трем мужчинам и медленно вышел из комнаты.

— Вы действительно доверяете этому человеку? — спросил дон Луис у дон Хосе.

— Вы не знаете краснокожих, мой друг! — ответил старик. — Они либо любят, либо ненавидят. Они так же цельны в своих чувствах, как и природа, среди которой они живут. Когда они бывают преданы, то это от всей души и без всякой задней мысли.

— Дай-то Бог... — прошептал дон Луис.

Лагерь

В нескольких милях от крепости Пасо-дель-Норте прозрачные воды Рио Кончос вливаются в тинистые, желтые воды Рио Гранде; высокие крутые горы образуют как бы стены крепостного вала, и для реки остается лишь узкий проход между ними. Множество водопадов Рио Гранде низвергается в долину.

Линия горизонта кажется стиснутой цепями гор, принимающих подчас самые странные очертания — башен, пиков, колоколен, бойниц; все это придает пейзажу какое-то неизъяснимое очарование.

Через двое суток после событий, описанных в предыдущей главе, на правом берегу Рио Гранде, в пустыне, в центре той самой местности, о которой мы говорили выше, был разбит довольно большой лагерь.

Этот лагерь, оборудованный по индейскому образцу, раскинулся на большом пространстве; тут и там пылали огни костров, вокруг них лежали или сидели на корточках фантастически освещенные пламенем люди. Несколько в стороне стреноженные лошади, привязанные к колышкам, с жадностью поглощали альфальфу или жевали маис. В середине лагеря возвышался шатер, покрытый сшитыми между собой разноцветными шкурами бизонов.

Было около восьми часов вечера; звезды усыпали темно-синее небо; почти полная луна, казалось, плыла в эфире и освещала землю мягким белым светом.

Неожиданно из узкого ущелья показался несшийся во весь опор всадник. Он промчался прямо в лагерь. Часовые пропустили его, молча отдавая честь. Подъехав к кост-

рам, всадник спешил к нему, поручив своего коня солдату, быстрыми шагами отправился к шатру.

Он отодвинул входную занавеску и на мгновение замер... Произошло ли это от почтительности или, быть может, зрелище, внезапно представившееся взгляду, наполнило его чувством восхищения...

Шатер внутри был просторен и обставлен с роскошью, отвечавшей требованиям самого изысканного вкуса.

С первого взгляда было ясно, что это прелестное гнездышко служило убежищем молодой девушке.

Пол покрывала циновка, повсюду в беспорядке были расставлены дорогие кресла; золотой шнур, спускаясь с верхушки шатра, поддерживал серебряную люстру тончайшего плетения. В гамаке, свитом из нитей алоэ, небрежно покачивалась хорошенькая девушка; молодая индианка обмахивала ее веером из длинных перьев; другая мелодичным голосом напевала грустную песенку, аккомпанируя себе на харабе.

Эта молодая девушка, полулежавшая в гамаке и утопавшая в волне кружев, была донья Линда Морено.

При неожиданном появлении капитана певица мгновенно умолкла, а донья Линда перестала покачиваться в гамаке.

— Неужели я так несчастен, сеньорита, — почтительно сказал капитан, — что мое появление мешает вашим невинным развлечениям?

Еле обернувшись к нему, донья Линда пренебрежительно посмотрела на него и ответила:

— Не все ли мне равно, сеньор Горацио де Бальбоа, здесь вы или нет?

— Вы жестоки со мной, сеньорита!

— Это верно, — насмешливо ответила девушка. — Вы внушаете мне отвращение, и я не скрываю этого. Не правда ли, я злоупотребляю своей слабостью? Но что прикажете делать? Я не могу повиноваться человеку, который был слугой в моем доме.

— О сеньорита!

— Я говорю неправду? Разве вы забыли, что в течение долгого времени были на службе у моего отца в качестве пеона или тигреро, не помню точно?

---

* Харабе — род мандолины; инструмент, очень распространенный в Мексике.

— Я ничего не забыл, сеньорита. Уважение, которое я оказываю вам, служит доказательством этому.

Молодая девушка горько улыбнулась и с жестом досады спросила:

— Вы собираетесь здесь долго стоять?

— Это зависит только от вас, сеньорита.

— О! В таком случае, вы свободны. Вы можете уйти сейчас же, сеньор, я не задерживаю вас.

— Простите, сеньорита, вы не поняли меня. Мне нужно поговорить с вами.

— Зачем нам возвращаться к этому вопросу? Я говорила вам уже десять раз: мое решение непоколебимо, и ответ мой будет всегда один и тот же.

— Я надеюсь, что вы сообразовали подумать о моих предложениях.

— Я все обдумала, сеньор, в тот момент, когда попала в ваши руки. Я знаю, что сила на вашей стороне. Вы можете, пользуясь вашим положением, держать меня в плену, но никогда — запомните это! — никогда вы не заставите меня совершить недостойный поступок!

— Итак, вас ничто не может умиловить, сеньорита?

— Ничто, сеньор. Я твердо верю в то, что Бог, по своей доброте и справедливости, поможет мне.

Дон Горацио не успел ответить. Занавеска шатра раздвинулась, появился солдат. Он почтительно поклонился начальнику и сказал:

— Один индеец, из непокоренных, насколько мне удалось рассмотреть, находится у входа в лагерь. Он говорит, что вы назначили ему встречу на сегодняшний вечер.

— Это верно, — сказал капитан, явно обрадовавшись известию. — Я не ожидал его так скоро, но я рад ему!

Затем, склонившись перед доньей Линдой с ироническим почтением, капитан сказал со злобной улыбкой:

— Примите мои извинения, сеньорита! Я не хочу больше злоупотреблять вашим драгоценным временем. Пусть Бог хранит ваш сон! Я ухожу. Завтра, с наступлением дня, мы продолжим наше путешествие.

Едва за капитаном опустилась занавеска, как в противоположном углу шатра шкура бизона раздвинулась от удара кинжалом, и в образовавшуюся дыру просунулась рука, а затем к гамаку молодой девушки тихо подкатился камень.

Обе служанки вскрикнули от ужаса, но донья Линда,

быстро вскочив, одним жестом заставила их умолкнуть. Трепеща от радости, она схватила камень — к нему была привязана записка.

— Ах, — прошептала она, — мое предчувствие не обмануло меня! Час моего освобождения приближается! — воскликнула она. — Это почерк моего отца!

И она прочитала:

«Мужайся, моя дорогая девочка, твои друзья помнят о тебе, скоро ты их увидишь. Твой несчастный отец Хосе Морено».

После чего было прибавлено:

«Сожги записку».

Исполнив это, донья Линда опустилась на колени и стала молиться: обе молодые индианки последовали ее примеру...

— Где же индеец? — спросил дон Горацио у солдата, поджидавшего его у шатра.

— Здесь, капитан, у костра. Я велел нашим людям присмотреть за ним.

— Хорошо, — ответил испанец, направляясь быстрым шагом к костру. — Уведите людей и оставьте меня с ним наедине: только не уходите далеко.

Индеец со скрещенными на груди руками, завернувшись в серапе, сидел на корточках у костра.

По знаку капитана люди, наблюдавшие за индейцем, удалились.

Дон Горацио внимательно смотрел на индейца несколько секунд, потом сел напротив него на череп буйвола; после неудачных попыток привлечь к себе внимание индейца ему пришлось начать разговор.

— Вы желанный гость в моем лагере, вождь, — сказал он. — Я счастлив, что вижу вас; я — ваш друг.

Индеец поднял голову и устремил сверкающий взгляд на испанца.

— Разве у белых есть такой обычай: когда к ним приходят друзья, ставить около них охрану? Ставить людей, вооруженных ружьями? — гортанным голосом произнес он.

— Конечно, нет. Но мы — в пустыне, вождь; мы окружены врагами, они только и ждут удобного случая напасть на нас. Мы должны быть осторожны... Мой брат может пожаловаться, что его оскорбили с того момента, как он вошел в лагерь?

— Мос-хо-ке — могущественный вождь и грозный воин! Человек, который посмеет его оскорбить, умрет! — жестко ответил индеец.

— Хорошо! Мой брат неустрашим в битве, я это знаю, но он так же мудр у костра совета. Выкурит он трубку мира со своим бледнолицым братом?

— Мос-хо-ке будет курить, — лаконично ответил индеец.

Он вынул из-за пояса свою трубку, набил ее табаком, зажег и стал медленно вдыхать дым, не предлагая трубки капитану. Последний сделал вид, что не заметил нарушения самого священного обычая пустыни, и, вынув из портсигара дорогую сигару, стал, не говоря ни слова, курить, подражая молчаливости вождя.

И все-таки дону Горацио пришлось самому возобновить беседу.

— Мой брат, наверно, скоро отправит своих молодых людей в западные прерии охотиться на бизона? — спросил он.

— Уже прошла одна луна с тех пор, как молодые люди Мос-хо-ке вышли на охоту! — важно ответил индеец. — Женщины возвратились на зиму в индейские деревни. Вождь тоже должен был уехать. Но бледнолицый попросил у него встречи.

— Благодарю вас, вождь, за ваш приход. Надеюсь, мы сможем договориться.

— Возможно. Чего хочет бледнолицый?

— Только одного.

— Чего именно?

— Располагает ли вождь несколькими днями?

— Вождь свободен.

— Хорошо. Тогда я объясню.

— Уши вождя открыты.

— Не согласится ли мой брат с несколькими своими воинами сопровождать меня и мой отряд в прерии до озера Лагарто?

— Почему бы Мос-хо-ке этого не сделать? Озеро Лагарто находится по соседству с деревней его племени.

— Итак, вы хорошо знаете эту местность, вождь? — сказал капитан с плохо скрытой радостью.

Индеец утвердительно наклонил голову.

— Что даст мой брат за это? — спросил он.

— Я дам десять ружей с пятьюдесятью зарядами поро-

ха для каждого ружья, двадцать мешков пуль, двести локтей* материи для одежды вашим женщинам и три дюжины ножей для скальпирования, изготовленных благородными людьми Востока. Что скажет мой брат о такой плате?

— Вождь говорит: это хорошо.

— Итак, он согласен?

— Да, но есть еще одно условие.

— Какое?

— Молодая девушка, которую бледнолицый начальник держит в плену, будет передана в руки вождя через три дня после прихода белых к озеру дель Лагарто.

— Как?! — вскричал пораженный офицер. — Что вы хотите сказать, вождь?

— Вигвам Мос-хо-ке пуст: ему нужна жена, чтобы разделять оленя, чтобы готовить еду. Он требует пленницу.

Наступило долгое молчание. Дон Горацио раздумывал. Потом злобная усмешка промелькнула на его губах. Он поднял голову.

— Я отдам ее вам, начальник, — сказал он, — если вы согласны быть моим проводником.

— Вождь дал слово. Когда же бледнолицый отдаст подарки?

— По приходе к озеру.

— Бледнолицые — недоверчивые собаки! — задрожав от гнева, сказал индеец. — Мос-хо-ке не будет договариваться с ними!

— Чего же хочет вождь? — побледнев, сказал испанец.

— Ничего, раз бледнолицый не доверяет слову вождя.

— Вы ошибаетесь. Я сделаю все, что вам угодно.

— Этого не будет, — сказал после небольшой паузы индеец. — Но Мос-хо-ке докажет бледнолицему, что он умеет мстить за оскорбление! Знаменитый вождь моего племени Антилопа приведет завтра в лагерь десять моих людей — они доведут бледнолицых до озера.

— А вы, вождь, не пойдете с нами?

— Мос-хо-ке придет, когда будет нужно. Бледнолицые увидят его у озера. Бледнолицый не должен делать ни одного подарка моим людям, так хочет Мос-хо-ке. Бледнолицый принимает эти условия?

— Да, я принимаю их, вождь. Но я очень сожалею, что

---

* Локоть — мера длины, равная 84 сантиметрам.

вы ошиблись и не поняли моих намерений. Они честны, и, повторяю, я готов сейчас же дать вам все, что бы вы не пожелали.

— Мос-хо-ке сказал! — торжественно произнес, поднявшись, индеец. — Он не болтливая старуха. То, что он сказал, то и сделает.

И, величественно поклонившись, он удалился медленными шагами из лагеря, и никто не посмел его остановить.

— Проклятье! — вскричал дон Горацио, провожая взглядом индейца. — Этих чертовых язычников никогда не поймешь, никогда не угадаешь их мыслей! Будем надеяться, что хоть этот не предаст! Я должен положиться на него, потому что только он один может точно привести к месту золотых россыпей.

Закутавшись в свой плащ, капитан лег подле костра и заснул.

На следующий день, еще до восхода солнца, десять воинов-команчей под предводительством начальника появились в лагере.

Эти воины были те самые проводники, которых Мос-хо-ке обещал дать дону Горацио де Бальбоа.

Через несколько минут капитан поднял отряд и во главе его смело углубился в пустыню.

Команчи

Вопреки обыкновению мексиканского начальства, ухитрявшегося тянуть до бесконечности самое простое дело, капитан Фриас, которому к тому же очень хотелось доказать свою преданность делу, действовал с поразительной быстротой. В назначенный день, и даже почти час, в Охо-Люсеро были закончены все необходимые приготовления к намеченной большой экспедиции в пре-рии.

Отряд, под непосредственным командованием дона Хосе Морено, дона Луиса Морена, дона Энкарнасиона Орти-са и дона Кристобаля Нава, состоял из девяноста человек, отобранных очень обдуманно, то есть из самых смелых, испытанных и отлично знавших все сложности и все особенности жизни в пустыне.

Караван, двинувшийся в путь по направлению к Рио Гранде, представлял собой чрезвычайно живописное и захватывающее зрелище. При взгляде на него вспоминались средневековые дикие орды, вышедшие с Меотийского моря, для того чтобы обрушиться на Запад.

И люди, и лошади внешне необычайно изменились. По специальному распоряжению дона Хосе Морено все были одеты в костюмы лесных охотников; на каждом были спускающиеся до лодыжек кожаные штаны, пояс змеиной кожи; на поясе висели длинный нож, топор, рог буйвола, наполненный порохом, и мешок с пулями. Верхнюю часть тела покрывала коленкоровая рубаша; на голове была касторовая шляпа. Кроме того, у всех были сумки из пергамента для продуктов, американский карабин и мачете — нож без ножен и футляра, с прямым и широким

лезвием, пропущенный через железное кольцо, припаянное к поясу.

Еще более поражала нарядность верховых лошадей: сбруя, украшенная бусами и перьями, хвосты и гривы, переплетенные лентами самых ярких цветов, большие пятна кричащих цветов, разбросанные там и сям на телах лошадей, — все это имело необыкновенный вид. Рядом с кожаным бурдюком и альфорхой* висела длинная плетенка — реата — из кожаных ремешков.

И, наконец, в хвосте каравана, под наблюдением нескольких пастухов, находились неоседланные лошади и мулы, впереди которых шла кобыла с колокольчиками на шее. Лошади предназначались для подмены выбившихся из сил, а мулы использовались для перевозки багажа. Всех этих животных было приблизительно около трехсот голов.

Караван покинул Охо-Люсерио вскоре после восхода солнца и в боевом порядке направился к Рио Гранде-Браво-дель-Норте.

Несмотря на ранний час, отъезд сопровождался большой помпой: почти все жители деревни — мужчины, женщины, дети — заполнили узкие улицы деревни и радостными криками провожали смельчаков, желая им удачи и счастливого возвращения.

Ранчерос квадрильи дон Луиса Морена считали своим долгом как можно дальше проводить своего командира. Они согласились повернуть лошадей и возвратиться в лагерь лишь после того, как начальник заверил их своим честным словом, что не пройдет и месяца, как он вернется и вновь станет во главе отряда.

Храбрецы наконец остановились, в последний раз прокричали «ура», разом выстрелили в воздух из своих карабинов и, отпустив поводья, во весь дух помчались по направлению к деревне; через несколько секунд они исчезли в облаках пыли.

Под вечер на берегу реки отряд сделал привал. Зажгли бивуачные огни, расседлали лошадей и привязали их к колышкам; люди устроились на ночлег.

Вокруг одного из костров сидели четверо мужчин: дон Хосе Морено, дон Энкарнасион Ортис, дон Луис Морен и

---

* Альфорха (исп.) — род полотняной сумки с двойным карманом, в котором держат воду и продукты.

дон Кристоаль Нава. Поужинав, они закурили сигареты. И тут дон Хосе Морено, за весь день обменявшийся со своими товарищами только несколькими словами, приступил к разговору.

— Кабальерос, — сказал он, — завтра на рассвете мы пересечем реку и войдем в прерии. Это значит, что мы покидаем цивилизованные земли и будем в течение, быть может, долгого времени топтать варварскую землю. Поэтому разрешите мне высказать несколько замечаний.

— Мы слушаем вас, — ответили, поклонившись, офицеры.

— Итак, кабальерос, — продолжил дон Хосе, — мы должны ввести в отряде строжайшую дисциплину, заботливо следить, чтобы охрана была сильной, наблюдать внимательно за переменными лошадьми, тщательно изучать — на пространстве нескольких миль в окружности — места, выбираемые нами для стоянок. От вас я не могу скрыть, что экспедиция, на которую мы решились, чрезвычайно трудна. Я бы даже сказал, что она почти невыполнима. Лишь громадное мужество и настойчивость могут помочь нам в этом деле. Я рассчитываю на вашу преданность и самоотверженность.

— Сеньор дон Хосе Морено, — ответил дон Луис от имени своих друзей и от своего имени, — наше содействие вам обеспечено без всяких ограничений. Вы можете располагать нами по своему желанию.

— Благодарю вас, кабальерос! Я был убежден, что вы мне так ответите. Но я считал своим долгом сказать вам все откровенно. С другой стороны, не нужно предполагать только худшее и видеть будущее более черным, чем оно может быть на самом деле. Я надеюсь, я даже рассчитываю установить хорошие отношения с индейцами. А если это произойдет, мы спасены. Я не боюсь утверждать, что при этом условии успех нашей экспедиции обеспечен. Но именно по этому поводу мне необходимо сделать вам последнее и очень важное сообщение. Когда мы встретимся с индейцами — а это, по всей вероятности, будет скоро, — вы увидите меня в новой роли, которая покажется, без сомнения, странной вам, именно вам — людям цивилизованным, не знающим истории моего рода, вернее, знающим только то, что знают все, — следовательно, очень мало. Так вот, что бы ни произошло, что бы я ни делал, что бы я ни говорил, — не выказывайте даже тени

удивления! Скоро вы получите объяснение моего поведения, и оно перестанет вам казаться необыкновенным.

— Мы испытываем к вам настолько глубокое уважение, дорогой дон Хосе, — сказал Энкарнасион Ортис, — что никогда не позволим себе контролировать ваши действия или делать хотя бы самые легкие замечания по этому поводу.

— Я очень рассчитываю в нашем деле на преданность человека, которого вы все знаете. Я говорю о Великом Бобре.

— Этот человек — мужественный и умный вождь! — сказал горячо дон Луис. — Я очень уважаю его.

— Я имел возможность в самых различных обстоятельствах подвергать его испытанию, — сказал дон Хосе, — и каждый раз оставался доволен. Надеюсь, что и на этот раз будет так же.

— Я отвечаю за него головой! — воскликнул Энкарнасион.

— Подождем еще судить о нем. Завтра все станет ясным. Итак, кабальерос, это все, что я хотел вам сказать. Благодарю вас за ваше любезное внимание. Уже поздно... А мы все нуждаемся в отдыхе. Да пошлет вам Бог добрые сны!

Подбросив в костер несколько охапок дров, дон Хосе, дон Луис и дон Энкарнасион завернулись в свои плащи и улеглись прямо на земле.

А дон Кристобаль пошел на проверку постов — он хотел своими глазами убедиться в том, что в лагере все обстоит благополучно.

На следующий день, на рассвете, как и было решено, караван, найдя брод, перешел на другой берег и, к большой радости дон Хосе и его спутников, встретил там поджидавших их воинов-команчей.

Оба отряда моментально построились в боевом порядке друг против друга. Некоторое время они стояли неподвижно. Потом раздался военный сигнал, засвистели в длинные рожки, выдолбленные из человеческой берцовой кости, и индейцы, сломав свои ряды, ринулись навстречу мексиканцам. Кружась вокруг них, почти касаясь их, они выполняли с необыкновенной ловкостью такую трудную и опасную вольтижировку, какую только может представить себе пылкая фантазия.

По второму сигналу они вновь быстро построились;

один из всадников на великолепной черной лошади, одетый в парадный костюм, выехал вперед и остановился между двумя отрядами. В одной руке у него развевалась шкура белого бизона, он размахивал ею в знак мирных переговоров; в другой руке он держал тотем племени; это был шест длиной почти в двадцать футов, украшенный сплошь перьями и стеклянными бусами и заканчивавшийся вымпелом из лосиной кожи. На вымпеле был грубо намалеван гриф, сидящий на кактусе, — герб древних властителей Мексики; он тщательно сохранялся племенем, считавшим себя, не без оснований, происходящим от древних инков.

Индийский воин со шкурой бизона и тотемом в руках был Мос-хо-ке.

Дон Хосе Морено приблизился к нему и, по обычаю индейцев, протянул правую руку со сложенными пальцами в сторону инков-команчей ладонью вверх.

Индийский вождь казался преображенным; в нем было столько благородства и величия, что мексиканцы с трудом узнали его. Это был действительно вождь воинственного и неукротимого племени.

Оба всадника встретились точно в середине пространства, остававшегося свободным между двумя отрядами. Они остановились одновременно, положив свою правую руку на левое плечо и склонив голову на грудь.

— Потомок сыновей Солнца — желанный гость для своих детей, — почтительно сказал индеец. — Сердце Грифов Прерий радуется при виде его.

— Я счастлив приемом, оказанным мне моими детьми! — с достоинством ответил дон Хосе. — Если мое тело было далеко от них, сердцем я всегда был с ними, среди доблестного народа.

После первого обмена любезностями, обязательными по индейскому церемониалу, всадники спешили.

— Вот моя лошадь и мое оружие, — сказал Мос-хо-ке. — Пусть мой отец Седая Голова примет их, как свидетельство радости, которую доставило моему племени его появление среди нас.

Самый драгоценный подарок, который может предложить индеец, — это его лошадь и оружие.

— Я приму эти дары из рук моего сына, — ответил дон Хосе, — при условии, что в обмен он возьмет мою лошадь и мое оружие.

— Вождь должен послушаться своего отца, — поклонившись, сказал индеец и в знак того, что лошадь дон Хосе теперь принадлежит ему, взял в руку поводья; потом, сделав шаг вперед, он опустил на одно колено и протянул старику тотем.

— Только потомок сыновей Солнца теперь имеет право, — сказал он, — держать священный тотем Грифов Прерий! Пусть он соблаговолит принять его из рук своего сына.

Дон Хосе принял тотем и, два раза подряд наклонив его перед солнцем, сказал:

— Мос-хо-ке — умный и мужественный воин, поэтому священный и почитаемый знак должен оставаться в его руках! Он больше всех достоин его защищать.

В первый раз с начала разговора бесстрастное лицо вождя команчей выразило глубокое волнение.

— Мой отец добр. Он велик. Он справедлив. Он действительно потомок Солнца. Пусть он приказывает — его сыновья будут повиноваться, — с уважением склонясь перед стариком, сказал Мос-хо-ке.

И, потрясая переданным ему тотемом, Мос-хо-ке издал воинственный клич индейцев; воины-команчи с энтузиазмом повторили этот клич; церемониал встречи был закончен.

— Мой отец выкурит большую священную трубку с моими молодыми воинами? — спросил вождь.

— Лагерь моих сыновей будет моим! — ответил дон Хосе Морено с достоинством. — Я выкурю большую трубку Совета.

— Да будет так, — ответил вождь.

Мос-хо-ке приложил к губам свой военный свисток. Раздались резкие протяжные звуки. По этому сигналу оба отряда соединились и помчались по направлению к горам, склоны которых, поросшие лесом, виднелись на горизонте, приблизительно в четырех — пяти лье от места встречи.

Не прошло и трех четвертей часа, как всадники достигли леса. Они пронеслись через него подобно урагану и остановились в лагере команчей.

Лагерь, большой и хорошо устроенный, был расположен в прекрасном месте, защищенном от внезапного нападения или набега.

Многие писатели или путешественники, описывая ин-

дейцев Северной Америки, почти всегда представляют их в виде диких людей — пьяниц, грязных, ленивых, погруженных в варварское состояние, из которого их невозможно извлечь никакими усилиями.

Этим авторам и путешественникам, по-видимому, попадались на глаза какие-то выродки индейских племен, несчастные, спившиеся люди, ведущие нищенскую, паразитическую жизнь в окрестностях некоторых городов.

Но племена сиу, команчи, апачи, пауни и многие другие, которые мы могли бы перечислить, представляют собой могущественные племена, живущие на пространствах Западных прерий. Они никоим образом не походят на те жалкие существа, которых описывают путешественники. У них действительно другая цивилизация, не похожая на нашу, но тем не менее она существует.

Обычно они отличаются мягким нравом, развитым умом, а главное — пылкой любовью к свободе и независимости. Многие среди них, в особенности среди племени команчей и пауни, не притрагиваются к спиртным напиткам. Одиннадцать лет, проведенных мною среди команчей, заставляют меня воздать им должную справедливость...

Войдя в лагерь, охотники расположились там на отведенных им местах. В центре лагеря были возведены два шалаша, сплетенные из ветвей, — специально для дона Хосе Морено и его друзей.

Мос-хо-ке послал глашатая просить мексиканских офицеров прийти к Костру Совета. Начальники команчей уже ожидали их там.

Дон Хосе и его три друга поспешили откликнуться на это приглашение.

Вожди-команчи встали при появлении офицеров, в знак уважения к своим гостям. Тут же была зажжена большая трубка, и ее стали передавать один другому. Все участники Совета брали ее и курили в абсолютном молчании.

Последняя частица табака испарилась вместе с дымом, и тогда Мос-хо-ке прервал молчание:

— Пусть Великий Дух, существующий равно для краснокожих и бледнолицых, — сказал он, — обратит на нас свой добрый взор. Бог Ваконда читает в наших сердцах. Он знает, что мы собрались вместе для того, чтобы защитить справедливость и наказать зло. Мы сразу же отозвались на первый зов нашего отца — Седой Головы, и мы

готовы ему служить. Пусть он, самый мудрый вождь среди нас, теперь скажет нам, что мы должны делать.

Вождь уселся на свое место среди общего молчания. Все взгляды, в которых любопытство смешивалось с большим вниманием, обратились к дону Хосе Морено.

Несколько мгновений старик оставался в задумчивости; потом, подняв голову, он стал говорить очень твердо, подчеркивая каждое слово.

— Вожди команчей! — сказал он на индейском языке, который знал в совершенстве. — Мои горячо любимые дети! Ведь в наших жилах течет одна кровь, Я не хочу напоминать вам о тех услугах, которые моя семья и я сам оказывали несчастным членам вашего племени, так как каждый раз, когда мы шли на помощь вашим братьям, мы лишь выполняли священный долг, долг по велению сердца! Я пришел к Костру Совета как друг и как проситель, но также и как отец, который заранее уверен в том, что может рассчитывать на безграничную преданность своих детей.

Вожди молча поклонились, хлопнув в ладоши в знак их удовлетворения.

Дон Хосе Морено продолжал:

— Я должен вам объяснить, почему я взываю в настоящий момент к вашей преданности. Выслушайте же меня терпеливо. Несмотря на то что по прямой линии я являюсь потомком древних властителей Мексики, кровь нашего народа несколько раз смешивалась с кровью наших притеснителей. Это делалось с целью сохранить громадные богатства нашего народа, а также то значение, которым он пользовался среди коренных обитателей нашей страны. После завоевания Мексики Фернандом Кортесом, этим авантюристом-изменником, разрушившим могущественную и прославленную мексиканскую народность, большая часть сокровищ, принадлежавших властителям-инкам, исчезла. Исчезла так бесследно, что испанцы, несмотря на все розыски, не могли обнаружить эти сокровища. Никакие мучения, никакие самые жестокие пытки не помогли вырвать эту тайну у благородных мексиканцев. Устав от бесплодных усилий, испанцы должны были отказаться от поисков золота, решив, что оно действительно погибло безвозвратно.

— Это правда, — сказал Мос-хо-ке, — то же говорят и наши предания.

— Мой предок Истак-Паласин, родственник короля

Тескоко и племянник императора Гуайтимосина, последнего властителя Мексики, был единственным вельможей, оставшимся верным до конца этому несчастному монарху. Вы знаете, что испанцы пытали Гуайтимосина, положив его на раскаленные угли, а вслед за тем почти месяц волокли его как пленника за испанской армией, пока наконец несчастный не был повешен на дереве.

— О да, — глухо прошептали индейцы, — вожди знают про эту страшную смерть.

— Однако за два дня до смерти, — продолжал дон Хосе Морено, — Гуайтимосин, воспользовавшись моментом, когда ушла охрана, успел сообщить моему предку, давшему ему несокрушимую клятву молчания, точное место, где он спрятал сокровища империи. «Вы одной со мной крови, — сказал он. — Стерегите эти сокровища так, как нежная мать стережет свое дитя. Великий Дух озарил мой ум, и я сквозь эти облака вижу будущее. Придет день, когда дети нашей родины завоюют независимость. Борьба будет долгая и ожесточенная. Сокровище, которое я вам доверяю, поможет мексиканцам одержать победу. Сохраняйте его с величайшей заботливостью! Когда час придет, используйте золото для того, чтобы купить преданность человека, которому вы будете обязаны своим освобождением. Этот человек будет принадлежать к хищной испанской нации. Он продаст себя без всякого зазрения совести, если цена, которую вы ему предложите, удовлетворит его жадность и тщеславие». Два дня спустя последний владыка империи инков умер, вернее, его безжалостно убили. Тайна сокровища, доверенная моему предку, была священно сохранена нашей семьей. Но предсказанное время настало. Час свободы пробил. Поэтому я обращаюсь к вам с просьбой помочь мне отвоевать сокровища инков.

— Пусть мой отец приказывает, мы будем повиноваться, — сказал Мос-хо-ке.

— Простите, сеньор, — сказал дон Луис Морен, которому дон Энкарнасион переводил слово за словом речь старика, — не рано ли вы хотите вынести на свет эти богатства? У многих людей может проснуться жадность. Вы уверены в нашей победе?

— Увы, — с печальной улыбкой сказал старик. — Меня вынуждают к этому обстоятельства. Ведь вы знаете, что в последнее время мою семью преследуют несчастья.

— Простите меня, сеньор Хосе, что я растравил ваши раны.

— Я должен вам объяснить, полковник, причину моего решения. Знайте, что убийство моего сына и похищение доньи Линды являются главной причиной, которая меня заставляет, не теряя ни одной минуты, увериться в существовании сокровища; иначе другой опередит меня и завладеет им.

— Что вы хотите этим сказать, сеньор?

— А вот что: когда-то из чувства милосердия я приютил и воспитал в своей асиенде Вега одинокого ребенка, сына одного испанца, убитого при столкновении с пастухом; этот мальчик — Горацио де Бальбоа...

— Испанский офицер, капитан! — вскричал потрясенный дон Луис.

— Именно он, — ответил дон Хосе. — Этот мальчик мне обязан всем, я доверял ему вполне; сначала он был у меня в асиенде тигреро, потом управителем. Одаренный несомненным умом, честолюбивый, но недобросовестный, он каким-то образом узнал о существовании сокровища; к счастью, ему не известна тайна захоронения клада. В нем вспыхнула жадность, и он окружил нашу семью шпионской сетью. Ему удалось узнать, что богатства нашей семьи находятся где-то на золотых приисках в саванне, под названием лагуны дель Лагарто. Он знает эту лагуну, так как мы были с ним там раз или два. В конце концов он сбросил маску и дошел в своей дерзости до того, что стал угрожать мне, требуя, чтобы я открыл тайну. Вместо того чтобы сурово наказать, я малодушно простил его и удовольствовался тем, что велел ему уехать. Он перешел к испанцам. Вы знаете уже, с какой жестокостью он теперь преследует меня! Набег на Пасо-дель-Норте, похищение моей дочери — все это входит в план его мести. Теперь, когда несчастная девушка в его руках, он надеется запугать ее и заставить открыть ему тайну сокровища...

— Боже, это не человек, это чудовище! — вскричал полковник.

— Да, это чудовище! Но я верю — Бог не допустит, чтобы совершилось такое преступление.

— Белая девушка с голубыми глазами предупреждена. Ожерелье ее отца уже передано ей. Воины Мос-хо-ке стерегут ее, — сказал индеец.

— Благодарю вас, вождь, вы возвращаете мне мужество.

— Если отец мой желает, то через три дня он может уже быть на золотом прииске. Что сделает отец мой Седая Голова: нападет ли на изменника Йорри или направится раньше к лагуне?

— Сейчас я не могу дать ответа. Это решат обстоятельства, вождь.

— Мой отец сказал хорошо, он очень мудр. Когда он отправится в путь?

— На восходе солнца, если это возможно. Испанец ушел далеко вперед?

— Если мы захотим, мы его быстро догоним.

— Тогда поспешим, дорога каждая минута!

— Хорошо! Мос-хо-ке поведет своего отца дорогой орлов!

Совет был завершен, и мексиканцы вернулись в свои шалаши. Туда по приказанию Мос-хо-ке были доставлены в изобилии еда и прохладительные напитки.

Пленница

Дон Хосе Морено, бывший хозяин и покровитель дона Горацио де Бальбоа, очень верно охарактеризовал своего приемыша. Взятый по доброте дона Хосе на воспитание, имевший в лице дона Хосе постоянного покровителя и защитника, поставленный им в положение почетное, исключавшее всякий намек на положение слуги, — Горацио ответил на все эти благодеяния черной неблагодарностью.

Нельзя сказать, что этот человек был злее, чем кто-либо другой в подобных обстоятельствах; наоборот, он вел себя, может быть, даже лучше других; нередко он доказывал свое усердие и даже преданность приютившей его семье. Но у него наряду с этими хорошими качествами, скрытыми подобно жемчужинам в непостижимых глубинах его сердца, были три порока, из которых самого меньшего было достаточно, чтобы погубить обладателя его, как бы умен и закален тот ни был.

Горацио де Бальбоа был тщеславен, жаден и завистлив.

Дон Хосе Морено сделал большую ошибку, поставив его выше, чем Горацио мог рассчитывать, и открыв перед ним горизонт, совершенно ослепивший и сбивший его с толку.

В душе Горацио родилась зависть, безумное стремление достигнуть невозможного. Вместо того чтобы смотреть на стоящих ниже его и чувствовать себя счастливым, сравнивая свое неожиданное возвышение с их положением, он мучился вопросом, почему он не стоит наравне с теми, кого только случайность, по его мнению, вознесла так высоко. Разве, по существу, он не был таким же, как и они? Много таких размышлений, неверных и сумасбродных, приходило ему в голову.

Восстание в Мексике укрепило его надежды завоевать себе то место в жизни, которого он добивался. Но, вместо того чтобы встать на сторону слабых и угнетенных, как не преминул бы сделать человек с благородной душой, Горацио присоединился к угнетателям; у них он надеялся найти нужную поддержку, чтобы силой взобраться на те ступени, которые привели бы его к исполнению мечты.

Почти независимое положение в асиенде давало ему возможность встречаться и сговариваться со всевозможными авантюристами с целью объединить их. Вскоре он исчез из асиенды и стал во главе разбойничьей шайки. Собственной властью он дал себе чин капитана, поднял испанское знамя и начал воевать, то есть воровать, грабить и уничтожать друзей и врагов под предлогом преданности испанским интересам.

Правда, испанцы не более, чем мексиканцы, были склонны отвечать за поступки подобного союзника, деятельность которого скорее уменьшала их популярность, чем привлекала к ним союзников. Разгадав его сомнительный патриотизм, разрушавший их влияние в стране, они пытались несколько раз уничтожить его отряд и отделаться от него самого.

Но эти попытки ни в какой мере не затрагивали дона Горацио де Бальбоа; его великолепно организованный отряд, состоявший из пятисот отъявленных бандитов, мог бы свободно противостоять и более значительным силам, чем те, которые посылались против него.

Дон Горацио стремился избежать конфликта, могущего скомпрометировать его репутацию сторонника испанцев; поэтому, как только он узнавал, что испанский отряд, посланный против него, должен был его настигнуть, он тотчас же отступал; и поскольку он прекрасно знал страну, ему это легко удавалось.

Однако капитан не скрывал от себя, что его положение чрезвычайно ненадежно, что любая случайность может свергнуть его с пьедестала, на котором он очутился благодаря политической обстановке.

Он считал, что единственное средство упрочить свое положение и навсегда укрыться от капризов неблагоприятной судьбы — это приобрести богатство, достаточное, чтобы купить доброе отношение даже самых злейших своих врагов.

И вот это богатство, о котором он так давно мечтал,

сверкало перед его глазами, как обманчивый мираж; надежда овладеть им заставляла его трепетать и сделалась единственной целью жизни.

Это богатство существовало — громадное, неисчислимое, погребенное в тайнике, не известном никому, кроме семьи его покровителя. Однажды дон Хосе Морено в присутствии Горацио допустил ужасную неосторожность, разговарившись со своей дочерью об этих поразительных залежах золота.

Дон Горацио де Бальбоа, бывший тогда управителем в асиенде Вега, чуть не потерял сознание, услышав о таком кладе, которым его хозяева, как казалось, пренебрегали; он тут же дал себе клятву, что любой ценой эта груда золота будет принадлежать ему.

Еще два или три раза отец и дочь обсуждали при нем этот вопрос; но, хотя у них не было никаких сомнений в преданности дона Горацио де Бальбоа, обыкновенная осторожность заставляла их говорить таким образом, что сведения, извлекаемые им из этих разговоров, были ничтожно малы.

Однако и этих неясных намеков было достаточно для Горацио; да, кроме того, события заставляли его торопиться: положение становилось серьезным. Молодой человек не мог больше колебаться, его решение было принято и именно так, как мы уже говорили: однажды он покинул асиенду.

Прошло довольно много времени, пока до его покровителей дошел слух о нем. Дон Хосе Морено был слишком честен, чтобы подозревать в предательстве человека, которого он в течение долгого времени осыпал благодеяниями. Он предположил, что испанское происхождение увлекло Горацио на эту роковую дорогу, и он искренне жалел его.

На самом же деле дон Горацио с неустанной энергией шел к намеченной цели, не брезгуя для этого никакими средствами и действиями. Но все его попытки обнаружить сокровище потерпели крушение именно из-за отсутствия сведений о точном местонахождении клада. А то, что этот клад действительно существовал, не представляло для него никаких сомнений: он слишком хорошо знал дона Хосе Морено.

И вот, испробовав все средства, выбитый со всех позиций, он решил похитить донью Линду.

Эта мысль много раз приходила ему в голову, и всегда он ее с ужасом отгонял. Несмотря на свое моральное падение, он невольно испытывал глубокое уважение к этой прекрасной и невинной девушке, от которой он навеки был отделен непроходимой пропастью. Одна только мысль похитить Линду у ее отца заставляла его содрогаться. Однако наступил тот страшный час, когда жадность впиалась ему в сердце так тяжело, что убила в нем все хорошие чувства. Золотой мираж, вечно сверкавший перед его глазами и манивший своими кровавыми отблесками, довел его до такого помрачения ума, что — побежденный в этой последней битве, как и во всех предыдущих, — он заставил свою совесть замолчать.

Тогда-то Горацио и его квадрилья, как стая хищников, ринулись на Пасо-дель-Норте.

Но и на этот раз он снова проиграл: энергичное вмешательство Энкарнасиона Ортиса и дона Рамона Очоа вынудило его бежать. В бою он потерял храбрейших из своих солдат.

Новая неудача, вместо того чтобы заставить задуматься и отказаться от своего ужасного замысла, наоборот, вызвала в нем яростное желание возмездия; он решил отомстить своим врагам, выказавшим необычайное благородство и давшим ему возможность бежать и спастись просто чудом.

Первой его заботой было собрать и пополнить почти уничтоженный, разбитый в Пасо-дель-Норте отряд.

Потом с чисто кошачьим терпением, присущим некоторым злодеям, которые набили себе руки в осуществлении темных дел, Горацио стал ожидать случая, который помог бы ему привести свой план в исполнение.

И случай представился — тем легче, что в данное время те, кого он хотел захватить врасплох, считали его бесильным, и у них не было даже мысли, что они могут попасть в ловушку.

Когда в результате ужасной схватки, стоившей жизни брату Линды, она попала в руки Горацио де Бальбоа, в душе его произошел непонятный для него самого переворот.

Глядя на свою жертву, заплаканную, дрожащую от страха перед ним, капитан испытал не то чтобы нежность, — нет: что значило для него трогательное отчаяние несчастного ребенка! — он почувствовал, что его

взволновала сверкающая красота Линды. Безотчетное, тайное волнение овладело им. Было ли это только радостью от сознания, что он наконец получил власть над Линдой — ведь она знала место скрытого сокровища, о котором он так жадно и долго мечтал, — или это было чувство гораздо более нежное, о возможности которого до сих пор он не подозревал и которое заставило его сердце биться так сильно?.. Горацио не мог бы ответить на это.

Когда во время схватки его отряда с кавальерией дон Луиса Морена ему показалось, что молодая девушка может ускользнуть от него, им овладело бурное отчаяние при одной только мысли потерять донью Линду. На какое-то мгновение его оставила даже мысль о сокровищах, составлявших цель его жизни. С полнейшим хладнокровием он решил умереть, но не выпустить из рук своей пленницы. Он не останавливался ни перед чем, чтобы ее защитить, и рисковал своей жизнью с полнейшей самоотверженностью. И когда ему удалось отвоевать паланкин, в котором находилась донья Линда, он ощутил невыразимое счастье, убедившись, что ее не смогли вырвать из его рук и она осталась в его власти.

Что было в его сердце? Любовь? Жадность? Никто не мог бы объяснить.

Надо отдать справедливость дону Горацио — он относился к своей пленнице с глубоким уважением и величайшей заботливостью. Для него было законом удовлетворять ее малейшие прихоти и исполнять любые приказания. Он никогда не возмущался тем, что молодая девушка обращается с ним высокомерно и, не скрывая, высказывает свое презрение.

На следующий день после появления в испанском лагере индейского вождя, на рассвете, отряд поднялся и отправился в путь. Вопреки обыкновению, дон Горацио в продолжение всего утра подчеркнуто не приближался к паланкину, в котором находилась задумчивая и равнодушная донья Линда, а ехал далеко впереди своих всадников.

Мы говорим, что донья Линда была равнодушна и рассеяна. На самом же деле ее наполняла смутная надежда тут же, сейчас встретить помощь, о которой говорилось в письме, полученном ею накануне таким необычным образом.

Но ничего не происходило. Наоборот, прерия станови-

лась все более и более пустынной. По мере того как караван продвигался вперед, пейзаж становился все более диким, мрачным и безнадежным.

Песок заменил собою зелень. Голые, чернеющие на фоне неба утесы вырезывались тут и там своими темными силуэтами. Деревья встречались все реже и реже. Лишь несколько чахлах кустов хлопчатника окаймляли берега Рио Хила, по которым в это время проходил отряд. Сильный поток нес в своих илстых желтоватых водах вырванные с корнем деревья, замедлявшие порой течение реки.

Да, это была настоящая пустыня в своем угрюмом и гнетущем величии.

В десять часов утра по приказу начальника отряд остановился у рощи драгоценного дерева, которому краснокожие дали выразительное название: «Хозяин Вод».

Широкие ветви создавали убежище, защищавшее от солнечных лучей, таких палящих, что они стали мучительными для людей и животных.

В несколько минут был разбит лагерь, и донья Линда ушла в приготовленную для нее палатку.

Едва она закончила скудный завтрак, приготовленный ей служанками, как занавеска палатки поднялась и вошел дон Горацио.

Несколько мгновений капитан оставался неподвижным, сняв шляпу и склонившись перед доньей Линдой.

По всей вероятности, он ожидал, что молодая девушка заговорит с ним.

Но донья Линда, не изменяя принятой ей линии поведения, сделала вид, что не заметила присутствия своего похитителя, и продолжала тихо разговаривать со своими служанками, сидевшими на корточках у ее ног.

Капитану пришлось сдерживать досаду; он сделал несколько шагов вперед, чтобы обратить на себя внимание молодой девушки.

— Простите, сеньорита... — Он старался, чтобы голос его звучал спокойно. — Я уже несколько минут стою перед вами и жду, что вы удостоите заметить мое присутствие.

— А! — Линда со скучающим видом обернулась к нему и сказала, подавляя зевок: — Это опять вы, сеньор?

— Да, сеньорита, это опять я, — подчеркивая слова, ответил капитан.

Донья Линда пожала чуть-чуть плечами, отвернулась от него и стала опять разговаривать со служанками.

Прошли две или три минуты.

— Простите, что я настаиваю, сеньорита, — сказал капитан, — но...

— Как, — презрительно перебила она его, — вы еще здесь, сеньор?

Лицо капитана сделалось свинцово-серым от этого оскорбления. Он нахмурился, выпрямился и, скрестив руки на груди, сказал хрипло:

— Берегитесь, сеньорита!

— Чего мне беречься? — сказала она, пристально глядя на него.

Капитан отступил на два шага; теперь его лицо залила краска.

— Сеньорита... — смущенно пробормотал он, склонив голову.

— А! Вы осмеливаетесь мне угрожать, Горацио де Бальбоа, жалкий приемыш, слуга моего отца! Клянусь святой Марией, это слишком смело! Неужели рабы теперь сделались хозяевами? Вы говорите, чтобы я остерегалась? Да, я вас понимаю. Вам ничего не стоит добавить еще одно преступление к тем, которые вы совершили! Вы хотите, конечно, убить меня, как вы убили моего брата, не так ли? Ну что ж, убейте! Ведь я слабая, беззащитная девушка — и только! Делайте и эту последнюю низость!

— Сеньорита! Эти оскорбления...

— ...заслужены вами! Ах, молчите, сеньор! — воскликнула она еще с большей силой. — Мы должны объяснить раз и навсегда! Вы думаете, что, захватив меня в ужасную западню, вы сможете распоряжаться моей судьбой по своему усмотрению? Вы сошли с ума! Неужели вы думаете, что моя семья, мои родные покинули меня? Они идут за вами следом, они преследуют вас!.. Быть может, в этот момент, когда я говорю, всего несколько лье отделяют их от меня! Это вы... вы должны дрожать, потому что возмездие близко, и оно будет ужасно!

— Возможно, сеньорита, — ответил он с искаженным от гнева лицом, — но прежде чем эти родные, эти друзья, которых вы ждете, дойдут до вас...

— Вы ничего не сделаете, сеньор, потому что ваша алчность сильнее вашей низости и жестокости! Да и что мне смерть, которой вы мне грозите? Я не боюсь смерти! И

даже если предположить, — хотя этого не может быть, потому что Бог не оставит меня в беде, — но повторяю, если предположить, что моим друзьям не удастся спасти меня, я вырвусь от вас! Я сама предам себя смерти, которой вы напрасно пытаетесь меня пугать! Наоборот, она для меня последняя и лучшая надежда...

— О! — с иронией ответил он. — Я постараюсь помешать вам умереть.

— Попробуйте, сеньор! Я понимаю, что — по крайней мере, сейчас — вы хотите сохранить мою жизнь, потому что надеетесь узнать от меня — угрозами или другим способом — тайну этого сокровища! О, вы на него покусаетесь давно! Я говорю вам прямо: я владею этой тайной, но вы никогда ее не узнаете!

— Возможно, что от вас, сеньорита, я не узнаю, — горько улыбаясь, ответил он, — но есть один человек, который обещал мне если не открыть тайну, то, во всяком случае, проводить к лагуне дель Лагарто.

— А-а! — слегка бледнея, ответила она. — А что вы будете делать, когда достигнете лагуны?

— Я буду искать запертое там сокровище.

— Но вы не найдете его, сеньор! А впрочем, попытайтесь, мне безразлично.

— Я доверяю этому человеку, сеньорита. Я знаю, что он выполнит данное мне обещание.

— Тем лучше для вас, сеньор. Но если это так, зачем же вы утомляете меня своим присутствием и продолжаете этот затянувшийся и бессмысленный разговор?

— А вы не хотите знать, сеньорита, кто этот человек? — саркастически возразил он.

— Повторяю вам, сеньор, меня это не интересует. Этот человек безусловно предатель или подлец. Не сомневаюсь, что вам легко было сговориться с ним.

— Этот человек — индейский вождь, известный столько же своей храбростью, сколько и своей мудростью. Он согласился быть моим проводником, потому что я обещал ему великолепную награду.

— Я не знаю никакого индейского вождя, сеньор.

— Если я скажу вам имя этого...

— Предпочитаю не знать.

— Его зовут Мос-хо-ке, — сказал он, устремив пронизывающий взгляд на молодую девушку.

Невероятным напряжением воли донье Линде удалось

скрыть волнение, вызванное этим неожиданным разоблачением.

— А! Мос-хо-ке... — сказала она, героически сохраняя внешнее безразличие. — Мне кажется, я слышала уже это имя.

— Да-да, сеньорита, и даже очень часто.

— Возможно! Что дальше? — холодно спросила она.

— А знаете ли вы, какую награду я обещал ему?

— Великолепную награду, — иронически повторила Линда слова капитана.

— Да, сеньорита, согласитесь сами... Я поклялся ему отдать вас...

— Вы?

— Я!

Молодая девушка приблизилась к капитану и, надменным жестом руки указав ему на дверь, сказала глухо:

— Уходите!

— Я ухожу, но помните, что у вас осталось только одно средство избежать ужасной судьбы, которая вам угрожает, сеньорита! Откройте мне тайну, которую вы упрямо...

— Уходите! — властно повторила она.

Невольно подчинившись тону молодой девушки, капитан отступил и ушел из палатки, не прибавив больше ни слова.

Донья Линда, наклонившись, жадно прислушалась к шуму удалявшихся шагов капитана; когда наступила полная тишина, она опустилась на колени, сложила руки, подняв к небу полные слез глаза.

— Да будет благословен Бог, — горячо воскликнула она, — пути его неисповедимы! Этот человек думал причинить мне смертельное горе, а на самом деле принес мне счастливую весть! Я скоро освобожусь! Я могу надеяться на это! О, теперь я буду сильна и мужественна! Я готова перенести любые страдания...

И, полная неизъяснимой веры, молодая девушка улыбнулась сквозь слезы.

Переход в прерии

У европейских туристов и путешественников прочно установился обычай покидать ежегодно месяца на три, на четыре свой дом для того, чтобы разъезжать по свету. Цель — забыть деловую суету и хотя бы временно подышать свежим воздухом, предметом столь редким в прекрасных, но очень экономно построенных городах нашей старой, отсталой Европы.

Туристы берут с собой в дорогу несколько тысяч франков, запасаются целой кучей рекомендательных писем ко всем выдающимся людям страны, которую они собираются посетить, покупают себе дорожные сумки для платья, пледы, для того чтобы держать ноги в тепле, и наконец усаживаются в скорый поезд любого направления. И вот, расположившись уютно в уголке купе, они уже мчатся на всех парах, разговаривая, дремля или читая, но, так или иначе, поглощая пространство с бешеной скоростью.

Они пересекают долины, потоки, реки, горы, города и селения, не видя их и даже не думая о них. Они останавливаются только в тех городах, слава которых прочно установлена с давних пор. Там они живут в лучших отелях и прогуливаются по улицам с сигаретой в руке, без всякого стеснения зевая на глазах у туземных жителей. После более или менее длительного времени, истраченного для такого интересного путешествия за границей, они возвращаются, обычно очень утомленные, в лоно своей семьи. И долгие, долгие годы они живут воспоминаниями, рассказывая близким свои впечатления о поездке. При этом они привирают с легкостью, делающей большую честь их изобретательности.

Так в девяносто девяти случаях из ста происходит дело в Европе.

Каждый слушатель превосходно знает, как нужно относиться к разукрашенным приключениями рассказам этих так называемых путешественников. Но поскольку все в таких случаях мастера прихвастнуть, вымыслы проходят благополучно, не встречая недоверия.

Кто решится бросить в рассказчика первый камень!

В Америке дело обстоит не так. Там путешествие — даже если говорить о путешествии для туземных жителей, людей суровых и сильных, — всегда составляет вопрос очень важный и требующий большого обсуждения. Речь идет, разумеется, о путешествиях в глубь страны, то есть, на еще не обследованные земли и на земли у индейской границы.

Здесь нет, как в Европе, железных дорог, пароходов, даже простого экипажа для удобства туристов.

Нужно ехать верхом, чаще всего в одиночестве, на свой страх и риск; пересекать местности, где нет дорог и даже тропинок; с наступлением вечера останавливаться в первом попавшемся месте, спать на земле; подвергать себя холоду, ветру, дождю, граду или снегу и оставаться чаще всего без ужина; бодрствовать, хотя вы окоченели и ноги у вас отнялись от неудобного положения, в страхе быть захваченным врасплох либо дикими зверями, либо индейцами, либо бандитами всех рас и всех цветов кожи, опустошающими своими разбойничьими набегами эти благословенные земли, — бандитами в тысячу раз более жестокими, чем все дикие животные и индейцы, вместе взятые.

Вам посчастливится, если вы не утонете в потоке, если вас не поглотит лавина снега, если вас не застанет в пути ураган или, что хуже всего, если вы не заблудитесь в девственном лесу!

Проделывать такой путь, далеко не усталый розами, — как можно судить по нашему короткому описанию, — часто приходится в продолжение нескольких месяцев.

Как не похожи эти странствия на путешествия наших доблестных туристов!

Нам приходилось видеть людей необычайной силы, отваги и беспечности, людей, испытанных в опасности, — и тем не менее поседевших после трехмесячного путешествия в глубь пустыни.

Что бы ни говорили некоторые романисты, нелегкое дело — сражаться в одиночку, бороться один на один с почти непреодолимыми препятствиями дикой природы, как будто прячущей свои тайны и запрещающей дерзким авантюристам проникать в ее девственную почву. Поэтому в необъятных прериях и в высоких саваннах даже самый неопытный взор может легко заметить путь, проходимый караванами. Это — длинная белая линия зловещего вида, образовавшаяся из неосязаемой на ощупь пыли миллионов развеянных скелетов людей и животных. Эта линия, подобная змее в высоких травах саванны, так глубоко врезана в землю, что ничто не может ее стереть.

Вот именно по такой дороге с необычайными трудностями продвигался вперед отряд дерзкого капитана Горацио де Бальбоа через день после его разговора с доньей Линдой, описанного нами выше.

Исчезли деревья и травы, уступив место черноватому песку, простиравшемуся далеко во всех направлениях — пока видит глаз.

Небо цвета раскаленного железа, без единого облачка, излучало удушающий жар на истомленную землю. В воздухе не было ни малейшего движения ветерка. Свинцовая тишина висела над пустыней. Лошади, казавшиеся призраками, бесшумно скользили по устланной трупами земле, поднимаясь на дыбы и храпя от ужаса.

Напоенная горькими, отвратительными запахами, тончайшая пыль проникала всадникам в глаза, ноздри и горло, вызывая жгучую боль, подобную боли от ожога.

Только накануне на рассвете отряд вошел в пустыню, и уже сегодня, через несколько часов, все изнемогли от ужасных страданий.

Несколько лошадей пали от усталости. Брошенные своими хозяевами, еще трепещущие, они стали добычей целой стаи гнусных хищных птиц — уруб^{*}, которые с резким клетотом кружили над ними и затем бросились на их трупы.

Трое или четверо солдат, шатавшихся в своих седлах, смотрели вокруг мутными, невидящими глазами; это были симптомы сильнейшего прилива крови к голове от палящих лучей солнца — симптомы, указывающие на верную смерть к концу дня, если только не произойдет чуда.

---

* Уруб^у (исп.) — южноамериканский ястреб.

Мрачные, безмолвные, с опущенными головами и дикими взорами, всадники машинально ехали вперед, не очень ясно отдавая себе отчет в окружающем.

Один только Горацио де Бальбоа с гордо поднятой головой, прямо, уверенно державшийся в седле, казалось, вызывал на бой неукротимую пустыню. Он, как разведчик, ехал на сто шагов впереди всего отряда, а вслед за ним ехали воины-команчи, которых Мос-хо-ке прислал ему в качестве проводников.

Команчи, бесстрастные и холодные, нечувствительные к раскаленным солнечным лучам, смертельно опасным для сопровождаемых ими белых, внимательно следили за приближающимся отрядом индейских всадников, маневрировавших примерно на расстоянии одного лье от отряда Бальбоа.

— Что это значит? — гневно вскричал дон Горацио. — Эти черти собираются атаковать нас?

— Весьма вероятно, — лаконично ответил всадник, ехавший рядом с капитаном.

— Антилопа — умный воин, — вкрадчиво сказал дон Горацио. — Он, наверно, знает этих всадников?

— Почему Антилопа должен их знать? — холодно ответил индеец. — Прерии принадлежат всем краснокожим, кто бы они ни были — команчи, сиу, апачи или пауни.

— Но это воины-команчи?

— Бледнолицый ошибается. Пусть он посмотрит на их щиты, бичи и опахала. Это — апачи Колорадо.

— Но если это правда, начальник, то ведь они наши непримиримые враги?

— В прериях все люди — враги, — саркастически заметил индеец. — Впрочем, чего же боится мой бледнолицый брат? Апачей не более ста человек, а у моего брата в отряде людей в четыре раза больше.

— Это так, — раздраженно пробормотал Горацио, — но они изнурены палящей жарой, падают от усталости и не способны воевать.

Антилопа услышал или, вернее, догадался об ответе Горацио; насмешливая улыбка тронула его губы, но он хранил молчание.

— Что делать? — повторил дон Горацио озадаченно.

Апачи тем временем продолжали свое наступление на фланги каравана, потрясая оружием и испуская крики,

заставляющие дрожать от страха испанцев. Испанцы понимали, что схватка с этими страшными врагами становится неизбежной. Тем более, что апачи, производя свои таинственные маневры, все ближе подъезжали к белым и вскоре должны были приблизиться на расстояние ружейного выстрела.

Угроза надвигавшейся опасности заставила солдат выйти из состояния угрюмой апатии, в которую они были погружены. Они гордо выпрямились в седлах, взялись за свое оружие и с живостью и энергией, на которую капитан никак не мог рассчитывать, приготовились храбро выполнить свой воинский долг и дорого продать свою жизнь.

Еще несколько минут — и схватка должна была начаться.

Уже множество длинных коричневых стрел, брошенных апачами, упало почти под ноги лошадей испанцев.

Дон Горацио не выдержал.

— Клянусь Богом, — закричал он, — эти проклятые язычники думают преградить нам дорогу! Чего ждать? Вперед, друзья!

Антилопа холодно остановил капитана, положив ему руку на плечо.

— Что вы хотите, вождь? — спросил дон Горацио.

— Что думает делать бледнолицый? — спросил, в свою очередь, индеец.

— Атаковать этих мерзавцев, черт побери! — гневно вскричал Горацио.

Индеец отрицательно покачал головой.

— Мой брат не сделает этого, — сказал он.

— Я сделаю это, видит Бог!

— Апачи не будут атаковать белых. Пусть мой брат перестанет обращать на них внимание.

— Вы же видите, что они несутся на нас!

— Я это вижу, но повторяю моему брату: они не будут атаковать.

Капитан хотел его перебить, но индеец сделал такой величественный жест, приказывая ему молчать, что Горацио помимо своей воли смолк.

Тогда индеец сказал значительно:

— Антилопа — известный в своем племени вождь, у него не раздвоенный язык, и слова, выходящие из его

груди, всегда правдивы. Пусть бледнолицый слушает: то, что он должен слышать, чрезвычайно важно для него.

— Говорите, но коротко, прошу вас, вождь! — сказал дон Горадио.

— Мой брат поверит словам Антилопы?

— Да, я знаю, вы — честный человек. Говорите же откровенно и прямо!

— Хорошо. Громадная опасность сейчас угрожает бледнолицым. Против нее нет средств спасения, так как она исходит от Ваконды. Время торопиться! Не пройдет и часа... быть может, меньше, и эта страшная и неизбежная опасность обрушится на прерии. Пусть бледнолицые обретут быстрые ноги ягуаров и бегут, не оглядываясь. Антилопа их проводит до места, где они будут в безопасности, если, конечно, Ваконда позволит достигнуть этого убежища.

— Что за опасность, вождь?

— Антилопа сказал. Желает бледнолицый умереть вместе со своими воинами?

— Нет! Конечно, нет, если этого можно избежать!

— Пусть, в таком случае, мой брат поторопится. Он и так потерял много времени.

Вождь команчей произнес эти слова с такой силой убеждения, с такой печалью, что капитан невольно взволновался, хотя и не понимал еще всей силы опасности, на которую намекал индеец. Его сердце сжалось от предчувствия, и, не колеблясь более, он мгновенно решил последовать совету человека, для которого пустыня не была тайной.

В то же мгновение, в подтверждение предсказаний Антилопы, как бы для придания большего веса его словам, апачи, бывшие уже совсем близко от квадрильи, быстро повернули назад, издав ужасающий вопль, на этот раз бывший уже не воинским кличем, а скорее рычанием, выражавшим страх, и унеслись прочь во весь опор.

Испанские солдаты были потрясены: они не могли понять, что означает это паническое бегство.

— Мой брат убедился? — сказал холодно индеец.

— Да, — ответил пораженный дон Горадио. — Едем, вождь.

Он подскакал к паланкину, который конвоировали несколько команчей.

Отдадим справедливость дону Горацио — первая его мысль была о донье Линде. Он решил спасти ее любой ценой.

— Сеньорита, — сказал он, задыхаясь, — нам угрожает опасность! Скорее выходите из паланкина и садитесь ко мне на лошадь! Быть может, с Божьей помощью мне удастся спасти вас от верной смерти.

Донья Линда бросила на него взгляд уничтожающего презрения.

— Нет, — ответила она сухо, — я не хочу быть обязанной спасением вам, сеньор. Я предпочитаю смерть такому позору.

Капитан подавил в себе гнев и отчаяние.

— Во имя тех, кого вы любите, я умоляю вас, сеньорита, примите мое предложение! Всякое колебание грозит смертью вам!

— Повторяю вам: я предпочитаю умереть, — холодно ответила она, надменно отвернувшись.

— Проклятье! — в ярости закричал капитан и так вонзил шпоры, что лошадь его взвилась на дыбы от боли. — Клянусь Богом, если вы так безрассудны, я употреблю силу, чтобы заставить вас слушаться!

Антилопа, бывший до сих пор немым и безучастным зрителем этой сцены, внезапно вмешался.

— Пусть бледнолицый поручит эту девушку вождю, — сказал он. — Антилопа отвечает за нее.

Капитан пристально посмотрел на индейца, но ничего не мог прочесть на этом неподвижном лице.

— Вам?.. — пробормотал капитан.

— Да. Пусть бледнолицый поспешит собрать своих воинов. Каждая потерянная секунда — это час похищенной у себя жизни. Антилопа догонит бледнолицых не позже чем через десять минут.

Дон Горацио, подумав секунду, решился. Не сводя глаз с индейца, он сказал ему:

— Хорошо, я доверяю вам эту девушку. Но вы мне отвечаете за нее жизнью! Поклянитесь, вождь!

— Антилопа обещал, — ответил гордо вождь.

Бросив последний сумрачный взгляд на молодую девушку, сидевшую уверенно и равнодушно в паланкине, капитан пустил лошадь галопом и умчался.

Подъехав к отряду, он сказал несколько слов солдатам, взволнованным мрачными предсказаниями Антилопы,

после чего квадрилья понеслась во весь дух в обратном направлении.

Тогда вождь команчей быстро приблизился к паланкину и поклонился донье Линде со свойственной краснокожим врожденной вежливостью.

— Согласна ли девушка с голубыми глазами слушать слова вождя? — спросил он спокойным и убеждающим голосом.

— Говорите, вождь, — улыбаясь, ответила Линда. — У меня нет никакого повода быть вашим врагом.

— Прекрасно, моя сестра верно поняла меня. Антилопа — друг Мос-хо-ке.

— Это правда, вождь? — взволнованно воскликнула Линда.

— У Антилопы не раздвоенный язык. Мос-хо-ке — главный вождь племени. Уже давно он оберегает белую девушку. Он поручил охрану девушки с голубыми глазами Антилопе и его воинам. Антилопа приехал защищать ее от злых происков вождя бледнолицых.

— Кто докажет мне правильность ваших слов, вождь? — спросила она, почти убежденная, но еще колеблясь.

— Пусть девушка с голубыми глазами вспомнит: однажды Мос-хо-ке вошел в лагерь белых и бросил камень в шатер, где помещалась бледнолицая девушка. Это было ожерелье, написанное Седой Головой. На рассвете следующего дня Мос-хо-ке ушел из лагеря, но уже через час туда вошел Антилопа. Его послал Мос-хо-ке. Откуда же вождь мог узнать все эти подробности, если бы Мос-хо-ке не рассказал ему все?

— Теперь я вижу, вождь, что вы действительно друг мне. Говорите, что надо делать. Я согласна повиноваться вам.

— Очень хорошо. Моя сестра хорошо сказала. Пусть она сядет на лошадь Антилопы — и она будет спасена.

Молодая девушка тотчас же вышла из паланкина. Но вдруг она остановилась...

— Что случилось с сестрой? — спросил Антилопа.

— Я не одна, вождь, со мной две несчастные молодые девушки, я не могу их оставить.

— У моей сестры доброе сердце. Но пусть она успокоится: Антилопа спасет и этих девушек.

Антилопа сказал шепотом несколько слов сопровождавшим его воинам. Двое из них спешили и подошли к

молодым девушкам, которые не живы и не мертвы стояли, не понимая, что происходит вокруг них.

Индейцы мгновенно посадили их на своих лошадей.

Успокоившись, донья Линда взяла руку Антилопы и одним прыжком вскочила на его лошадь.

— Теперь, — сказал Антилопа, убедившись, что молодая девушка крепко держится за его пояс, — да спасет нас Ваконда! Мы потеряли очень много времени!

Краснокожие засвистели, и лошади, услышав свист, понеслись с головокружительной быстротой.

Не прошло и десяти минут, как эти современные кентавры догнали квадрилью и даже немного опередили ее.

— Пришпоривайте лошадей! Пришпоривайте лошадей! — крикнул Антилопа, проносясь мимо дона Горацио. — И что бы ни случилось, не уменьшайте скорости! Не теряйте Антилопу из виду!

Небо стало медно-желтым, жара была удушающей, птицы кружились в воздухе, испуская резкие, нестройные крики. Внезапно небо потемнело, издалека послышался удар грома. И почти в ту же секунду вдали показался громадный песчаный смерч, приближавшийся с невероятной скоростью.

— Тревога! — пронзительно закричал Антилопа. — Все вслед за вождем, если дорожите жизнью!

И сделав резкий крюк, он понесся в направлении, противоположном смерчу.

Слова индейца вернули воинам энергию, и они как замороженные бросились за ним, поручив свою жизнь Богу.

Теперь они поняли, какая угроза нависла над их головами. Даже лошади инстинктивно почувствовали, что им угрожает смертельная опасность, и помчались так быстро, что, казалось, у них выросли крылья за спиной.

Нет страшнее бедствия в пустынях Дальнего Запада, чем ураган. С ним нельзя сравнить даже ужасы африканского самума.

Песок, поднятый бурей, приняв форму огромного столба, мчится во всех направлениях по прерии, уничтожая, сметая все и всех на своем пути, будь то деревья, люди или животные.

Этот невиданный по величине песчаный столб, достигающий почти до облаков, закрывает солнечный свет, выры-

вает, кружась, целые почвенные слои, притягивает и всасывает в себя любые тяжелые предметы — и за несколько часов меняет вид прерии.

Дон Горацио и его солдаты закрыли себе лица до глаз мокрыми платками: предосторожность, которой их научили индейцы и без которой они неизбежно бы задохнулись.

Два часа неослабевающего, неистового бегства протекли в мучительной тревоге.

Изредка, на какой-то миг, тьму прорезали свинцовые отблески света и тут же исчезали. И тогда наступившая непроницаемая мгла казалась еще страшнее.

Донья Линда почти не понимала, что происходит вокруг: уцепившись инстинктивно с отчаянной силой за пояс индейца, почти теряя сознание, она думала, что все это — кошмарный сон.

Бегство продолжалось. Иногда слышался крик, потом проклятие. Это означало, что один из всадников упал. А другие неслись, перескакивая через него, через его лошадь, даже не замечая этого.

Наконец стало светлеть, наступила тишина.

Антилопа испустил пронзительный крик и остановился.

Да и время было: если бы такая бешеная скачка продолжалась еще хоть четверть часа, белые погибли бы от усталости и ужаса.

Квадрилья была уже вне пределов прерии.

Примерно в полулье от них громадный девственный лес обещал тенистое убежище, так необходимое им в данный момент.

Дон Горацио поглядел на свой отряд, и вздох отчаяния невольно вырвался у него из груди.

Больше половины всадников было поглощено песками.

Только чудо спасло остальных.

— Благодарю вас, вождь! — горячо сказал он индейцу. — Мы вам обязаны жизнью. Если бы не ваша великодушная преданность, мы все остались бы в этой ужасной пустыне.

— Антилопа исполнил свой долг, — ответил индеец, спокойный, холодный и бесстрастный, как будто ничего необычайного не произошло. — Ведь Мос-хо-ке поручил ему быть проводником бледнолицых.

Он спрыгнул с лошади, осторожно взял на руки Линду и тихо положил ее на траву.

— Ах, зачем вы спасли меня, вождь! — сказала ему донья Линда с глубокой печалью.

— Затем, что отец девушки с голубыми глазами умер бы с горя, если бы команчи не вернули ему дочери! — шепотом сказал Антилопа, наклонившись к уху молодой девушки. — Пусть моя сестра не теряет мужества — ее друзья близко.

И, поклонившись низко молодой девушке, прелестное лицо которой осветилось лучом надежды, вождь удалился, оставив ее на попечение служанок, которые едва оправившись от перенесенного страха.

Развалины на Рио Хила

Нам придется на время расстаться с доном Горацио де Бальбоа и вернуться к другим, тоже очень важным персонажам этой повести. Мы их очень давно не вспоминали.

Просим читателя последовать за нами в одно из самых живописных мест западных прерий, которым скваттеры и лесные охотники дали название Дальнего Запада. Это характерное название двумя словами определяет легендарную страну, истоптанную почти исключительно одними легкими мокасинами непокоренных индейцев — ожесточенных врагов белой расы...

Прошло десять дней после отъезда каравана, которым командовал дон Хосе Морено.

По тропинке, еле отмеченной следами диких животных, ехали трое вооруженных до зубов всадников в костюмах лесных охотников.

Было около трех часов пополудни; жара, нестерпимо палящая в первой половине дня, начала понемногу спадать.

Не обращая внимания на жару, всадники ехали, не прибавляя шагу.

Наверно, для этого у них были серьезные причины, так как они не могли пожаловаться ни на усталость, ни на слабость своих лошадей.

Спутники достигли вершины пологого холма; вид с него расстился на довольно далекое расстояние; на этом холме всадники остановились.

Один из них обратился к своим товарищам:

---

* Скваттеры — колонисты, поселившиеся в Америке.

— Ну, друзья мои, — весело сказал он, — я должен сказать: мне чертовски везет! Мы на правильном пути, причем я могу объяснить это только чудом. Как это случилось, что мы не свернули с дороги, не понимаю!

— Право, дорогой Энкарнасион, — ответил второй всадник, который был не кем иным, как доном Луисом Мореном, — мне судить трудно, признаюсь вам честно... Прошу, дон Кристоаль, взгляните вы и скажите ваше мнение!

— Гм... сказать правду, кабальерос, я тоже не больше вас могу судить об этой местности, — ответил дон Кристоаль.

— Да вы смеетесь, сеньоры! — сказал Энкарнасион Ортис. — Поглядите вперед! Эти кусты хлопчатника указывают на присутствие воды, не так ли? А эта вода — ведь не что иное, как Рио Салинас, а немного вправо, впереди, Сиерра Бланка, еще дальше — Сиерра Могойон и прямо перед нами, не далее, чем в двух лье отсюда, те самые развалины, которые составляют в данное время цель нашего путешествия. Мы доедем до них, если вам будет угодно, через полчаса, даже раньше!

Дон Луис и дон Кристоаль внимательно проверяли взглядом все сведения и объяснения дона Энкарнасиона Ортиса и очень обрадовались, убедившись, что он совершенно прав, о чем они ему и сообщили с большой готовностью.

— Ну, дорогой Энкарнасион, вам действительно везет! — смеясь, сказал дон Луис. — Ведь, по-моему, вы знаете эту страну не лучше, чем мы.

— Мос-хо-ке так точно описал дорогу, что заблудиться было трудно.

— Хорошо. Но что же нам делать теперь, кабальерос?

— Сейчас больше четырех часов, не так ли?

— Да, приблизительно так, — ответил дон Кристоаль, поглядев на солнце, стоявшее почти на уровне деревьев.

— Так вот: я считаю, что мы должны, не останавливаясь, ехать дальше, к развалинам, и прибыть туда, когда наступит назначенный для встречи час.

— Прекрасно! Тогда — вперед! — ответили остальные и, прищипорив лошадей, помчались во весь дух вслед за Энкарнасионом.

Бешеная скачка продолжалась около пятнадцати минут. Выехав из леса, довольно густо поросшего хлопчат-

ником, всадники очутились не более чем в ста шагах от развалин.

Бывают писатели, которые, не выходя, по-видимому, из своего кабинета, серьезно утверждают, что в Америке не осталось почти следов вымерших рас. Отсюда они выводят заключение, что Новый Свет до его завоевания не имел никакой истории.

Но, к сожалению для авторов такой теории, действительность доказывает ошибочность этих рассуждений и, наоборот, утверждает существование очень передовой цивилизации еще задолго до завоевания. Не говоря уже о великолепных руинах Паленке на Юкатане, Теокалис в Чолула и о гигантских развалинах, обнаруженных недавно в центре Скалистых гор, имеются опубликованные работы, утверждающие, что при великом переселении чичимеков последние, во время многократных остановок в пути, обычно основывали великолепные города, и их сохранившиеся следы восхищают тех редких исследователей, которым посчастливилось увидеть эти руины.

В доказательство мы опишем развалины, расположенные между Сиерра Могойон и де Лос Пахарос, на берегу Рио Хила или Салинас, поскольку события нашего рассказа привели нас именно к этим местам.

Эти развалины известны в стране под названием «Большой Дом Рио Хила» или под еще более характерным именем — «Большой Дом Монтесумы».

Это — равнина. Развалины зданий, составлявших когда-то город, тянутся более чем на пять километров на восток. В других направлениях земля усеяна черепками глиняной посуды, отделка которой поражает совершенством.

Упомянутый Большой Дом образует длинный четырехугольник, открытый ветрам со всех четырех сторон. Вокруг всего дома возвышаются стены — следы вала, окружавшего этот дом и другие здания; некоторые из этих зданий были похожи на средневековые башни.

На юго-западе виднеются бесформенные остатки каких-то построек, среди которых сохранилось лишь одноэтажное здание, разделенное на несколько частей.

Внутренняя стена этого дома имеет двести семь метров с севера на юг и сто пятьдесят восемь метров — с востока на запад.

Дом состоит из пяти больших помещений, из которых три, одинакового размера, расположены посередине, а

два, большего размера, — по сторонам. Три центральных зала имеют девять метров с севера на юг и три метра — с востока на запад; два боковых зала имеют четыре метра с севера на юг и тринадцать метров с востока на запад. Все они имеют четыре метра в высоту, Все двери между залами одинаковы — два метра на девяносто сантиметров. Четыре входные двери примерно в два раза шире.

Снаружи дом имеет с севера на юг двадцать три метра и с востока на запад — семнадцать метров. Стены дома снаружи спускаются отлого.

Перед дверью, выходящей на восток и отделенной от дома, находится еще одна комната.

В ней, если не считать толщины стен, — девять метров с севера на юг и шесть метров с востока на запад.

По всей вероятности, комната была срублена из сосны и мескита, так как в окрестности примерно на двадцать километров имеется только сосновый лес.

Все здание построено из глины, смешанной с резаной соломой, — способ строительства, сохранившийся и сейчас в Мексике.

По каналу, в настоящее время высохшему, притекала сюда вода.

В здании было три этажа или, если считать превосходно сохранившееся подвальное помещение, — четыре.

Свет в комнаты проникал только через двери и через круглые отверстия, выходящие на восток и запад.

Именно сквозь эти отверстия, говорят индейцы, Монтесума, прозванный «*hombre amargo*», что значит «сумрачный» или «неприятный человек», приветствовал солнце при восходе и закате его.

Не осталось никаких следов от лестниц и потолков — возможно, что апачи их разрушили, употребив на топливо во время своих частых набегов.

Франсиско Васкес Коронадо в 1542 году, во время своей экспедиции в фантастическую страну Сибола, видел эти развалины и составил описание, приближающееся к нашему.

Единственное различие в том, что в его время существовали еще полы в верхних этажах. Сейчас их нет. Именно с его описанием в руках мы осматривали эти развалины и не нашли никаких следов деревянных частей.

Итак, наши всадники, как мы уже говорили, подъехали к развалинам. Они были поражены, увидев, что эти

развалины вовсе не безлюдны, как они предполагали, а, наоборот, заполнены людьми и что в них полным ходом идут какие-то исследования.

На песчаной равнине возвышались тут и там шалаши из зелени.

Люди рыли в песке глубокие ямы; лошади и мулы вращали наскоро сделанные шестерни; тяжелые вагонетки перевозили на берег песок; сидевшие на корточках люди тщательно промывали его в реке и просеивали.

К счастью, всадники могли хорошо укрыться за несколькими мескитовыми кустами, разбросанными кое-где на равнине. А работа возле развалин шла с такой энергией и усердием, что люди ничего не видели и не слышали. Таким образом, всадники остались незамеченными.

Но все же дон Энкарнасион и его спутники, из боязни быть обнаруженными, сочли лучшим не оставаться здесь и повернули назад, чтобы укрыться в лесу.

Найдя невдалеке открытую лужайку, они остановились. При умелом использовании просветов им было удобно наблюдать за движением своих таинственных соседей. Спешившись, они уселись на землю, закурили сигары и сигареты и устроили, по обычаю прерий, индейский совет.

Положение было очень серьезным. Присутствие незнакомцев в том месте, куда они должны были проникнуть, заставило их очень задуматься.

— Что это может означать? — спросил дон Луис у своих товарищей. — Что могут делать здесь эти люди?

— Это легко угадать, ответил дон Кристоаль. — Очевидно, в эти развалины, необитаемые с давних пор, вторглись гамбусинос. Кто-то из них открыл, или, вернее, думает, что открыл, здесь золотые залежи и предложил заняться этим делом сообща. Их привела сюда жажда золота.

— Да, но почему эти чертовы мошенники выбрали именно это место для своих раскопок? — вскричал Энкарнасион. — Вот чего я не могу понять!

— Тем более, — прибавил дон Кристоаль, — что с незапамятных времен каждый знает, что это — развалины старого города чичимеков и, следовательно, здесь не может быть залежей золота.

— Ну конечно! Если здесь когда-нибудь и были золотые россыпи, то уже должны были иссякнуть.

— Даже признака золота нет — ни здесь, ни в окрестностях, — живо сказал дон Кристобаль. — По-моему, здесь совсем другое дело! Мне кажется, что здесь производится какая-то таинственная работа...

— Но какая? — нетерпеливо перебил дон Луис.

— К несчастью, я знаю не больше вас. И все же стоило мне бросить только взгляд на этих злополучных рабочих, как мне пришло в голову, что они имеют какое-то отношение к Бальбоа. Я готов держать пари, что это так!

— О черт! Если вы правы, дон Кристобаль, это очень сильно меняет данные нам инструкции. Даже не понимаю, что нам тогда делать?

— Быть может, благоразумнее повернуть назад? — сказал Энкарнасион Ортис.

— Я не согласен с вами, дорогой мой, — ответил дон Луис. — Вот что я предлагаю: один из нас вернется к каравану и сообщит дону Хосе Морено о нашем открытии. Второй останется спрятанным в этом лесу. А третий спокойно направится к этим искателям золота как авантюрист, бродящий в поисках счастья.

— Хорошо, но что будет потом? — заметил дон Кристобаль.

— Как потом? — воскликнул дон Луис.

— Но поймите! Предположим, он пойдет и представится как авантюрист. Допускаю. Но к чему это приведет? Какую выгоду мы извлечем из этого для нашей экспедиции?

— Колоссальную!.. Этот человек не возбудит никаких подозрений; он сможет свободно ходить повсюду, наблюдая за всем. Одним словом, у него будет полная возможность разгадать загадку, которая так нас смущает. А когда ему станет ясной причина их пребывания в этих местах, когда он узнает, кто они и что им нужно здесь, он уйдет и расскажет нам свои наблюдения. Тогда мы и поступим соответственно. Мне кажется, что это очень легко сделать. Риску нет никакого, а выгода от этого может быть громадной! Если вы согласны со мной, то именно я попытаюсь это сделать.

— Но ведь по вашему акценту они моментально догадываются, что вы европеец!

— Я надеюсь, именно этот акцент уничтожит все подозрения и даст мне возможность очень интересно играть роль авантюриста. Что вы думаете о моем предложении?

— Что касается меня, то, подумав, я нахожу его приемлемым. По-моему, у нас много шансов на успех и, может быть, именно из-за дерзости этого плана... А ваше мнение, дон Кристобаль?

— Я вполне разделяю точку зрения дона Луиса Морена, кабальеро. Если кто-нибудь действительно может выполнить это задание, то только дон Луис, и никто больше. Он — иностранец, поэтому неизвестен им. В то время как вы, дон Энкарнасион, и я — в случае, если этот лагерь разбит доном Горацио де Бальбоа — мы будем облачены в первое же мгновение. Не будем скрывать: этот достойный кабальеро знает нас отлично.

— И к тому — с давних пор, — улыбаясь, прибавил дон Луис.

Трое всадников весело засмеялись при этой шутке товарища.

— Даю слово, прекрасный план! Я принимаю его с закрытыми глазами, — сказал дон Энкарнасион. — Но теперь надо решить, кто из нас останется в засаде.

— Вы, если ничего не имеете против, — сказал дон Кристобаль. — Я лучше вас знаю страну и смогу скорей найти дона Хосе Морено, чтобы рассказать ему обо всем, что произошло.

— Хорошо. Решения приняты. Теперь, сеньоры, нам осталось только привести их в исполнение.

Совет был окончен, и молодые заговорщики тут же вскочили на своих лошадей, так как нельзя было терять времени.

Они обменялись последними словами, сердечно пожали друг другу руки на прощание: дон Луис и дон Кристобаль разъехались в разные стороны, а Энкарнасион остался на страже в лесу.

Гостеприимство

Было около пяти часов вечера. Красноватые лучи заходящего солнца окрасили долину в теплые тона и придали ей характер необыкновенного величия.

Дон Луис Морен, еще не привыкший к грандиозным видам американской природы, невольно поддался очарованию великолепного пейзажа, расстилавшегося перед его глазами. Но его мечтательное настроение вскоре было нарушено: навстречу ему во весь опор мчался какой-то всадник.

Приблизившись к дону Луису, всадник угрожающе спросил:

— Эй, сеньор, вы глухой или заснули на вашей лошади?

— Я не глухой и не заснул, кабальеро, — ответил дон Луис, выпрямляясь в седле. — Я просто очень устал.

— Вот как! — сказал незнакомец, украдкой бросив подозрительный взгляд на лошадь дона Луиса. — А между тем ваше животное, по-моему, в прекрасном состоянии и может, если понадобится, проделать длинное путешествие.

— Возможно, кабальеро, — сухо ответил француз. — Но если моя лошадь чувствует себя хорошо, я, наоборот, чувствую себя плохо.

— Ну-ну... — насмешливо ответил незнакомец. — Если вы прибыли сюда с целью лечиться, у вас на это мало шансов! Я должен вас предупредить — врачей здесь нет.

— Слава Богу, я болен не серьезно. Мне кажется, что вы поймете; я умираю с голоду.

— С голоду?

— Увы, да.

— Вот как?! — вскричал удивленный незнакомец. — Клянусь, вы — живая загадка! Страна кишит самой разнообразной дичью, человек вооружен до зубов и жалуется на голод! Но если только эта болезнь вас мучает, ваши муки кончатся: я займусь вашим излечением! Следуйте за мной и примите мое гостеприимство.

— Благодарю вас от всего сердца, кабальеро! — улыбаясь, ответил дон Луис.

— Ба! Не стоит! Гостеприимство в пустыне — долг, от которого никто не может уклониться.

— Не будет ли нескромно, кабальеро, спросить, с кем я имею честь говорить? — спросил француз, кланяясь своему собеседнику.

— Пожалуйста, сеньор! — ответил тот с изысканной вежливостью. — Я — дон Горацио Нуньес де Бальбоа, к вашим услугам, капитан на службе его величества короля Испании и Индии. А могу ли я, кабальеро, в свою очередь, спросить, кого я имею честь принимать в качестве гостя.

Слушая имена и титулы, перечисленные капитаном, француз вздрогнул: предположения дона Кристобаля оказались верными. Но его волнение промелькнуло, как молния, и прошло не замеченным для собеседника.

— Я — иностранец, кабальеро, — сказал дон Луис, — недавно прибыл в Америку. Мое имя вам ничего не скажет... Но если...

— О, это все равно, сеньор! — прервал его дон Горацио. — Мы находимся в стране, где каждый свободен поступать по своему желанию и сохранять, если ему нравится, самое строгое инкогнито. Такая сдержанность здесь никого не удивляет. Я спрашиваю ваше имя только для того, чтобы знать, как обратиться к вам, когда представится случай.

— Меня зовут дон Луис, сеньор, к вашим услугам.

— Вполне достаточно! — живо сказал капитан. — Теперь сеньор дон Луис, поскольку мы уже немного знакомы с вами, я буду иметь честь проводить вас в свое бедное жилище. Прошу вас с этого момента смотреть на него, как на свое.

— Тысяча благодарностей, сеньор! — кланяясь, ответил француз.

И оба всадника галопом помчались к Большому дому Монтесумы.

Как и предвидел дон Кристобаль, таинственные обитатели руин оказались гамбусинос, занимавшимися разработкой золотых россыпей. Но что это за россыпи, которые роют по приказанию дона Горацио де Бальбоа, — вот что дон Луис очень бы хотел бы знать.

Среди хакаль, покрытых листвой, копошилась куча оборванцев, худых, болезненных, с мрачными, свирепыми лицами, с отталкивающей и грубой внешностью.

Это была шайка разбойников, отбросы цивилизации, люди, проклятые обществом, оттолкнувшим их навек. Этот сброд, одержимый, без сомнения, ужасной болезнью, которую американцы метко называли золотой лихорадкой, собрался здесь, в неведомом для него пристанище, чтобы вновь неизбежно потерпеть крушение.

Все люди, мимо которых проезжали дон Горацио и дон Луис, бросали на них, шепчась между собой, подозрительные, подчас угрожающие взгляды. Однако все они, или почти все, приветствовали дона Горацио с особой почтительностью.

Тут и там перед наскоро сколоченными пулькерия^{**} дрались пьяницы и текла кровь.

Толпа, жадная до крови и зрелищ, образовывала круг, но не для того, чтобы помешать или остановить драку, а для того, чтобы обсуждать удары, заключать пари и приветствовать победителя.

Повсюду были видны следы громадных и очень глубоких ям. Следы эти перекрещивались между собой во всех направлениях. Но дон Луис заметил, что нет даже признаков золота.

Однако почему же эти необыкновенные гамбусинос без усталости и без отказа занимались рытьем огромных траншей? Какую таинственную работу выполняли они?

Такие вопросы задавал себе мысленно дон Луис. Эта непонятная работа интересовала и беспокоила его все больше и больше, что не мешало ему, однако, с совершенно равнодушным видом следовать за доном Горацио по извилистым путям лагеря.

---

* Хакаль (*исп.*) — хижина, крытая пальмовыми листьями.

** Пулькерия (*исп.*) — кабачок, где продается пульке — алкогольный напиток из сока агавы.

Меньше чем за двадцать минут всадники очутились у руин и остановились у входа в дом.

Капитан свистнул. Появился пеон.

— Вот мы и прибыли, кабальеро! — сказал испанский офицер дону Луису. — Бросьте поводья этому плуту, он позаботится о лошади, а также отнесет ваш плащ в комнату. Прошу вас за мной!

Молодой человек выполнил все это с видом крайней усталости. Он, конечно, не ощущал никакого утомления, но приходилось играть взятую на себя роль. Дон Луис уже готов был войти в дом, как вдруг дон Горацио положил ему руку на плечо, наклонился к его уху и сказал с некоторым замешательством:

— Одну минуту, кабальеро! Мне нужно сказать вам несколько слов. У каждого в этом мире бывают дела, которые касаются только его одного. Вы это знаете так же хорошо, как и я, поскольку вы сами хотите остаться неизвестным. Что бы вы ни увидели и ни услышали у меня, общайтесь не вмешиваясь.

Дон Луис отступил.

— Позвольте, капитан! — сказал он. — В таком случае, я должен поставить вам условие.

— Условие? — удивленно произнес испанец. — Ну хорошо. Какое? Говорите!

— Я ничего не услышу и не увижу, если только не будет затронута моя честь.

— Что вы хотите этим сказать?

— Только то, что говорю. Ничего другого. Прошу вас, не придавайте моим словам смысла, который я не придаю сам.

Капитан очень серьезно и внимательно посмотрел на своего гостя — лицо молодого человека было холодно и бесстрастно.

Тогда испанец, пожав плечами, пренебрежительно улыбнулся и, приняв прежний тон, сказал:

— Войдите и действуйте по своему усмотрению. Вы — мой гость и, следовательно, полностью свободны. Кроме того, мне все безразлично.

Они вошли.

Если внешний вид развалин оставался неизменным, то внутри стены, побеленные известью и украшенные картинами кричащих тонов, пол, покрытый узкими циновками и очищенный от веками скопившегося сора, разроз-

ненная мебель в виде гамака, открытого буфета, стола, шкафиков, — все это свидетельствовало об усиленных попытках хотя немного придать комнате жилой вид.

На дворе была ночь.

Дымящиеся светильники на столе и несколько факелов, прикрепленных к стене железными кольцами, освещали эту большую комнату неверным, дрожащим светом.

Скромное угощение состояло из нескольких блюд с овощами и дичью, расставленных со строгой симметрией, так любимой испанцами. Кроме блюд с яствами, на столе стояли глиняные кувшины с водой и неполная бутылка водки.

— Прошу вас, будьте гостем! — любезно сказал капитан, указывая молодому человеку на кресло. — Раз уж вас мучает такой зверский голод, садитесь и принимайтесь скорей за еду.

Они сели друг против друга. Но в тот момент, когда капитан протянул руку к блюду с мясом, желая радушно предложить его своему голодному гостю, дверь открылась, и в комнату вошла молодая метиска.

— Сеньора донья Линда Морено! — доложила она и отошла в сторону, давая дорогу хозяйке.

Вошла донья Линда; у нее был очень серьезный и даже величественный вид.

Мужчины встали.

Дон Луис вежливо поклонился молодой девушке, подал ей руку и проводил к столу.

Что же касается капитана, то неожиданное появление доньи Линды и смутило его, и вызвало досаду, очень заметную, несмотря на усилия ее скрыть.

Донья Линда была бледна; ее глаза, покрасневшие от слез, свидетельствовали о глубоких, но мужественно перенесенных страданиях.

Она поблагодарила молодого человека легким кивком головы и села к столу.

— Вы так редко доставляете мне радость своим присутствием, сеньорита, — сказал капитан, — что я не смел надеяться на счастье увидеть вас сегодня за обедом.

Молодая девушка ничего не ответила на эту вычурную любезность; она сделала вид, что ничего не слышала, и обратилась к дону Луису:

— Какой несчастный случай, кабальеро, привел вас в этот притон бандитов?

— Я благословляю этот случай, доставивший мне честь встретиться с вами и предложить вам мои услуги, сеньорита! — вежливо поклонившись, ответил дон Луис.

— Поскольку донья Линда нашла уместным украсить наш обед своим присутствием, — с холодной иронией сказал капитан, — мне следует представить вас сеньорите, мой дорогой гость.

— Мне вовсе не нужно, чтобы вас представляли, сеньор! — горячо сказала молодая девушка. — Хотя я не знаю вашего имени, но у вас вид настоящего кабальеро и честного человека, поэтому я убеждена, что могу совершенно спокойно довериться вам.

— Я имел честь сказать вам, сеньорита, что я полностью в вашем распоряжении. Я сделаю все, что вам угодно будет приказывать мне.

— Однако! — со сдержанной яростью сказал капитан. — Мне кажется, мой дорогой гость, что вы ведете себя слишком непринужденно и, как ни странно, спешите предлагать свои услуги незнакомой особе, с которой вы в первый раз встречаетесь у меня!

— Я делаю то, что диктует мне честь, кабальеро, — спокойно ответил на вопрос дон Луис. — Я — француз, а в моей стране ни один благородный человек не откажет в помощи даме, когда она об этом просит.

— Я запомню ваши слова, сеньор! — живо ответила молодая девушка.

— Простите, сеньорита, — прервал ее капитан, вскочив со своего места, — я считаю, что шутка зашла слишком далеко.

— Напротив, — холодно ответил дон Луис, — я считаю все это очень серьезным и прошу вас, кабальеро, не мешать сеньорите объясниться.

Эти слова были произнесены так решительно и с таким достоинством, что дон Горацио, привыкший к уверткам мексиканского лицемерия и не ожидавший в своем госте такого честного противодействия, несколько секунд был в оцепенении и не находил слов для ответа; но очень быстро его свирепая натура взяла верх, и он, ударив в гнев кулаком по столу, вскричал:

— Зачем вы вмешиваетесь?

— Вспомните о словах, сказанных мною, когда я переступил порог этого дома, сеньор. Моя честь поставлена сейчас на карту, и даю вам честное слово: что бы ни слу-

чилося, ни одно пятно не замарают ее, — так же спокойно ответил дон Луис.

— Благодарю вас, кабальеро! — взволнованно воскликнула молодая девушка. — Благодарю вас за то, что вы готовы защитить меня, совершенно незнакомую вам девушку, от этого человека! Будьте благословенны за вашу героическую самоотверженность!

— Хвала Богу! — воскликнул, нервно расхохотавшись, капитан. — Вот уж не думал, что буду присутствовать при такой забавной сценке, хотя и сам ее подготовил!

— Что вы хотите сказать этим, кабальеро? — надменно спросил француз.

— Я хочу сказать, сеньор, — ответил капитан, усаживаясь и небрежно откидываясь на спинку кресла, — что вы замечательно попали в ловушку, которую я вам подстроил, клянусь Богом!

— Ловушку?

— Да-да! — с деланным добродушием ответил капитан. — Вы знаете индейскую поговорку: «Деревья имеют глаза, а листья — уши?» Карай! Вот уже давно я иду по вашим следам, а также по следам дона Энкарнасиона и еще одного бездельника из его друзей. Не случайно, как вы, вероятно, догадываетесь, мы встретились с вами в саванне! И тем более не случай привел вас сюда! Но разрешите мне сказать, сударь мой, что, притворясь столь щепетильным в вопросах чести, вы прибегли к такому предательству, какому вас не мог бы научить самый ловкий бандит!

— Сеньор, эти слова...

— Черт побери! Хотел бы я знать, как иначе назвать ваше сегодняшнее поведение, сеньор капитан дон Луис Морен? Вы видите, что я вас знаю, не правда ли?

— Довольно оскорблений, сеньор! — возмущенно вскричал молодой человек, хотя про себя он должен был признать, что слова капитана не лишены основания.

— Я вас не оскорбляю, я говорю только то, что есть. Никто не имеет права обсуждать мое поведение. Это касается только меня и моей совести. Я похитил молодую девушку? Но разве вас это касается? Вы ее родственник или жених? Нет! К тому же, если бы я был бандитом, как считает сеньорита, ничто не помешало бы мне жестоко отомстить вам!

— Что вас останавливает? — спокойно сказал дон Луис. — Неужели вы полагаете, что, отправляясь сюда, я не знал, какой опасности я подвергаюсь! Я поклялся пожертвовать жизнью, чтобы возвратить донью Линду ее отцу!

— Вы сошли с ума! — сказал капитан голосом, придушенным от гнева. — Вы сошли с ума, осмелившись обратиться с такими речами ко мне, в моем лагере! Ко мне, окруженному людьми преданными и готовыми повиноваться моему малейшему знаку! Мне достаточно произнести одно слово, сделать один жест — и вы умрете! А вы один, и помочь вам никто не может!

— Это верно, — сказал француз, — но со мной Бог, Бог, который нас видит, нас судит и который не оставит меня, зная, что у меня нет человеческой помощи.

— Зовите же его, — ответил, усмехаясь, капитан, — потому что, черт возьми, наступило время, когда он должен вам помочь!

— Кабальеро! — вскричала донья Линда дрожащим от волнения голосом, — Забудьте, умоляю вас, все, что я вам сказала! Отчаяние меня ослепило! Предоставьте меня моей печальной судьбе и не вступайте, заклинаю вас, в борьбу, из которой вы не выйдете победителем! Не прибавляйте к моему горю вечных угрызений совести, что я стала причиной вашей гибели!

— Сеньорита, — сдержанно сказал француз, обнажая шпагу и вытаскивая пистолет из-за пояса, — благодарю вас за сочувствие, которым вы удостоили меня, но простите меня, я не подчинюсь вашим приказаниям. Никогда не представится мне лучший случай защитить благородную цель! Я сам себе поклялся спасти вас или умереть за вас. Я вас спасу или умру!

И он нежным и благородным жестом отстранил молодую девушку. Донья Линда испытала невыразимое отчаяние, но понимала, что не имеет больше права вмешиваться в происходящее.

— Пусть будет так, как вы хотите! — вскричал капитан, оскалившись, как хищный зверь.

Уже готова была начаться страшная, беспощадная битва, уже дон Горацио высоко занес шпагу над своим противником, а тот, со своей стороны, приготовился к отпору, как вдруг дверь бесшумно открылась и кто-то вошел.

Это был Мос-хо-ке, великий вождь команчей.

Он был в своем военном костюме; важным, медленным шагом приблизился он к молодым людям и пристально посмотрел на них; потом опустил их шпаги жестом, полным невыразимого величия.

— Что здесь происходит? — спросил он. — Неужели бледнолицый начальник поссорился с человеком, которому он предложил гостеприимство?

После этих слов в комнате воцарилось мрачное молчание.

Вождь

Итак, дон Энкарнасион Ортис остался в лесу, граничившем с деревней, или, вернее, с лагерем гамбусинос.

Выбрав удобное убежище, он сошел с лошади, сел у подножия какого-то дерева и, опустив голову, задумался.

Это были невеселые мысли. Дон Энкарнасион понимал, что находится в данный момент в очень опасном положении: без дружеской помощи, один, в засаде. Если бы обитателям лагеря пришла мысль (а это было весьма вероятно) устроить в лесу облаву для поисков шпионов, они, конечно, обнаружили бы его и убили.

И все же не это предположение, как бы мало приятно оно ни было, тревожило молодого человека; другие мысли мучили его и заставляли проклинать свое вынужденное бездействие.

Сейчас, оставшись в одиночестве и трезво взвесив все происшедшее, он горько пожалел, что согласился отпустить своего друга к гамбусинос. Ведь дону Луису, храброму и умному человеку, были почти неизвестны мексиканские нравы. Сумеет ли он обмануть врагов? Сможет ли достаточно убедительно сыграть свою роль? И была еще одна мысль, терзавшая его больше всего. Как мог он, жених доньи Линды, он, которого она любила и считала своим защитником, — как мог он уступить свое место другому! Другому — хотя бы это был такой верный друг, как дон Луис! Не пренебрег ли он своим долгом, не нарушил ли клятву, передав другому право отомстить за оскорбление своей невесты?..

И много других столь же мучительных мыслей вскоре

так разбередили молодого человека, что его охватила бешеная ярость.

Он вскочил, решив любой ценой проникнуть в лагерь гамбусинос, не думая о последствиях этого смелого, но необдуманного поступка. В тот момент, когда дон Энкарнасион вложил уже ногу в стремя, в кустах послышался легкий шум. Не успел он инстинктивно повернуть голову, как несколько человек с быстротой молнии бросились на него, схватили и лишили возможности защищаться.

Дон Энкарнасион понял, что борьба бессмысленна, поэтому решил хладнокровно принять свое поражение.

— Чего вы хотите от меня? Почему вы бросились на меня, как взбесившиеся волки? — высокомерно спросил он.

— Э! — послышался насмешливый голос. — Кажется, мы ошиблись и, охотясь за лисицей, поймали случайно льва?

— Кто вы и что вам от меня нужно?

— Сейчас вы это узнаете, сударь мой! Зажгите факелы, друзья!.. Нам надо посмотреть друг на друга.

Этот приказ был немедленно выполнен.

Молодой человек воспользовался несколькими секундами свободы и выхватил свой мачете. Он решил дорого продать свою жизнь.

— А! — вскричал он. — Если мне суждено умереть, я все же оставлю кое-кому из вас свои метки! Чего же вы ждете, приятели?

В этот момент лужайка осветилась факелами.

Дон Энкарнасион бросил взгляд вокруг себя — его окружало не менее сотни человек. Кроме того, за деревьями были видны чьи-то черные силуэты.

«Ого! — прошептал про себя Энкарнасион. — Их много! Тем лучше! Если суждено умереть, умру с честью!»

— Вот так так! — послышался тот же насмешливый голос. — Долой оружие! Я же говорил вам, что мы ошиблись! Мы имеем дело с другом!

— Где, черт возьми, я слышал этот голос?.. — пробормотал дон Энкарнасион.

Ряды незнакомых людей раздвинулись, и на середину лужайки быстро вышли два человека.

Дон Энкарнасион издал крик удивления и радости и, кинув на землю свой нож, бросился к ним навстречу.

Один из этих мужчин был дон Рамон Очоа, другой — Великий Бобр, вождь команчей.

— Ах! Вот это встреча! Будь благословен Бог за случай, который вас привел! — возбужденно сказал молодой человек.

— Это не случай, мой мужественный друг! — смеясь, возразил бывший алькальд. — Наоборот, я явился сюда по приглашению Мос-хо-ке, чтобы присоединить мою кавалерию к отряду дон Хосе Морено.

— Клянусь честью, вождь, вы действительно неоценимый человек! — весело произнес Энкарнасион, сердечно пожимая руку Мос-хо-ке. — Дон Хосе Морено знает о подкреплении, которое вы ему так кстати привели?

— Два дня назад Мос-хо-ке оставил бледнолицего начальника. Мос-хо-ке не говорил ему о своих планах. Белые говорят, а краснокожие действуют. Мой отец Седая Голова будет доволен, когда увидит, что число его воинов удвоилось, и узнает, что это сделал его сын-команч.

— Послушайте-ка, мой друг, а что же вы делали тут, с одной ногой в стремени, а другой — на земле? — спросил дон Рамон.

— В тот момент, когда вы так неожиданно напали на меня, — ответил дон Энкарнасион, — я сажился на лошадь, чтобы на свой страх и риск ехать в лагерь этих бандитов.

— У белых нет разума, — серьезно сказал Мос-хо-ке. — Что стоит один человек против ста?

— Вы правы — ничего! Но я хотел спасти донью Линду даже ценою своей жизни!

— Пусть так! — сказал индеец. — Спасти ее нужно. Но и жить нужно.

— Это, конечно, лучше всего! — ответил молодой человек, невольно улыбнувшись, несмотря на свою печаль. — Но как это сделать?

— Пусть мой бледнолицый брат подождет. Сейчас глубокая ночь; ничто не заставляет нас спешить. Завтра надо начать действовать.

— Как — ничто не заставляет спешить?.. Ах да, ведь вы ничего еще не знаете, вождь!

— Что случилось? — спросил дон Рамон.

— Пусть мой брат говорит, — добавил индеец, — уши вождя открыты.

По знаку Мос-хо-ке факелы были потушены сразу же после того, как в пленнике узнали дон Хосе Энкарнасиона Ортиса. Мос-хо-ке опасался, что гамбусинос могут

обнаружить в лесу отряд. Ранчерос, уставшие от длительной езды, растянулись на траве, не выпуская из рук поводьев, готовые вскочить на лошадей при первом же сигнале.

Дон Энкарнасион в нескольких словах рассказал о том, что произошло с ним и его друзьями: как дон Кристоаль Нава повернул обратно, чтобы поторопить прибытие каравана дона Хосе Морена; как дон Луис Морен отправился вперед, надеясь разузнать что-либо о донье Линде; как, наконец, он сам, измученный тревогой, решил ехать в лагерь и разыскивать своего друга, а в этот момент ранчерос внезапно набросились на него.

— О! — сказал вождь. — Бледнолицый брат говорит, как мудрый человек, а действует, как ребенок. Но пусть он не приходит в отчаяние, Ваконда велик, он ему поможет. Бледнолицей девушке с голубыми глазами не угрожает никакая опасность. Вождь точно знает, что белый начальник — гачупин относится к ней с уважением. Сейчас не надо опасаться за нее. Пламенный Глаз не нуждается в помощи, ему ничего не угрожает. Мос-хо-ке пойдет в деревню бледнолицых.

— Вождь пойдет один?

— Мос-хо-ке — могучий воин. Гачупины боятся его.

— Хорошо, пусть будет так, — решительно сказал молодой человек. — Но при одном условии: я пойду с моим братом.

Индеец окинул его проницательным взглядом, подумав мгновение, потом ответил:

— Мой брат пойдет.

— Едем же! — вскричал дон Энкарнасион.

— Молодость нетерпелива, — нравоучительно произнес индеец. — Воины моего отца Седой Головы в сопровождении двух воинов моего народа придут сюда, прежде чем луна успеет пробежать половину своего пути в небс. Белый начальник со своим отрядом должен ожидать здесь своих братьев и не уходить отсюда в деревню, пока Мос-хо-ке не вернется. А молодой бледнолицый брат мой пусть приготовится следовать за краснокожими воинами, которые пойдут в лагерь гачупинов.

При этом вождь два раза подряд громко крикнул, как кричат собаки прерий.

Немедленно двадцать пять воинов-команчей появились на лужайке и выстроились позади своего вождя.

Дон Энкарнасион был уже на лошади и с нетерпением ждал сигнала к отъезду.

Но вождь, холодный и бесстрастный, как все люди его расы, нисколько не спешил. Он внимательно оглядывал воинов-команчей, желая убедиться, что их оружие а порядке. Потом, вложив ногу в стремя, он вскочил на лошадь и сказал, обращаясь к дону Рамону:

— Мой брат хорошо меня понял, не правда ли? Прежде чем покинуть этот лагерь, он должен ждать возвращения Великого Бобра столько времени, сколько продлится его отсутствие. А главное, ни один из воинов бледнолицего начальника не должен показываться на равнине.

— Поезжайте спокойно, вождь, — сказал дон Рамон Очоа и добавил, сердечно пожимая руку дону Энкарнасиону: — Да поможет вам Бог, друг мой!

— Спасибо! — ответил Энкарнасион, горячо пожав ему руку.

— Вперед! — скомандовал вождь.

И воины-команчи, прищипорив коней, галопом помчались по равнине.

Деревня гамбусинос была темна, улицы пустынные; только иногда тьму прорезал красный свет, и слышались нестройные крики. Это были ночные кабачки. Какие-то подозрительные тени быстро и бесшумно скользили во тьме.

Команчи пересекли деревню и появились у развалин, не привлекая ничего внимания. Гамбусинос знали, что часть племени расположилась лагерем на равнине, поэтому они предполагали, что проезжавшая группа была отрядом воинов, вернувшихся в деревню с охоты.

Прибыв к Большому Дому Монтесумы, вождь дал приказ остановиться, а сам спешил; то же сделал и Энкарнасион; краснокожие остались в седлах, с ружьями в руках, готовые каждую минуту к бою.

Мы уже сказали, что появление команчей не привлекло внимания; однако Великий Бобр, осторожный, как все краснокожие, принял на всякий случай меры предосторожности.

По его распоряжению два воина отправились в находившийся за несколько сот шагов от деревни лагерь краснокожих, с приказом немедленно всем вооружиться и прибыть к Большому Дому.

Шесть воинов окружили развалины. Им было точно

приказано загородить проход всякому, кто попытается войти в дом или выйти из него.

Как только приказания были отданы и выполнены, вождь подошел к дону Энкарнасиону и сказал ему на ухо:

— Мой брат видит, что я делаю для него? Он доволен?

— Да вождь, — тихо ответил молодой человек.

— Хорошо. Мой брат не произнесет ни одного слова, не сделает ни одного жеста без разрешения Великого Бобра. Пусть он поклянется Вакондой!

— Я вам клянусь честным словом, вождь! Но и вы поклянитесь мне, что вы спасете моего друга, дона Луиса!

— Великий Бобр его спасет, или мы все погибнем! — ответил индеец.

Приблизившись к самой двери дома, они стали слушать.

В доме горячо спорили; гневные, судя по интонациям, фразы сталкивались с такой быстротой, что их невозможно было понять.

Дон Энкарнасион, несмотря на свое обещание, чувствовал, что в груди у него клокочет буря; если бы вождь не удерживал его железной рукой, он бы бросился в дом. При последнем донесшемся слове, произнесенном капитаном, индеец был вынужден резко оттолкнуть Энкарнасиона от двери.

— Брат мой хочет погубить себя и своего друга? — сказал он.

— Что же делать? — воскликнул дон Энкарнасион.

— Держать свое слово, ждать и предоставить действовать вождю. Пусть мой брат помнит, что при малейшей неосторожности перебьют всех индейских воинов. Брат мой отвечает за них вождю, а вождь отвечает за его друга. Пусть мой брат ждет. Вождь войдет.

И Великий Бобр открыл дверь и вошел в комнату.

Мы уже рассказали в конце предыдущей главы, как присутствующих поразило непредвиденное появление вождя команчей. Великий Бобр почтительно поклонился молодой девушке и обратился к капитану:

— Великий Бобр долго был в пути и устал; он голоден и хочет пить; не может ли его брат, бледнолицый начальник, предложить ему прохладительные напитки? Или он предпочитает сначала закончить дело, которое привело сюда вождя?

— О каком деле хочет говорить вождь? — хмуря брови,

спросил дон Горацио. — Я не знаю, чего может требовать от меня Мос-хо-ке. Нас всегда соединяют дружеские отношения.

— У моего брата короткая память. Он забыл, что земля, которую здесь роют по его приказанию, принадлежит воинам индейского народа. Он забыл, что по приказанию Великого Бобра эти воины служили начальнику проводниками и привели сюда. Он забыл, что Великий Бобр решил ему разбить здесь лагерь при одном условии...

— И вы пришли требовать выполнения этого условия? — побледнев, вскричал капитан.

— Да, Великий Бобр пришел сюда для этого, — ответил индеец. — Разве бледнолицый начальник не ждал его?

Молния, упавшая к ногам капитана, не могла бы более ужаснуть его, чем эти спокойно произнесенные слова, подчеркнутые насмешливой улыбкой.

Индеец продолжал:

— Уже прошло три дня, как бледнолицый начальник завладел развалинами и Домом Монтесумы. Доверяя начальнику, вождь позволил ему разбить лагерь на этой равнине. Бледнолицый начальник помнит, какие условия поставил ему вождь?

— Я обязался, — холодно ответил капитан, положив незаметно руку на саблю, — передать донью Линду в ваши руки, если вы мне дадите право в течение трех дней производить работы по моему усмотрению.

— Вождь выполнил эти условия?

— Да.

— Вождь ждет пленницу, которую бледнолицый ему продал, — она принадлежит вождю.

— Боже!.. — в бешенстве закричал капитан.

Индеец жестом прервал его и, рванув дверь, сказал:

— Пусть бледнолицый одумается. Пленницу требует не только вождь, но все племя вождя!

Капитан оцепенел от ужаса. Он понял, что побежден.

Через открытую дверь, при бледном свете луны, он увидел индейских воинов, мрачных и угрожающих, тесными рядами окруживших дом.

— Пусть она уезжает! — произнес он задыхающимся от гнева голосом. — Она свободна.

Потом, через мгновение, добавил угрожающе:

— Хорошо сыграно, вождь, но я возьму реванш!

Индеец, не отвечая, подошел к молодой девушке и взял ее за руку.

— Мы еще увидимся, сеньор француз! — со сдержанным бешенством сказал капитан уходившему дону Луису.

— Надеюсь, кабальеро, — просто ответил тот.

— Да, мы увидимся, несчастный, и, клянусь Богом, скоро! — вскричал дон Энкарнасион, стремительно ворвавшись в комнату.

Но взгляд вождя удержал его. Зачем начинать ссору теперь, когда донья Линда спасена!

— А-а! Это заговор! — прошептал дон Горацио, взбешенный от сознания своего поражения, но вынужденный склониться перед явной силой.

Молодые люди презрительно пожали плечами и, даже не удостоив его словом, вышли из комнаты.

А через несколько мгновений отряд уже мчался во весь опор прочь из лагеря.

Рекогносцировка

Капитан дон Горацио де Бальбоа, бесспорно, был мужественным человеком; в его натуре были и пороки, и очень крупные — например, омерзительная жадность и отсутствие порядочности в пустяках; но бывали в его жизни моменты, когда он проявлял безрассудную отвагу и смело рисковал своей жизнью; этим он заслужил среди своих людей репутацию отличного солдата.

Если на этот раз он сравнительно легко уступил требованиям Мос-хо-ке, то произошло это в силу очень серьезных причин: во-первых, его захватили врасплох; во-вторых, его окружили враги; он был один, их — много. Поняв, что борьба безрассудна, он подобно лисице, преследуемой охотниками, схитрил, сделал вид, что уступает добровольно, но в душе поклялся, что возьмет у них, так или иначе, блестящий реванш.

Горацио де Бальбоа не скрывал от себя, что понесенное им поражение весьма серьезно и что отъезд, или, вернее, освобождение доньи Линды лишает его последнего шанса на успех в задуманном деле.

Дон Горацио похитил донью Линду с целью добиться от нее, добровольно или силой, разоблачения тайны императоров инков. Он не побоялся ей в этом признаться с грубой, почти циничной откровенностью.

Теперь, когда молодая девушка была возвращена отцу, всякая надежда когда-нибудь завладеть сокровищем ускользнула от капитана. Совершенный им бесчестный поступок не принес ему никакой пользы. А хуже всего было то, что его, как ребенка, обвел вокруг пальца индеец, которого он почти не считал человеком.

Но дон Горацио был наделен незаурядной энергией и железной волей.

Такие люди, к сожалению, часто встречаются в жизни: они одинаково расположены к добру и злу и, если вступают на какую-нибудь дорогу — будь она хороша или плоха, не колеблются, никогда не возвращаются назад, а продолжают упорно свой путь, фатально ведущий в пропасть.

Капитан недолго находился в угнетенном состоянии; наступила реакция, и он поднялся со своего места — еще более уверенный и решительный, чем всегда.

Камеристка доньи Линды, забытая всеми участниками предыдущей сцены, испуганная и дрожащая, сидела, съевшись, в углу комнаты.

Когда капитан поднялся, его первый взгляд случайно упал на нее; дьявольская мысль прорезала его мозг, и злая улыбка искривила губы.

— Что вы там делаете? — с иронической вежливостью спросил он. — Вы забыли, что можете понадобиться вашей госпоже? Убирайтесь отсюда, да поживей!

Бедная девушка смотрела на него испуганными глазами.

— Что я должна делать, сеньор? — еле слышно прошептала она.

— Догоняйте ее, черт возьми!

— Одна, ночью, в темноте... не зная даже, в каком направлении ее искать... ваша милость?..

— Не желаете ли, принцесса, чтобы я предоставил вам конвой?

Молодая девушка залилась слезами.

Наступило молчание.

Вдруг капитан ударил себя по лбу.

— Хвала Богу! — прошептал он. — Это идея! Кто бы ни послал мне ее, небо или ад, — безразлично!

И он быстро обратился к молодой девушке:

— Осушите ваши слезы, красавица, и приготовьтесь следовать за мной.

— Следовать за вами, ваша милость? — спросила она. — Куда же, Бог мой?

— К вашей госпоже, — усмехнувшись, сказал дон Горацио.

И, оставив бедную девушку в полном смятении, он вышел из дому и направился в кораль.

В корале, расположенном позади дома, за деревянной изгородью помещалось около двухсот пятидесяти лошадей, принадлежавших гамбусинос.

Дон Горацио накинул лассо на ближайшую к двери лошадь, оседлал ее, обмотал копыта бараньими шкурами, чтобы заглушить шум ее шагов, вывел из корала и привел к дому.

— Вы готовы, мое дитя? — спросил он, открывая дверь. Молодая девушка отшатнулась, вся дрожа.

— Чего вы боитесь? Подойдите, говорю же я вам! Не бойтесь, я хочу проводить вас к вашей госпоже, черт возьми! — с усмешкой добавил он. — Ведь я обязан оказать любезность этой благородной сеньорите.

Молодая девушка поняла: сопротивление бесполезно, она должна повиноваться. Завернувшись в плащ, она вышла из дома, мысленно моля Бога о помощи, — она была уверена, что идет на смерть.

Капитан вскочил на лошадь.

— Поставьте вашу ногу на мой сапог. Дайте мне руку... Садитесь позади меня... Вот так. Теперь зацепитесь за мой пояс и крепко держитесь, потому что — клянусь Богом! — это будет такая прогулка, которую вы, моя милая, запомните на всю жизнь!

Молодая девушка все выполнила с послушанием ребенка, даже не пытаясь понять, чего от нее требуют.

— Хорошо, — сказал он. — Вы готовы?

— Да, — еле слышно прошептала она.

— Тогда в путь! — воскликнул дон Горацио и вонзил шпоры так сильно, что лошадь поднялась на дыбы от боли, а затем помчалась, как стрела.

Ночь была темна, в небе не мерцало ни одной звезды. Быстро плывущие облака беспрестанно закрывали собою луну, бледный, непостоянный свет которой только подчеркивал тьму.

Отчаянный ветер мрачно завывал, он поднимал в воздухе клубы пыли, ослеплявшие лошадь и ее всадника.

Издали, на востоке, слышалось хриплое мяуканье ягуаров и пантер, на которое, как зловещее эхо, отвечал прерывистый лай койотов и красных волков.

В деревне прекратился шум, все огни погасли; гамбусинос, большей частью пьяные, спали крепким сном.

Был слышен лишь вой бродячих собак, попадавших на пути дона Горацио.

Через несколько минут капитан оставил далеко позади себя хижины искателей золота и очутился на равнине.

Тут он на несколько секунд остановился. Ему нужно было собраться с мыслями. В пустыне, где нет проложенных дорог, легко заблудиться. Капитан хотел сразу же найти верную дорогу. Только мгновение длилось его колебание. С проницательностью людей, привыкших к жизни в прериях, он быстро уяснил положение и решительно направился к лесу, где действительно был разбит лагерь ранчерос.

Мы не станем уверять читателя, что в душе дона Горацио пробудилось чувство человечности, когда он решил отвезти молодую девушку к ее госпоже, — нет, дон Горацио в своем роде был человек обыкновенный, он не мог руководствоваться такими мелкими соображениями. Ему просто хотелось узнать, где находятся его враги и сколько их. Если же он увез с собой молодую девушку, то лишь потому, что надеялся сделать ее своей невольной сообщницей в предпринятой рекогносцировке.

В течении следующих десяти минут капитан продвигался очень осторожно, шагом; он почти достиг границы лагеря. Наклонившись вперед, прислушиваясь к каждому звуку, который доносился к нему мимолетным ветерком, он настороженно вглядывался в темноту.

И наконец сквозь густой кустарник, немного вправо от него, мелькнул красноватый свет, сверкнувший, как падающая звезда.

Капитан продвинулся еще немного вперед, с еще большей осторожностью; огонь усилился, и вскоре стало очевидно, что это горит костер.

— Я знал, что выслежу их, — прошептал испанец.

Доехав до песчаного холмика, он остановился, сошел с лошади и сказал девушке:

— Мы приехали, сойдите с лошади.

Молодая девушка покорно повиновалась.

— Слушайте меня хорошо, дитя, — продолжал дон Горацио, крепко схватив ее за руку. — Не вздумайте забыть то, что я вам сейчас скажу! Речь идет о вашей жизни!

— Приказывайте, я все исполню, — придушенным от ужаса голосом ответила несчастная девушка.

— Хорошо. Видите вы этот свет? Там, перед вами, в лесу?

— Вижу.

— Лагерный костер. В лагере укрылись ваши друзья. Там же находится и ваша госпожа. Не более ста шагов отделяют вас от нее. Без страха идите вперед и смело отвечайте тем, кто вас будет спрашивать.

— Что я должна отвечать?

— Правду. Скажите, что я сам проводил вас к лагерю. Вы меня хорошо понимаете, не правда ли? Помните: никаких уловок!

— Хорошо, я скажу.

— Слушайте дальше: поднимайте шум, кричите, зовите на помощь! Я вам разрешаю это. Пусть часовые вас заметят и поднимут тревогу... Мне нужно еще раз повторить или нет? Подумайте, прежде чем ответите. Поняли вы меня?

— Да, сеньор.

— Хорошо. Я честно выполнил обещание. Теперь идите, и да поможет вам Бог или дьявол! Что касается меня, я не намерен больше здесь оставаться. Мое дело сделано, я возвращаюсь в деревню.

Молодая девушка боязливо и нерешительно пошла по направлению к лагерю.

Следующий за ней капитан мгновенно бросился к ней.

— Вы пойдете быстрее, лентяйка?! Или хотите, чтобы я вам пустил пулю в голову?! — угрожающе закричал дон Горацио, поднимая пистолет.

Бедная девушка, крича от ужаса, бросилась бежать.

— Так-то лучше! Теперь они ее услышат, если не оглохли! — смеясь, произнес капитан.

Спрятав револьвер за пояс, он вскочил на лошадь и укрылся за песчаным холмиком.

Его хитрость увенчалась успехом.

Лагерь был окружен тройной цепью часовых; при первом же крике молодой девушки, как из-под земли, появились два человека; подскочив к бегущей девушке, они остановили ее.

Почти обезумев от страха, бедняжка упала на колени, прося пощады.

В тот же миг сбежались люди, зажглись факелы, и эта часть равнины, такая пустынная и темная еще мгновение назад, оказалась освещенной, как днем, и заполненной людьми.

Молодую девушку подняли и повели в лес; огни исчезли, снова наступил мрак и безмолвие.

— Черт возьми! — усмехаясь, произнес капитан. — Моя хитрость удалась: эти глупцы показались мне, как на параде. Теперь нельзя терять ни минуты! Я хочу устроить им достойный прием, они такого, пожалуй, и не ожидают. Хвала Богу, я еще не побежден!

И, пригнувшись в седле, он поскакал во весь опор.

Сзади раздались ружейные выстрелы и послышался свист пуль.

— Опоздали, господа! Теряете напрасно порох — птичка улетела! — насмешливо вскричал испанец.

Через двадцать минут он был уже в своем лагере и соскочил с лошади у Дома Монтесумы.

Поставив лошадь в кораль, не теряя ни одной минуты, он поспешно разбудил двенадцать преданных ему гамбусинос, живших в нескольких шагах от его дома.

Когда они собрались в той комнате, где еще недавно был сервирован обед, он обратился к ним без вступления:

— Друзья! Время дорого! Выслушайте меня: нас предали. Нам казалось, что тайной клада владеем только мы. Кому-то она стала известна. Кто эти люди, не знаю, но уверен, что они намерены на нас напасть и воспользоваться нашими трудами. А между тем успех, который должен увенчать наши усилия, так близок!

Гневный рокот пробежал по рядам гамбусинос.

Капитан продолжал:

— Вы знаете, мои друзья, что мы ищем здесь. Вам я без колебаний доверил мою тайну. Я был уверен, что могу положиться на вас. Отвечайте же мне: отдадите ли вы без борьбы это сокровище, которое, быть может, завтра будет в наших руках, или вы станете защищать его, как настоящие мужчины?

— Прежде всего, капитан, мы хотим знать, существует ли вообще это сокровище? — заметил старик гамбусино. — Подумайте, вот уже три дня мы роем землю, как кроты, но вы сами видите, что до сих пор, несмотря на все наши усилия, нет никакого признака, что мы на верном пути.

— Сокровище существует! — горячо воскликнул капитан. — Я в этом уверен. Оно огромно, неисчислимо! Я жду вашего решения. Колебание невозможно, отвечайте!

— Сокровище принадлежит тому, кто открыл его, это закон пустыни, — сказал тот же самый гамбусино. — Во имя Бога, оно будет нашим, потому что мы первые начали его искать.

— Значит, друзья, вы решили защищаться, если посмеют напасть на нас? — радостно вскричал капитан.

— Конечно, — ответили они, — и, черт возьми, мы будем биться насмерть!

— Хорошо, друзья! Благодарю вас! Я вижу, что не ошибался в вас, и вы мне преданы.

— О! Разрешите, сеньор дон Горацио де Бальбоа, — снова поднял голос тот же старый гамбусино. — Здесь дело не в преданности. Давайте договоримся, чтобы избежать всякого недоразумения в будущем. Речь идет только о том, что мы должны найти то огромное богатство, которое было потеряно для мира в течении ряда веков.

— Да, — насмешливо улыбнувшись, сказал испанец, найти то богатство, которое всех вас обогатит при дележе.

Старый гамбусино презрительно пожал плечами:

— Полноте, капитан! Видно вы совершенно не знаете искателей золота, настоящих гамбусинов! Научитесь нас понимать и прежде всего знайте, что Бог создал нас, именно нас, чтобы открывать богатства, зарытые в недрах земли, и заставлять их блеснуть на солнце! Золото проходит через наши руки, но не остается в них. Настоящий гамбусино должен жить и умереть бедным. Его назначение — обогащать мир, ничего не сохраняя для себя.

Капитан был поражен, услышав такое необыкновенное заявление. А между тем это была совершенная правда. Гамбусино действительно таковы. Всю жизнь они с лихорадочной горячностью ищут золото, но стоит им обнаружить его, как тотчас оно теряет всякую ценность в их глазах, и они равнодушно покидают открытый ими тайник, чтобы приняться за поиски следующего.

Этот факт наблюдался тысячи раз.

После небольшой паузы капитан заговорил:

— Мне безразлично, почему вы решили драться. Мне важно одно: вы будете драться?

— Да, насмерть!

— Вот и все, что мне нужно. Идите разбудите скорей товарищей и приступайте к делу. Мы должны с восходом солнца быть готовыми отразить атаку врагов.

— Будет так! — ответили они. — Рассчитывайте на нас, капитан.

И они вышли.

— Черт возьми! — воскликнул капитан, со скверной улыбкой потирая руки. — Если эти безумцы так презирают богатство, тем лучше! В таком случае, сокровище целиком достанется мне одному. Черт возьми, мне это нравится!

После этого Дон Горацио де Бальбоа наспех поел — обед оставался нетронутым на столе — и быстро покинул дом. Он хотел поторопить людей и убедиться в том, что все отданные им приказания исполнены.

Капитан испытал уже на себе решительность и смелость своих врагов и не хотел быть вторично захваченным врасплох, особенно сейчас, когда благодаря занятой им выгодной позиции у него были все шансы на успех.

Через час чрезвычайное оживление царило в лагере гамбусинос.

Воодушевленные общим интересом, обитатели деревни работали с большим подъемом. Они хотели так укрепить лагерь, чтобы он стал неприступным даже в случае нападения на него еще более значительных сил, чем те, которые им угрожали в данный момент.

Совет

Никакими словами нельзя передать радость дона Энкарнасиона Ортиса, когда он наконец опять увидел свою невесту.

И донья Линда, еще недавно такая несчастная, а теперь свободная и окруженная друзьями, боялась поверить в эту внезапную и счастливую перемену. Из ее глаз капились слезы радости. Она не находила слов, чтобы поблагодарить своих спасителей и сказать им, что она испытывает, находясь под их защитой.

Даже дон Луис Морен, удивленный неожиданным исходом своего отважного поступка, смотрел на всех вопрошительно, как бы не понимая, что произошло.

Только вождь команчей сохранял полное спокойствие духа и ясность ума. Он понимал, что далеко еще не все кончено. Достаточно было одного слова дона Горацио, чтобы сбежались послушные ему бандиты, а в этом случае счастливый результат смелой попытки ставился под угрозу.

Не теряя ни одной минуты, Мос-хо-ке отдал приказ, и весь отряд с невероятной быстротой пронесся через деревню и бешено помчался к лесу, служившему ранчерос убежищем.

Там дон Рамон со слезами на глазах обнял молодую девушку. Он усадил ее рядом с собой около костра и заставил рассказать до мельчайших подробностей все, что произошло с момента похищения ее капитаном Горацио де Бальбоа.

Дон Энкарнасион, слушая рассказ Линды о перенесенных ею жестоких страданиях, не мог удержаться от яростных клятв отомстить дону Горацио.

Сидевшие у костра вдруг услышали резкие крики со стороны равнины.

В первую минуту все подумали, что это атака бандитов.

Но при появлении служанки, приведенной, или, вернее, принесенной в полубоморочном состоянии, все разъяснилось.

Когда бедная девушка, благодаря умелым заботам доньи Линды пришла в себя, она стала отвечать на все обращенные к ней вопросы.

Сейчас было уже поздно преследовать капитана. Удивляясь дерзости капитана де Бальбоа, все понимали в то же время, что против такого противника необходимо удвоить меры предосторожности, а не надеяться на счастливый случай.

Что касается доньи Линды, еле стоявшей на ногах от усталости и пережитых волнений, она удалилась со своей служанкой в приготовленный для нее шалаш.

Когда девушки скрылись, дон Энкарнасион и дон Луис, не сговариваясь, молча поднялись и легли у входа в шалаш, завернувшись в свои плащи.

Дон Рамон Очоа и вождь команчей остались одни у костра.

Вскоре лагерь затих; индейцы и ранчерос погрузились в глубокий сон.

Только двое мужчин, не смыкая глаз, как бдительные часовые, охраняли этот спящий лагерь.

Прошло несколько часов; дон Рамон и Мос-хо-ке не обменялись ни одним словом.

Наступил рассвет.

Горизонт стал окрашиваться в опаловый цвет.

Медленно поднялся густой туман и сгустился над Рио Хила в сероватые облака.

Вдруг, как бы из-под земли, в двух шагах от Мос-хо-ке появился воин и молча стал перед ним.

Вождь поднял голову и, устремив свой орлиный взгляд на индейца, сказал:

— Хорошо! Мой сын Антилопа возвратился! Где находятся белые, которых вождь поручил ему охранять?

— Бледнолицые слепы ночью. У них медленный шаг, — ответил воин. — Антилопа их обогнал, чтобы предупредить вождя. Они прибудут сюда немного позднее восхода солнца.

— Начальник Седая Голова с ними?

— Да. Один бледнолицый воин, который присоединился к отряду до захода солнца, сообщил ему, без сомнения, важные новости, потому что начальник Седая Голова немедленно ускорил движение вперед.

— Лошадь моего сына устала?

— Нет. Если мой отец хочет, она еще может сделать большой путь.

— Мой сын осмотрел лагерь; он должен вернуться и рассказать Седой Голове о том, что он видел.

Воин молча поклонился и тотчас исчез.

Мос-хо-ке легко коснулся руки дона Рамона, от усталости заснувшего на несколько минут.

— Что случилось? — спросил дон Рамон, открывая глаза.

— Ничего, — спокойно ответил вождь, — в лагере все в порядке. Один из воинов Мос-хо-ке известил его, что начальник Седая Голова скоро прибудет. Нет ли каких-нибудь распоряжений у моего брата по этому поводу?

— Никаких. Мне неизвестны намерения дона Хосе, поэтому я ничего не могу брать на себя. Ведь он один имеет право давать приказания, нам лучше подождать его. Я думаю только, что надо послать разведчика к развалинам — пусть он разузнает, каковы намерения капитана Бальбоа и какие предосторожности принял он в ожидании атаки.

— Мой брат дал мудрый совет. Этим разведчиком будет Мос-хо-ке.

— Вы, вождь? Мне кажется, что для этой разведки было бы достаточно одного из ваших воинов.

— Мой брат понимает, что в серьезных обстоятельствах вождь должен все видеть своими глазами. Мос-хо-ке пойдет сам.

— Хорошо. Так, конечно, будет лучше. Вчерашняя ночная разведка меня беспокоит. Капитан Бальбоа — храбрый солдат и находчивый человек, этого отрицать нельзя. Он готовит нам в этот момент какую-нибудь штуку в его духе! Тем более что он знает — пощады от нас ему не ждать!

— Хорошо! Пусть мой брат будет спокоен — вождь увидит все.

Мрак к этому моменту рассеялся. На горизонте горела утренняя заря. Несколько раз подряд раздалось грустное уханье совы.

Не прибавив больше ни слова, вождь поднялся, стянул на себе покрепче пояс, дружески попрощался с доном Рамоном, подошел к лошади, вскочил на нее и галопом помчался с лужайки.

Этот звук разбудил молодых людей. Подбежав к дону Рамону, они стали расспрашивать его о причине внезапного отъезда индейца.

Дон Рамон в нескольких словах рассказал им о том, что произошло. И только начал говорить о скором прибытии дона Хосе Морена, как вдруг послышался стук копыт, и на лужайке показался сам дон Хосе, сопровождаемый многочисленным отрядом всадников.

Друзья радостно бросились к нему навстречу.

— Где же моя дочь, сеньоры?! — дрожащим голосом воскликнул дон Хосе.

— Я здесь, отец! — раздался голос доньи Линды, и она выбежала из шалаша.

— Ты снова со мной, дитя мое! Моя дорогая дочь! — вскричал дон Хосе, соскочив с лошади и горячо обнимая Линду.

На какое-то мгновение дон Хосе забыл все свои горести.

— О! Это ты! — повторял он с неизъяснимым восторгом. — Это ты! Наконец ты со мной!

— Да, отец, благодаря этим преданным друзьям! — Она ласково показала на молодых людей, смотревших на нее с нежной улыбкой.

— Да вознаградит их Бог! — воскликнул старик, не в силах удержать слез. — Увы! Только с его помощью я смогу отблагодарить их за то, что они для меня сделали!.. Простите, сеньоры! — сказал он, обращаясь к растроганным свидетелям этой сцены. — Простите мне мою слабость, но мое дорогое дитя, мою дочь похитили, а теперь я вновь нашел ее! Ведь я думал, что она потеряна для меня навсегда! Дайте мне выплакаться, я должен излить свои чувства. Сейчас я только отец, и я прошу у вас несколько минут. Потом, клянусь вам, я снова стану воином!

Офицеры молча поклонились и ушли, чтобы отец и дочь могли свободно отдаться своей радости.

Между тем наступил день. Пылающее солнце поднялось на горизонте.

Ранчерос и индейские воины занялись чисткой лоша-

дей и приготовлением завтрака; в лагере царило крайнее оживление: все понимали, что с минуты на минуту должны произойти важнейшие события.

Во время этих приготовлений на лужайке появился вождь команчей; индеец был так же спокоен и холоден, как и до своего отъезда. Между тем его костюм был забрызган пятнами крови, и два еще дымящихся скальпа висели у его пояса.

— О! — воскликнул Энкарнасион. — Мне кажется, вождь, что вам удалось близко видеть наших врагов!

— Испанцы — псы, они не умеют беречься! — холодно ответил индеец. — Мос-хо-ке захватил врасплох двух испанских часовых.

Индеец соскочил с лошади и, отстранив рукой собравшихся вокруг него индейцев и ранчерос, отошел в сторону с двумя молодыми офицерами и доном Рамоном.

— У вас есть новости, вождь? — спросил бывший алькальд.

— Да, — лаконично ответил индеец.

— Важные?

— Да... Однако начальник Седая Голова уже давно должен быть здесь. Очень странно, что его нет

— Он прибыл более получаса назад.

— Тогда почему его нет на собрании начальников?

— Потому... — ответил дон Хосе, подходя к ним, — потому, что я — отец, и счастье вновь найти свою дочь заставило меня на несколько минут обо всем забыть. Теперь я готов вас слушать и действовать как воин.

— Начальник мудр, — сказал индеец.

И все они сели вокруг костра.

Мос-хо-ке вытащил из-за пояса трубку, набил табаком и, взяв уголек из костра, зажег ее; затем в течение нескольких минут он молча курил.

Потом Мос-хо-ке вынул трубку изо рта и предложил ее дону Рамону. От дона Рамона трубка перешла по очереди ко всем другим. Все курили, не произнося ни одного слова, пока весь табак не был сожжен. Тогда вождь вытряхнул пепел в огонь, спрятал трубку за пояс и, сложив руки на груди, стал ждать, чтобы к нему обратились.

Дон Хосе Морено, индеец по происхождению, уважал все обычаи краснокожих. Взглядом он дал понять своим друзьям, что нельзя выказывать никакого удивления, — наоборот, надо отнестись к этой церемонии очень просто.

Дон Хосе в течение нескольких минут тоже не нарушал молчания; казалось, он задумался. Затем он поднял голову и торжественно обратился к индейцу:

— Теперь, вождь, скажите, какие новости вы принесли нам об испанском капитане?

— Эти новости и хороши, и плохи, смотря по тому, как посмотрит мой отец, — поклонившись, ответил индеец. — Воины испанца рыли всю ночь рвы и окопы вокруг лагеря, в середине которого стоит Большой Дом. Человек двадцать лучших стрелков — в засаде; они спрятались на крыше за связками прутьев и за корзинами с землей. Около сорока всадников готовы к вылазке. Кроме того, у испанца есть по крайней мере месячный запас провианта и боевых припасов. Он не только не боится нашей атаки, он ее ждет. Он уверен, что сможет легко разбить ваш отряд.

— Значит, у него целая армия, — насмешливо заметил дон Хосе, — если он задумал такие смелые планы!

— Испанец потерял больше половины своих солдат во время урагана в пустыне. Но теперь у него гамбусинос — сто двадцать пять человек. Испанский капитан случайно встретил их здесь при поисках клада. Значит, у гачупинов сейчас триста воинов. Они вооружены огнестрельным оружием и умеют с ним обращаться. Испанец заключил союз с племенем ягуаров. Это воинственное и могущественное племя грозного народа апачей. Ягуары стоят лагерем в горах, в двух часах отсюда. Они придут в Большой Дом до захода солнца.

— Гм! Все это очень серьезно! — сказал дон Рамон.

— Очень серьезно, — холодно ответил дон Хосе. — Итак, это все силы, которыми располагает капитан? — спросил он у вождя.

— Да, все, — ответил тот.

Наступило молчание.

Четыре человека выжидающе смотрели на старика.

Наконец он заговорил.

— Приготовьтесь внимательно слушать то, что я вам скажу, — торжественно сказал он, — потому что от исполнения моих приказаний зависит успех нашей экспедиции!

— Говорите.

— Капитан дон Горацио де Бальбоа стоит во главе двухсот пятидесяти бандитов, гамбусинос и испанцев. Ес-

ли присоединить сюда три сотни воинов из племени ягуаров, это составит пятьсот пятьдесят человек. Нас — и белых, и краснокожих — только двести двадцать человек. Но зато мы все полны решимости и самоотверженности. Капитан же может довериться только небольшому количеству воинов. Большая часть их убежит, когда увидит, что дело становится опасным. Я понимаю, что человек восемьдесят или сто из этих висельников храбры, но только тогда, когда они надеются на богатую добычу. Сражаться во имя славы они не любят. С этими вы легко справитесь. Остаются воины-апахи. Прежде всего неизвестно, придут ли они. Если они и придут, то в последний момент, как хищники, чтобы схватить часть добычи и прикончить побежденного, кто бы он ни был. Итак, по моему, вот что нужно делать. Вы, дон Рамон Очоа, во главе шестидесяти воинов нападете на окопы с фронта. Вы завяжете с гамбусинос ружейную перестрелку и довольно длительную, чтобы они поверили в серьезность атаки. Вы, дон Луис Морен, и вы, дон Энкарнасион Ортис, каждый с двадцатью воинами, будете производить такие же ложные атаки с флангов, но не продвигаясь, однако, настолько, чтобы ввязаться в бой. Вождь оставит здесь десять своих воинов, чтобы охранять и защищать мою дочь. Сорок индейцев под водительством Антилопы будут следить за движением апачей. Шестидесять воинов под командой дона Кристобаля Нава образуют резерв, который сможет броситься туда, где только будет в этом нужда. Но помните: прежде чем вы все не увидите на крыше Большого Дома знамени независимости Мексики, не идите в наступление! А, увидев знамя, бросайтесь вперед, — и победа будет за нами!

— Но вы, дон Хосе... каковы ваши намерения? — спросил дон Энкарнасион Ортис.

— Пусть это не беспокоит вас, мой друг, — уклончиво ответил старик. — Я буду на развалинах прежде всех вас.

— А Мос-хо-ке? — спросил индеец. — Разве моему отцу Седой голове нечего приказать своему сыну?

— Вы останетесь со мной, вождь, — ответил дон Хосе, сердечно протягивая ему руку.

— Мос-хо-ке благодарит своего отца! — с радостной улыбкой ответил индеец.

— Я сохранил для вас и для себя, вождь, наиболее трудную и опасную задачу.

— Мой отец добр. Мос-хо-ке его благодарит, — повторил вождь.

— Теперь, сеньоры, — добавил дон Хосе, обращаясь к молодым людям, — за дело! Да поможет нам Бог!

Три офицера немедленно поднялись, чтобы стать во главе назначенных им отрядов.

Дон Хосе Морено и вождь команчей остались одни.

Через несколько минут краснокожие и ранчерос под командой своих начальников покинули лужайку и галопом поскакали в прерию.

И только десять воинов-команчей в полном вооружении и военной одежде стояли неподвижно, подобно бронзовым статуям, ожидая повелений дона Хосе Морено и вождя Мос-хо-ке.

Развязка

Когда лужайка опустела, дон Хосе Морено, оглянувшись вокруг, убедился, что все ранчерос уже далеко. Тогда он наклонился к уху вождя и сказал голосом слабым, как дуновение ветерка, несколько слов; потом поднялся, медленно направился к шатру и скрылся за серапе, заменившим дверь.

Мос-хо-ке знаком подозвал одного из команчей, который тотчас же приблизился и почтительно остановился перед ним.

— Пусть мои воины оставят здесь, под охраной часового, своих лошадей! — приказал Мос-хо-ке. — Они им не понадобятся.

Индеец передал этот приказ своим товарищам; все быстро спешили и привязали лошадей к стволам деревьев. Один воин с ружьем в руке остался сторожить лошадей.

Из шатра вышел дон Хосе.

Глаза старика были влажны, лицо бледно. Он только что простился со своей дочерью. Донья Линда, не выдержав, выбежала вслед за ним из шатра и, зарывав, бросилась опять в его объятия.

Дон Хосе Морено, поддавшись чувству отцовской любви, прижал дочь к груди; но через мгновение ласково отстранил ее и сказал задрожавшим от волнения голосом:

— Мужайтесь, дитя мое! Бог видит мои мысли! Молитесь обо мне, он услышит вашу молитву!

В этот момент воздух огласился ружейными выстрелами.

Битва между ранчерос и гамбусинос началась.

Дон Хосе быстро подошел к вождю команчей и тихо сказал ему:

— Вождь, наступил час, когда я должен вам все сказать. Выслушайте меня: я удержал вас подле себя, потому что люблю вас, хочу доказать мое доверие и вознаградить вас за искреннюю преданность моей семье. Я посвящу вас в тайну, известную лишь мне одному.

Мос-хо-ке не сказал ни слова; на его лице, всегда спокойном, отразилось необычайное волнение; нервная дрожь потрясла его, две слезы медленно скатились по щекам.

— Во имя неба, что с вами, вождь?! — вскричал дон Хосе Морено. Он был удивлен и даже испуган, увидев Мос-хо-ке, всегда спокойного и хладнокровного, в таком взволнованном состоянии.

— Мос-хо-ке видит... — ответил индеец задышающим-ся голосом, преклонив колено и целуя руку старика, — Мос-хо-ке видит, что его отец Седая Голова — настоящий потомок сыновей Солнца! Слова, которые он произнес, для Мос-хо-ке — самая большая награда за его преданность! А теперь пусть отец мой выслушает одно признание.

— Говорите, вождь. Что вы хотите сказать?

— Тайну, которую отец мой считает никому не известной, знает еще один человек.

— Это правда? — побледнев, вскричал старик. — А вы знаете этого человека?

— Да, вождь его знает, отец мой! Этот человек — Мос-хо-ке!

— Вы! — с нескрываемой радостью вскричал дон Хосе.

— Эта тайна сохранена в вампуме*, и вожди племени владели ею поочередно. Но пусть мой отец успокоится: он найдет сокровище неприкосновенным. Команчи знают, что оно не принадлежит им, что оно только доверено им. Они бережно охраняли его.

— Вождь, вы мудрый человек и верный друг! Вот вам моя рука! Вы не только мой друг, вы мой брат! А теперь пойдем, мы не можем терять ни минуты.

— Куда хочет направиться мой отец?

— К озеру дель Лагарто, в подземелье, которое так давно таит сокровище императоров инков.

— Мос-хо-ке идет вслед за отцом.

---

* Вампум (инд.) — ожерелья, пояса и различные украшения из раковин и бус. Индейцы пользуются ими в качестве писем.

И они быстро удалились в сопровождении девяти воинов-команчей.

С равнины непрерывно доносилась ружейная пальба; время от времени к ней примешивались крики страдания и гнева.

— Вождь, — сказал дон Хосе, — я предоставлю вам честь быть нашим проводником.

Довольная улыбка промелькнула на строгом лице вождя; вместо ответа он стал во главе группы.

Оставив за собой лужайку, они пошли по индейскому способу, то есть гуськом, и, став спиной к саванне, повернули направо. Они углубились в часть леса, такую густую, что могли продвигаться, и то с большими трудностями, только при помощи топоров и ножей.

Внезапно перед ними возникла громадная расщелина — два километра в длину и триста метров в ширину; в глубине ее была видна гниющая зеленая вода, на поверхности которой, греясь на солнце, плавали безобразные кайманы, похожие на высохшие стволы деревьев.

Это и было озеро дель Лагарто, или Кайман.

Индейцы довольно долго шли по берегу озера вслед за вождем. Уверенность и быстрота, с которой подвигался вперед Мос-хо-ке, показывали, что эти пустынные края ему хорошо знакомы.

Все индейцы и даже дон Хосе Морено были вооружены длинными гибкими прутьями. Ими они обшаривали кусты вокруг себя и убивали злобно шипящих змей, поминутно выскакивающих из чащи, служившей им пристанищем.

Приблизительно через полчаса они дошли до пригорка, покрытого густой травой, с несколькими мощными деревьями.

— Вот и теокали^{*}, — сказал дон Хосе.

— Да, — ответил вождь.

Мос-хо-ке наклонился и быстро нашел почти невидимую пружину, нажал ее — огромный камень бесшумно повернулся кругом и раскрыл вход в подземелье.

По знаку вождя индейцы без колебания вошли в зияющее отверстие, потом вождь привел в действие внутреннюю пружину, и камень стал на свое место.

Подземелье шло слегка отлого вглубь на громадное

---

^{*} Теокали — постройка древних мексиканцев.

расстояние под землей; оно было настолько широко, что шесть человек могли шагать в ряд, и настолько высоко, что везде можно было стоять во весь рост; искусно расположенные отверстия давали возможность воздуху и свету проникать в подземелье.

Снова впереди стали Мос-хо-ке и дон Хосе, и все пошло тем ускоренным шагом, каким обычно ходят краснокожие и с которым трудно соперничать идущей рысью лошади.

Через пятнадцать минут этого быстрого хода они вошли в большую круглую комнату, вдоль стен которой стояло шестнадцать сундуков. Они были из красного дерева; это род дерева, которое даже время, этот великий разрушитель всего существующего, оставляет нетленным.

Вождь остановился и стал поднимать одну за другой крышки сундуков. Дон Хосе Морено увидел, что каждый из них доверху наполнен бледно-желтой пылью, тусклой и землистой, напоминающей высохшую размельченную смолу гуммигутового дерева.

Это было золото.

Его было не менее чем на шестьдесят миллионов пиастров, то есть приблизительно на триста миллионов франков.

Дон Хосе и индейцы равнодушно смотрели на этот металл, хотя он обладает гибельным могуществом сводить с ума даже очень мудрых людей.

Несколько минут дон Хосе Морено стоял, скрестив на груди руки и пристально глядя на лежащие перед ним огромные богатства, слабо блестящие в сумерках подземелья. Потом он снял шляпу и низко поклонился воинам-команчам.

— Благодарю вас, братья мои! — сказал он. — Благодарю за непоколебимую верность, с которой в течение столетий ваши отцы хранили сокровища императоров инков! Настал наконец тот день, о котором говорил последний из сыновей Солнца! Эта масса золота, лежавшая во тьме, даст свободу расе, так долго бывшей под игом победителей. Господство наших тиранов окончено! Благодаря вашей преданности родине тираны будут навсегда изгнаны с этой земли, на которой в течение трех веков проливалась, как вода, кровь наших отцов! Слава вам, вождь Мос-хо-ке и воины-команчи! Когда все рушилось вокруг вас, когда наша национальность не существовала более,

когда наша раса была под угрозой полного уничтожения, вы верили в предсказания ваших отцов и не теряли надежду возродить нашу родину!

— Ваша милость, — с достоинством ответил вождь, — команчи — потомки инков, они сыновья Кактуса и Грифа. Разве они могут отречься от своего происхождения?

— Это верно. Команчи — благородный и великий народ! Им одним будет принадлежать честь освобождения нашей родины.

Дон Хосе взял на ладонь несколько зерен золота, посмотрел на них с выражением горькой печали и выпустил их. Они проскользнули между пальцами и упали в сундук.

— Пути Господни неисповедимы! — со слезами в голосе прошептал он. — Ведь именно для того, чтобы завладеть этим металлом, тираны давили нас своим неумолимым игом, избивали, как диких зверей. И этот же самый металл, которого они так хищно добивались, каждая частица которого запятнана кровью, будет причиной их гибели!

— Так хотел Ваконда — он справедлив, — глухо ответил вождь. — Это страшный закон возмездия.

На несколько минут воцарилось молчание; наконец дон Хосе поднял голову и решительно сказал неподвижно стоящему подле него Мос-хо-ке:

— Мы должны идти. Нас призывает другая забота.

Вождь небрежно опустил крышку сундука, и смелые исследователи вышли из круглой комнаты.

Подземелье, которое до сих пор опускалось отлого по бесконечным извилинам и поворотам, вдруг приняло другое направление и стало подниматься к поверхности земли.

Галереи скрещивались, переплетались; однако вождь нигде не останавливался и не замедлял шага. Можно было подумать, что невидимая нить ведет его через лабиринт, безвыходный для любого другого.

Шум сражения отчетливо доносился до слуха индейцев и дона Хосе Морено. Над головой у них раздавался страшный грохот мчавшихся галопом лошадей, крики и оружейные выстрелы.

Внезапно Мос-хо-ке остановился. Дону Хосе показалось, что они подошли к концу подземелья и выхода из него нет. Но индеец наклонился, соскреб своим ножом

землю с выступавшего в виде бугорка камня и сильно надавил на него каблуком; стена над камнем, сделав полный поворот, открыла широкий проход; теперь все они очутились в небольшом, низком и сыром подвале.

Мос-хо-ке открыл источенную червями дверь. Вся группа, неожиданно для нее, вошла в ту комнату, где происходила сцена, рассказанная нами в одной из предыдущих глав.

В комнате царил страшный беспорядок, и она была пуста.

Дон Хосе Морено и Мос-хо-ке, тихо обменявшись несколькими словами, расстались.

Мос-хо-ке, взяв с собой двух воинов, спрятался в засаду позади двери, ведущей в соседнюю комнату.

Дон Хосе Морено, в сопровождении остальных индейцев, пройдя через всю комнату, взобрался по приставленной лестнице и неожиданно появился на асоте*, где человек двенадцать гамбусинос, стоя на коленях за бруствером, яростно стреляли в ранчерос.

Ударом ноги Дон Хосе Морено отбросил лестницу в комнату и, став во главе индейцев, с боевым криком бросился на гамбусинос.

Внезапно атакованные с тыла, впавшие в ужас при виде чудом появившихся новых врагов, гамбусинос сдались почти без сопротивления.

Дон Хосе Морено, став на краю крыши, развернул хранившееся у него за поясом мексиканское знамя, привязал его к своему ружью и поднял вверх.

При виде флага ранчерос и команчи, нетерпеливо ожидавшие этого сигнала, в могучем порыве бросились на укрепления, желая ворваться со всех сторон одновременно.

Тогда началась настоящая битва.

Дон Горацио де Бальбоа с момента атаки все время находился рядом со своими солдатами, подавая им пример мужества. Внезапно он заметил, что ружейный огонь с крыши прекратился. Заподозрив измену, он побежал в дом. Но не успел он переступить порог двери, как три человека разом набросились на него.

Капитан обладал богатырской силой, поэтому, захваченный врасплох, он стал отчаянно защищаться. Было

---

* Асотея (исп.) — плоская крыша.

мгновение, когда ему показалось, что он может считать себя победителем.

Ударом шпаги убив одного индейца, почти задушив второго, он набросился на Мос-хо-ке. В борьбе они оба упали на землю. И тут капитан внезапно почувствовал, что кто-то отрывает его от Мос-хо-ке и валит на пол.

Это был второй индеец, почти удушенный капитаном; придя немного в себя, он яростно бросился на дона Гора-цио.

Мос-хо-ке поднялся и поспешил на помощь индейцу. После долгой борьбы им удалось вдвоем преодолеть отчаянное сопротивление испанца и связать ему ноги и руки.

Наконец тигр был укрощен.

Мос-хо-ке с помощью воина поднял по приставной лестнице пленника на асотею.

В это время ранчерос и краснокожие воины, на помощь которым пришел резерв дона Кристобаля Нава, энергично штурмовали укрепления. В нескольких местах им даже удалось вскарабкаться на стены и вторгнуться внутрь дома. К тому же непонятное отсутствие капитана в момент самой ожесточенной битвы нанесло роковой удар защищавшимся гамбусинос.

Увидев развевающееся мексиканское знамя, гамбусинос — мексиканцы по происхождению и патриоты в душе — почувствовали, что их мужество ослабевает. Соединившись вместе и единодушно подняв свое оружие, с криками: «Да здравствует родина!» — они примкнули к ранчерос, став против своих прежних соратников — солдат капитана.

Испанские солдаты, в большинстве своем бандиты, отверженные людьми, понимали, что они не могут надеяться на милость своих противников. Поэтому они стали драться с еще большей силой не для того, чтобы победить, — они знали, что сражение уже проиграно, — но чтобы продать свою жизнь за дорогую цену.

Национальная ненависть еще яростнее разжигала гнев сражающихся, делая битву ужасной, обращая ее в бойню, в резню...

Упавший человек не успевал подняться — его тут же безжалостно добивали.

Воины-апачи показались на опушке саванны, но, как и предвидел дон Хосе Морено, они сразу поняли, что вторжение для них невыгодно; промчавшись во весь дух по

равнине, они исчезли в лесу, даже не попытавшись принести помощь своим союзникам.

В это же время сражавшиеся солдаты дона Горацио увидели на асоте своего начальника, взятого в плен мексиканцами, связанного по рукам и ногам.

Оружие выпало из их рук, они стали умолять о пощаде своих противников.

Последние, упоенные битвой, оставались глухи к их мольбам и перебили всех до одного. Больше сражаться было не с кем, живым остался только один капитан.

По окончании битвы дон Хосе Морено разрешил гамбусинос уйти. Они искупили свою вину, отделившись от испанцев и помогая ранчерос победить. Отпущенные на свободу, гамбусинос исчезли в направлении Рио Браво.

Тогда, согласно страшному закону возмездия, существующему в пустыне, в Большом Доме Монтесумы собрался совет для суда над доном Горацио де Бальбоа.

В совете участвовали: дон Хосе Морено как председатель совета, дон Энкарнасион Ортис, дон Луис Морен, Дон Рамон Очоа, дон Кристоаль Нава, вождь Мос-хо-ке и вождь Антилопа.

С капитана сняли веревки. Под охраной двух ранчерос он подошел к судьям.

В тот момент, когда дон Хосе Морено хотел начать допрос, дверь открылась и появилась донья Линда.

Ее приход изумил всех присутствующих.

Молодая девушка приблизилась к трибуналу и, дрожа от волнения, обратилась к отцу:

— Отец мой, я пришла просить вас об этом человеке! Вы не можете быть судьей в деле, которое так близко касается вас. Я верю, что ваше сердце слишком великодушно, чтобы вы решили мстить за личную обиду. Перед вами офицер короля. Он в ваших руках, вы его победили. Прошу вас, смотрите на него не как на преступника, а как на несчастного противника! Предоставьте Богу наказывать его!

— Дочь моя... — сурово начал дон Хосе.

Но капитан жестом прервал его.

С той секунды, когда дон Горацио осознал себя пленником, он почувствовал, что в нем происходит нечто совершенно новое для него. Нельзя сказать, чтобы он стал менее мужественным или что он ощутил страх смерти. Нет, наоборот! Но испытанное им поражение, гибель всех

надежд и мечтаний, с которыми он так сжился, сломили энергию этого могучего организма. Он понял ужас совершенных им преступлений для достижения цели, ускользнувшей от него навсегда. Понял свою чудовищную неблагодарность по отношению к человеку, которому был всем обязан. Он признал справедливость обрушившихся на него ужасных ударов! Сейчас смерть ему казалась искуплением, он хотел умереть.

— Сеньоры, — с достоинством сказал он, — я благодарю вас за то, что вы не откладываете суда надо мной! Каков бы ни был ваш приговор, я признаю его заранее справедливым, потому что вы являетесь орудием божьей мести. Это не вы меня караете, а Бог!

Обернувшись к донье Линде, он почтительно поклонился ей и сказал:

— Сеньорита, ваши слова — мой смертный приговор. Человек, который виновен в таком преступлении, какое я совершил против вас, недостоин жить! Простите меня! Да благословит вас Бог!

И прежде чем могли угадать его намерение и помешать ему, он быстрым движением выхватил кинжал у ранчero, вонзил себе в грудь и мертвый упал к ногам доньи Линды.

Он сам себе вынес смертный приговор.

* * *

Через два месяца после этих событий шестьдесят миллионов пиастров в золоте были внесены доном Хосе Морено в кассу мексиканского конгресса. Через восемь дней полковник Итурбиде, до этих пор один из самых ожесточенных противников мексиканской революции, поднял против Испании знамя независимости и утвердил окончательную победу мексиканцев по Игуальскому договору.

Сбылось предсмертное предсказание императора инков: благодаря его сокровищам испанцы были изгнаны из страны, которую они так тяжело угнетали в продолжение трех столетий.

В тот день, когда генерал Итурбиде вступал в Мехико,

---

* Августин де Итурбиде (1783—1824) из корыстных и честолюбивых целей помог борцам за независимость Мексики (1819), добился провозглашения его императором (1821). Когда конгресс убедился в реакционных намерениях Итурбиде, последний был расстрелян в 1824 году.

будущую столицу республики, праздновали свадьбу доньи Линды и дон Энкарнасиона Ортиса.

Дон Луис Морен, дон Рамон и дон Кристобаль Нава были свидетелями при заключении брачного договора.

Мос-хо-ке присутствовал при свадебной церемонии рядом с доном Хосе Морено, который в один и тот же день отпраздновал победу родины и счастье дочери.

Выйдя из церкви, дон Луис стал прощаться с друзьями.

Напрасно они пытались его удержать подле себя: все их уговоры терпели неудачу.

— Но что же вы хотите делать, наконец? — спросил Энкарнасион, — Куда вы уезжаете?

— Мой дорогой Энкарнасион, — с обаятельной улыбкой ответил дон Луис, — Мексика свободна, вы счастливы, не правда ли?

— Конечно! — воскликнул Энкарнасион.

— А я — нет, признаюсь в этом. С тех пор как я увидел пустыню, вдохнул в себя запах саванн, жизнь в городе давит меня, а цивилизация утомляет.

— Вы безумец!

— Нет, я мудр. По крайней мере, я так считаю.

— Итак, вы хотите...

— Я хочу, — перебил дон Луис, — пожить теперь для себя, после того как я столько времени жил для других. Мина умер, вы женаты, я остался один. Наш друг Мос-хо-ке сегодня же вечером возвращается в прерии. Я предложил сопровождать его. Мы отправимся вместе. Мы будем говорить о вас, мой друг. Кроме того, я оставляю вам мое сердце, вы для меня — все, что я люблю. Если когда-нибудь я вам понадобится, вы меня немедленно увидите подле себя. Не старайтесь меня удерживать — это бесполезно: мое решение принято окончательно.

В тот же день дон Луис Морен покинул Мексику и отправился в прерии с Мос-хо-ке, великим вождем команчей.

Быть может, когда-нибудь мы его снова встретим в пустыне!..

КОНЕЦ

СОДЕРЖАНИЕ

САКРАМЕНТА

ГЛАВА I	
Нсдоразумение	7
ГЛАВА II	
Договор	17
ГЛАВА III	
Дядя и племянник	26
ГЛАВА IV	
Дон Ремиго Диас	36
ГЛАВА V	
Праздник в Медельене	48
ГЛАВА VI	
Ла петенера	54
ГЛАВА VII	
Путешествие	64
ГЛАВА VIII	
Сальтеадоры	73
ГЛАВА IX	
Мехико	82
ГЛАВА X	
Велорио	90
ГЛАВА XI	
Встреча	99
ГЛАВА XII	
Заговор	110
ГЛАВА XIII	
После представления «Нормы»	120
ГЛАВА XIV	
Отъезд	129
ГЛАВА XV	
Пустыня	138
ГЛАВА XVI	
Начало кампании	148

ГЛАВА XVII	
Красные Бизоны	157
ГЛАВА XVIII	
Сакрамент	166
ГЛАВА XIX	
Неожиданная встреча	173
ГЛАВА XX	
По следам	181
ГЛАВА XXI	
Лагерь	189
ГЛАВА XXII	
Приступ	196

ГАМБУСИНО

ГЛАВА I	
Мексика с птичьего полета	207
ГЛАВА II	
Студент-богослов	218
ГЛАВА III	
Энкарнасион Ортис	228
ГЛАВА IV	
Донья Линда	237
ГЛАВА V	
Экспедиция	246
ГЛАВА VI	
Как заряжается мина	252
ГЛАВА VII	
Проповедь в Пасо-дель-Норте	260
ГЛАВА VIII	
Неожиданное нападение	270
ГЛАВА IX	
Квадрилья	279
ГЛАВА X	
Гонец	285
ГЛАВА XI	
Столкновение	294
ГЛАВА XII	
Охо-Люсеро	305
ГЛАВА XIII	
Мос-хо-ке	314
ГЛАВА XIV	
Лагерь	323
ГЛАВА XV	
Команчи	330
ГЛАВА XVI	
Пленница	341

ГЛАВА XVII	
Переход в прерии	350
ГЛАВА XVIII	
Развалины на Рио Хила	361
ГЛАВА XIX	
Гостеприимство	368
ГЛАВА XX	
Вождь	377
ГЛАВА XXI	
Рекогносцировка	385
ГЛАВА XXII	
Совет	393
ГЛАВА XXIII	
Развязка	401

Г. Эмар

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том 16

Редактор *Э. Пономарева*

Корректоры *Ю. Диамент, А. Ключикова, Ю. Черникова*

Компьютерная верстка *А. Диамента, А. Мынко*

ЛР №030129 от 02.10.91 г. Подписано в печать 21.07.94.
Формат 84 x 108 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.печ.л.21,84. Уч.-изд. л. 23,8.
Тираж 30000 экз. Заказ 1209.

Издательский центр «ТЕРРА». 109280,
Москва, Автозаводская, 10, а/я 73.

Отпечатано с оригинал-макета в АООТ «Ярославский полиграф-
комбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

